

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 4

МОСКВА
2025

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы выпуска:

Е. В. Кашкин, канд. филол. наук (Москва, Россия);

И. А. Хомченкова (Москва, Россия)

Редакционный совет:

А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанини, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гиппиус, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

Я. Какридис, Dr. habil., профессор (Берн, Швейцария);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, доктор филол. наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плунгян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2025

© Авторы, 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 4

MOSCOW
2025

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Chief editors of the issue

Egor V. Kashkin, Ph. D. (Moscow, Russia);

Irina A. Khomchenkova (Moscow, Russia)

Editorial Board

Aleksandr E. Anikin, D. Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);

Yury D. Apresyan, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Václav Čermák, Ph. D., Professor (Prague, Czech Republic);

Michael S. Flier, Ph. D., Professor (Cambridge, USA);

Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);

Alexey A. Gippius, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Yannis Kakridis, D. Sc., Professor (Bern, Switzerland);

Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Alexandr P. Mayorov, D. Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);

Olga Mladenova, Ph. D., Professor (Calgary, Canada);

Tore Nasset, D. Sc., Professor (Tromsø, Norway);

Vladimir A. Plungian, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);

Alexey D. Shmelev, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Fjodor B. Uspensky, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Cynthia M. Vakareliyska, Ph. D., Professor (Oregon, USA);

Zhanna Zh. Varbot, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Björn Wiemer, D. Sc., Professor (Mainz, Germany);

Olga T. Yokoyama, Ph. D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA)

Executive secretary

Alexandra E. Zhuravleva

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass-Media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-76037

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....	9
<i>В. Вардиц</i> (Кёльн)	
К типологии постимперских заимствований: русизмы в латышском сленге	10
<i>Р. А. Верняева, Е. А. Жданова</i> (Ижевск)	
Признаки финно-угорского влияния в речи русскоязычных жителей села Карсовой	
Балезинского района Удмуртии.....	32
<i>М.-Э. А. Винклер, Е. В. Кашкин</i> (Москва)	
Семантическое развитие лексем ‘чистый’ / ‘чисто’ в финно-угорских языках	
в сопоставлении с данными русского языка.....	56
<i>Е. В. Кашкин</i> (Москва)	
Проблема заимствования модели в лексической семантике:	
некоторые эмпирические наблюдения	84
<i>Е. Л. Клячко</i> (Москва)	
Контактные явления в документах советов Дальневосточного края	
(1920-е — 1930-е гг.).....	106
<i>А. И. Крюкова</i> (Москва)	
Два, один или полглаза? Об обозначении парных объектов	
в татышлинском удмуртском.....	136
<i>С. А. Оскольская</i> (Санкт-Петербург), <i>Н. М. Стойнова</i> (Гамбург)	
В поисках контактов между близкородственными языками:	
глагольный показатель движения с целью в горинском нанайском	155
<i>А. В. Тер-Аванесова</i> (Москва)	
Фонологические явления контактного происхождения	
в русских говорах Заонежья (заонежское ляпанье)	179
<i>А. Ю. Урманчиева</i> (Санкт-Петербург)	
Заимствование местоимения <i>весь</i> и союзов <i>или, али</i> в селькупские диалекты.....	213
<i>И. А. Хомченкова</i> (Москва)	
Нестандартное употребление предложных групп в русской речи	
носителей северно-самодийских языков.....	242
<i>А. В. Яковлева</i> (Москва)	
Опущение предлогов в русской речи марийских и бесермянских билингвов:	
исследование на основе устных корпусов	264
<i>Donna Fenton</i> (Ottawa)	
Suffixation of Recent Borrowings in Sakha: An Investigation of Vowel Harmony	286
<i>Lenore A. Grenoble</i> (Chicago, Yakutsk)	
Contact, Shift & The Life of a Language.....	304

CONTENTS

От редакторов.....	9
<i>V. Warditz</i> (Köln)	
Towards a Typology of (Post)Imperial Borrowings: Russianisms in Latvian Slang.....	10
<i>R. A. Vernyaeva, E. A. Zhdanova</i> (Izhevsk)	
The Influence of Finno-Ugric Languages of the Permic Group on the Russian Dialects of Udmurtia (Based on the Example of the Village of Karsovay, Balezinsky District)	32
<i>M.-E. A. Winkler, E. V. Kashkin</i> (Moscow)	
Semantic Development of Terms for ‘Clean’ / ‘Pure’ in Some Finno-Ugric Languages in Comparison to Russian.....	56
<i>E. V. Kashkin</i> (Moscow)	
Pattern Borrowing in Lexical Semantics: Some Empirical Observations.....	84
<i>E. Klyachko</i> (Moscow)	
Contact-Induced Phenomena in the Soviet Documents From the Far Eastern Krai (1920s—1930s)	106
<i>A. I. Kriukova</i> (Moscow)	
Two, One, or Half an Eye? About the Naming of Paired Objects in Tatyshly Udmurt.....	136
<i>S. A. Oskolskaya</i> (St. Petersburg), <i>N. M. Stoynova</i> (Hamburg)	
Searching for Contacts between Closely Related Languages: A Verbal Marker of Associated Motion in Gorin Nanai.....	155
<i>A. V. Ter-Avanesova</i> (Moscow)	
Phonological Phenomena of Contact Origin in the Russian Onego Dialects.....	179
<i>A. Yu. Urmanchieva</i> (St. Petersburg)	
Borrowing of the Russian Pronoun <i>ves</i> ‘all’ and Conjunctions <i>ili, ali</i> ‘or’ into Selkup Dialects.....	213
<i>I. A. Khomchenkova</i> (Moscow)	
Non-Standard Use of Prepositional Phrases in the Russian Speech of Northern Samoyedic Speakers.....	242
<i>A. V. Yakovleva</i> (Moscow)	
Preposition Drop in Mari and Beserman Russian Bilinguals: A Corpus-Based Study	264
<i>D. Fenton</i> (Ottawa)	
Suffixation of Recent Borrowings in Sakha: An Investigation of Vowel Harmony	286
<i>L. A. Grenoble</i> (Chicago, Yakutsk)	
Contact, Shift & The Life of a Language.....	304

От редакторов

В основу большинства статей настоящего выпуска положены доклады, сделанные на III конференции «Языки России в контакте с русским языком», которая прошла 15–16 сентября 2023 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Конференция проводится регулярно с 2018 г. Материалы I Конференции также опубликованы в «Трудах Института русского языка им. В. В. Виноградова» (№ 4, 2020).

Статьи настоящего тома преимущественно посвящены языковым явлениям, возникающим при контактах русского языка на территории России с различными языками уральской семьи (статьи Р. А. Верняевой и Е. А. Ждановой, М.-Э. А. Винклер и Е. В. Кашкина, А. И. Крюковой, А. В. Тер-Аванесовой, И. А. Хомченковой, А. Ю. Урманчиевой, А. В. Яковлевой). Также освещены особенности взаимодействия русского языка с некоторыми тунгусо-маньчжурскими (статьи Л. Гренобль, Е. Л. Клячко) и тюркскими (статья Д. Фентон) языками. Статья В. Вардиц посвящена контактам русского и латышского языков в Латвийской Республике. В зависимости от задач конкретного исследования в фокус попадают особенности контактного варианта русского языка либо черты других языков, сформировавшиеся под русским влиянием. Новым направлением конференции 2023 г. стало обсуждение ареального взаимодействия между автохтонными языками России, образующего важное дополнительное измерение во многих контактных ситуациях. Эта проблематика анализируется в статье С. А. Оскольской и Н. М. Стойновой на тунгусо-маньчжурском материале.

Круг теоретических проблем, которым уделяется внимание в статьях этого выпуска, достаточно широк. Это контактно обусловленные фонетические, фонологические и морфонологические особенности (статьи А. В. Тер-Аванесовой, Д. Фентон), особенности грамматических конструкций (употребление предложных групп — статьи И. А. Хомченковой, А. В. Яковлевой, устройство конструкций квантификации — статьи М.-Э. А. Винклер и Е. В. Кашкина, А. И. Крюковой, А. Ю. Урманчиевой, кодирование движения с целью — исследование С. А. Оскольской и Н. М. Стойновой), контактные феномены в области лексики (статьи В. Вардиц, Е. В. Кашкина). В части статей подробно рассматривается сразу несколько из перечисленных и близких к ним сюжетов (работы Л. Гренобль, Р. А. Верняевой и Е. А. Ждановой, Е. Л. Клячко). Многие из работ содержат и дискуссию по более общим теоретическим вопросам ареальной лингвистики.

Мы благодарим за сотрудничество всех авторов, других участников и гостей конференции, а также анонимных рецензентов статей.

Редакторы

Владислава Вардиц
Кёльнский университет (Universität zu Köln)
 (ФРГ, Кёльн)
 vwarditz@uni-koeln.de

К ТИПОЛОГИИ ПОСТИМПЕРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ: РУСИЗМЫ В ЛАТЫШСКОМ СЛЕНГЕ¹

Языки (бывшего) СССР в контакте с русским языком представляют собой частный случай (пост)имперских и — шире — (пост)колониальных языковых ситуаций. В статье рассмотрена одна из проекций языковой ситуации в (пост)советской Латвии, а именно — динамика развития латышского сленга, активно оперирующего русизмами и в новых геополитических координатах. Социолингвистический дрейф русизмов в латышском языке, т. е. направление межъязыкового трансфера (например, стандарт ~ субстандарт или субстандарт ~ субстандарт), оказывается тесно связанным с изменением статуса обоих языков в постсоветский период: русского как языка упраздненной имперской власти и латышского как нового государственного языка. На материале *Словаря латышского сленга* (2006) в статье показаны корреляции хронологических, социолингвистических и семантических траекторий русизмов в латышском языке.

Анализ материала подтвердил предложенные гипотезы: 1) Статус и престиж языка-донора определяет как доминирующую страту-источник, так и целевую страту заимствования в языке-реципиенте при межъязыковом трансфере в ситуации (пост)имперского двуязычия; 2) При изменении статуса и престижа языка-донора меняется как набор страт-источников заимствований в языке-доноре, так и направление их трансфера в язык-реципиент. Причины лексического трансфера в постимперской языковой ситуации в силу ее динамики оказываются более сложными, нежели в имперских ситуациях. В статье выделены как специфические факторы, определяющие межъязыковой трансфер с участием русского языка-донора на постсоветском пространстве, так и факторы, сближающие судьбу русского языка с другими постколониальными языками. Представляется, что проведенное исследование интересно для изучения судьбы русизмов в других ситуациях контакта русского языка с языками бывшего СССР, а также для общей типологии постимперских языковых ситуаций.

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный в рамках Балканских чтений в Институте славяноведения РАН, Москва, в феврале 2019 г. [Вардиц 2019].

Ключевые слова: (пост)имперское латышско-русское двуязычие, русский язык на территории (бывшего) СССР, межъязыковой трансфер, социолингвистический дрейф, русизмы

1. Введение: постимперское двуязычие и межъязыковой трансфер

Типология заимствований в языках мира объясняет механизмы межъязыкового трансфера с учётом не только грамматических, но и социальных факторов, таких как престиж языка-донора или пуристические установки языкового сообщества [Haspelmath 2009: 38; Myers-Scotton 2006: 215; Thomason, Kaufman 1988: 74]. Сквозь призму этих факторов в статье рассмотрена динамика лексических заимствований² из русского языка в латышский сленг, которая может быть обозначена как частный случай **языкового дрейфа** [Sapir 1921], т. е. как изменение направления межъязыкового трансфера, приводящее к языковому сдвигу.

Языковая ситуация советской vs постсоветской Латвии представляет собой пример имперского vs постимперского двуязычия. Имперское двуязычие изначально характеризуется неравноправным функционированием привнесённого извне языка власти (в нашем случае — русского) и автохтонных языков (в нашем случае — латышского). Вследствие этого язык власти, т. е. язык «чужих» обретает социальный и коммуникативный престиж, в то время как язык «своих» постепенно утрачивает прагматическую ценность³, ср. функционирование турецкого и болгарского в Болгарии под властью Османской империи, немецкого и польского после третьего раздела Речи Посполитой или (с учётом широкой палитры нюансов) языков народов СССР. Постимперские ситуации характеризуются, в свою очередь, тем, что стандартный вариант языка «чужих» замещается в новых геополитических условиях стандартным языком «своих», утрачивая вместе с властным статусом и широту сферы бытования, и былой социальный престиж.

Подобные процессы обычно сопровождаются мероприятиями языковой политики и пуристическими установками в отношении языка упразднённой власти. Так, наблюдения над турецко-болгарским двуязычием после освобождения Болгарии от османского ига в 1878 г. [Leschber 2007, 2014] и над немецко-польским двуязычием после восстановления независимости Польши в 1918 г. [Biaduń-Grabarek 2013; Dreschel 1996] показали, что если вытеснение заимствований из языка упразднённой власти в официальной сфере регулируется государственными инстанциями, то в некодифицированных стратах функцию вытеснения заимствований

² Лексическое заимствование понимается нами как слово, вошедшее в определённый момент в лексикон языка-реципиента в результате языкового трансфера или калькирования [Haspelmath 2009: 36]; при этом различается, с одной стороны, трансфер лексических элементов (material borrowing), и трансфер синтаксических, морфологических и семантических паттернов (structural borrowing), — с другой [Haspelmath 2009: 36], см. также типологию заимствований в [Gardani 2020].

³ Обоснование идеи символической и прагматической ценности языков, восходящей к трудам Пьера Бурдьё [Bourdieu 1991], в контексте колониальной лингвистики, см. в [De Kadt 1991, 1993, 1996].

принимают на себя носители языка. Таким образом, «дрейф языка осуществляется через неконтролируемый говорящими отбор тех индивидуальных отклонений, которые соответствуют какому-то предопределённому направлению» [Sapir 1921: 155]. Язык «чужих» меняет статус *lingua franca* и языка власти на язык непрестижного этнокультурного меньшинства и по аналогии с языками других стигматизированных меньшинств, например романи или идишем [Miklosich 1876; Kluge 1901; Jagić 1895; Ягич 1910], становится источником экспрессивных заимствований в некодифицированной сфере. Так, турецкое *ferman* ‘указ султана’ превращается в болгарском молодежном жаргоне в *ферман* ‘трудный для понимания письменный текст’ [Leschber 2007, 2014]; полонизированные элементы немецкого бюрократического языка, например, *ancajgowac* (от нем. *anzeigen*, здесь ‘подавать иск’), *anunk* (от нем. *Ahnung* ‘понятие’), *ferlezować* (от нем. *vorlesen* ‘читать вслух’) перемещаются в польские некодифицированные страты еще до восстановления Польской Республики в 1918 г. [Biaduń-Grabarek 2013; Dreschel 1996].

Примеры социолингвистического дрейфа немецких заимствований обнаруживаются и в латышском языке XIX века. Вспомним один из симптоматичных парадоксов языковой политики Российской империи и, как следствие, лингвистической реакции языкового меньшинства. Стремясь подорвать административный диктат немецкого языка после 1881 г., имперская политика не только последовательно перевела делопроизводство в Лифляндии на русский язык, но и поддержала развитие школьного образования на латышском языке, постепенно вводя русский язык в сфере высшего образования. В свою очередь, очищая латышский язык от немецких заимствований, латышские реформаторы-младограмматики создавали слова и термины с ориентацией на русский, а не на немецкий язык [Дини 2002: 372; Кошкин 2018]⁴. Будучи вытесненным из административной сферы, немецкий язык закрепился на периферии латышской разговорной речи в виде экспрессивных или социально маркированных заимствований⁵. Словарь латышского сленга [Bušs, Ernstsone 2006] приводит в таком качестве, например, *lustīgs, lustīgi, lustīgums* ‘радостный, радостно, радость’, от немецкого *lustig* с более широким значением ‘1а. наполненный буйной, беззаботной весёлостью; доставляющий удовольствие; весёлый, бодрый, жизнерадостный, буйный: *весёлый человек, парень*, 1б. вызывающий веселье; развлекающий в юмористической манере; комичный: *смешные идеи, истории, розыгрыши*’ [Oxford Languages].

Социолингвистический дрейф русизмов в латышском субстандарте постсоветского периода не менее примечателен. Геополитический сдвиг (распад СССР и провозглашение независимой Латвии в 1991 г.), повлекший за собой и радикальное

⁴ В этой связи было бы интересно исследовать латышский язык науки, в частности, на материале терминологических и технических словарей, созданных Академией наук Латвийской ССР в 1958–1989 гг.

⁵ Несмотря на нормализаторские усилия реформаторов, в латышском языке сохранилось значительное количество германизмов, в частности, в технической и ремесленной сфере, ср. подобную судьбу германизмов в польских [Nowowiejski 1996], южноморавских [Zeman 2022] или русинских диалектах [Вардиц, Задоя 2017].

изменение административного, социального и функционального статуса обоих языков, и перераспределение их символической и прагматической ценности, отразился также в мотивах и механизмах «стихийного» лексического трансфера в сфере субстандарта. С одной стороны, лингвистический реванш латышского языка привел к маргинализации русского. С другой стороны, русский язык сохраняет прагматический статус как *lingua franca* постсоветских диаспор [Warditz 2016: 103–104, 2020; Warditz, Meir 2024], нередко вкупе с негативным символическим статусом, в том числе в восприятии самих говорящих. Вопреки мероприятиям латвийской языковой политики, нацеленной на монолингвальность⁶, по данным переписи 2011 года, 37,2% населения страны используют русский язык в качестве домашнего, т. е. L1 [Pieejamo tabulu saraksts tēmā]; доля русскоговорящих особенно высока в городах [ibid.]. При этом опрос 2008 года, проведенный Балтийским институтом социальных исследований (Baltic Institute of Social Sciences), показал, что 69% носителей латышского языка (L1) оценивают свои знания русского языка как хорошие и только 8% представителей возрастной группы от 15 до 34 лет не владеют русским языком⁷. Подобные парадоксы делают языковую ситуацию Латвии особенно привлекательной для изучения постимперской лингвистической археологии, т. е. результатов динамики межъязыкового трансфера при переходе от имперской к постимперской ситуации.

В основу статьи положены следующие гипотезы:

1. Статус и престиж языка-донора (в нашем случае — русского) определяет как доминирующую страту-источник, так и целевую страту заимствования в языке-реципиенте (в нашем случае — в латышском) при межъязыковом трансфере, ср. такие возможные сценарии, как *русский стандарт ~ латышский стандарт*, *русский стандарт ~ латышский субстандарт*, *русский субстандарт ~ латышский субстандарт*.
2. При изменении статуса и престижа языка-донора меняется как набор страт-источников заимствований в языке-доноре, так и модель их трансфера в язык-реципиент, например, корреляция *русский стандарт ~ латышский стандарт* может смениться корреляцией *русский субстандарт ~ латышский субстандарт*.
3. Две основные причины лексического трансфера — заимствование названий новых реалий и культурных концептов и заимствование элементов престижного языка, в том числе и имеющих эквиваленты в языке-реципиенте [Haspelmath 2009: 46], применимые и к имперским языковым ситуациям, должны быть модифицированы в отношении постимперских языковых ситуаций, находящихся в состоянии социолингвистического сдвига.

⁶ Латвия не подписала и не ратифицировала Европейскую Хартию региональных языков, принятую Советом Европы 5 ноября 1992 года, — основной документ, регулирующий языковую политику в странах Европейского Союза [Chart of signatures and ratifications of Treaty 148].

⁷ https://web.archive.org/web/20131203034533/http://www.valoda.lv/downloadDoc_435/mid_510 [дата обращения 1 апреля 2024 года].

Статья организована следующим образом. После Введения, во второй её части, представлены материал и метод исследования, а также типология русизмов в латышском языке и их динамика. В третьей части показаны корреляции хронологических, социолингвистических и семантических траекторий русизмов в латышском языке. В Заключении сделаны основные выводы.

2. Типология русизмов в латышском языке и их динамика

2.1. Материал и метод исследования

Материалом для исследования стал словарь латышского сленга «*Latviešu valodas slenga vārdnīca*» [Bušs, Ernstsone 2006], далее — *Словарь*. Определяя сленг как нелитературную лексику, используемую в неформальных ситуациях [Bušs, Ernstsone 2006: 6], *Словарь* включает широкий спектр отклонений от норм стандартного латышского языка, в частности, не только нейтральные вкрапления из русского литературного языка на фоне их латышских эквивалентов, но и обценизмы, экспрессивы, пейоративы, разговорные усечения, германизмы и русизмы, т. е. заимствования, проиллюстрированные примерами смещения русско-латышского кода. Так, русизмы *perestroika* ‘перестройка’ и *sputniks* ‘спутник’ включены в *Словарь* в качестве сленгизмов.

В *Словаре* представлены лексические единицы, зафиксированные в предшествующих словарях латышского жаргона, в художественных и публицистических текстах, в записях устной речи, сделанных авторами словаря путем включенного наблюдения [Bušs, Ernstsone 2006: 6–7]. *Словарь* включает языковой материал начиная с 1960-х гг. и вплоть до 2005 г., однако время фиксации и бытования лексических элементов, необходимое при таком широком хронологическом охвате нелитературных страт, не всегда указано.

По методу сбора материала и его лексикографирования (источники, набор помет, критерии отбора материала и его семантизация) *Словарь* разделяет недостатки первых постсоветских словарей русского жаргона конца 1990-х — начала 2000-х гг. [Елистратов 1994, 2000; Мокиенко 1995], подробно описанные в ряде рецензий [Беликов 1996, 2005; Жданова 2005]. Так, в *Словарь* включены русские обценизмы, но не все из них атрибутированы как таковые; только ряд обценизмов дается в графической разрядке. Семантическая характеристика единиц предельно лаконична, что вкупе с непрозрачными примерами, контекст которых не раскрывает значение сленгизмов, затрудняет пользование *Словарем*. Многие лексемы внесены в *Словарь* в различных вариантах фиксации, например, *hlapuška* и *hlopuška* ‘хлопушка’. Кроме того, *Словарь* не проводит грани между окказиональными и системными употреблением сленгизмов, а также не указывает длительность их бытования⁸.

⁸ В этой связи сомнительна правомерность использования *Словаря* в качестве источника латышского субстандарта для анализа семантической модификации русизмов в латышском жаргоне в [Завьялова 2021].

Однако это единственный на сегодняшний день словарь отклонений от стилистически нейтральной латышской речи, включающий около 8 000 единиц, ср. корпус словарей латышского языка https://tezaur.lv/_avoti [Tēzauris]. *Словарь* представляет собой пример языкового пуризма, типичного при создании официального языка (вновь) провозглашенного национального государства, и в то же самое время памятник лингвистической археологии, т. е. вековых напластований заимствований в латышском языке, ср. по истории чехословацкого пуризма [Jelínek 2000]. Для нашего исследования *Словарь* интересен тем, что включает почти 1700 русизмов, что составляет приблизительно 22% от его общего объёма.

В статье на материале *Словаря* устанавливаются время заимствования разных типов русизмов и страта-источник в русском языке, а также корреляции типа и времени заимствования и корреляции страт языка-донора и языка-реципиента. Однако недостатки *Словаря*, т. е. отсутствие информации о времени бытования (а нередко и фиксации) жаргонизмов, включение значительного числа окказионализмов, чрезвычайно широкий хронологический (1960–2005) и социостилистический охват материала, — ограничивают применение количественных методов для проверки выдвинутых гипотез. Непоследовательность в отборе и представлении материала затрудняет, прежде всего, хронологическую классификацию данных *Словаря*. Наше исследование исходит из того, что реалии советской жизни — это заимствования советского времени, а заимствования из русского общего жаргона — постсоветского. В это время они распространились и в русской разговорной речи, будучи до этого характерными элементами страт с узкой сферой функционирования, в частности, уголовного аргю или сленга хиппи [Ермакова и др. 1999]. Таким образом, количественно-статистическая перепроверка дрейфа русизмов в латышском языке остается задачей будущих корпусных исследований.

Вслед за [Ермакова и др. 1999: 4] статья оперирует понятием **общего жаргона**, определяемого как «пласт современного жаргона, который, не являясь принадлежностью отдельных социальных групп, с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации и употребляется (или, по крайней мере, понимается) всеми жителями большого города». Этот термин представляется более адекватным по отношению к тому классу явлений, которые содержит *Словарь*, а также к более дифференцированной социолингвистической терминологии, различающей понятия уголовного аргю, сленга и корпоративных жаргонов [Рожанский 1992; Жданова 2005; Warditz 2018].

2.2. Типы русизмов в латышском языке

Ссылаясь на список, составленный Янисом Эндзелином в 1899 г., И. Кошкин отмечает в *Словаре* слой разговорно-просторечных русизмов, возраст которых превышает сто лет [Кошкин 2018: 14–15], например, латыш. *bunte* ‘мятеж, бунт’ от русск. *бунт* (латыш. лит. *dumpis*); латыш. *burlaks* ‘разбойник; драчун’ от русск. *бурлак* (латыш. лит. *laupītājs* ‘разбойник’, *kauslis* ‘драчун’); латыш. *duraks* ‘дурак’ от русск. *дурак* (латыш. лит. *muļķis*); латыш. *ķurmis* ‘тюрьма’ от русск. *тюрьма* (латыш. лит.

cietums); латыш. *mužiks* ‘грубый, невоспитанный человек’ от русск. *мужик* (латыш. лит. *vīrietis* ‘мужчина’, *zemnieks* ‘крестьянин’); латыш. *razbainieks* ‘(арх.) разбойник; бандит’, ‘шалун, озорник’ от русск. *разбойник* (латыш. лит. *laupītājs*).

В фокусе внимания статьи — более молодой пласт русизмов, воспринятых латышским языком в советскую и постсоветскую эпоху, и их социолингвистическая динамика. В *Словаре* они представлены несколькими группами⁹.

В первую очередь, это слова, обозначающие советские реалии, относящиеся как к сфере официоза, зафиксированные авторами *Словаря* в 1960-е — поздние 1980-е годы, например: *gorkoms*¹⁰ ‘горком’¹¹, *atčots* ‘отчет’, *galočka* ‘галочка’ (в зн. ‘сделать что-то для галочки’), *subotņiks* ‘субботник’, *stukačs* ‘стукач’, так и к повседневно-бытовой сфере, например, *blats* ‘блат’, *farčovščiks* ‘фарцовщик’, *sabantujs* ‘сабантуй’, *palučka* ‘получка’, *trjoška* ‘трёшка’. Среди советизмов выделяются и более специфицированные лексические подгруппы, например, названия типов жилых домов *hruščovka* ‘хрущёвка’ и планировки vs организации квартир, например, *raspašonka* ‘распашонка’, *komunalka* ‘коммуналка’; технических помещений, магазинов, бытовых учреждений и других локусов двуязычной топонимии урбанного пространства, например, *himčistka* ‘химчистка’, *kaptjorka* / *kapčorka* ‘каптёрка’, *kačegarka* ‘кочегарка’, *zabegalovka* ‘забегаловка’, *zapravka* ‘заправка’, *lavka*, *lavočka* в зн. ‘маленький магазин, киоск’, видов транспорта: *električka* ‘электричка’, *maršrutka* ‘маршрутка’, *benzovožs* ‘бензовоз’, а также бытовых реалий: *bačoks* ‘сливной бачок’, *čapkas* ‘тапки’, *raskladuška* ‘раскладушка’. Как правило, это заимствования из литературного языка с оттенком разговорности.

К названным советизмам хронологически и тематически примыкают заимствования, связанные со службой в Советской армии. Отметим, что латышский язык производит и собственные экспрессивы в отношении воинской обязанности. Так, авторы фиксируют выражение *aiziet krievos* (букв. ‘идти к русским’) в зн. ‘идти в армию’, датируя его 1965 годом. Реалии, связанные с армейской службой, представлены как нейтральными заимствованиями *atsročka* ‘отсрочка’, *pavestka* / *povestka* ‘повестка’, *sanbats* ‘санбат’, *sbori* ‘сборы’, *služba* ‘служба’, *zampolits* ‘замполит’, так и экспрессивами из русского армейского жаргона: *ģedovšķina* ‘дедовщина’, *salaga* ‘салага’ в зн. ‘новичок’, *samovolka* ‘самоволка’, *prapors* ‘прапор’ (от *прапорщик*). В результате лексического трансфера русизмы первой группы также становятся в латышском языке экспрессивами.

Вторую обширную группу русизмов, очевидно, постепенно сменявшую советизмы с нейтральным значением, представляют экспрессивы как нежаргонного, так и жаргонного происхождения. В отличие от большинства советизмов, они не

⁹ Исследование учитывает весь корпус русизмов *Словаря*. Выделенные типы русизмов проиллюстрированы в статье ограниченным набором примеров.

¹⁰ В латышском языке фиксированное ударение на первом слоге.

¹¹ Здесь и далее указаны русские соответствия заимствований; значение дополнительно конкретизируется для заимствований только переносного значения слова и при семантическом сдвиге.

нейтральны уже в языке-доноре и сохраняют экспрессивную окраску в языке-реципиенте.

К первой подгруппе относятся экспрессивы и инвективы из русской разговорной речи, такие как *bardaks* ‘бардак’, *barahlo* ‘барахло’, *ķotka* ‘тетка’ в зн. ‘пожилая женщина’, *apžora* ‘обжора’, *babņiks* ‘бабник’, *baška* ‘башка’, *žmots* ‘жмот’, *žlobs* ‘жлоб’, *hlams* ‘хлам’, *mordobojs* ‘мордобой’, образованные в том числе при помощи оценочных суффиксов -ак, -он, -уха, -ина, например, *ķepons* ‘кепон’ (от *кепка*), *slabaks* ‘слабак’ (от *слабый человек*), *slabons* ‘слабон’ (от *слабый человек*), *rokažuha* ‘показуха’, *černuha* ‘чернуха’, *mizons* ‘музон’ (от *музыка*), *hologīna* ‘холодина’ (от *холод*), *košaks* ‘кошак’ (от *кот*), *barmatuha* ‘бормотуха’; диминутивы-усечения: *homīķis* ‘гомик’ (от *гомосексуалист*), *peģiks* ‘педик’ (от *недекаст*), *vidīks* *vidīķis* ‘видик’ (от *видеомагнитофон*); просторечные усечения *lisopēds* ‘лисопед’ (от *велосипед*); экспрессивы, основанные на метафорическом переносе: *tačka* ‘тачка’, в зн. ‘машина’, *lokatori* ‘локаторы’ в зн. ‘глаза’, *kuča* ‘куча’ в зн. ‘много’, например, *kuča naudas* ‘куча денег’, *ačko* ‘очко’ в зн. ‘унитаз’. В *Словаре* приведены и названия видов разговорного дискурса, например, *hohma* ‘хохма’, *baika* ‘байка’ в зн. ‘забавная история’, *basņa* ‘басня’ в зн. ‘неправдоподобная история, выдумка’, и слова, дающие оценку ситуации в целом, например, *kašmars* ‘кошмар’. Заметим, что латышский эквивалент слов *кошмар*, *ужас* — *šausmas* — бытует, в свою очередь, в русской разговорной речи Латвии.

В заимствованиях из русской разговорной речи так же, как и в заимствованиях из литературного языка, отмечены экспрессивные названия реалий топонимического пространства, например, *Maskačka* от русск. *Маскачка*, образованного от латышского урбанного топонима *Maskavas foršate* (Московский форштадт, район Риги), *Mežīks* ‘Межик’ от *Межанарк* (*Mežaparks*, район Риги), часто с сохранением особенностей словообразования языка-донора: *kinoška* / *kinčīks* ‘киношка / кинчик’ (от *кинотеатр*), *barčīks* ‘барчик’ (от *бар*).

Экспрессивы жаргонного происхождения, т. е. вторая подгруппа выделенных нами экспрессивов, восходят в основном к русскому общему жаргону, например, *tusovka* ‘тусовка’ и производное от неё *tusons*, в том числе и с латышскими уменьшительно-ласкательными суффиксами: *tusene*, *tusiņš* ‘тусовочка’. В русский общий жаргон подобные жаргонизмы влились из различных жаргонов: криминального арго, сленга хиппи и армейского жаргона, — изменив при этом свое исходное значение. Как и в языке-доноре, связь с первоначальной сферой бытования в заимствованных латышских жаргонизмах не осознается, ср. такие русизмы арготического происхождения, как *obšaks* ‘общак’ в зн. ‘общая касса’, *brat*, *bratoks*, *bratans* ‘брат, браток, братан’ (неформальное обращение), *gluks* ‘глуок’ в зн. ‘галлюцинация’, *bezprīgēls* ‘беспредел’, *hāta* ‘хата’ в зн. ‘дом’, *lomkas* ‘ломки’, *bazars* / *bazaris* ‘базар’ в зн. ‘пустая болтовня’, *kodla* ‘кодла’ в зн. ‘группа людей’, *razborka* ‘разборка’, *kruta*, *kruts* от *круто*, *крутой* в зн. ‘1. очень хорошо/ий, 2. стильно/ый, модно/ый’, вошедшие и в русский словарь общего жаргона [Ермакова и др. 1999].

При этом если приведенные жаргонизмы используются в неформальных ситуациях, жаргонизм *бомж* — аббревиатура советских органов правопорядка от

без определённого места жительства, — который прочно закрепился в русском постперестроечном языке, вошёл и в язык латышских СМИ: *bomzis*, *bomža*, *bomžs*, наряду с производными *bomžara*, *bomžatņiks* на правах термина, не имеющего нейтрального эквивалента¹². Так, запрос на слово *bomžs* в Google показывает до 53100, вариант *bomzis* до 41 500 вхождений¹³, в частности, в латышских СМИ (1), ср. также пример из корпуса латышских словарей (2).

- (1) *Bomži ieņem Rīgas atpūtas vietas.*
 3PL-NOM занимать-PRS-3PL Рига-GEN отдых-GEN зоны-ACC
 ‘Бомжи занимают зоны отдыха в Риге’. [www.tvnet.lv от 24.04.2024]
- (2) *Kāpēc viņš ir kļuvis par bomži?*
 Q PRO-3SG.NOM AUX становиться-PST.PTCP PREP бомж-INS
 ‘Почему он стал бомжем?’ [Tēzaurs]

Помимо существительных, в латышский общий жаргон заимствовались и оценочные прилагательные, например, *ačohņīts* ‘чокнутый’ в зн. ‘дурак, глупец’ или *naglijs* ‘наглый’, — и глаголы из различных стилистических пластов, например, из литературного языка: *tancot* ‘танцевать’ (ср. латыш. *dejoj*); *aizbrosīt* ‘выбросить’ (ср. латыш. *aizmest*), *nobraņīt* ‘бранить, ругать’ (ср. латыш. *sabārt*); из разговорной речи: *nožulēt* ‘сжутьничать’, *pašpionēt* ‘пошпионить’, *atkačāt* ‘откачать’ в зн. ‘реанимировать, спасти, вернуть к жизни’, *nokačāt* ‘скачать (из интернета)’, *abrubīt* ‘обрубить’ в зн. ‘отключить (интернет)’, в том числе и стилистически сниженные экспрессивы: *ačohņīties* ‘очухаться’, *maņīties* ‘махнуться’ в зн. ‘обменяться чем-либо’, *sahalturēt* ‘подхалтурить’, *abalģeķ* ‘обалдеть’, *buhāt* ‘бухать’ и *glušt* ‘глушить’ в зн. ‘употреблять алкоголь’, а также из общего жаргона: *atfutbolēt* ‘отфутболить’, *nostrelīt* ‘стрельнуть’ в зн. ‘попросить что-либо’, *pabazarēt* ‘поболтать’, *atrubīties* ‘отрубиться’ в зн. ‘отключиться от реальности, находиться в состоянии сна или в состоянии алкогольного или наркотического опьянения’. Заимствованные глаголы приспосабливаются к латышский глагольной парадигме путём суффиксации, ср. *tus-ēt* от русск. *тусить*, *tus-ot(ies)* от русск. *тусоваться*. При этом если экспрессивы — это результат заимствования определённого (суб)культурного концепта [Haspelmith 2009: 39], то литературные русизмы — это так называемые **основные заимствования** (core borrowings), которые дублируют соответствующие эквиваленты в языке-реципиенте, будучи освоенными в результате культурного давления со стороны доминантного языка [Myers-Scotton 2006: 215].

¹² Ср. определение в корпусе латышских словарей, не предлагающее нейтрального эквивалента к жаргонизированному русизму: «*bomž* (vienkāršrunas stilistikā nokrāsa): Bez noteiktas dzīvesvietas (saīsinājums no krievu “bez opreġlennogo (sic!) mesta žiķeļstva”)» ‘бомж (стилистический оттенок просторечия): Без определенного места жительства (сокращение от русского «без определённого места жительства»)» [Tēzaurs].

¹³ Несмотря на ненадёжность Google как лингвостатистического источника, подобная иллюстрация дает определённое представление о частотности употребления терминологизированного русизма.

Особое место в латышской разговорной речи занимают русские дискурсивные маркеры¹⁴: *davai* ‘давай’, *vobšem* ‘в общем’, *vot* ‘вот’, *vsjo!* ‘всё!’, *tak* ‘так’, *tak čto* ‘так что’, *tipa* ‘типа’, *značit* ‘значит’, *tiri-piri* ‘тыры-пыры’, *točna / točno* ‘точно’, *toļi* ‘то ли’, *česno* ‘честно’, *traļi-vali* ‘трали-вали’, *tudi-sudi* ‘туды-сюды’, *priķiņ* ‘прикинь’, *reālņa* ‘реально’. Это явление — заимствование дискурсивных маркеров, свойственное постимперскому и постколониальному контексту в целом, а также языкам диаспор, — объясняется воздействием прагматически сильного языка власти на прагматически слабый миноритарный язык, с одной стороны, и эффектом дискурсивного контраста при включении иноязычного элемента [Roosj 2000: 463–464], например при переключении темы разговора или смене говорящего (*turn-taking*).

Из русской сниженно-разговорной речи заимствованы и пейоративные этнонимы типа *hahols* ‘хохол’ в зн. ‘украинец’¹⁵, и общенизмы с разветвленной системой словообразования и эвфемизации, и вульгаризмы. *Словарь* приводит, например, заимствованный эвфемизм *kabzec* в значении ‘конец, крах’ без отсылки к русскому нецензурному эквиваленту с тождественным значением, а также фиксирует *figņa* от русск. *фигня*, *dafiga* от русск. *до фи́га*, *afigenņa* от русск. *офигенно*, *afigeķ* от русск. *офигеть* и прочие производные в исконных значениях языка-донора и *blīns!* от русск. *блин*, опять же не указывая их нецензурные прообразы. Возможно, это свидетельствует о том, что социальная и стилистическая коннотация слов из языка-донора стирается при подобном трансфере, ср. использование английских общенизмов в немецком или русском языках, имеющих более слабый прагматический эффект, нежели их немецкие или русские эквиваленты, а также немецкой бранной лексики в речи русских эмигрантов в Германии [Жданова 2008: 282].

Для значительного объёма русизмов в *Словаре* в качестве источника заимствования указан школьный жаргон, однако для большинства из них резоннее предположить трансфер из русского общего жаргона, например, *lohs / loha* ‘лох’, или из русской разговорной речи, например, *mimra* ‘мымра’, как правило, с сохранением значения языка-донора. Прямые заимствования из русского школьного жаргона, в том числе с сохранением особенностей жаргонного словообразования — это, в частности, *šporas / špores* ‘шпоры’, усечение от *шпаргалки*.

Таким образом, в *Словаре* представлены две основные группы русизмов: 1) советизмы, заимствованные из литературного языка и разговорной речи, нередко изначально нейтральные и обретающие экспрессивность в результате межъязыкового трансфера и 2) изначально экспрессивные заимствования из сниженно-вульгарной разговорной речи и общего жаргона, относящиеся преимущественно к постсоветскому периоду.

¹⁴ Дискурсивные маркеры определяются как функциональный класс единиц различной морфологической природы (союзы, частицы, вводные слова, пропозиционные структуры, междометия, а также звукоподражательные сочетания), которые управляют потоком и структурой дискурса [Moder, Martinovic-Zic 2004: 117], см. также [Heine et al. 2021].

¹⁵ Латышский язык располагает и собственными механизмами для образования подобных пейоративов при помощи суффиксов отрицательной оценки, например, *krievēne* ‘русская’, а также путём деонимизации, ср. *ivans* в зн. ‘русский’ от имени *Иван*.

3. Корреляции хронологических, социолингвистических и семантических траекторий трансфера

При сопоставлении времени бытования русизмов, отмеченных в *Словаре*, с одной стороны, и типологии их значений и источников заимствования, с другой, обнаруживается ряд закономерностей.

Так, хронологические рамки русско-латышского лексического трансфера определяют его социолингвистическую и семантическую динамику. По данным *Словаря*, период употребления большинства из приведенных советизмов заканчивается к середине 1990-х годов. Можно предположить, что советизмы использовались и позже, прежде всего в речи старшего поколения в целях стилизации или историзации контекста. В период своего активного бытования эти русизмы представляли собой типичные примеры смешения языкового кода в ситуации двуязычия, обозначая предметы и явления советского официоза и модус отношения к ним, а также приметы повседневной городской жизни и быта. Слова этой группы заимствованы как из письменных¹⁶ и устных источников русского литературного стандарта, так и из разговорной речи; их семантика, как правило, тождественна эквивалентам в языке-доноре.

Экспрессивные заимствования, в том числе непосредственно из жаргона, относятся в основном к периоду 1990-х гг., что совпадает с всплеском их употребления и в русском монолингвальном пространстве, вызванным демократизацией общественной жизни, либерализацией прессы и эмансипацией альтернативной культуры. Для постсоветских русизмов отмечено преобладание иных источников заимствования и иная семантика, чем для советизмов. Это прежде всего экспрессивы с максимально размытой семантикой, лаконично обозначающие позитивную или негативную оценку предметов или явлений, например, *kruta* ‘круто’, *kruts* ‘крутой’, или реалии субкультуры, противопоставленной официозу, например, *tusovka* ‘тусовка’, *tusoties* ‘тусоваться’. В этом отношении сомнителен категоричный вывод о том, что большинство русизмов обозначают негативные явления, в то время как англицизмы — положительные [Завьялова 2021].

Очевидно, в советский период заимствовались названия реалий и (оценочного) отношения к ним, а также дублетные наименования, например, *suškas* ‘сушки’ вместо более старого русизма *barankas* ‘баранки’, *kušīt* ‘кушать’ или *ķerpīt* ‘терпеть’ (core-borrowings), а в постсоветский период — экспрессивы общей оценки, несущие прежде всего знаковую функцию, и прагмасинтаксические маркеры-переключатели, обеспечивающие в силу своей иноязычности более яркий дискурсивный контраст, нежели средства родного языка. Данный вывод нуждается в статистической

¹⁶ О заимствовании из письменных источников свидетельствует точность их орфографической и фонетической передачи в *Словаре*. Примечательны такие примеры фонетической адаптации русизмов, как *zvjatočņiks* от русск. *взяточник* или *šterva* от русск. *стерва*, используемых в тех же значениях, что и в русском языке. О заимствованиях из устной речи свидетельствуют, в свою очередь, колебания в передаче безударного *о*, например, *tošna* и *točno* ‘точно’ или русского *х* в *barahlo* и *baraklo*, а также, например, трансформация русизма *баракхолка* в *barahlovka*.

перепроверке на базе еще не созданного корпуса латышской разговорной речи, однако отмеченный нами социолингвистический дрейф русизмов подтверждается и материалом других источников. Обращение к интернет-форумам и упомянутому корпусу словарей [Tēzaurs] показывает, что если советизмы практически вышли из употребления, то экспрессивы и дискурсивные маркеры стали неотъемлемой частью латышской жаргонизированной речи. Показательны в этом отношении публикации латышских СМИ о самых популярных словах латышского школьного жаргона, неизменно включающих русские дискурсивные маркеры *vot* ‘вот’, *davai* ‘давай’, *ķīpa* ‘типа’, *vobšem* ‘в общем’, а также жаргонизмы *profīg* ‘по фиг’, *bardaks* ‘бардак’ и под.¹⁷ Запрос в Google¹⁸ оценочного наречия *afigenna* ‘офигенно’, обозначающего высокую степень признака, показывает 5.080 вхождений (дата обращения 1 апреля 2024 г.), включающих и употребления, зафиксированные в корпусе словарей латышского языка [Tēzaurs].

- (3) *Viss ir afigenna tīrs, pat pārāk!*
 PRO.N AUX офигенно чисто-ADV, PART слишком-ADV
 ‘Всё офигенно чисто, даже слишком!’
- (4) *Nū afigenna daudz ļaužu savācās.*
 ну-INTJ офигенно-ADV много-QUANT люди-GEN.PL
 собрались-PST.3PL
 ‘Ну офигенно много людей собралось’.

При этом происхождение и значение укоренившихся русизмов необязательно остаётся прозрачным для новых поколений носителей. Об этом свидетельствуют данные наивной лингвистики, в частности, авторские подборки латышских жаргонизмов. Так, анонимный словарь латышского сленга *Latviešu slenga vārdnīca*¹⁹ квалифицирует сниженно-разговорный русизм *buķiks* от русск. *бутик* ‘бутерброд’ как германизм; заимствованный суффикс не осознаётся при этом как деривационный варваризм. В то время как *vobšem* ‘в общем’, *tipa* ‘типа’ и несколько обцензизмов отмечены как русизмы, основная масса заимствований такой пометы не получает, например, *abloms* ‘облом’ в зн. ‘неприятное завершение ситуации’, *bomzis* ‘бомж’, *kļuška* ‘клюшка’ в зн. ‘девушка, женщина’, *zubrīt* ‘зубрить’, *tusiņš, tusons* ‘тусовка’, *lohs* ‘лох’ в зн. ‘простофиля, недалекий человек’, *kranti!* ‘кранты’, *kruta* ‘круто’, *kolotuns* ‘колотун’ в зн. ‘холод’, *drugāns* ‘друган (от друг)’ и многие другие.

Значительное количество русизмов сохраняет в латышском языке исконное значение [Кошкин 2018]. Однако, как и при внутриязыковом трансфере, например,

¹⁷ <https://www.ntz.lv/dazadi/cau-davai-forsi-3-skoleni-latvisko-popularakos-zargonvardus/> (дата обращения 1 апреля 2024 года).

¹⁸ Несмотря на ненадёжность данного источника, совпадения типов употребления с корпусом словарей и их частотность могут быть неслучайными.

¹⁹ <https://spoki.lv/ktuali/latviesu-slenga-vardnica/80952> (дата обращения 1 апреля 2024 г.).

из уголовного аргю в сленг хиппи [Рожанский 1992], а затем в общий жаргон [Ермакова и др. 1999], значение русизмов в результате межъязыкового трансфера может измениться, например, сузиться, ср. *ķoša* ‘теща’ в зн. ‘женщина’, *kidala, dinamo* ‘кидала, динамо’ в зн. ‘пассажир такси, который не платит за проезд’. Часть русизмов полностью меняет исконное значение, сохраняя экспрессивность, ср., например, *vipendrons* от русск. *выпендриваться, выпендрож* в зн. ‘важная персона’.

Структурные и семантические особенности русизмов соотносятся, в свою очередь, со временем и источником заимствования. Так, наблюдения над *Словарем* показали высокую степень интеграции русизмов в латышском языке. Об этом свидетельствуют не только количественный, но и качественный спектр заимствований (существительные, прилагательные, глаголы, наречия, междометия), а также их вовлечение в словообразовательные процессы языка-реципиента. В результате последних значение заимствования нередко трансформируется. Так, русское разговорное *бабуля* ‘старая женщина’, бытующее и в латышском языке (*babuļa*), в результате присоединения латышского суффикса негативной оценки *-ien-* (*babulīene*) обретает значение ‘немодно одетая, непривлекательная женщина’.

Подобная интеграция заимствований, сопряженная с высокой степенью креативности носителей, характерна для развитого билингвизма и долгого взаимодействия языковых систем. При этом лексический трансфер вызывает морфологические процессы, ср., например, образование множественного числа *šmotk-as* от русск. *шмотки*, *prikol-īgs* ‘прикольный’ от русск. *прикол* и латышского суффикса *-īg-*, *tuhļīt* от корневой морфемы глагола *мухлевать* и латышского суффикса инфинитива *-īt*. Языковой контакт в данном случае затрагивает не только лексический, но и грамматический уровень языка. В этой связи показательны и факты нематериального трансфера (структурные заимствования, в терминах [Haspelmath 2009: 38]), например, перевод таких калькированных фразеологических оборотов²⁰, как *aizsist ciet* от русск. *забить место* или *sēdēt uz adatas* от русск. *сидеть на игле* в зн. ‘пребывать в наркотической зависимости’ и *nokāpt no adatas* от русск. *слезть с иглы* в зн. ‘освободиться от наркотической зависимости’, *pie lampočkās* от русск. *до лампочки* и *pie dirsas* от русск. *до задницы* в зн. ‘безразлично (кому-либо) (что-либо)’, а также трансфер дискурсивных маркеров — явлений прагматической организации речи. По поводу последних заметим, что прагматический трансфер в ситуации языкового контакта нередко опережает трансфер лексический [Warditz 2023] и, по-видимому, в силу своей высокой функциональности оказывается более устойчивым, чем лексические заимствования, которые при смене статуса языка-донора оседают в периферийных стратах языка-реципиента. Это замечание распространяется и на обсценизмы, функционирующие как дискурсивные маркеры и демонстрирующие завидную стабильность в ситуации языкового сдвига.

²⁰ Ср. пример материального трансфера фразеологического оборота: *puodrīt mozgas* от русск. *пудрить мозги*.

Отмеченные тенденции употребления связаны, в свою очередь, со сменой языковой ситуации в Латвии. Утрата престижа русского языка как языка власти и, как следствие, прагматически более сильного языка привела к смене вектора русско-латышского трансфера: от заимствования литературной и разговорной лексики к заимствованию жаргонизмов, которые, как и дискурсивные маркеры, остаются реликтами лингвистической археологии. При этом именно высокая степень интеграции, обусловленная не только развитым двуязычием, но и структурным сходством обоих языков [Дини 2002], позволила русизмам укорениться в латышском языке. Во многих случаях морфологически адаптированные русизмы не осознаются как заимствования, ср., например, *prikols* ‘прикол’, *prikaloties* ‘прикалываться’, *prikolīgs* ‘прикольный’, *prikolīgi* ‘прикольно’. Заимствованные структурные элементы, например, суффикс *-ан*, также не препятствуют подобному восприятию, ср. *alkāns* от *алкан* ‘алкоголик’. Возможно, в новых условиях баланса языков в латышской разговорной речи и общем жаргоне следует ожидать преобладания информативно полых, оценочных русизмов типа *kruts* ‘крутой’ наряду с терминологизированными русизмами типа *bomzis* ‘бомж’ и морфологически адаптированными, с латышскими морфологическими маркерами, воспринимаемыми в отрыве от языка-донора (*pierubīt* от русск. *рубить*, *врубаться* в зн. ‘понимать’).

4. Заключение

Исследование подтвердило предположение о том, что социолингвистический статус языка-донора определяет, в какую страту принимающего языка заимствуются его элементы. Согласно [Haspelmath 2009], причинами лексического трансфера являются заимствование названий новых реалий и культурных концептов, с одной стороны, и заимствование элементов престижного языка, в том числе и имеющих эквиваленты в языке-реципиенте, с другой. Наблюдения над латышско-русским двуязычием показали, что оба названных механизма задействованы при лексическом трансфере в имперских языковых ситуациях. Однако в постимперской языковой ситуации, находящейся в состоянии социолингвистического сдвига, мотивы и направления заимствований из упраздненного языка власти определяются как раз наоборот его стигмой и маргинальным социальным статусом. Таким образом, стигма языка-донора делает его не менее притягательным для заимствований, чем престиж. Направление межъязыкового трансфера здесь оказывается иным, как и в случае с языками других стигматизированных меньшинств, например, романи или идиша, которые изначально выступают в роли источника для субстандартных страт, например, уголовного арг, проникая затем и в другие, менее герметичные социальные диалекты [Miklosich 1876; Kluge 1901; Jagić 1895; Ягич 1910]. Это же направление межъязыкового трансфера обнаруживается для русского языка в новых постимперских координатах, меняющих его престижный статус на стигму.

Престиж vs стигма языка-донора определяют не только стратификационный вектор, но и стратификационный источник заимствования. Иными словами, статус

языка-донора определяет как целевую страту заимствования в языке-реципиенте, так и страту-источник. При этом изменение статуса языка-донора влечет за собой изменение вектора межъязыкового трансфера, т. е. изменение корреляций страт языка-донора и языка-реципиента, а также самого набора страт обоих языков, задействованных в трансфере, например, смену корреляции *русский стандарт ~ латышский стандарт* корреляцией *русский стандарт ~ латышский субстандарт* или *русский субстандарт ~ латышский субстандарт*. Так, в ситуации престижа русского языка как языка власти в латышский язык заимствовались элементы литературного стандарта и литературной разговорной речи (сценарий: *русский стандарт ~ латышский стандарт*), а в ситуации его стигматизации и маргинализации — элементы жаргонизированной разговорной речи и общего жаргона (сценарий: *русский субстандарт ~ латышский субстандарт*). При этом заимствования первого типа характеризовали разговорную речь латышско-русских билингвов, активно использующих русизмы, а заимствования второго типа бытуют в современном латышском жаргоне, утрачивая в сознании носителей и связь с языком-донором, и свою изначальную семантику. Хронологически данные ситуации соотносятся с советским и постсоветским периодом и, как следствие, с последовательной утратой латышско-русского двуязычия. Иными словами, снижение уровня владения языком упраздненной власти дополнительно способствует изменению вектора межъязыкового трансфера: новые поколения, как правило, не владеют русским литературным стандартом, а использование русских дискурсивных маркеров и экспрессивов не требует знания русского языка.

При сравнении с другими постимперскими, или — шире — постколониальными ситуациями обнаруживается, что динамика русско-латышского лексического трансфера мотивирована и рядом других факторов. Утратив свой престиж на властном поприще, русский язык в то же самое время — в конце 1980-х — начале 1990-х гг. — парадоксальным образом обрел престиж как язык альтернативной и — в терминах времени распада СССР — антивластной субкультуры [Warditz 2018]. Будучи не только языком межнационального общения и имперским языком, но и языком суб- и контркультур на территории (пост)советского пространства, русский язык был и главным источником пополнения жаргонов языков СССР, в частности, латышского, в том числе и путём трансфера из романи (*čuvaks* ‘чувак’), идиша (*čiksa* ‘шикса’ в зн. ‘проститутка, женщина’), иврита (*naħaľavu* ‘на халяву’ ‘бесплатно, даром’) или арабского (*kaifs* ‘кайф’, *kaifot* ‘кайфовать’). Названные ипостаси русского языка — властная сфера, с одной стороны, и лингвистическое сопротивление, с другой, — не уникальны, а скорее типичны для языков с имперской и колониальной историей. Они сопоставимы с судьбой английского языка, обладающего высоким прагматическим статусом и в качестве языка межнационального общения и интернета, и в качестве языка рок-музыки и альтернативной культуры в целом. Последнее обстоятельство указывает и на тот факт, что русский язык разделяет судьбу других постколониальных языков, например, английского, и его дальнейшее изучение на постсоветском пространстве может быть продолжено с позиций (пост)колониальной лингвистики.

Список сокращений

3 — 3-е лицо; ACC — аккузатив; ADV — наречие; AUX — вспомогательный глагол; GEN — генитив; INS — инструменталис; INTJ — междометие; NOM — номинатив; N — средний род; PART — частица; PL — множественное число; PREP — предлог; PRO — местоимение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; Q — вопросительный маркер; SING — единственное число.

Литература

Беликов В. И. Национальная идея и культура речи. // Отечественные записки. 2005. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://strana-oz.ru/2005/2/nacionalnaya-ideya-i-kultura-rechi> (дата обращения 01.04.2024).

Беликов В. И. Рецензия на книгу Мокиенко В. М. «Словарь русской бранной лексики (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями)» // Русистика сегодня. 1996. № 3. С. 150–164.

Вардиц В. О некоторых социолингвистических механизмах лексического трансфера в балто-балканском ареале (на примере турецко-болгарского, немецко-польского и русско-латышского языкового контакта) // Балканский тезаурус: Коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах / отв. ред. И. А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 113–117.

Вардиц В., Задоя К. К изучению немецких заимствований в восточнославянских говорах Закарпатья // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри / отв. ред. М. М. Макарец. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 123–130.

Дини П. У. Балтийские языки. М.: ОГИ, 2002. 543 с.

Елистратов В. С. Словарь московского аргю. М.: Русские словари, 1994. 699 с.

Елистратов В. С. Словарь русского аргю. М.: Русские словари, 2000. 694 с.

Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999. 277 с.

Жданова В. К проблеме адекватного писания жаргона: Идеологический компонент в значении жаргонного слова // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV). Band 8 / ed. by M. Bayer, M. Betsch, R. Zimny. München: Otto Sagner, 2005. S. 233–242.

Жданова В. Стилистические процессы в языке русской диаспоры // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV). Band 11 / ed. by E. Graf, N. Thielemann, R. Zimny. München: Otto Sagner, 2008. S. 279–287.

Завьялова М. В. Русизмы в литовском и латышском жаргонах // Балто-славянские исследования — XXI: Сб. науч. трудов / отв. ред. А. В. Андронов. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 336–351.

Кошкин И. К вопросу о специфике внутренних языковых контактов: Русский язык как источник сленгизмов латышского языка // Przegląd rusycystyczny. 2018. № 2 (162). С. 12–24.

Мокиенко В. М. Словарь русской бранной лексики (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями. Берлин: Dieter Lenz Verlag, 1995. 176 с.

- Рожанский Ф. И. Сленг хиппи. СПб.; Париж: Изд-во Европ. Дома, 1992. 64 с.
- Ягич И. В. История славянской филологии. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910. 961 с.
- Biaduń-Grabarek H. Zum Schwund der lexikalischen Entlehnungen aus dem Deutschen in den Mundarten der polnischen Großstädte im ehemals deutsch-polnischen Grenzgebiet. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. 239 p.
- Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press, 1991. 151 p.
- Bušs O., Ernstsone V. Latviešu valodas slenga vārdnīca. Rīga: Norden AB, 2006. 574 p.
- Chart of signatures and ratifications of Treaty 148* (European Charter for Regional or Minority Languages) [Электронный ресурс]. URL <https://www.coe.int/de/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treatyenum=148> (дата обращения 31.03.2024).
- De Kadt E. Language and apartheid: The power of minorities // *Alternation*. 1996. № 3 (2). P. 184–194.
- De Kadt E. Language, power and emancipation: A South African perspective // *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*. 1991. № 78. P. 1–15.
- De Kadt E. Language, power, and emancipation in South Africa // *World Englishes*. 1993. № 12 (2). P. 157–168.
- Dreschel U. Wie fest ist deutsches Lehngut im Polnischen verwurzelt? // *Studia I materiały. Germanistyka*. 1996. № XII. S. 43–49.
- Gardani F. Borrowing matter and pattern in morphology. An overview // *Morphology* 30. 2020. P. 263–282.
- Haspelmath M. Lexical borrowing: Concepts and issues // *Loan-words in the World's Languages. A Comparative Handbook* / ed. by M. Haspelmath, U. Tadmor. Berlin; Boston: De Gruyter, 2009. P. 35–54.
- Heine B., Kaltenböck G., Kuteva T., Long H. The Rise of Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. xii + 308 p.
- Jagić V. Die Geheimsprachen bei den Slaven // *Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-Historische Klasse*. 1895. Vol. CXXXIII. P. 5–80.
- Jelínek M. Der Purismus in der Entwicklung der tschechischen Schriftsprache im 19. und 20. Jahrhundert. // *Deutsch-tschechische Sprachbeziehungen. Germanismen, Personenamen, Ortsnamen* / ed. by P. Trost et al. Regensburg: Roderer, 2000. S. 9–63.
- Kluge F. Rotwelsches Quellenbuch (= Rotwelsch. Quellen und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprachen). Bd. 1. Straßburg: K. J. Trübner, 1901. 495 p.
- Leschber C. Die Position der Turzismen im bulgarischen Jugendslang // *Zeitschrift für Balkanologie*. 2007. № 43 (1). S. 41–54.
- Leschber C. Semantische Entwicklungen bulgarischer Turzismen // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2014. № 19 (1). S. 95–115.
- Miklosich F. Zigeunerische Elemente in den Gaunersprachen Europas. Bd. 3 // Miklosich F. Beiträge zur Kenntnis der Zigeunermundarten. 4 Bände. Wien: Gerold, 1876. S. 535–562.

Moder C. L., Martinovic-Zic A. Discourse Across Languages and Cultures. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2004. 366 p.

Myers-Scotton C. Multiple voices: an introduction to bilingualism. Malden, MA: Blackwell, 2006. xiii + 457 p.

Nowowiejski B. Zapożyczenia leksykalne z języka niemieckiego w polszczyźnie XIX wieku (na materiale czasopism), Białystok: Dział Wydawnictw Filii UW w Białymstoku, 1996. 352 p.

Oxford Languages [Электронный ресурс]. URL <https://languages.oup.com/google-dictionary-de/> (дата обращения 01.04.2024).

Pieejamo tabulu saraksts tēmā: 2011.gada tautas skaitīšanas galīgie rezultāti / TSG11-08 Mājās pārsvarā lietotā valoda / *Latvijas statistika*. [Электронный ресурс]. URL <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaitis/publikacijas-un-infografikas/1299-latvijas-2011> (дата обращения 01.04.2024).

Roos de V. A. French discourse markers in Shaba Swahili conversations // *International Journal of Bilingualism*. 2000. № 4 (4). P. 447–469.

Sapir E. Language as a Historical Product: Drift // *Sapir E. Language: An introduction to the study of speech*. New York: Harcourt, Brace & World, 1921. P. 147–170.

Tēzaurus. [Электронный ресурс]. URL <https://tezaurus.lv/> (дата обращения 01.04.2024).

Thomason S., Kaufman T. Language contact, creolization and genetic linguistics. Berkeley: University of California Press, 1988. 428 p.

Warditz V. Diaspora, Slavic languages in. // *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics (ESLL) Online* / ed. by M. L. Greenberg and L. A. Grenoble. Leiden, 2020. [Электронный ресурс]. URL https://doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_036122 (дата обращения 01.04.2024).

Warditz V. Slavische Migrationssprachen in Deutschland: Zur Erklärungskraft von Sprachwandelfaktoren in Kontaktsituationen // *Gegenwärtige Sprachkontakte im Kontext der Migration* / ed. by S. Ptashnyk, R. Beckert, P. Wolf-Farré, M. Wolny. Heidelberg: Winter, 2016. S. 99–118.

Warditz V. Sprachkontakt und Anredesystem: Eine experimentelle Studie zum Migrationspolnischen in Deutschland // *Schnittstelle Germanistik*. 2023. № 3 (1). S. 39–65.

Warditz V. Varianz im Russischen: Von funktionalstilistischer zur soziolinguistischen Perspektive. (= Variolingu. Nonstandard — Standard — Substandard, Band 50). Berlin, Bern, Brüssel, Oxford und New York: Peter Lang, 2018. 410 S.

Warditz V., Meir N. Ukrainian-Russian bilingualism in the war-affected Ukrainian migrant and refugee communities in Germany and Austria: A survey-based study on language attitudes. // *Frontiers in Psychology*. 2024. 15. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1364112>

Zeman D. Deutsche Entlehnungen in der südmährischen Varietät: einige Bemerkungen zum deutsch-tschechischen Sprachkontakt // *Beiträge zur Germanistik und Nordistik*. 2022. 36 (2). S. 35–54.

Vladislava Warditz
Universität zu Köln
(Deutschland, Köln)
vwarditz@uni-koeln.de

TOWARDS A TYPOLOGY OF (POST)IMPERIAL BORROWINGS: RUSSIANISMS IN LATVIAN SLANG

Languages in contact with Russian on the territory of the (former) USSR can be seen as a particular case of (post)imperial and — more widely — (post)colonial language situations. The present paper focuses on the post-imperial situation in Latvia and explains sociolinguistic drift of Russianisms in Latvian, i. e. of a change in the direction of Russian-Latvian transfer due to the change in the status of both languages in the post-Soviet period: Russian as the language of the abolished imperial power and Latvian as the new state language. Thereby, the correlations between chronological, sociolinguistic and semantic trajectories of Russianisms in Latvian in the Soviet and post-Soviet period have been identified on the base of the *Dictionary of Latvian Slang* (2006).

The analysis of data confirms our hypotheses of sociolinguistic drift of Russianisms: 1) The status and prestige of the donor language determine both the dominant source stratum and the target stratum of borrowings in the recipient language; 2) When the status and prestige of the donor language changes, both the set of source strata of borrowings in the donor language and the vector of their transfer to the recipient language change. Moreover, the reasons for lexical transfer in a dynamic post-imperial language situation that is undergoing a sociolinguistic shift (i. e. in Latvia) turn out to be more complex than in imperial situations. The paper further identifies both the specific factors that determine interlingual transfer involving the Russian donor language in the post-Soviet space, and the factors that bring the fate of the Russian language closer to other postcolonial languages.

Keywords: (post)imperial Latvian-Russian bilingualism, Russian language on the territory of the (former) USSR, interlingual transfer, sociolinguistic drift, Russianisms

References

Belikov V. I. [The national idea and language use]. *Otechestvennye zapiski*, 2005, no. 2. Available at <https://strana-oz.ru/2005/2/nacionalnaya-ideya-i-kultura-rechi> (accessed 01.04.2024). (In Russ.)

Belikov V. I. [Review of: Mokienko V. M. “Dictionary of Russian swear words (profanities, obscenities, euphemisms with historical and etymological comments)”]. *Rusistika segodnja*, 1996, no. 3, pp. 150–164. (In Russ.)

Biaduń-Grabarek H. *Zum Schwund der lexikalischen Entlehnungen aus dem Deutschen in den Mundarten der polnischen Großstädte im ehemals deutsch-polnischen Grenzgebiet*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2013. 239 p.

Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge, Polity Press, 1991. 151 p.

Bušs O., Ernstsone V. *Latviešu valodas slenga vārdnīca*. Rīga, Norden AB, 2006. 574 p. (In Latvian)

Chart of signatures and ratifications of Treaty 148 (= European Charter for Regional or Minority Languages). Available at <https://www.coe.int/de/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treatynum=148> (accessed 01.04.2024).

De Kadt E. Language and apartheid: The power of minorities. *Alternation*, 1996, no. 3.2, pp. 184–194.

De Kadt E. Language, power and emancipation: A South African perspective. *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*, 1991, no. 78, pp. 1–15.

De Kadt E. Language, power, and emancipation in South Africa. *World Englishes*, 1993, no. 12.2, pp. 157–168.

Dini P. U. *Baltijskie jazyki* [Baltic languages]. Moscow, OGI, 2002. 543 p. (In Russ.)

Dreschel U. Wie fest ist deutsches Lehngut im Polnischen verwurzelt? *Studia i materiały. Germanistyka*, 1996, no. XII, pp. 43–49.

Elistratov V. S. *Slovar' moskovskogo argo* [Dictionary of Russian argot]. Moscow, Russkie slovari, 2000. 694 p. (In Russ.)

Elistratov V. S. *Slovar' moskovskogo argo* [Dictionary of Moscow argot]. Moscow, Russkie slovari, 1994. 699 p. (In Russ.)

Ermakova O. P., Zemskaja E. A., Rozina R. I. *Slova, s kotorymi my vse vstrechalis'*: *Tolkovyj slovar' russkogo obshhego zhargona* [Words that we all have come across: Dictionary of Russian general slang]. Moscow, Azbukovnik, 1999. 277 p. (In Russ.)

Gardani F. Borrowing matter and pattern in morphology. An overview. *Morphology* 30, 2020, pp. 263–282.

Haspelmath M. Lexical borrowing: Concepts and issues. *Loan-words in the World's Languages. A Comparative Handbook*. M. Haspelmath, U. Tadmor (Eds.). Berlin; Boston, De Gruyter, 2009, pp. 35–54.

Heine B., Kaltenböck G., Kuteva T., Long H. *The Rise of Discourse Markers*. Cambridge, Cambridge University Press, 2021. xii + 308 p.

Jagić V. Die Geheimsprachen bei den Slaven. *Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-Historische Klasse*, 1895, vol. CXXXIII, pp. 5–80.

Jagich I. V. *Istorija slavjanskoj filologii* [History of Slavonic Philology]. Issue 1. St. Petersburg, Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1910. 961 p. (In Russ.)

Jelínek M. Der Purismus in der Entwicklung der tschechischen Schriftsprache im 19. und 20. Jahrhundert. *Deutsch-tschechische Sprachbeziehungen. Germanismen, Personenamen, Ortsnamen*. P. Trost et al. (Eds.). Regensburg, Roderer, 2000, pp. 9–63.

Kluge F. *Rotwelsches Quellenbuch* (= Rotwelsch. Quellen und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprachen), Band 1. Straßburg, K. J. Trübner, 1901. 495 p.

Koshkin I. [On the specifics of internal language contacts: Russian language as a source of slang in Latvian]. *Przegląd rusycystyczny*, 2018, no. 2 (162), pp. 12–24. (In Russ.)

Leschber C. Die Position der Turzismen im bulgarischen Jugendslang. *Zeitschrift für Balkanologie*, 2007, no. 43 (1), pp. 41–54.

Leschber C. Semantische Entwicklungen bulgarischer Turzismen. *Studia Etymologica Cracoviensia*, 2014, no. 19 (1), pp. 95–115.

Miklosich F. Zigeunerische Elemente in den Gaunersprachen Europas. Band 3. Miklosich F. *Beiträge zur Kenntnis der Zigeunermundarten*. 4 Bände. Wien, Gerold, 1876, pp. 535–562.

Moder C. L., Martinovic-Zic A. *Discourse Across Languages and Cultures*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 2004. 366 p.

Mokienko V. M. *Slovar' russkoj brannoj leksiki (matizmy, obscenizmy, jevfemizmy s istoriko-jetimologičeskimi kommentarijami* [Dictionary of Russian swear words (profanities, obscenities, euphemisms with historical and etymological comments)]. Berlin, Dieter Lenz Verlag, 1995. 176 p. (In Russ.)

Myers-Scotton C. *Multiple voices: an introduction to bilingualism*. Malden, MA, Blackwell, 2006. xiii + 457 p.

Nowowiejski B. *Zapożyczenia leksykalne z języka niemieckiego w polszczyźnie XIX wieku (na materiale czasopism)*. Białystok, Dział Wydawnictw Filii UW w Białymstoku, 1996. 352 p.

Oxford Languages. Available at <https://languages.oup.com/google-dictionary-de/> (accessed 01.04.2024).

Pieejamo tabulu saraksts tēmā: 2011.gada tautas skaitīšanas galīgie rezultāti/ TSG11-08 Mājās pārsvarā lietotā valoda / Latvijas statistika. Available at <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaitis/publikacijas-un-infografikas/1299-latvijas-2011> (accessed 01.04.2024).

Rooij de V. A. French discourse markers in Shaba Swahili conversations. *International Journal of Bilingualism*, 2000, no. 4 (4), pp. 447–469.

Rozhanskij F. I. *Sleng hippy* [Hippy Slang]. St. Petersburg; Paris, Izd-vo Evrop. Doma, 1992. 64 p. (In Russ.)

Sapir E. Language as a Historical Product: Drift. Sapir E. *Language: An introduction to the study of speech*. New York, Harcourt, Brace & World, 1921, pp. 147–170.

Tēzaurus. Available at <https://tezaurus.lv/> (accessed 01.04.2024).

Thomason S., Kaufman T. *Language contact, creolization and genetic linguistics*. Berkeley, University of California Press, 1988. 428 p.

Warditz V. [On some sociolinguistic mechanisms of lexical transfer in the Baltic-Balkan area (based on Turkish-Bulgarian, German-Polish, and Russian-Latvian language contact)]. *Balkanskij tezaurus: Kommunikacija v slozhno-kul'turnyh obshhestvakh na Balkanah* [Balkan thesaurus: Communication in complex cultural communities in the Balkans]. I. A. Sedakova (Ed.). Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019, pp. 113–117. (In Russ.)

Warditz V. Diaspora, Slavic languages in. *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics (ESLL) Online*. M. L. Greenberg, L. A. Grenoble (Eds.). Leiden, Brill, 2020. Available at https://doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_036122 (accessed 01.04.2024).

Warditz V. Slavische Migrationssprachen in Deutschland: Zur Erklärungskraft von Sprachwandelfaktoren in Kontaktsituationen. *Gegenwärtige Sprachkontakte im Kontext der Migration*. S. Ptashnyk et al. (Eds.). Heidelberg, Winter, 2016, pp. 99–118.

Warditz V. Sprachkontakt und Anredesystem: Eine experimentelle Studie zum Migrationspolnischen in Deutschland. *Schnittstelle Germanistik*, 2023, no. 3 (1), pp. 39–65.

Warditz V. *Varianz im Russischen: Von funktionalstilistischer zur soziolinguistischen Perspektive*. (= Variolinguua. Nonstandard — Standard — Substandard, Band 50). Berlin et al., Peter Lang, 2018. 410 p.

Warditz V., Meir, N. Ukrainian-Russian bilingualism in the war-affected Ukrainian migrant and refugee communities in Germany and Austria: A survey-based study on language attitudes. *Frontiers in Psychology*, 2024, no. 15. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1364112>

Warditz V., Zadoja K. [On the study of German loanwords in East Slavic dialects in Transcarpathia]. *Balkanskij tezaurus: Vzgljad na Balkany izvne i iznutri* [Balkan thesaurus: View on the Balkans from the in- and outside]. M. M. Makarcev (Eds.). Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2017, pp. 123–130. (In Russ.)

Zav'jalova M. V. [Russianisms in Lithuanian and Latvian slang]. *Balto-slavjanskije issledovanija — XXI: Sb. nauch. trudov* [Baltic-Slavic Investigations XXI: collection of scientific papers]. A. V. Andronov (Eds.). Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2021, pp. 336–351. (In Russ.)

Zeman D. Deutsche Entlehnungen in der südmährischen Varietät: einige Bemerkungen zum deutsch-tschechischen Sprachkontakt. *Beiträge zur Germanistik und Nordistik*, 2022, no. 36 (2), pp. 35–54.

Zhdanova V. [On the problem of an adequate description of slang: ideological components in the semantics of slang words]. *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)* 8. M. Bayer, M. Betsch, and R. Zimny (Eds.). München, Otto Sagner, 2005, pp. 233–242. (In Russ.)

Zhdanova V. [Stilistic changes in Russian heritage language]. *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)*. Band 11. E. Graf, N. Thielemann, and R. Zimny (Eds.). München, Otto Sagner, 2008, pp. 279–287. (In Russ.)

Р. А. Верняева¹, Е. А. Жданова²

*ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический университет
имени М. Т. Калашникова»*

(Россия, Ижевск)

anikina.regina@gmail.com¹, zhdanovaea@gmail.com²

ПРИЗНАКИ ФИННО-УГОРСКОГО ВЛИЯНИЯ В РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА КАРСОВАЙ БАЛЕЗИНСКОГО РАЙОНА УДМУРТИИ

В статье описываются факты влияния коми-пермяцкого и удмуртского языков, отмеченные в русской речи жителей села Карсочай Балезинского района Удмуртии. Материалом для исследования послужили транскрибированные записи диалектной речи 1981 года и аудиозаписи 2006 года, включенные в корпус русских говоров Удмуртии. Отмечены явления фонетического, грамматического и лексического характера, возникновение которых в русском языке местных жителей можно считать остаточным явлением языковой интерференции, возникшей в среде смешанного населения. Для уточнения произношения отдельных звуков использовалась программа PRAAT. Полученные данные сравниваются с результатами проведенного ранее (в середине XX века) исследования говоров, находящихся севернее Карсочая. Сопоставление записей различных периодов позволяет сделать выводы о постепенном исчезновении в русской речи жителей села Карсочай некоторых отличительных фонетических явлений (произношение шепелявого *с'*, неразличение аффрикат), большей стабильности своеобразных грамматических структур (использование форм именительного падежа при словах *нет*, *много*, собирательных числительных) и сохранении лексических заимствований из удмуртского и коми-пермяцкого языков. В связи с тем, что отмеченные фонетические и грамматические особенности в равной степени характерны для удмуртского и коми-пермяцкого языков, задача точно установить единственный источник влияния в работе не ставилась.

Ключевые слова: русские говоры Удмуртии, инструментальные исследования, удмуртский язык, коми-пермяцкий язык, корпус русских говоров Удмуртии

1. Введение

Удмуртская Республика является многонациональным регионом. Согласно данным переписи населения 2020 года [Итоги ВПН-2020], в Удмуртии проживают

представители более 125 национальностей. Из 1 242 862 опрошенных, указавших национальность, оказалось около 68 % русских (841 581 человек), примерно 24 % удмуртов (299 874 человека), третьим по численности народом являются татары (67 964 человека), остальные национальности насчитывают на территории Удмуртии менее 6000 представителей, многие диаспоры компактно проживают в отдельных сельских населенных пунктах или в городах.

Русские говоры, распространенные на территории современной Удмуртии, имеют сложную историю формирования, связанную с различными периодами и потоками заселения данной местности. Отдельные русские говоры и группы говоров Удмуртии были исследованы в научных работах, авторы которых отмечали и частные факты влияния на них других языков [Барашков 1957; Смолякова 1977; Здобнова 1955; Мартянова 2004].

Представляемое исследование посвящено речи жителей села Карсовой, которое находится в северной части Бalezинского района, расположенного в северо-восточной части Удмуртии. Поселение появилось в XVIII веке, относилось к Вятской губернии. С 1929 по 1963 год село было центром Карсовайского района, который позже вошел в состав Бalezинского района. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 года, в Карсое проживало 1739 человек [Всесоюзная перепись 1959], по данным 2012 года, Карсовайское сельское поселение насчитывало 2401 жителя, село Карсовой — 1605 жителей [Каталог населенных пунктов].

Как пишет В. Ф. Барашков, исследовавший русский говор севера Карсовайского района Удмуртии в 50-х годах прошлого века, ссылаясь на работы Н. Н. Блинова, Д. К. Зеленина, А. А. Дмитриева, Н. В. Никольского и др., основная часть предков современных жителей этой территории пришла с севера в XVIII в. В числе первых поселенцев были как коми-пермяки, надо полагать, уже знавшие русский язык, так и смешанные (русско-пермяцкие) семьи [Барашков 1957: 33]. Также В. Ф. Барашков пишет, что по линии Кулига — Карсовой — Понино проходила граница между основным массивом удмуртских селений (на юге) и верхокамским русским населением (на севере) [Барашков 1957: 10]. Таким образом, село Карсовой является местом соседства русского, коми-пермяцкого и удмуртского населения.

Как отмечает В. Н. Мартянова в описании русских говоров Удмуртии, в северную часть современной Удмуртской Республики переселялись выходцы из северных регионов (Поморья, Двинской, Устюжской, Вологодской и других земель) с характерными полноокающими говорами [Мартянова 2004]. В. Ф. Барашков фиксирует в говорах севера Карсовайского района ряд особенностей, прежде всего грамматических, свидетельствующих о влиянии коми-пермяцкого языка, и объясняет их тем, что многие жители этих сел являются потомками обрусевших коми-пермяков, пришедших в эту местность с севера, с границы вятских и пермских земель [Барашков 1957].

Наличие в базе данных корпуса русских говоров Удмуртии записей, сделанных в селе Карсовой в разные годы и фиксирующих не только транскрипцию устной речи, но аудиозаписи речи местных жителей, а также продолжительное совместное проживание местного населения с коми-пермяками и удмуртами делает русскую речь

жителей села Карсовой интересным объектом лингвистического исследования. Также в ходе анализа в данной работе особенности речи жителей села Карсовой сопоставляются с наблюдениями В. Ф. Барашкова: «Необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что при изучении русского говора даже немногих селений, предки жителей которых с давних пор проживали в данной местности, выводы, сделанные в результате решения поставленных выше конкретных задач, могут быть распространены на русский говор значительно большего числа населенных пунктов, жители которых относятся к древнейшему слою населения рассматриваемой территории» [Барашков 1957: 11–12].

2. Источники материала и инструменты исследования

Материалом для данного исследования послужили тексты и аудиозаписи корпуса русских говоров Удмуртии (<http://dialect.manuscripts.ru>) [Баранов, Верняева, Жданова 2020]. Этот ресурс содержит тексты из тетрадей с записями устной диалектной речи, сделанными во время диалектологических практик в различные населенные пункты Удмуртии в 70–80-е годы XX в. Также в корпус русских говоров Удмуртии включены аудиозаписи разговоров с диалектоносителями, сделанные в 1990–2000-е годы в основном в ходе опросов по программе Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ). Сейчас в корпусе представлены диалектные тексты, записанные в 167 населенных пунктах Удмуртской Республики.

Корпус создан на основе лингвогеографической информационной системы (ЛГИС) «Диалект», которая разрабатывалась как интернет-ресурс для хранения, анализа и демонстрации на лингвистической карте лексики, собранной по программе Лексического атласа русских народных говоров на территории Удмуртии. До начала работ над корпусом в базу данных ЛГИС «Диалект» уже был внесен паспортизованный лексический материал, собранный в 1990–2000-х годах.

Поскольку содержащиеся в корпусе тексты размечены в соответствии с Программой ЛАРНГ, в нем можно находить ответы на вопросы программы и отражать их на карте в лингвогеографическом модуле (вкладка «Карты»), также ЛГИС «Диалект» обеспечивает возможность поиска слов в лексикографическом модуле (вкладка «Словарь») [Жданова 2022] и получение полной информации об их употреблении в русских говорах Удмуртии (значение, место и год записи, просмотр контекстов, синонимы и омонимы).

Также действующая версия корпуса русских говоров Удмуртии дает возможность просматривать и прослушивать полные записи диалектной речи в модуле «Тексты», что позволяет проанализировать фонетические, грамматические и лексические особенности речи жителей села Карсовой и близлежащих населенных пунктов путем сплошной выборки. В связи с тем, что в корпусе на момент написания статьи отсутствует машиночитаемая версия текстов, сделать некоторые статистические подсчеты и сопоставления оказывается сложным.

В корпусе русских говоров Удмуртии содержатся записи из села Карсовой Базезинского района, а также из ближайших населенных пунктов (д. Коньково, пос. Кирпичный Завод, д. Марченки), входящих в Карсовайское сельское поселение,

сделанные в 1981 г., в объеме почти 30 рукописных страниц. Записи были сделаны студентами Удмуртского государственного университета в ходе диалектологической практики, проверены преподавателями вуза. В данной работе проанализированы записи из всех указанных населенных пунктов, поскольку расстояние между ними незначительно (не более 2 км). Информанты — 7 женщин пожилого возраста:

- И1 — Абашева Мария Васильевна, 67 лет (1914–1915 г. р.), с. Карсовой (тетрадь № 5, с. 18–24).
- И2 — Чувашова Мария Макаровна, русская, 3 класса образования, 1910 г.р., с. Карсовой (тетрадь № 12, с. 14–23).
- И3 — Пыжьянова Анна Григорьевна, 1916 г. р., пос. Кирпичный завод (тетрадь 11, с. 13; так как на современной карте поселок не отмечен, в ЛГИС «Диалект» эта запись «привязана» к районному центру с. Балезино).
- И4 — Ичетовкина Мария Иосифовна, 77 лет (1904–1905 г. р.), с. Коньково, приехала из Петровцев (7 км на северо-восток от Карсовой) (тетрадь № 11, с. 13–16).
- И5 — Варанкина Анна Дмитриевна, 1903 г. р., с. Коньково (тетрадь № 11, с. 16–18).
- И6 — Некрасова Анна Ивановна (возраст не указан, однако судя по тому, что муж информантки погиб на фронте, она явно относится к тому же поколению, что и остальные), с. Марченки (тетрадь № 11, с. 18–23).
- И7 — Некрасова Анна Васильевна, 1904 г. р., с. Марченки (тетрадь № 11, с. 23–24).

К сожалению, национальность, место рождения и уровень образования указаны не для всех информантов и эти сведения не подлежат восстановлению, однако, учитывая инструкцию, которую обычно получают собиратели, можно предположить, что они беседовали с малообразованными сельскими жительницами, родным для которых является русский язык, владение другим языком не указано. Национальная принадлежность в данном случае является спорной характеристикой, поскольку, как писал еще В. Ф. Барашков, люди, родившиеся в смешанных русско-пермских семьях, часто называют себя русскими [Барашков 1957].

Также в корпусе русских говоров Удмуртии содержатся аудиозаписи, сделанные в селе Карсовой в 2006 году. Это записи опроса, который проводят студенты-филологи по программе Лексического атласа русских народных говоров. Записана речь двух женщин:

- И8 — Варанкина Ефросинья Михайловна (в начале записи указывает 1929 год рождения, но некоторые факты биографии, изложенные в записи, свидетельствуют о том, что информант несколько старше (возможно, 1926 г. р.)), 2 класса образования, с. Карсовой (тетради (кассеты) №№ 4, 6, 7),
- И9 — Новоселова Зинаида Иосифовна, 1939 г. р., из старообрядческой семьи, с. Карсовой (тетради (кассеты) №№ 5, 6, 8).

Продолжительность записей составляет примерно по 200 минут разговоров с каждой. Тематика опроса — календарь (церковные праздники), обряды (родильно-крестильный, рекрутский, свадебный, похоронный), этикет. Запись прерывается в некоторых местах (по-видимому, собиратели вырезали части беседы, не относящиеся к теме), качество записи не всегда хорошее, однако значительный объем позволяет сделать наблюдения относительно явлений, зафиксированных в текстах, записанных в Карсое в 1981 году.

Для более точного описания и достоверного представления некоторых фонетических явлений исследуемого говора мы использовали свободно распространяемую программу PRAAT, которая представляет собой мощный лингвистический инструмент для изучения звуков, позволяющий строить спектрограммы, провести разносторонний анализ звучащей речи и объективно интерпретировать акустические данные.

3. Фонетические явления¹

Для удмуртского и коми языков характерны **палатальные (шепелявые) фриктивы [с''] и [з']** [Алатырев 1983: 564; Коми-пермяцкий язык 1962: 73–74], что отмечается в речи двуязычных лиц [Прокуровская 1996: 198; Ерофеева 2013: 59]. В текстах корпуса русских говоров Удмуртии, записанных в селе Карсовой и ближайших населенных пунктах в 1981 г., отмечены единичные случаи подобного произношения.

В небольшой записи речи И3 отмечено: *опсожы́тијэ́јэс''* (с. 13). В других словах зафиксированы палатализованные звуки: *з'эмл'эн'ика, јэс'л'и, ф стлвроп'ол'с'к'им кр'ајэ*.

В речи И4 отмечено: *С''эм'эро был'и; Т'ол'ко д'в'э к'ур'иц''и-то јэс''* (с. 14). Более частым является обычное для русского языка произношение: *к'ис'н'от, в з'эмл'у, вэ'эл'и, фс'о, г'оспод'и-ис'ус'э, ч'ис'т'лт, уч'ил'ис'л, пр'эс'т', н'ос'иш*.

В записи И5 тоже зафиксировано два примера употребления палатальных фриктивов: *јэс'', ес''ли* (с. 17). Чаше произносятся палатализованные звуки: *фс'ако, увоз'ил'и, с'эно, с'ин'ий, с'эрий, з'дис', з'абу* ('мерзну').

Можно отметить, что форма *јэс''* в речи указанных информантов встречается единожды и только с «шепелявым» согласным, И1 и И6 произносят *јэс'*, в речи других информантов 1981 года эта форма не зафиксирована.

В аудиозаписях произношение шепелявого [с''] наблюдается в речи И8, но непоследовательно. С этого звука были сделаны спектрограммы соответствующих отрезков аудиозаписей.

В литературном языке глухие щелевые согласные характеризуются более определенными частотными областями в сравнении, например, с взрывными звуками (см. [Бондарко 1998]). Анализируемые нами в данной работе щелевые звуки

¹ В данном разделе статьи транскрипция соответствует источнику. Для единообразия используются кириллические символы.

[с'] и [с''] не имеют существенных отличий с точки зрения акустических характеристик, однако, опираясь на акустическую классификацию звуков Р. Якобсона, Г. Фанта, М. Халле, мы можем говорить о том, что исследуемые звуки отличаются по признаку компактности и диффузности [Касаткин 2006: 15–16]. В частности звук [с'] является диффузным, формантная область частот распределяется равномерно. Этот признак проявляется на спектрограммах, которые приведены ниже. Звук [с''] относится к компактным, формантная область данного звука сконцентрирована в узкой части спектра (см. спектрограммы ниже).

Существует большое количество научных исследований, направленных на анализ звуковой речи как акустического продукта, динамических спектрограмм речи (см. работы [Деркач и др. 1983; Пауфошима 1983; Бондарко 1998; Касаткин 2006] и др.).

Различия в акустических характеристиках рассматриваемых нами звуков достаточно подробно проанализированы в работе [Деркач и др. 1983]. Ученые отмечают, что «обладая сравнительно большой интенсивностью, шум согласного *с* характерно расположен в области высоких частот от 3 кГц и выше» [Деркач и др. 1983: 48], что хорошо мы видим на наших спектрограммах, приведенных ниже. Спектрограмма звука [с''] проявляется в виде непрерывного широкополосного шума со смещенной вверх нижней границей, что сближает его со звуковым комплексом «щ», который «произносится как удлинённый мягкий щелевой согласный [ш']» [Деркач и др. 1983: 99]. Исследователи отмечают, что «полоса шума щелевого *ш* хорошо выражена благодаря высокой интенсивности и занимает среднечастотную область от 1 до 5 кГц. Верхняя граница спектра шума *ш* лежит ниже, чем таковая для фрикативного *с*, и в этом состоит отличие между звуками» [Деркач и др. 1983: 55]. Аналогичные наблюдения мы получили в рамках нашего исследования.

В процессе анализа материала были подготовлены спектрограммы анализируемых звуков, которые позволили засвидетельствовать наличие непоследовательного употребления на месте зубного свистящего *с* звука, близкого к фрикативному [с'']. В качестве примера приведем спектрограммы для слов типа *страда*², *сердце*, *доко-сили*, *обсевки*, *тысяч*, *себя* (И8, тетрадь 4 (А), мин. 2–10) (см. Рисунок 1, Рисунок 2, Рисунок 3, Рисунок 4).

В качестве сравнения и доказательства непоследовательности употребления звука, близкого к фрикативному [с''], необходимо привести примеры, которые отражают произношение чистого зубного свистящего [с'] на месте буквы *с* (см. Рисунок 5).

Очевидным является различие в спектрографическом рисунке приведенных примеров (см. Рисунок 6, Рисунок 7, Рисунок 8).

² Указывается для демонстрации твердого глухого согласного звука [с], который информантом не искажается.

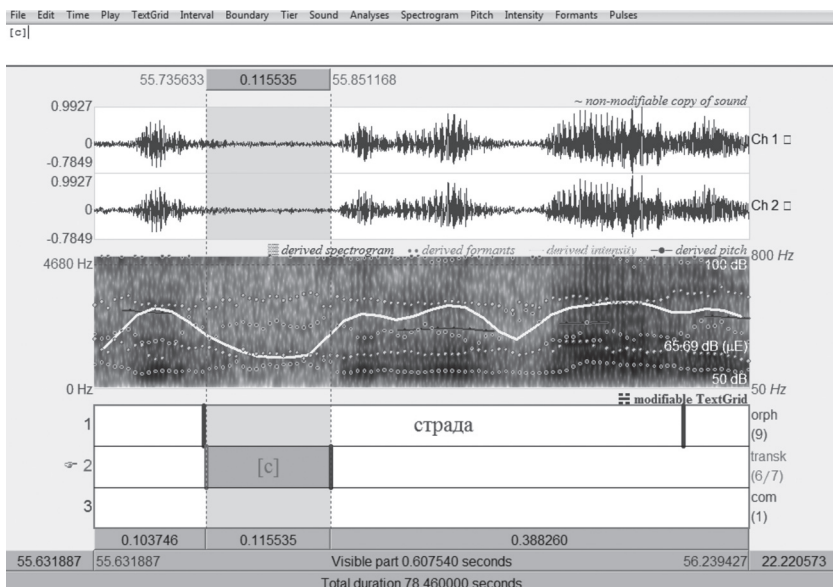

Рис. 1. Спектрограмма для слова *страда*

Спектрограмма демонстрирует низкую интенсивность звука [c] (65 dB). Частота равна 3401.9461376022346 Гц. Распределение частот равномерное.

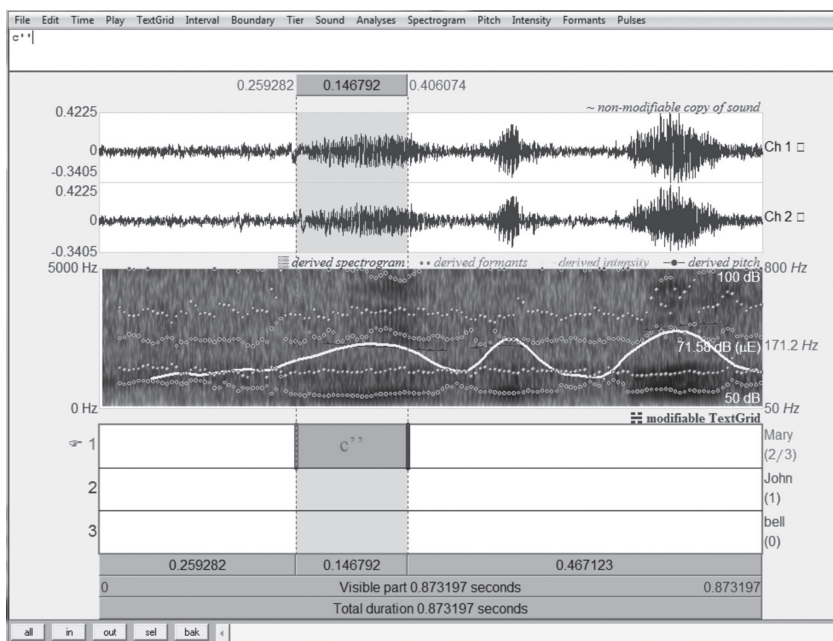

Рис. 2. Спектрограмма для слова *докосили*

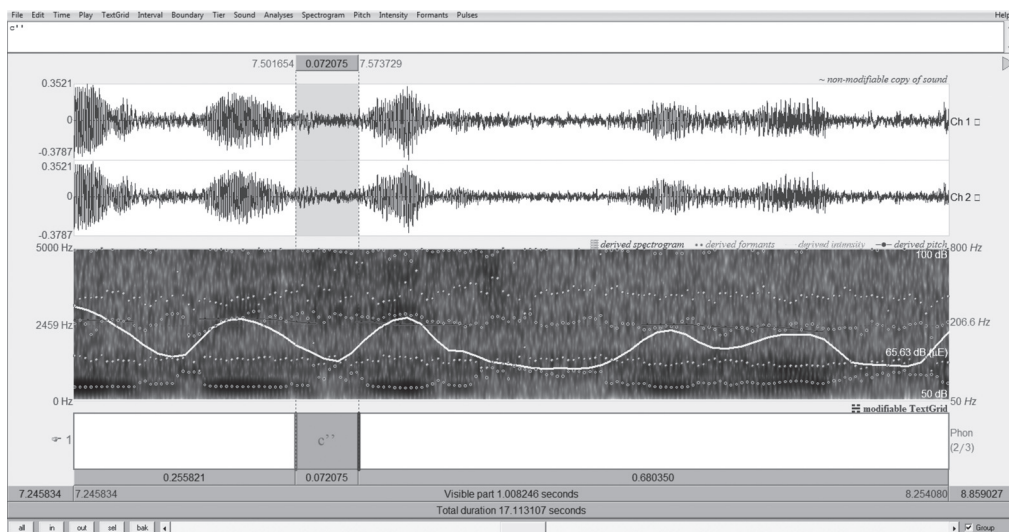

Рис. 3. Спектрограмма для слова *тысяч*

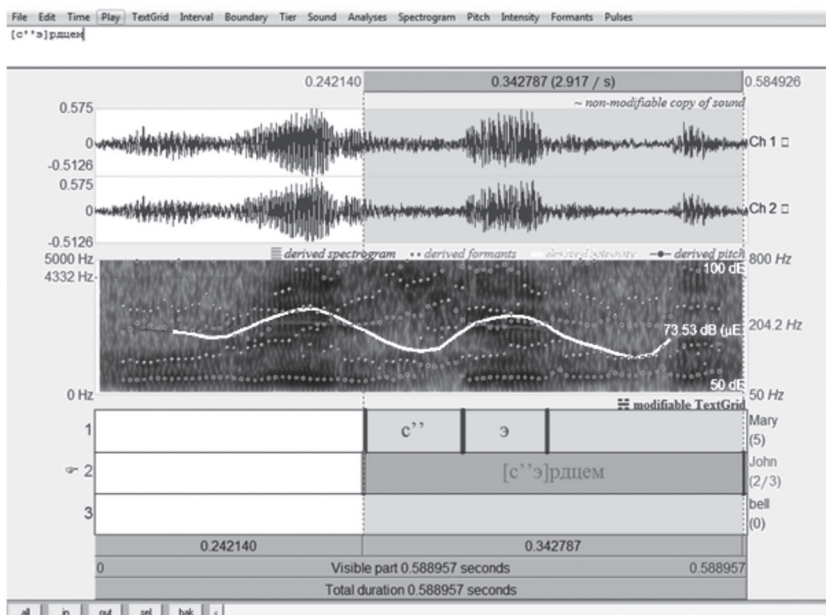

Рис. 4. Спектрограмма для слова *сердцем*

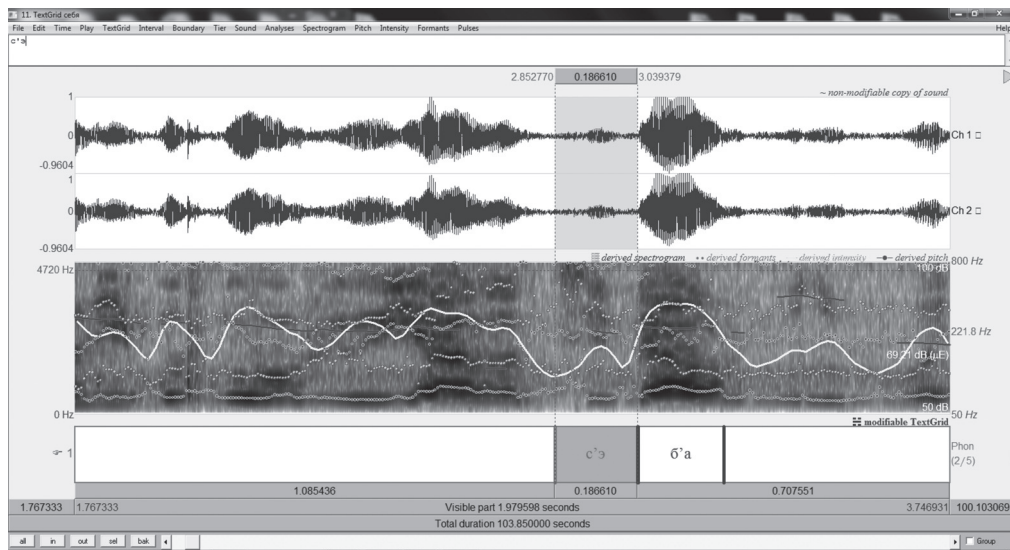

Рис. 5. Спектрограмма для слова *себя*

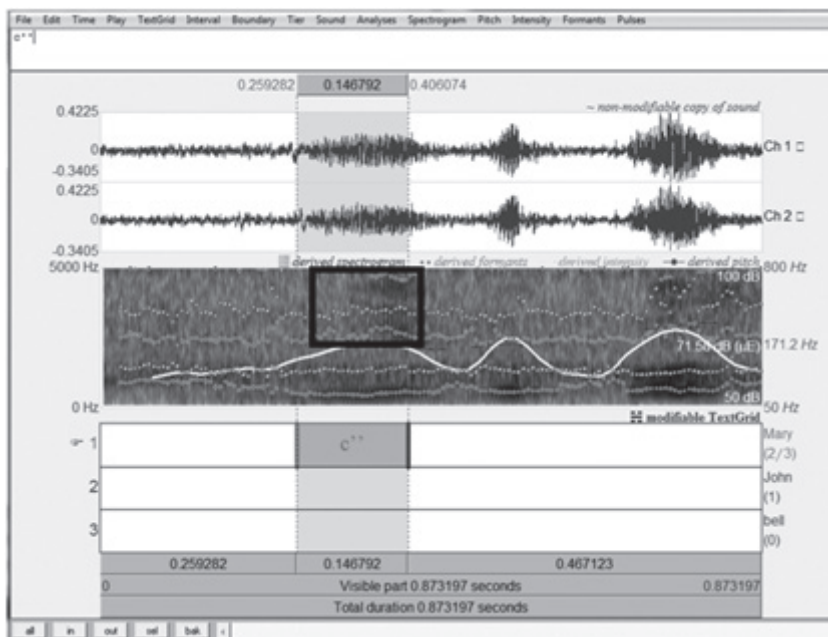

Рис. 6. Звук [c''] (докосили)

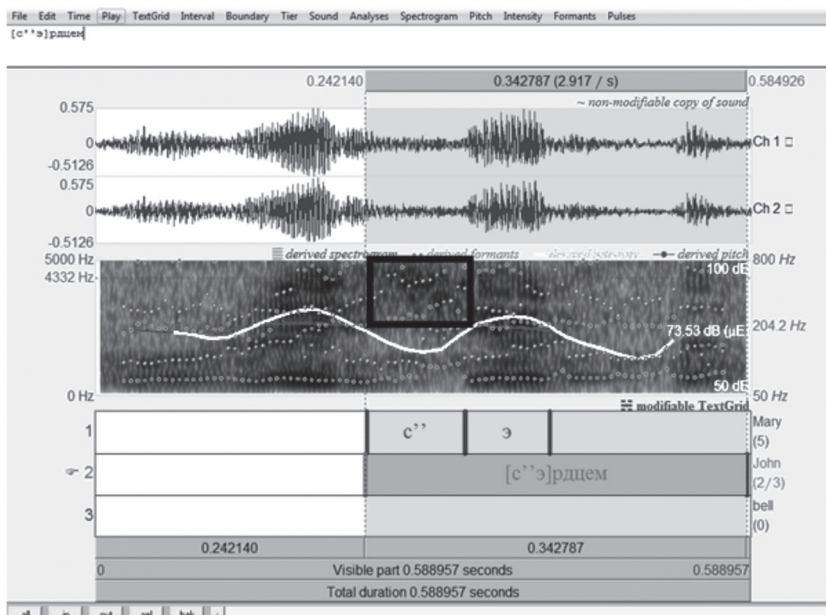

Рис. 7. Звук [c''] (сердце)

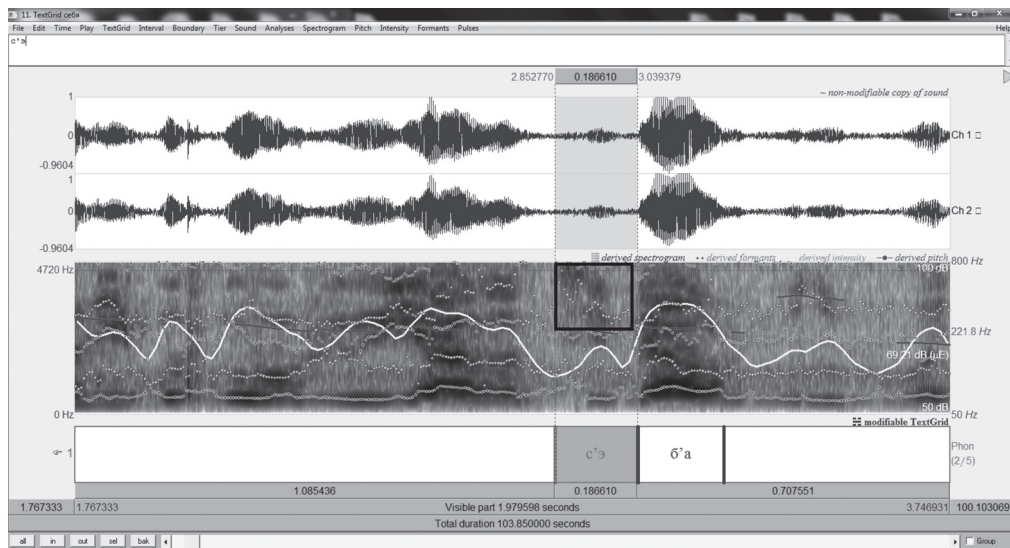

Рис. 8. Звук [c'] (себя)

Спектрограммы слов *докосили* и *сердце* демонстрируют явную степень усиления частот и их концентрацию. Рисунок для звука [c'] в слове *себя* более размытый, формантная область распределяется равномерно по всему спектру в отличие

от сконцентрированности частот в сравнительно узкой части спектра в аналогичном диапазоне для звука [с''] в словах *докосили*, *сердце*, ср. данные в Таблице 1.

Таблица 1. Области усиления частот для звуков [с'], [с'']

Слово	Область усиления
<i>сердце</i>	4808.188697193596 Гц
<i>докосили</i>	4840.14875366127 Гц
<i>себя</i>	3657.6266029824824 Гц

Интересным представляется выявленный в ходе исследования пример самостоятельного исправления информантом своего произношения: в слове *обсевки* информант изначально произносит щелевой [с''], а затем исправляет себя, произнося мягкий свистящий звук [с'] (см. Рисунок 9, Рисунок 10).

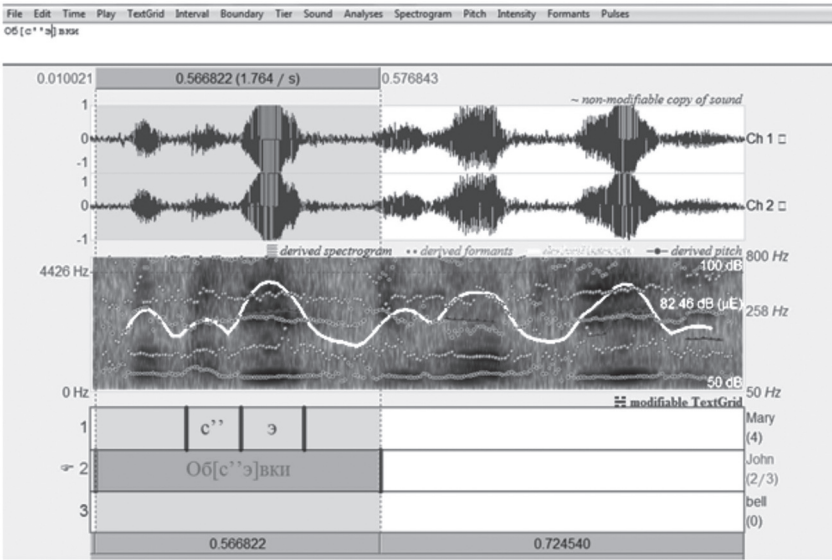

Рис. 9. Спектрограмма для слова *обсевки*

На Рисунке 10 мы видим, что в случае произношения информантом слова *обсевки* через звук [с''] наблюдается зона усиленных частот, во втором случае — об[с'э]вки — такой интенсивности формант нет. Частота звука [с'] равна 4552.508231813348 Гц, частота звука [с''] составляет 4648.388406330942 Гц.

Различия между спектральными характеристиками палатализованных и палатальных согласных в диалектной речи соотносятся со спектральными характеристиками мягких фрикативных согласных в русском литературном языке.

Таким образом, случаи произношения палатальных фрикативных согласных в речи жителей села Карсовай и ближайших населенных пунктов единичны и непоследовательны.

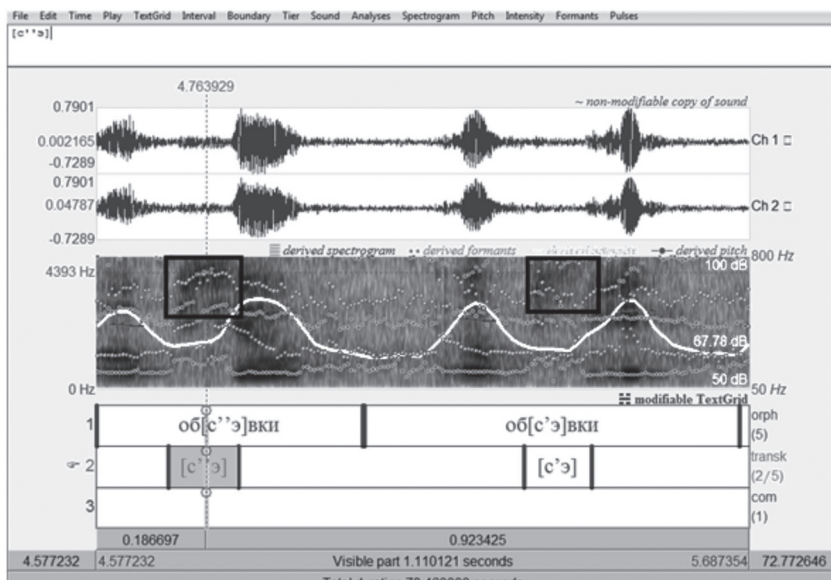

Рис. 10. Различие в распределении частот

В. Ф. Барашков тоже отмечал «шепелявые» свистящие в селениях на севере Карсавойского района как факультативное явление, наблюдаемое в основном в речи пожилых малограмотных женщин, и, ссылаясь на мнение А. М. Селищева [Селищев 1921: 201–202], связывал это явление с влиянием коми и удмуртского субстрата [Барашков 1957: 92–93].

«Мягкие *с, з* с шипящим призвуком», по данным Диалектологического атласа русского языка [ДАРЯ], встречаются во многих русских говорах. Что касается речи жителей севера Удмуртии, в том числе села Карсавой, то возможно, что такое произношение было изначально характерно для говоров русских перво-поселенцев в этих местах, а соседство и влияние финно-угорских языков пермской группы выступило как поддерживающий фактор.

Особого рассмотрения заслуживает **произношение аффрикат** в говоре села Карсавой.

В речи И2 на месте *ч* во всех случаях произносится звук, более близкий к [цʲ], который принято обозначать как [чʲ]: *вѣуцʲилса* (с. 15), *н'ѣкчʲэмʲушна* (с. 16), *дак чʲо* (с. 17), *почʲом* (с. 17), *полнóчʲи* (с. 17), *одночʲасʲјэ* (с. 18), *н'ѣчʲку* (с. 22), *чʲулán* (с. 22) и др.

В речи И3 отмечено непоследовательное произношение: *нѣнчʲэ*, но *уóр'чʲиклм* (И3, с. 13).

В речи И1, И4, И5, И6 и И7 зафиксировано произношение обычного [чʲ]: *чʲэтыр'э*, *чʲэр'эм'ица*, *вычʲосываут*, *почʲинок*, *чʲэр'эпán*, *врачʲи*, *чʲују*, *получʲат'*, *јаич'ко* и др.

Более сложной оказывается картина произношения звука на месте *ц*.

В речи И2 и И4 отмечено последовательное произношение на месте *ц* звука [ц'] — мягкого, близкого к [ч']: *ц''эл'но* (И2, с. 15), *крыл'ц''о* (И2, с. 22), *кур'иц''и*, *Пэтрóфц''эф* (И4, с. 14), *сónц''э* (И4, с. 15).

В записи речи И3 и И5 отмечено непоследовательное произношение: *ц'элојэ*, *ц''ипл'át*, *р'ип'ич''л* (*репица* 'хвостовой отросток') (И3, с. 13). В записи речи И5 разное *ц* звучит в одной фразе: *кур'иц''л* *когда* *сди́йц''л* *на* *јлйц''о* (с. 17).

В речи И6 отмечено непоследовательное смягчение [ц], связанное, возможно, с позицией этого звука перед гласными переднего ряда: *т'эл'át'н'иц''эй* (с. 19), *ц'элой* (с. 21), *постојэл'ц''и* (с. 22), но *сов'эцкой* (с. 18), *за óфцам'и* (с. 19). В речи И7 наблюдается сходная ситуация, однако для обоснованного вывода примеров недостаточно: *т'эл'át'н'иц''эй*, *кур'át'н'иц''ей*, *п'эстун'н'иц''л* (с. 23).

Иначе произносят некоторые информанты звук на месте *тс* в глагольных формах.

В речи И5, И6 и И7 в глагольных формах отмечен долгий [ц']: *называ́јэц''л* (И5, с.16), *отели́ц''а* (И5, с.18), *отва́л'ивају́ц''л* (И6, с. 19), *у́ч'лц''л* (И6, с. 19), *имају́ц''л* (И6, с. 24).

В речи И2, И3 и И4 сочетание *тс* в глаголах обозначено собирателями как долгий [ц']: *ла́јэц''а* (И2, с. 17), *кан'ит'эл'и ц''а* (И2, с. 17), *нар'лц''л* (И3, с. 13), *от'эл'иц''л* (И3, с. 13), *вл'йц''л* (И4, с. 14), *мо л'йц''л* (И4, с. 15). Получается, что в речи И2 и И4 звук в этой позиции не отличается от произношения *ц* в других словах, а в речи И3 в этой позиции последовательно реализуется один из вариантов произношения.

В речи И1 отмечено только твердое произношение [ц]: *м'эс'лцъ*, *ч'эр'эм'йца*, *атл'ич'ájэцъ*.

Подобные нюансы произношения не всегда легко различимы, а тот факт, что записи сделаны разными собирателями, может усилить сомнения в точности фиксации данного фонетического явления, поэтому возможность обращения к аудиозаписям корпуса русских говоров Удмуртии с применением инструментального анализа способствует уточнению произношения аффрикат.

Анализ аудиозаписей показал, что в речи более молодой информантки И9 аффрикаты звучат так же, как в современном русском литературном языке. Единственным случаем несовпадения звучания и этимологической фонемы является произношение слова *тысяцкий* как *ты́с'эч'кл* (тетрадь 8 (4), мин. 14). Учитывая, что это слово относится к традиционной лексике и является малоупотребительным, можно предположить лексикализацию такого произношения в исследуемом говоре. Так же его произносит и И8: *ты́с'эч'кой* (тетрадь 6 (С), мин. 8).

В речи И8 других случаев произношения *ч* на месте *ц* тоже не отмечено: *с'э́рцэ*, *пл'эм'áй'ицы*, *называ́йца*, *нач'ина́йца* и т. д.

Однако обращает на себя внимание произношение *ч* как [ч'] (звук, похожий на [ц']): *кул'ич''и* (тетрадь 4 (А), мин. 6), *с'ич''ác* (тетрадь 4 (А), мин. 19), *иáјэч''ка* (тетрадь 4 (А), мин. 30) и др., что, возможно, является индивидуальной особенностью речи информанта.

Аффрикаты в литературном произношении характеризуются «с одной стороны, наличием глухой смычки, которая в абсолютном начале не фиксируется, поскольку представляет собой паузу, а с другой — наличием щелевой фазы после смычки, и эта фаза реализуется как высокочастотный шум, близкий по своим характеристикам к шуму соответствующих щелевых» [Бондарко 1998: 83]. В [Деркач и др. 1983: 62] отмечается, что «шум переднеязычно-небного аффриката *ч* по спектральным характеристикам сходен с шумом переднеязычно-небного фрикативного согласного *ш*». При сравнении спектрограмм слогов с аффрикацией *ц*, которая артикуляционно и акустически близка к звуку [ч''], и аффрикацией *ч*, по замечанию ученых, видна фаза смычки и фаза шума обеих аффрикат [Деркач и др. 1983: 62].

В речи И8 употребление звуков на месте *ч* на спектрограмме выглядит так (см. Рисунок 11).

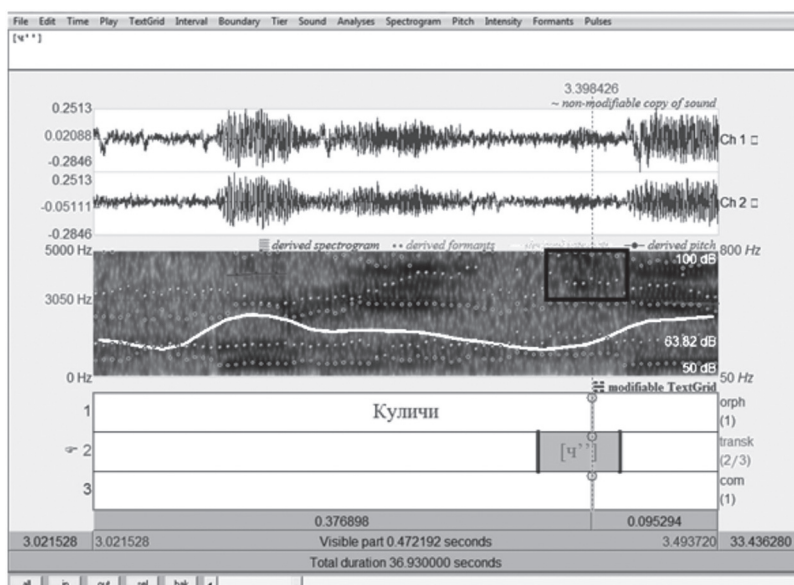

Рис. 11. Спектрограмма для слова *куличи*

В качестве сравнения приведем пример спектрограммы для слова *чего*, в котором *ч* информантом произносится как литературный звук [ч'] (см. Рисунок 12).

Спектрограммы демонстрируют различие в звуках [ч'] и [ч''], которое проявляется в компактности звука [ч''], т. е. сконцентрированности основной энергии в узкой части спектра, и диффузности звука [ч'], что проявляется в равномерном распределении формантной области по всему спектру.

Таким образом, можно говорить о различном качестве произносимых аффрикат в описываемом говоре. Судя по отраженному в записях произношению, неразличения аффрикат в говоре нет, однако их произношение различается по информантам.

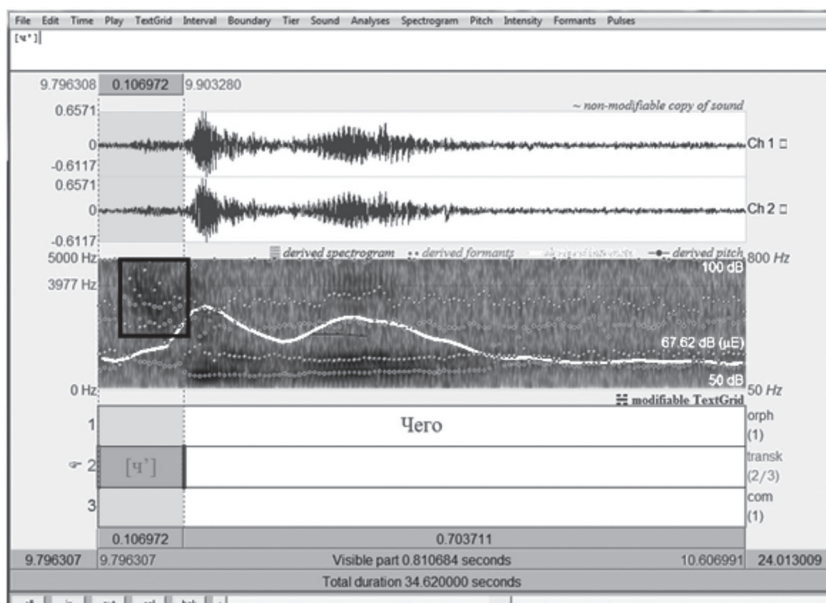

Рис. 12. Спектрограмма для слова *чег*

В записях 1981 г. более «нестабильным» является произношение *ц*, в 2006 г. обращает на себя внимание произношение *ч* в речи одной из информанток.

В. Ф. Барашков в середине XX века зафиксировал в говорах более северных деревень неразличение аффрикат, произношение [цʰ] — звука, среднего между *ц* и *ч*, в «традиционном слое говора» [Барашков 1957: 89]. Такое произношение автор объяснил влиянием коми языка.

В удмуртском и коми-пермяцком языках изначально отсутствовала фонема <ц>. Звук [ц] произносится только в заимствованиях из русского языка [Алатырев 1983: 564; Коми-пермяцкий язык 1962: 6]. Также в коми-пермяцком и удмуртском языках есть мягкий [чʰ], который звучит более шепеляво, смягченно, чем в русском, и твердый [ч] (обозначаемый буквой *ч*) [Алатырев 1983: 564; Коми-пермяцкий язык 1962: 72].

Записи речи жителей села Карсовой конца XX — начала XXI вв. показывают, что неразличения <ц> и <ч> здесь не наблюдается, однако в речи многих информантов отмечается более мягкое *ч*, что характерно для пермских языков, и смягченное произношение *ц*, что можно объяснить уподоблением этого звука мягкому *ч*, более привычному носителям пермских языков. Возможно, такое произношение было усвоено информантами от предков-билингвов или в процессе длительного контакта с носителями пермских языков. Непоследовательность свидетельствует о постепенной утрате данного произношения в условиях незнания информантами удмуртского и коми языков, а также под влиянием русского литературного языка, который становится все более доступным и распространенным.

С другой стороны, говоря о влиянии местных финно-угорских языков на произношение аффрикат в русской речи жителей села Карсовой и других населенных пунктов Удмуртии, стоит учитывать, что цоканье, чоканье и другие варианты произношения аффрикат характерны для многих севернорусских говоров, поэтому можно предположить, что наблюдаемое явление было принесено русскими предками современных жителей с севернорусских территорий, а иноязычное окружение стало лишь поддерживающим фактором, способствующим консервации данного фонетического явления. Такой точки зрения придерживается, например, Л. Н. Макарова. В статье [Макарова 1973] она описывает влияние на произношение аффрикат в различных вятских говорах окружающих финно-угорских языков: марийского, коми-пермяцкого и удмуртского, подчеркивая, что иноязычное влияние лишь поддержало существовавшие в русских говорах особенности употребления аффрикат.

4. Грамматические явления

В говоре села Карсовой и ближайших населенных пунктах отмечены случаи использования форм именительного падежа имен существительных вместо форм родительного падежа в конструкциях с наречиями, указывающими на количество (**количественное наречие + И. п.**), см. (1)–(3), но (4) в речи того же информанта.

- (1) *Кони-то людно были.* (И5, с.17)
- (2) *Белые [грибы] мало.* (И5, с.17)
- (3) *Комеки шибко (м)ного.* (И7, с. 24)
- (4) *У сына внуков много.* (И7, с. 24)

В. Ф. Барашков также отмечает в говорах северной части Карсавайского района конструкции типа «количественное наречие + И. п.» (*у ей ведь дити много, у нас уценики-то мало, девцёнки людно были* и др.) и объясняет их появление влиянием коми и удмуртского языков, в которых аналогичное значение передается сочетанием с формой имени в именительном падеже [Барашков 1957: 214–219]: удм. *трос аръёс* ‘много лет’ (много + годы) [Русско-удмуртский словарь 1956: 452], коми *уна машинаэз* ‘много машин’ (много + машины) [Коми-пермяцкий язык 1962: 190].

Как показал анализ аудиозаписей, сделанных в 2006 г., подобные конструкции использует в речи только старшая из информанток, И8:

- (5) *Неработь-то* (‘бездельник’) *полно.* (И8, тетрадь 7 (Е), мин. 1)
- (6) *Черно* (‘очень много’) *наклали мне гостинцы.* (И8, тетрадь 6 (С), мин. 32)

В качестве конструкции, появившейся в говорах севера Карсавайского района под влиянием удмуртского и коми языков, В. Ф. Барашков называет также **сочетания собирательных числительных с формой именительного падежа одушевленных существительных** (вместо привычного в русском языке родительного): *троё дити были, семеро робята* и др. Именно так (с формами именительного падежа единственного или множественного числа) строятся сочетания с числительными в удмуртском и коми-пермяцком языках: *сизъымдон книга* ‘семьдесят книг’

(семьдесят + книга) [Алатырев 1983: 573]; *õtık wöv* ‘одна лошадь’, *кык wöv* ‘две лошади’ [Коми-пермяцкий язык 1962: 226].

В записях, сделанных в селе Карсовой, содержащихся в корпусе русских говоров Удмуртии, отмечен лишь один пример такого употребления — в аудиозаписи 2006 г. в речи И8 (7). Стандартные для русского языка сочетания с формами родительного падежа в речи И8 не встретились.

(7) *Троё дети дак.* (И8, тетрадь 4 (А), мин. 16)

В качестве еще одной синтаксической особенности, обусловленной влиянием удмуртского или коми-пермяцкого языков, В. Ф. Барашков называет конструкции «нет + И. п.», которые использовались диалектоносителями достаточно часто и были обусловлены аналогичным строением конструкций с отрицанием в указанных финно-угорских языках [Барашков 1957: 226–230].

В текстах корпуса русских говоров Удмуртии, записанных в селе Карсовой, также отмечены такие конструкции:

(8) *Медведи нет здесь.* (И1, с. 24)

(9) *Нету яичко.* (И7, с. 24)

(10) *Скотина у меня никакая нету-ка.* (И6, с. 19)

(11) *Мужик-от нет.* (И6, с. 19)

(12) *Работники-то вовсе нету в деревне-ка.* (И6, с. 19)

(13) *Народ нету.* (И6, с. 19)

Примеры (14)–(15) отражают разнообразие возможных отрицательных конструкций в данном говоре:

(14) *Внуков нету-ка, даже один нету, видно, не будут.* (И4, с. 14)

(15) *Никто нету.* (И4, с. 14)

В аудиозаписях конструкции *нет + сущ. в И. п.* отмечены опять же только в речи И8 (16)–(18). И9 использует в таких конструкциях имя в форме родительного падежа (19).

(16) *Вот щас у меня заборка (‘перегородка’) нету, не сделали дак, хоть занавески есь.* (тетрадь 6 (С), мин. 5)

(17) *Месяц нету.* (тетрадь 4 (В), мин. 42)

(18) *Никого народ нет.* (тетрадь 6 (С), мин. 43)

(19) *Молока нет.* (тетрадь 5 (1), мин. 16)

Также в записях 1981 г. отмечены отрицательные конструкции с глаголом *стать*, которые в современном русском языке чаще используются как безличные:

(20) *Щас даже яйца не стали.* (= ‘яиц не стало’) (И1, с. 20)

(21) *Когда родители не стали.* (= ‘когда родителей не стало’) (И1, с. 23)

Как отмечает В. Ф. Барашков со ссылками на работы А. А. Потебни, В. И. Борковского и др., отрицательные конструкции с формами глагола *быть* (как, по-видимому,

и *стать*) в истории русского языка могли быть личными, А. Б. Шапиро фиксирует примеры таких конструкций в севернорусских говорах [Шапиро 1953], поэтому они не могут считаться «заимствованными» из финно-угорских языков, однако конструкции со словом *нет* и формой именительного падежа существительного для русского языка в источниках не отмечены [Барашков 1957: 224–237]. В финно-угорских языках пермской группы в отрицательных конструкциях с *нет* используются формы именительного падежа существительных: *Абу Ванялӧн охота мунны вуграсьны* ‘Нет у Вани желания (букв.: охоты) идти удить рыбу’ [Коми-пермяцкий язык 1962: 315], *Ӧвӧллы суд но ӧвӧл* ‘На нет и суда нет’ [Русско-удмуртский словарь 1956: 542], поэтому, вслед за В. Ф. Барашковым, можно утверждать, что конструкции «нет + И. п.» в речи жителей села Карсовай присутствуют как остаточное явление влияния пермских языков.

Добавим, что о частотности грамматических явлений в речи жителей села Карсовай в 1981 году судить сложно, поскольку мы допускаем, что собиратели-студенты могли фиксировать не всю речь информантов, а только отрезки, содержащие диалектные особенности. Однако сам факт наличия подобных конструкций в речи нескольких опрошенных свидетельствует о достаточной распространенности указанных явлений.

5. Лексические явления

В анализируемых текстовых записях 1981 г., имеющих относительно небольшой объем для анализа лексического состава, все же встречаются заимствования из финно-угорских языков.

Например, в (22) можно обратить внимание на слово *осога́ть* ‘расчесать’, образованное от удмуртского *согы́* ‘щетка, чесалка (для льна, конопли)’ [Корпус удмуртского языка]. Слово *сога́* в том же значении фиксирует В. Ф. Барашков в северной части Карсовайского района, однако о его происхождении он не пишет. В словаре пермских говоров слова *осога́ть* и *сога* отсутствуют. В Словаре русских народных говоров слово *сога* отмечено, помимо Карсовайского района Удмуртии, только в Кировской области [СРНГ, 39: 196].

- (22) *Дак лён-то сеяли, вытеребят, обколотят, соберут, высушат, трепалом отрепляют, **осога́ют**, делам мотушки, на мотовила наматывам.* (И1, с. 19)

В работе В. Ф. Барашкова слово *юсить* (23) отмечено в значении ‘развешивать снопы на юсях (кольях с сучьями для просушки снопов)’ [Барашков 1957: 285] от коми *юӧс* ‘острие’ [Словарь диалектов коми языка].

- (23) *Десять снопов поставят, а трём закроют, кол воткнул и снопы **юсят**; ветер ходит, проветриваца.* (И1, с. 22)

Отметим, что данные слова, восходящие к различным языкам, зафиксированы в речи одного и того же информанта, а также, по данным корпуса русских говоров Удмуртии, отмечены и в других населенных пунктах Базинского района. Это

подтверждает, что их употребление не просто является частью идиолекта жителя-билингва.

Слово *комок* (24) в удмуртском (*комак* [Корпус удмуртского языка]) и коми (*комъяк* [Словарь диалектов коми языка]) языках обозначает крысу.

(24) *Комеки* *шибко* (м)ного, по *фсёй* деревне *росселились*. (И7, с. 24)

Тексты, записанные на аудионоситель, ограничены тематически, однако в речи И9 отмечены заимствования из удмуртского языка: в (25) слово *табáнь* ‘лепешка’ [Корпус удмуртского языка] — название удмуртского национального блюда, отмечено В. Ф. Барашковым в говорах северной части Карсвайского района [Барашков 1957: 283]. В (26) слово *пыртос* имеет значение ‘муж, вошедший в дом жены’ (удм. ‘примак’ [Корпус удмуртского языка]).

(25) *Орешки пекут большинство, табани пекут... на рождественской неделе.*
(Тетрадь 5 (1), мин. 85)

(26) Собираетел: *А вот бывало, что молодые жили после свадьбы в доме невесты?*

И9: *Вот тогда называли пыртос жениха.* (тетрадь 8 (5), мин. 22)

Стоит отметить, что, по данным корпуса русских говоров Удмуртии, слово *табань* отмечено в различных населенных пунктах Удмуртии в ходе экспедиций 1970–1980-х гг., а также в ходе сбора данных для ЛАРНГ в 1990–2000-х гг., и является достаточно известным в Удмуртии. Слово *пыртос* в корпусе русских говоров Удмуртии зафиксировано в рамках сбора лексики в 1990–2000-х гг. в различных районах республики, то есть представляет собой достаточно распространенное и актуальное заимствование из удмуртского языка. Эти слова нельзя считать фактом влияния удмуртского языка на конкретный говор, однако данные заимствования демонстрируют проникновение удмуртской лексики в русские говоры севера республики, что, например, не было отмечено В. Ф. Барашковым.

6. Выводы

Как показал анализ письменных материалов и аудиозаписей, сделанных в селе Карсовой Базезинского района и включенных в корпус русских говоров Удмуртии, речь местных жителей содержит особенности, которые можно объяснить влиянием финно-угорских языков пермской группы. Прежде всего, это грамматические конструкции, не характерные для стандартного русского языка, а также лексические заимствования. Фонетические явления менее последовательны и совпадают с чертами, характерными для русских говоров других территорий.

Связывать отмеченные явления именно с удмуртским и коми языками нам позволяет то, что в данном ареале живут представители указанных народов, а также зафиксированный историками, этнографами и лингвистами (подробнее см. [Барашков 1957]) факт «обрусения» их представителей в результате смешанных браков. Таким образом, можно утверждать, что своеобразие речи жителей села Карсовой обусловлено остаточными явлениями коми-удмуртско-русской интер-

ференции. Можно отметить, что, по данным корпуса русских говоров Удмуртии, диалектные особенности, отмеченные в данной работе, характерны для русских говоров севера республики, и речь жителей села Карсовой типична для данной местности.

В. Ф. Барашков, описавший аналогичный говор на более северной территории, делает вывод о влиянии на язык местных жителей прежде всего коми языка, однако некоторые отмеченные в нашем исследовании лексические и грамматические факты свидетельствуют о том, что говоры данной территории подверглись и влиянию удмуртского языка. С нашей точки зрения, В. Ф. Барашков справедливо отметил, что описанные им диалектные особенности имеют более широкий ареал. В речи жителей села Карсовой можно наблюдать многие явления, описанные указанным автором. Кроме того, стоит отметить, что в своем исследовании В. Ф. Барашков приводит фамилии, распространенные среди первых поселенцев этого края, среди которых есть Варанкины, Некрасовы и Пыжьяновы [Барашков 1957: 11], эти фамилии имеют и некоторые информанты, чья речь записана в Карсовое в 1981 и 2006 годах. Таким образом, наши информанты могут быть родственниками тех же обрусевших коми-пермяков, потомки которых живут и на севере Базинского района.

Сопоставление записей, сделанных В. Ф. Барашковым в 50-х гг. XX века, с записями 1981 и 2006 года помогает проследить динамику изменения говоров северной части Базинского района Удмуртии в течение полувека: фонетические явления явно утрачиваются, грамматические явления, связанные с иноязычным влиянием, демонстрируют большую стабильность.

Опираясь на данные спектрограмм, мы получили доказательства отражения в речи жителей села Карсовой непоследовательного употребления на месте мягкого зубного свистящего *c'* звука, близкого к фриктивному щелевому [с"], на месте аффрикаты *ч'* — [ч"], что подтверждает: непоследовательное отражение произношения этих звуков в записях 1981 года соответствовало фактическому положению. Уже В. Ф. Барашков писал о том, что последовательно такое произношение проявляется только в «традиционном слое говора». В записях 2006 года [с"] звучит в отдельных случаях в речи одного из информантов.

В заключении следует отметить, что ситуация смешения населения и языковой интерференции характерна далеко не для всех населенных пунктов региона, поэтому выводы, полученные в результате данного исследования, нельзя считать характеристикой русских говоров Удмуртии в целом.

Литература

Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка. Ижевск, 1983 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3BgApX> (дата обращения 15.06.2024)

Баранов В. А., Верняева Р. А., Жданова Е. А. Мультимедийный корпус русских говоров Удмуртии: разработка и возможности использования // Cuadernos de Rusística Española. 2020. Вып. 16. С. 39–54.

Барашков В. Ф. Русский говор северной части Карсвайского района Удмуртской АССР: дис. ... канд. филол. наук / Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, Москва, 1957. 312 с.

Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун.-та, 1998. 276 с.

Всесоюзная перепись населения 1959 года. Численность сельского населения РСФСР — жителей сельских населенных пунктов — районных центров по полу [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg3.php (дата обращения 15.06.2024).

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения 15.06.2024).

Деркач М. Ф., Гумецкий Р. Я., Гура Б. М., Чабан М. Е. Динамические спектры речевых сигналов. Львов: Вища школа. Изд-во при Львов. ун-те, 1983. 168 с.

Ерофеева Е. В. Фонетические особенности русской речи билингвов Пермского Края: языковые контакты и языковой континуум // Российская и зарубежная филология, 2013. Вып. 1 (21), [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/foneticheskie-osobennosti-russkoy-rechi-bilingvov-permskogo-kрая-yazykovye-kontakty-i-yazykovoy-kontinuum/viewer> (дата обращения 15.06.2024)

Жданова Е. А. Корпус русских говоров Удмуртии как инструмент для изучения фонетических и грамматических диалектных особенностей // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2022. Т. 18. № 1. С. 89–94.

Здобнова З. П. Русские говоры на восток от Средней Вятки (западные районы Центральной Удмуртии): автореферат дис. ... канд. филол. наук / Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина, Казань, 1955. 17 с.

Итоги ВПН-2020 — Итоги Всероссийской переписи населения-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения 15.06.2024).

Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие для студ. филол. фак-в высш. учеб. завед. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 256 с.

Каталог населенных пунктов Удмуртской Республики. Численность постоянного населения на 1 января 2012 года [Электронный ресурс]. URL: https://18.rkn.gov.ru/DDoS01/26cf12cb/docs/18/Udmurtstat_Katalog_np_UR_2012.xls (дата обращения 15.06.2024).

Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология. Учебник для высших учебных заведений / В. И. Лыткин (гл. ред.). Кудымкар: Коми пермяцкое книжное издательство, 1962. 340 с.

Корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/dictionary> (дата обращения 15.06.2024).

Макарова Л. Н. К истории аффрикат в русском языке (по материалам Кировских говоров) // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 87–98.

Мартыанова В. Н. Слово в русских говорах Удмуртии. Глазов: Глазовский государственный педагогический институт, 2004. 88 с.

Пауфощима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М.: Издательство «Наука», 1983. 111 с.

Прокуровская Н. А. Город в зеркале своего языка: На языковом материале г. Ижевска: Монография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. 228 с.

Русско-удмуртский словарь / Ред. В. М. Вахрушева. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. 1360 с.

Селищев А. М. Диалектологический сборник Сибири, вып. 1, Иркутск: 2-я государственная типография, 1921. 297 с.

Словарь диалектов коми языка [Электронный ресурс]. URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=868754> (дата обращения 15.06.2024).

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–52. М.; Л./СПб., 1965–2024.

Смолякова Л. П. Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья. М.: Издательство «Наука», 1977. 192 с.

Шати́ро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 317 с.

R. A. Vernyaeva¹, E. A. Zhdanova²

Izhevsk State Technical University

(Russia, Izhevsk)

anikina.regina@gmail.com¹, zhdanovaea@gmail.com²

THE INFLUENCE OF FINNO-UGRIC LANGUAGES OF THE PERMIC GROUP ON THE RUSSIAN DIALECTS OF UDMURTIA (BASED ON THE EXAMPLE OF THE VILLAGE OF KARSOVAY, BALEZINSKY DISTRICT)

The article describes evidence of Komi-Permyak and Udmurt influence in the Russian dialect of the village of Karsovoy, Balezinsky district of Udmurtia. We have studied transcribed recordings of dialect speech from 1981 and audio recordings from 2006, which are included in the Corpus of Russian Dialects of Udmurtia. Some phonetic, grammatical and lexical phenomena are discussed. Their occurrence in the local variety of Russian can be traced back to linguistic interference that arose in a mixed population. The PRAAT program was used to clarify the properties of individual sounds. The data are compared with the results of an earlier (mid-twentieth century) study of dialects north of Karsovoy. The comparison of records from different periods allows us to draw conclusions about the gradual disappearance of some phonetic phenomena in the Russian speech of the inhabitants of the village of Karsovoy under study (pronunciation of lisp s', non-distinction of affricates), greater stability of peculiar grammatical structures (use of nominative case forms in constructions with the words 'no', 'many', collective numerals) and preservation of lexical borrowings from Udmurt and Komi-Permyak. Since the noted

phonetic and grammatical features are characteristic of both Udmurt and Komi-Permyak, the task of precisely establishing a single source of influence was not set in the work.

Keywords: Russian dialects of Udmurtia, instrumental studies, Udmurt language, Komi-Permyak language, corpus of Russian dialects of Udmurtia

References

Alatyrev V. I. *Kratkij grammaticheskij ocherk udmurtskogo jazyka* [Brief grammatical sketch of the Udmurt language]. Available at: <https://clck.ru/3BgApX> (accessed 15.06.2024)

Baranov V. A., Vernyaeva R. A., Zhdanova E. A. [The Multimedia Corpus of Russian Dialects of Udmurtia: Development and Possible Use]. *Cuadernos de Rusística Española*, 2020, vol. 16, pp. 39–54. (In Russ.)

Barashkov V. F. *Russkij govor severnoi chasti Karsovaiskogo raiona Udmurtskoi ASSR: dis. ... kand. filol. nauk.* [Russian dialect of the northern part of the Karsova region of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic. PhD. philol. sci.]. Moscow, Moscow State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin, 1957. 312 p.

Bondarko L. V. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoe posobie* [Phonetics of the modern Russian language: textbook]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 1998. 276 p.

DARYa — *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka* [Dialectological atlas of the Russian language]. Available at: <https://da.ruslang.ru/> (accessed 15.06.2024)

Derkach M. F., Gumeckij R. Ja., Gura B. M., Chaban M. E. *Dinamicheskie spektry rechevyh signalov* [Dynamic spectra of speech signals]. Lviv, Vishcha school. Lviv. University Publ., 1983. 168 p.

Erofeeva E. V. *Foneticheskie osobennosti russkoj rechi bilingvov Permskogo Kraja: jayzkovye kontakty i jazykovoj kontinuum* [Phonetic features of Russian speech of bilinguals of the Perm Region: language contacts and language continuum]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/foneticheskie-osobennosti-russkoy-rechi-bilingvov-permskogo-kraja-yazykovye-kontakty-i-yazykovoy-kontinuum/viewer> (accessed 15.06.2024).

Itogi vserossiiskoi perepisi naseleniya-2020 Tom 5 Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami [Results of the All-Russian Population Census-2020. Volume 5 National composition and language proficiency]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_jazykami (accessed 15.06.2024).

Kasatkin L. L. *Sovremennyy russkij jazyk. Fonetika* [Contemporary Russian language. Phonetics.]. M., Publishing center “Academy”, 2006. 256 p.

Katalog naselennykh punktov Udmurtskoi Respubliki. Chislennost' postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2012 goda [Catalog of settlements of the Udmurt Republic. Number of permanent population as of January 1, 2012]. Available at: https://18.rkn.gov.ru/DDoS01/26cf12cb/docs/18/Udmurtstat_Katalog_np_UR_2012.xls (accessed 15.06.2024).

Komi-permyackij jazyk: Vvedenie, fonetika, leksika i morfologija [Komi-Permyak language: Introduction, phonetics, vocabulary and morphology. Textbook for higher

educational institutions]. V. I. Lytkin (Ed.). Kudymkar: Komi-Permyak book publishing house, 1962. 340 p.

Korpus udmurtskogo yazyka [Corpus of the Udmurt language]. Available at: <https://udmcorpus.udman.ru/dictionary> (accessed 20.03.2024).

Makarova L. N. *K istorii affrikat v russkom yazyke (po materialam kirovskikh govorov)* [On the history of affricates in the Russian language (based on materials from Kirov dialects)]. *Voprosy Jazykoznanija*, 1973, no. 1, pp. 87–98.

Mart'yanova V. N. *Slovo v russkikh govorakh Udmurtii* [Word in Russian dialects of Udmurtia]. Glazov: Glazov State Pedagogical Institute, 2004. 88 p.

Paufoshima R. F. *Fonetika slova i frazy v severnorusskikh govorah* [Phonetics of words and phrases in Northern Russian dialects]. Moscow, Nauka, 1983. 111 p.

Prokurovskaja N. A. *Gorod v zerkale svoego jazyka: Na jazykovom materiale g. Izhevsk* [A city in the mirror of its language: Based on linguistic material from the city of Izhevsk]. Izhevsk: Publishing House of Udmurt University, 1996. 228 p.

Russko-udmurtskij slovar' [Russian-Udmurt dictionary]. M., State Publishing house of Foreign and National dictionaries, 1956. 1360 p.

Selishhev A. M. *Dialektologicheskij sbornik Sibiri, vyp. 1* [Dialectological collection of Siberia, vol. 1]. Irkutsk: 2nd State Printing House, 1921.

Slovar' dialektov komi jazyka [Dictionary of dialects of the Komi language]. Available at: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=868754> (accessed 15.06.2024).

SRNG — *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad/St. Petersburg. 1965–2024.

Smolyakova L. P. *Formirovanie foneticheskoi sistemy russkikh govorov Volgo-Kam'ya* [Formation of the phonetic system of Russian dialects of the Volga-Kama region]. Moscow, Nauka, 1977. 172 p.

Shapiro A. B. *Ocherki po sintaksisu russkikh narodnykh govorov* [Essays on the syntax of Russian folk dialects]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1953. 317 p.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda. Chislennost' sel'skogo naseleniya RSFSR — zhitelei sel'skikh naselennykh punktov — raionnykh tsentrov po polu [All-Union Population Census of 1959. Rural population of the RSFSR — residents of rural settlements — district centers by gender] Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg3.php (accessed 15.06.2024).

Zhdanova E. A. [Corpus of Russian dialects of Udmurtia as a tool for studying phonetic and grammar dialect features]. *Socio-economic management: theory and practice = Social'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 89–94.

Zdobnova Z. P. *Russkie govory na vostok ot Srednei Vyatki (zapadnye raiony Tsentral'noi Udmurtii)*. [Russian dialects east of Middle Vyatka (western regions of Central Udmurtia). Abstract dis PhD. philol. sci.]. Kazan, Kazan State University named after V. I. Ulyanov-Lenin, 1955. 17 p.

М.-Э. А. Винклер¹, Е. В. Кашкин²

Институт языкознания РАН¹,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН²,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова^{1,2}

(Россия, Москва)

maria.emilia.winkler@gmail.com¹, egorka1988@gmail.com²

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛЕКСЕМ ‘ЧИСТЫЙ’ / ‘ЧИСТО’ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДАННЫМИ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Работа посвящена семантическим переходам лексем поля чистый в трех финно-угорских языках: мокшанском, горномарийском и удмуртском (татышлинский говор). Данные собраны в ходе полевых исследований в первую очередь методом анкетирования. В центре внимания находятся заимствованные из русского языка лексемы, развивающие фокусные и интенсификационные значения. В работе описан набор таких значений для каждого из исследуемых идиомов. Выделены следующие направления семантических переходов, подверженные межъязыковому варьированию: выражение рестриктивного фокуса, высокая степень сходства при сравнении, полная затронутость референта именной группы признаком, полная затронутость референта именной группы действием, высокая степень проявления ситуации. В сопоставлении с финно-угорскими материалами мы анализируем употребление лексем — источников заимствования (*чистый* и *чисто*) в русском языке, обращаясь как к данным литературного языка (включая устный подкорпус НКРЯ), так и к доступным в корпусах и в словарях диалектным материалам. Мы установили, что все значения, доступные финно-угорским лексемам, присутствуют и в тех или иных вариантах русского языка. Это позволяет предположить, что рассматриваемые единицы могли быть заимствованы в финно-угорские языки вместе с уже развившимися в русском языке моделями полисемии. Вместе с тем в каждом из исследуемых языков обнаруживаются и специфические ограничения на употребление заимствованных лексем. В заключительной части мы обсуждаем характерную для лексем с семантикой ‘чистый’ / ‘чисто’ колексификацию значения рестриктивного фокуса и значений интенсификационной зоны. С приведением

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

типологических параллелей рассматриваются аргументы за возможность их независимого развития либо за их связь друг с другом.

Ключевые слова: семантические каритивы, лексическая типология, признаковая лексика, фокусные частицы, интенсификаторы, языковые контакты, заимствования, финно-угорские языки, русский язык

1. Введение

1.1. Предмет исследования и структура работы

В данной статье на материале нескольких финно-угорских языков (мокшанского, горномарийского и удмуртского) рассматриваются лексемы, принадлежащие к семантическому полю чистый и способные развивать грамматические функции, относящиеся к семантическим областям фокуса, квантификации и интенсификации². Многие из этих лексем заимствованы из русского языка (как *č'istâj* в (1)), что можно описать как заимствование языкового материала (англ. *matter borrowing*) в терминологии [Matras, Sakel 2007]. В то же время модели семантического развития рассматриваемых лексем схожи в русском языке и в контактирующих с ним языках, ср. семантику высокой степени сходства, выражаемую в (1)–(2). Поэтому возникает вопрос о том, развиваются ли эти модели независимо, или есть основания говорить об их заимствовании (*pattern borrowing*) из русского языка. Мы обсудим материал финно-угорских языков и с этой точки зрения.

(1) удмуртский (татышлинский говор)

dan'il č'istâj ataj-ez kad'.

Данил чистый отец-POSS.3SG как

‘Данил совсем как папа’.

(2) *По размеру чуть больше обычных кошек, на вид — **чисто** рысь.* [Google: <https://pixiehouse.ru/kotyata/pixiebob/pixiehouse-vatrushka.html>]

Далее в разделе 1 охарактеризован материал исследования и дан краткий обзор предыдущих работ о поле чистый. В разделе 2 мы рассмотрим лексемы этого поля в финно-угорских языках и модели развития у них грамматических функций. Раздел 3 посвящен моделям полисемии лексем *чистый* и *чисто* в русском языке, в том числе на диалектном материале. Также в разделе 3 мы сопоставим данные русского языка с финно-угорским материалом, рассматриваемым в разделе 2. Раздел 4 включает теоретическое обсуждение наблюдаемой полисемии и обзор типологических параллелей. В разделе 5 подводятся итоги.

1.2. Материал

Данные для нашего исследования собраны в экспедициях ОТиПЛа МГУ с помощью анкетирования носителей мокшанского языка (с. Лесное Цибаево

² Вслед за рядом предшественников мы относим употребления такого типа к грамматическим, см. более подробное обсуждение в [Лучина и др. 2013: 125].

и с. Лесное Ардашево Темниковского района Республики Мордовия) в 2015–2017 гг., горномарийского языка (с. Кузнецово и близлежащие сёла Горномарийского района Республики Марий Эл) в 2016–2024 гг. и удмуртского языка (с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы, с. Старокальмиярово, д. Верхнебалтачево, с. Уразгильды Татышлинского района Республики Башкортостан) в 2019–2023 гг. При необходимости отдельные примеры уточнялись дистанционно. В случае удмуртского языка исследовался татышлинский говор (периферийно-южный диалект, южное наречие), существенно отличающийся от литературного варианта. Рассматриваемые варианты мокшанского и горномарийского языков в целом близки к соответствующим литературным нормам; поиск в исследуемом материале специфических диалектных черт не входил в задачу исследования.

Методологической базой работы служит фреймовый подход к лексической типологии, предполагающий анализ сочетаемых свойств лексем и их значения в конкретном контексте и выделение на этой основе базовых ситуаций (фреймов), которые могут противопоставляться лексически в том или ином языке (подробнее см. [Рахилина, Резникова 2013]).

Для исследования параллелей с русским языком был использован материал НКРЯ (в том числе устный подкорпус и диалектный подкорпус), также были произведены запросы в поисковых системах Yandex и Google. Кроме того, были проанализированы данные, доступные в диалектных корпусах [Lingconlab] и в опубликованных источниках; ссылки приводятся при соответствующих примерах.

Примеры из финно-угорских языков записываются в фонологической транскрипции, принятой в соответствующем экспедиционном проекте. При примерах, записанных в ходе анкетирования, источник не указывается.

1.3. Типологический фон

Семантическое поле чистый, а также смежные с ним поля грязный, прозрачный, мутный рассматривались в ряде типологических работ. Пилотное исследование [Архангельский и др. 2011] охватывало материал пяти языков (русского, английского, китайского, новогреческого, восточноармянского). Из выявленных семантических оппозиций наиболее важно для нашего обсуждения противопоставление отсутствия грязи (рус. *у кошки чистая шерсть*) и отсутствия примесей (рус. *свитер сделан из чистой шерсти*).

Исследование этих семантических полей было продолжено в [Готлан 2017] на материале немецкого языка, в [Печникова 2017], где было рассмотрено семь новых языков (финский, азербайджанский, нидерландский, итальянский, украинский, грузинский, корейский), а также на материале славянских языков в [Резникова, Печникова 2021].

Перечисленные работы были посвящены буквальным и метафорическим / метонимическим значениям исследуемых лексем, но не включали детального изучения грамматических функций, развиваемых на базе букварных значений. Мы,

напротив, концентрируемся именно на таких употреблениях лексем с буквальным значением 'чистый', приводя лишь базовую информацию об их исходной семантике, необходимую для понимания источника семантического сдвига.

Интересующие нас переходы упоминаются в работе [König 1991: 156–165], посвященной типологии фокусных частиц. Каритивные (обозначающие отсутствие чего-л.) единицы, включая лексемы со значениями 'чистый' / 'чисто', приводятся среди источников рестриктивных фокусных частиц, ограничивающих возможность существования альтернатив к пропозиции в фокусе (ср. англ. *purely* 'чисто; только'). В некоторых случаях такие единицы могут развиваться и в маркер аддитивного фокуса (допускающий альтернативы к пропозиции в фокусе), см. [ibid.: 162–163] о возможном механизме развития значения 'тоже' у итальянского *pure* — когната упомянутой английской лексемы.

2. Финно-угорские языки

2.1. Исследуемые значения

При описании языковых данных мы рассматриваем перечисленный далее в этом разделе набор грамматических употреблений лексем со значениями 'чистый' / 'чисто'. Употребления, выявленные в одном языке, проверялись затем на материале остальных языков выборки.

Первое из проверяемых употреблений — выражения **рестриктивного фокуса** ('имеет место Р, не имеют места никакие альтернативы Р'). Так, в (3) речь идет о том, что говорящая приготовила макароны и не приготовила ничего, кроме макарон.

- (3) МОКШАНСКИЙ
<i>mon</i>	<i>pid'-ən'</i>	<i>čistaj</i>	<i>makarot-t,</i>	<i>sivəl'-ftəmə.</i>
я	варить-PST.1SG	чистый	макароны-PL	мясо-CAR
- 'Я приготовила только макароны, без мяса'.

Остальные употребления реализуют семантику высокой (в некоторых случаях абсолютной) степени, или **интенсификации** (при описании языковых данных мы будем использовать именно последний термин как обобщающий). Это может быть **значительное сходство при сравнении**: в (4) действия мальчика сравниваются с действиями обезьяны и утверждается, что степень сходства между их действиями высокая.

- (4) УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)
<i>ta</i>	<i>pi</i>	<i>kɣakaz'-e</i>	<i>č'istâj</i>	<i>obez'an</i>	<i>kad'.</i>
этот	мальчик	кривляться-PRS.3SG	чистый	обезьяна	как
- 'Этот мальчик кривляется совсем как обезьяна'.

Кроме того, лексемы со значениями 'чистый' / 'чисто' могут указывать на **полный охват объекта признаком** (5) или **действием** (6). В (5) утверждается, что все

части объекта (стены) имеют признак ‘белый’, в (6) — что все части объекта (супа) охвачены действием ‘съесть’.

(5) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

st'enä cišti oš-ə.
стена чистый белый-FULL
‘Стена полностью белая’.

(6) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

tädä lem-əm cišti kačk-ən kolt-en.
он суп-ACC чистый есть-CVB посылать-PRET
‘Он съел весь суп’.

Наконец, мы рассматриваем значение **высокой степени проявления ситуации**. Так, пример (7) предполагает, что степень удивления говорящего превышает некий прагматически заданный стандарт. Отличие таких примеров от (5)–(6) состоит в том, что в (5)–(6) развитие ситуации представлено как достигшее предельной стадии, тогда как в (7) и в других подобных случаях ситуация не имеет предела по своим онтологическим характеристикам.

(7) УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)

so č'istaj / č'əlkek pajm-i-z.
он чистый совсем удивляться-PST-3SG
‘Он очень сильно удивился’.

Отметим, что мы не отрицаем возможности менее дробной группировки перечисленных значений на основании сходств между ними. Например, семантика высокой, но не крайней степени предполагается в разных синтаксических конфигурациях и в (4), и в (7). Также мы затронем вопрос общности различных значений в разделе 4. В то же время эмпирически наблюдаемые различия между приведенными контекстами делают осмысленным их рассмотрение по отдельности.

2.2. Мокшанский язык

В мокшанском языке семантическое поле чистый представлено следующими лексемами: *čistaj*, *čistə*, *aru*, *ur'adnaj*.

Лексема *čistaj* является базовой. Ей доступно наибольшее количество фреймов. Она передает как значение ‘отсутствие грязи’ (8), так и значение ‘отсутствие примесей’ (9). Как будет показано далее, эта лексема развивает функцию фокусной частицы и функцию интенсификатора.

Лексема *čistə* не употребляется в буквальных контекстах отсутствия загрязнения (8), однако некоторые носители допускают ее при указании на отсутствие примесей (9). Как и *čistaj*, лексема *čistə* может маркировать фокус и интенсификацию.

(8) *morkš-s' čistaj / *čistə, šta-f.*
СТОЛ-DEF.SG чистый чисто мыть-PTCP.RES
‘Стол чистый, вымытый’.

- (9) *t'ε* *svitar-s'* *koda-f* *čistaj* / ?*čistə* *pona-stə*.
 этот свитер-DEF.SG вязать-PTCP.RES чистый чисто шерсть-EL
 'Этот свитер сделан из чистой шерсти'.

Также в мокшанском языке употребляются лексемы *aru* и *ur'adnaj*. Дистрибуция *aru* ограничена небольшим набором фреймов, связанных с воздухом и водой (в [Архангельский и др. 2011] отмечается, что подобные объекты окружающей среды могут выделяться в особую группу, будучи «когнитивно значимыми»), ср. (10a) и (10b), интерпретация которого невозможна ни в контексте отсутствия примесей, ни в контексте отсутствия загрязнения. Лексема *ur'adnaj*, находящаяся на периферии поля, предполагает наличие внешнего воздействия на объект (например, применительно к человеку она указывает на то, что он ухаживает за собой, к волосам — на то, что их вымыли и/или причесали, к грядке — на то, что ее пропололи). Ни одна из этих лексем не развивает грамматических употреблений.

- (10) a. *vel'ə-sə* *kožf-s'* *pek* *aru*.
 деревня-IN воздух-DEF.SG очень чистый
 'В деревне воздух очень чистый'.
- b. **t'ε* *svitar-s'* *koda-f* *aru* *pona-stə*.
 этот свитер-DEF.SG вязать-PTCP.RES чистый шерсть-EL
 Ожидаемое значение: 'Этот свитер сделан из чистой шерсти'.

Рассмотрим теперь семантические расширения русских заимствований *čistaj* и *čistə*.

Во-первых, эти элементы могут использоваться как маркеры рестриктивного фокуса. Грамматичность их употребления в этой функции связана с тем, какие морфосинтаксические структуры находятся в их сфере действия. Так, все носители признают грамматичность лексемы *čistaj* в качестве фокусного маркера при полных именных группах, тогда как лексема *čistə* в этой позиции грамматична для части носителей (11). Прилагательное в сфере действия фокусного оператора в контрастивном контексте (12) более грамматично в сочетании с лексемой *čistə*, тогда как *čistaj* в этом контексте допускают лишь немногие из опрошенных носителей. Глагольные группы в сфере действия изучаемых фокусных операторов неграмматичны (13).

- (11) *t'ε* *vir'-t'* *esə* *kas-ij-t'* *čistaj* / ?*čistə* *tumə-t*.
 этот лес-DEF.SG.GEN в.IN расти-NPST.3-PL чистый чисто дуб-PL
 'В этом лесу растут одни дубы'.
- (12) — *kodamə* *kn'iga-t* *maks-s'-t'* *t'ejə-t* *bibl'iot'eka-stə?*
 какой книга-PL дать-PST.3-PL PRON.DAT-2SG.POSS библиотека-EL
 — ?*čistə* / ??*čistaj* *sir'ə* *kn'iga-t*, *ot-t* *aš-əl'-t'*.
 чисто чистый старый книга-PL новый-PL NEG-IMPF-PL
 '— Какие книги тебе дали в библиотеке? — Только старые, новых не было'.

- (13) *mon an'c'ək / *čistə / *čistaj s'orma-t t'eš-n'-an, no af*
 я только чисто чистый письмо-PL писать-FREQ-NPST.1SG но NEG
kuč-sajn'ə.
 отправить-NPST.3PL.O.1SG.S
 'Я только пишу письма, но не отправляю их'.

Следующая функция изучаемых лексем — маркирование полного охвата объекта признаком. В (14) такой признак выражен прилагательным ('для каждого участка рубашки верно, что он черного цвета и никакого другого'), а в (15) — генитивной именной группой ('для каждого кванта супа верно, что среди его ингредиентов присутствует картофель и ничего кроме картофеля').

- (14) *t'ε panar-s' čistaj / ?čistə ravžə.*
 этот рубашка-DEF.SG чистый чисто черный
 '[Какого цвета эта рубашка?] — Эта рубашка чисто черная (нет других цветов)'.
 (15) *t'ε l'em-s' čistaj / čistə modamar'-ən'.*
 этот суп-DEF.SG чистый чисто картошка-GEN
 'Этот суп чисто картофельный'.

Также изучаемым лексемам доступен контекст, в котором они выступают маркерами значительного сходства при сравнении. Отметим, что одна часть носителей в этом контексте явно отдает предпочтение лексеме *čistaj*, тогда как другая — лексеме *čistə*. Поскольку мы зафиксировали обе эти системы, в (16) оба варианта отмечены как грамматичные. Добавление сравнительного показателя в конструкции невозможно.

- (16) a. *t'ε katə-s' čistaj / čistə pin'ə.*
 этот кошка-DEF.SG чистый чисто собака
 b. **t'ε katə-s' čistaj / čistə pin'ə-ška.*
 этот кошка-DEF.SG чистый чисто собака-EQU
 'Эта кошка совсем как собака'.

В контекстах полного охвата объекта действием (в отличие от проиллюстрированных в (14)–(15) контекстов полного охвата признаком) лексемы *čistaj* и *čistə* не используются:

- (17) *mon luv-sajn'ən' s'embə / *čistaj / *čistə kn'iga-tn'ə-n'.*
 я читать-NPST.3PL.O.1SG.S все чистый чисто книга-DEF.PL-GEN
 'Я читаю все книги'.

Значение высокой степени проявления ситуации изучаемым лексемам мокшанского языка недоступно:

- (18) *son exer' / *čistaj / *čistə af jož-u.*
 он PTCL чистый чисто NEG ум-ATTR
 'Он совсем дурак'.

Следует отметить, что лексема *exer'* (18), являющаяся в современном мокшанском языке фокусной частицей с широкой дистрибуцией, также диахронически связана с полем чистый. Согласно [Paasonen 1990–1999: 479], она происходит от **jaχor* 'чистый, беспримесный'.

2.3. Горномарийский язык

В горномарийском языке существуют две базовые лексемы: *ire* и *čista*, маркирующие отсутствие загрязнения. Они взаимозаменяемы в большинстве случаев и различаются лишь небольшим набором контекстов, см. [Винклер, Кашкин 2023: 829]. Эти лексемы ограничены буквальными контекстами.

Лексемы *itärä* и *tävälä* находятся на периферии семантического поля чистый. Их сочетаемость ограничена одушевленными референтами и метонимически связанными с ними объектами, а значение наиболее близко к русскому *опрятный* (19a). Маркировать собственно отсутствие грязи они не могут (19b).

- (19) a. *tödä-n itärä / tävälä üp-šš.*
 он-GEN опрятный опрятный волосы-POSS.3SG
 'У нее аккуратные волосы [никогда не ходит лохматая]'.
 b. *tomoca pašteḱ üp ire / *itärä / *tävälä.*
 баня после волосы чистый опрятный опрятный
 'После бани волосы чистые'.

Лексема *cišti* маркирует отсутствие примесей и развивает ряд грамматических значений, о которых пойдет речь далее. Она не употребляется в контекстах отсутствия загрязнения, ср. (20a–b).

Лексема *čistâj* в подавляющем большинстве идиолектов имеет только переносные употребления (являясь, в то же время, прозрачным заимствованием). Значение 'отсутствие примесей' допускается лишь окказионально (20a).

- (20) a. *ti sv'itär-em cišti / ??čistâj miž gäc äštä-mä.*
 этот свитер-POSS.1SG чистый чистый шерсть EL делать-PTCP.PASS
 'Этот свитер сделан из чистой шерсти [без примесей / *без загрязнения]'.
 b. *ti sv'itär-em ire / čista miž gäc äštä-mä.*
 этот свитер-POSS.1SG чистый чистый шерсть EL делать-PTCP.PASS
 'Этот свитер сделан из чистой [вымытой] шерсти / *без примесей'.

Среди всех перечисленных лексем только *cišti* и *čistâj* развивают грамматические употребления. Обе они могут маркировать значительное сходство двух сравниваемых объектов (21)–(22); эквативный маркер *gan'* в такой конструкции факкультативен. Для *čistâj* это единственная доступная функция (ср. переинтерпретацию при его использовании в (23b)), тогда как *cišti* обладает еще рядом значений.

- (21) *tödä cišti t'ot'a-žä (gan') âl-eš.*
 он чистый дедушка-POSS.3SG EQU быть-NPST.3SG
 'Он совсем как его дедушка'.

- (22) *ti pälä-dämä edem čistâj äzä-m*
 этот знать-NEG.PTCP человек чистый старший_брат-POSS.1SG
 (*gan'*) *äl-eš*.
 EQU быть-NPST.3SG
 'Этот незнакомый человек точь-в-точь как мой старший брат'.

Лексема *cišti* способна маркировать полный охват объекта как признаком (23), так и действием (24). При этом в (23b) для лексемы *čistâj* предпочтительна конкурирующая интерпретация ('значительное сходство при сравнении'). В (24a–b) исследуемая лексема чувствительна к типу глагола: контекст должен предполагать достижение предела. Некоторые носители допускают лексему *čistâj* в предложениях типа (23a), однако в примерах типа (24) она невозможна.

- (23) a. *tâgâr cišti / ?čistâj âžar-gâ*.
 рубашка чистый чистый зеленый-FULL
 'Рубашка полностью зеленая'.
 b. *tädä cišti / #čistâj ruš*.
 он чистый чистый русский
 'Он полностью русский' / '#Он похож на русского'.
 (24) a. *arbut kok ärn'ä-štä cišti / *čistâj šü-n ke-n*.
 арбуз два неделя-IN чистый чистый гнить-CVB идти-PRET
 'Арбуз сгнил полностью за две недели'.
 b. **arbut kok ärn'ä(-štä) cišti šü-n ki-en*.
 арбуз два неделя-IN чистый гнить-CVB лежать-PRET
 Ожидаемое значение: 'Арбуз лежал гнил целиком две недели'.

Синтаксически *cišti* в таких конструкциях является частью глагольной группы: ср. (25), где именная группа, отсылающая к затрагиваемому действием объекту, может быть отделена от *cišti*.

- (25) a. *tädä olma-vlä-m cišti kačk-ân kolt-en*.
 он яблоко-PL-ACC чистый есть-CVB посылать-PRET
 'Он съел все яблоки'.
 b. *olma-vlä-m tädä tengečä cišti kačk-ân kolt-en*.
 яблоко-PL-ACC он вчера чистый есть-CVB посылать-PRET
 'Яблоки вчера он все съел'.

Также *cišti* употребляется как маркер рестриктивного фокуса. В этом случае в его сфере действия находится именная группа, а *cišti* предшествует ей. Таким образом, значения рестриктивного фокуса и полного охвата объекта действием противопоставлены с помощью порядка слов, ср. (26a–b).

- (26) a. *tädä cišti olma-(vlä)-m kačk-ân*.
 он чистый яблоко-PL-ACC есть-PRET
 'Он съел только яблоки'.

- b. *tädä olma(-vlä)-m cišti kačk-ân.*
 он яблоко-PL-ACC чистый есть-PRET
 'Он съел все яблоки'.

Примеры (27a–b) иллюстрируют, что *cišti* в действительности функционирует как прототипическая частица рестриктивного фокуса, не допускающая альтернатив к пропозиции в своей сфере действия.

- (27) a. *tädä cišti olma-vlä-m kačk-ân, eče ta-man'ar-â*
 он чистый яблоко-PL-ACC есть-PRET еще INDEF-сколько-FULL
kod-ân.
 оставаться-PRET
 'Он съел только яблоки, и еще сколько-то осталось'.
- b. **tädä cišti olma-vlä-m kačk-ân dä grušâ-m=at.*
 он чистый яблоко-PL-ACC есть-PRET и груша-ACC=ADD
 Ожидаемое значение: 'Он только яблоки съел и еще грушу'.

В качестве фокусной частицы *cišti* также имеет ряд ограничений. Типичные контексты использования этой частицы — множества объектов (27a) или именные группы, не несущие на себе числового маркирования, но отсылающие к совокупности объектов (28). При этом частица не сочетается с квантифицированными именными группами (29), а также с именными группами, отсылающими к единичному исчисляемому объекту (30). В сочетании с неисчисляемыми единичными объектами маркер *cišti* также неграмматичен для большинства опрошенных носителей (31).

- (28) *tädä ti pak'et-eš cišti kačk-âš-âm namal-eš.*
 он этот пакет-LAT чистый есть-NACT-ACC носить-NPST.3SG
 'Он в этом пакете носит только продукты'.
- (29) **tädä cišti lu=at vâc olma-m kačk-ân kolt-en.*
 он чистый десять=ADD пять яблоко-ACC есть-CVB посылать-PRET
 Ожидаемое значение: 'Он съел только пятнадцать яблок'.
- (30) *stöl vâl-nä olma, kn'igä dä pumaga l'istä ki-ât.*
 стол верх-IN2 яблоко книга и бумага лист лежать-NPST.3PL
*pet'a olma-m vele / *cišti olma-m näl-ân.*
 Петя яблоко-ACC только чистый яблоко-ACC брать-PRET
 'На столе лежат яблоко, книга и листок бумаги. Петя взял только яблоко'.
- (31) *tädä lem-äm vele / *cišti lem-äm kačk-eš.*
 он суп-ACC только чистый суп-ACC есть-NPST.3SG
 'Он ест только суп'.

Как и мокшанские лексемы *čistaj* и *čistə* (см. раздел 2.2), горномарийские *cišti* и *čistâj* не могут маркировать высокую степень проявления признака (32)–(33). Также они не применяются к высокой степени проявления ситуации (34).

- (32) *ti lem kogo-n *čistâj / *cišti sanzal-an âl-eš.*
этот суп большой-ADV чистый чистый соль-PROP быть-NPST.3SG
‘Этот суп очень соленый’.

- (33) *tădă совсем / *cišti / *čistâj orodâ.*
он чистый чистый дурак
‘Он совсем дурак’.

- (34) *tădă kogo-n / *cišti / *čistâj ôr-ăn.*
он большой-ADV чистый чистый удивляться-PRET
‘Он очень удивился’.

2.4. Удмуртский язык (татышлинский говор)

Как и в горномарийском языке, в татышлинском говоре удмуртского языка присутствует две базовые лексемы — *č'âlkât* и *č'ista*, практически идентичных по дистрибуции, за исключением небольшого количества фреймов. Обе они маркируют отсутствие загрязнения, но не отсутствие примесей, см. (35)–(36). Их употребление ограничено буквальными контекстами. Также существует редуцированная форма *č'âlk-č'âlk*, обозначающая высокую степень проявления признака ‘чистый (не имеющий загрязнения)’.

Лексема *č'istâj*, напротив, употребляется только в контекстах отсутствия примесей, но не отсутствия загрязнения, см. (35)–(36). Она развивает употребления, выходящие за рамки семантического поля чистый (см. о них далее).

На периферии поля находится ряд лексем (как *sajkât* ‘ясный, светлый’, *žâkât* ‘аккуратный, опрятный’), имеющих очень ограниченную сочетаемость.

- (35) *žók s'ôr-ă č'âlkât / č'ista / *č'istâj ki-jen puks'-ono.*
стол за-ILL чистый чистый чистый рука-INS садиться-DEV
‘За стол нужно садиться с чистыми руками’.

- (36) *svitâr č'istâj / #č'âlkât / #č'ista âžgon-les' kerttâ-mâ.*
свитер чистый чистый чистый шерсть-GEN2 связать-PTCP.PST
‘Свитер связан из чистой [без примесей] / #вымытой шерсти’.

Как горномарийские лексемы *cišti* и *čistâj* (см. раздел 2.3), лексема *č'istâj* в татышлинском говоре удмуртского языка маркирует значительное сходство при сравнении (37). В (37) и в ряде дальнейших примеров встречается также лексема *č'âlkak* (хотя многие носители указывают на ее литературность и малоупотребительность в татышлинском говоре). Мы предполагаем, что она этимологически связана с *č'âlkât* ‘чистый’: так, в [Wichmann 1987: 286] они находятся внутри одной словарной статьи. Возможно опциональное добавление в конструкцию сравнительного маркера, ср. выше примеры (1) и (4).

- (37) *ta pi č'istâj / č'âlkak âša-m*
 этот мальчик чистый совсем быть_похожим-PTCP.PST
agaj-ez-lâ.
 старший_брат-POSS.3SG-DAT
 'Этот мальчик очень похож на своего брата'.

Также изучаемая лексема маркирует высокую степень проявления ситуации, см. (38)–(41), в том числе активно используется конструкция с переключением кодов (38b). Как показано в (39)–(40), в этой функции фиксируется и интенсификатор *č'âlkak*.

- (38) a. *č'istâj ž'el'a-t-i-zâ in'i kûz'kuk-jos!*
 чистый надоест-CAUS-PST-3PL уже комар-PL
 'Совсем надоели уже комары!'
 b. *č'istâj надоел!* 'Совсем надоел!'
- (39) *so č'istâj / č'âlkak pajm-i-z.*
 он чистый совсем удивляться-PST-3SG
 'Он очень сильно удивился'.
- (40) *č'istâj / č'âlkak žad'-i-Ø uža-sa.*
 чистый совсем уставать-PST-1SG работать-CVB
 'Совсем устала работать'.
- (41) *so č'istâj n'erat kar-i-z.*
 тот чистый недовольный делать-PST-3SG
 'Она совсем замучила'.

Отметим, что сочетаемость интенсификатора *č'istâj* ограничена небольшой группой глаголов, ср. (42). В (38)–(41) приведены все предикаты, грамматичность которых в сочетании с лексемой *č'istâj* нам удалось подтвердить на настоящий момент. Дистрибуция лексемы *č'âlkak* не ограничивается приведенным набором контекстов, однако в этой статье мы не будем подробно останавливаться на ней.

- (42) *mon vâd-i-Ø iz'â-sa bas't-o-Ø šû-sa,*
 я лечь-PST-1SG спать-CVB брат-FUT-1SG говорить-CVB
*kopak / *č'istâj iz'â-sa košk-is'k-em-Ø.*
 совсем чистый спать-CVB уходить-1-PST2-1SG
 'Я прилегла подремать, но совсем заснула'.

В отличие от описанных в разделах 2.2–2.3 мокшанских и горномарийских лексем, удмуртская лексема *č'istâj* не может функционировать ни как показатель полного охвата объекта признаком (43) или действием (44), ни как маркер рестриктивного фокуса (45).

- (43) **ta korka č'istâj tód'.*
 этот дом чистый белый
 Ожидаемое значение: 'Этот дом полностью белый'.

- (44) *so č'istâj šâd-ze s'i-sa bâdt-i-z.
 тот чистый суп-ACC.POSS.3SG есть-CVB закончить-PST-3SG
 Ожидаемое значение: 'Он съел весь суп'.
- (45) kompot-ân jablok gine / *č'istâj jablok, gruša-os jevâl.
 компот-LOC яблоко только чистый яблоко груша-PL нет
 'В компоте только яблоки, груш нет'.

2.5. Обобщение

В разделах 2.2–2.4 были проиллюстрированы грамматические функции лексем поля чистый в трех финно-угорских языках (мокшанском, горномарийском, удмуртском — на материале татышлинского говора), а также приведена базовая информация об их исходной семантике. По нашим данным, все лексемы, развивающие грамматические значения, в буквальных контекстах охватывают фрейм 'отсутствие примесей' (с некоторой оговоркой о горномарийском č'istâj, см. раздел 2.3). Также мы показали, что каждый из изучаемых языков заимствует лексему č'istâj в различных фонетических вариантах, и эти варианты обладают совершенно разной дистрибуцией. Помимо этого, как мы отметили в разделах 2.2 и 2.4, в проанализированных языках встречаются фокусные частицы и интенсификаторы, образованные на базе исконных лексем со значением 'чистый', однако их исходное значение затерто. Кроме того, в современном мокшанском и удмуртском они конкурируют с русскими заимствованиями.

В Таблице 1 обобщены наши данные о грамматических значениях лексем поля чистый. Мы полагаем, что функция рестриктивной фокусной частицы ближе всего к буквальному значению 'отсутствие примесей'. Так, не во всех контекстах возможно формально разграничить их (ср. *свитер сделан из чистой шерсти* = 'свитер сделан из шерсти без примесей' и 'свитер сделан только из шерсти и не содержит ничего более'). Остальные рассмотренные контексты представляют собой различные подтипы интенсификации.

3. Параллели с русским языком

В этом разделе мы рассмотрим те употребления лексем *чистый* и *чисто* в русском языке, которые имеют фокусную и/или интенсификационную функцию. Исследовательский вопрос состоит в том, имеют ли все модели семантического сдвига, рассмотренные в разделе 2 на материале финно-угорских языков, параллели в русском языке, или для каких-либо из этих моделей таких параллелей нет, и имеются основания считать их независимо развившимися в финно-угорских языках. Поскольку финно-угорские языки контактируют не только с русским литературным языком, но и с русскими диалектами, мы рассмотрим в том числе диалектные данные (в той мере, в какой релевантная для нас информация доступна в источниках по диалектам).

Различные варианты семантического и лексикографического описания русских лексем *чистый* и *чисто* приводились, в частности, в [Бабаева 2010: 276–281; Богданова-Бегларян, Сулимова 2018; Шарыкина 2022]. Учитывая нашу постанов-

Таблица 1. Обобщение данных по трем финно-угорским языкам

	мокш. <i>čistaj</i>	мокш. <i>čistə</i>	г.-м. <i>cišti</i>	г.-м. <i>čistâj</i>	удм. <i>č'istâj</i>
Букв. значение: отсутствие грязи (‘чистые руки’, ‘чистая рубашка’)	ОК	*	*	*	*
Букв. значение: отсутствие примесей (‘чистая шерсть (в составе)’, ‘чистое золото’)	ОК	?	ОК	??	ОК
Рестриктивный фокус (‘съел только яблоки’, ‘в лесу одни дубы’)	ОК	?	ОК	*	*
Интенсификация:					
Значительное сходство при сравнении (‘чисто как его отец’, ‘чисто певец’)	ОК	ОК	ОК	ОК	ОК
Полный охват признаком (‘рубашка чисто черная’, ‘он чисто русский’)	ОК	?	ОК	?	*
Полный охват действием (‘съел все яблоки’, ‘полностью сгнило’)	*	*	ОК	*	*
Высокая степень / интенсивность (‘совсем удивился’, ‘совсем дурак’)	*	*	*	*	ОК

Примечание. В таблице не учитываются синтаксические и лексические ограничения на сочетаемость.

ку задачи, мы обсуждаем ту же классификацию употреблений, которая была выделена в разделе 2 на материале финно-угорских языков. При этом она, по-видимому, может быть сведена к упомянутым описаниям, где выделение различных значений произведено менее подробно.

В ряде диалектных источников фиксируется развитие лексем *чистый* и *чисто* в маркеры рестриктивного фокуса, ср. приводимые авторами и составителями источников толкования ‘только, исключительно, единственно’ для (46), ‘сплошной, только’ для (47), ‘только одну [картошку]’ для (48).

(46) д. акчим, пермский край (красновишерский район)

*Нет, врачи **чисто** временно тут у нас.* [Скитова (ред.) 2011: 202]

(47) н. п. январцев, уральская область³

*Кооперативную школу **чистые** мужчины кончили.* [Малеча 2003: 450]

(48) д. чеберюла, республика марий эл (параньгинский район)

***Чистую** картошку ели.* [Мызников 2005: 459]

Примеры, которые можно интерпретировать как рестриктивные, встречаются и в русском литературном просторечии. Так, в (49) речь идет о том, что говорящий

³ Название населенного пункта дано в соответствии с источником. По-видимому, речь идет о с. Январцево Западно-Казахстанской области Казахстана.

планирует попасть в Париж, но не в иные места, а в (50) — о том, что некую информацию можно получить через знакомых, но нельзя получить иными путями.

(49) *До Испании точно не уложиться, но и задачи нет, я хочу **чисто** в Париж!* [Yandex: https://ffclub.ru/topic/100310/jump_90/]

(50) [Женя, жен, 21, 1987, студент] *Вика/ да это закрытая статистическая информац-ция/ которую... Вот она мне говорит: «Как вы достали такую информацию?» Говорю: «**Чисто** через знакомых». Ты нигде такую информацию не увидишь.* [Устный подкорпус НКРЯ. Разговор дома о студенческой конференции и о политике (2008)]

В различных вариантах русского языка продуктивно и использование лексем *чистый* и *чисто* в контекстах значительного сходства при сравнении в тех или иных морфосинтаксических конфигурациях, см. (51)–(54).

(51) *Нумыслимо ли таким людям доверить валюту? А? **Чисто** как дети, ей-богу!* [НКРЯ. М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)]

(52) н. п. БУДАРИН, УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ⁴
*Василий — **чисто** на мать похожий.* [Малеча 2003: 449]

(53) ГОВОРЫ УРАЛЬСКИХ (ЯИЦКИХ) КАЗАКОВ⁵
*А мальчишка-то — **чистый** отец.* [Малеча 2003: 450]

(54) Д. КЕБА, АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ (ЛЕШУКОНСКИЙ РАЙОН)
*...я в мать, у меня мати-то такая же была, я вся мать. Вся мать. Да, нонь тоже меня кто увидит, дак говорят, чужие-то да: «О, **чисто** ты Фекла, Ключня! У ей мать-то Ключней звали. У моей матери мать звали Ключня».* [Knyazev 2022]

Значение полного охвата объекта признаком также продуктивно в различных вариантах русского языка. В (55) утверждается, что все части определенной разновидности плуга обладают признаком ‘железный’, в (56) — что жители деревни обладают признаком ‘русский’, а количество жителей иных национальностей равно нулю или пренебрежимо мало. В (57) характеризуется признак действия: некая закономерность была установлена математически без применения иных способов.

(55) *Тóлько их мáло оstäлося. Сабáн⁶ **чíста** жэлэзный, а у сохí тóлько сошн́ик и шьбалá жэлэзны.* [Диалектный подкорпус НКРЯ. Наша усадьба (Ахлыстино, Кушнаренковский район, Башкортостан, 1961)]

⁴ В современной номинации, по-видимому, с. Бударино Западно-Казахстанской области Казахстана.

⁵ Использованное при данном примере обозначение населенного пункта не вполне ясно. Ареальный охват словаря — Оренбургская область и соседние с ней регионы Казахстана. Пример иллюстрирует употребление слова *чистый* в значении, сформулированном в словаре как ‘вылитый, точь-в-точь’.

⁶ Разновидность плуга.

- (56) **Чисто** русская деревня, а рядом с нами Колтаксолá — марийская деревня. [Диалектный подкорпус НКРЯ. Деревня Фокино. Семья, детство (Фокино, Советский район, Марий Эл, 2004)]
- (57) [О. В. Мякшева, жен, филолог] Он сказал что какую-то поймал закономерность **чисто** математически/ [Устный подкорпус НКРЯ. О. Б. Сиротинина. Беседы с О. Б. Сиротининой (2008)]

Значение полного охвата объекта действием, напротив, не распространено непосредственно у лексем *чистый* и *чисто*. Такие примеры встречаются в диалектных записях, ср. (58), где говорится, по-видимому, о том, что шерсть была продана в полном объеме.

- (58) Д. КЕБА, АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ (ЛЕШУКОНСКИЙ РАЙОН)
*Шерстку чапаю, шерстку пряду, да. Продают. Волос я ноне стригла, ак продала **чисто**, у меня **чисто** взяли. А раньше десять продавали, а ноне уж пятнадцать.* [Knyazev 2022]

В основном, однако, примеры с такой семантикой содержат сочетание лексемы *чисто* с универсальным кванторным словом *все* или *всё*, см. (59)–(60). Ее употребление в таких контекстах следует рассматривать не как указание на полный охват объекта действием (эту семантику выражает само универсальное кванторное слово), а как интенсификацию семантики полного охвата, передаваемой лексемами *все* / *всё* (ср. схожий эффект в сочетаниях типа *абсолютно все* [Апресян (ред.) 2004: 1072–1075]).

- (59) ...загремел гром, и в ту же минуту заплстала ограда, а в ограде-то были жеребята. Оне **чисто** все и сгорели. Билися бедные, на спинках катались, да так и сгорели все кверху ногам. [Диалектный подкорпус НКРЯ. Быт. Пашня (Антропово, Нижнетавдинский район, Тюменская область, 1962)]
- (60) Д. КЕБА, АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ (ЛЕШУКОНСКИЙ РАЙОН)
*У меня назавтра спустилося стыды, вот прямо этто, как **чисто всё** распухло.* [Knyazev 2022]

В то же время в контекстах полного охвата объекта действием в русском языке широко используются дериваты *начисто* и *подчистую*, см. (61)–(62). Это представляет аргумент против того, чтобы считать такую модель развития в рассмотренных финно-угорских языках совсем не имеющей параллелей в русском.

- (61) Запах селедки, макарон и постного масла был **начисто** заглушен. [НКРЯ. Юрий Коваль. Клеенка (1970)]
- (62) Надино жаркое — это что-то особенное, его всегда все ждали и съедали **подчистую**. [НКРЯ. Михаил Блехман. Римские цифры // «Ковчег», 2012]

Во многих контекстах лексемы *чистый* и *чисто* описывают высокую степень проявления ситуации (не предполагающую достижения абсолютного значения).

В (63) говорится о том, что говорящая значительно заблудилась («запуталась») в лесу, в (64) — о том, что женщина, которая характеризуется в предложении, является в высокой степени «подкомырой» (т. е. злым, коварным человеком). Пример (65) предполагает, что участник ситуации — отъявленный хулиган, ср. приписанное в этом случае слову *чистый* значение ‘такой, в котором в полной мере, в высшей степени проявляются признаки кого-, чего-л.’ [Скитова (ред.) 2011: 203].

(63) с. АХЛЫСТИНО, РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН (КУШНАРЕНКОВСКИЙ РАЙОН)
*Ни найду ходу-ть [из леса], ну **чисто** зъплутальс’.* [Здобнова (ред.) 2008: 377]

(64) д. СКАТЫ, СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ (КАМЫШЛОВСКИЙ РАЙОН)
*С ей разговари́вать нельзя: **чиста** подкомыра.* [Матвеев и др. (ред.) 1988: 33]

(65) д. АКЧИМ, ПЕРМСКИЙ КРАЙ (КРАСНОВИШЕРСКИЙ РАЙОН)
*Он фулиган **чистой**, если раздурачится.* [Скитова (ред.) 2011: 203]

Таким образом, модели развития лексем со значением ‘чистый’ / ‘чисто’, описанные в разделе 2 в ряде финно-угорских языков, встречаются и в русском языке в тех или иных территориальных и социальных разновидностях. Это позволяет предположить, что русские лексемы могли быть заимствованы в финно-угорские языки вместе с присущими им паттернами употребления (см. о типах заимствований [Matras, Sakel 2007]) — фокусными и интенсификационными функциями. В то же время процесс и результат заимствования оказываются не столь просты: в финно-угорских языках обнаруживаются такие правила употребления рассматриваемых лексем, которые не имеют очевидных параллелей в русском. Это, в частности, касается использования ряда описанных нами лексем в значении ‘чистый (без примесей)’, но не в значении ‘чистый (без грязи)’, см. Таблицу 1 в разделе 2.5. Возможны и конструкционные ограничения, аналогов которым в русском языке не обнаружено, см. в особенности обсуждение горномарийского *cišti* в разделе 2.3. Различные типы грамматических употреблений, хотя и засвидетельствованы в русском языке, встречаются в горномарийском, мокшанском и удмуртском в разных комбинациях. Предоставить более полную картину того, как происходило заимствование, могли бы диалектные данные непосредственно из тех районов, где распространены исследуемые нами идиомы, однако в известных нам источниках они отсутствуют, а современные региональные разновидности русского языка могли претерпеть изменения в т. ч. под литературным влиянием.

4. Модель полисемии: обсуждение

Как видно из разделов 2 и 3, лексемы со значением ‘чистый’ / ‘чисто’ регулярно развиваются в маркеры рестриктивного фокуса, а также в интенсификаторы с различной семантикой. Встает вопрос о соотношении этих употреблений

и о мотивации их колексификации⁷. В [Богданова-Бегларян, Сулимова 2018: 5–6] для русского *чисто* предлагается инвариантная функция маркера точной номинации — показателя «максимально полного, адекватного, точного референциального соответствия избранного способа наименования». В то же время трактовка всех выделенных нами употреблений как реализаций единого значения представляется не вполне оправданной. Во-первых, эти употребления встречаются в рассмотренных нами языках в разных сочетаниях (см. Таблицу 1 в разделе 2.5). Во-вторых, между фокусными и интенсификационными употреблениями имеются семантические различия, ср. обсуждение этой проблемы в [Ghesquière 2017] применительно к английским лексемам *mere(ly)* и *pure(ly)*. Так, интенсификационное значение по своей природе скалярно (употребление соответствующих маркеров модифицирует положение обсуждаемой сущности на шкале, отражающей проявление того или иного признака). В свою очередь рестриктивное фокусное значение в общем случае необязательно скалярно, а фокусный маркер не модифицирует собственно семантику того элемента, который находится в его сфере действия. Функция фокусных маркеров, согласно обсуждаемой статье, состоит в организации дискурса и привлечении внимания слушателя к определенному фрагменту дискурса, тогда как интенсификационные маркеры выражают оценку говорящим некоторой сущности, не участвуя в организации дискурса.

Если значения рестриктивного фокуса и интенсификации различны, то возникает вопрос, благодаря каким семантическим связям они могут выражаться одной и той же единицей.

Одна возможность заключается в том, что значения рестриктивного фокуса и интенсификации могли развиваться независимо друг от друга на базе значения 'чистый' / 'чисто'. Это предположение может быть подкреплено типологической аргументацией. Так, в различных языках зафиксированы примеры развития рестриктивных фокусных частиц на базе семантических каритивов (выражений со значением отсутствия какой-либо сущности; к их числу относятся и лексемы исследуемого нами поля). Помимо обсуждавшихся в разделе 1.3 данных такого типа из [König 1991], в [DatSemShift] отмечено развитие единиц со значением 'only, just' ('только, просто') на базе исходного значения 'naked, bare' ('голый'), ср. рус. *сидеть на голом окладе*, а также на базе значения 'empty' ('пустой'), ср. лексему *ṭərah* в языке тигринья, развившуюся, согласно [DatSemShift], в маркер рестриктивного фокуса.

Одновременно на базе и лексем со значением 'чистый', и других семантических каритивов зафиксировано развитие интенсификационных выражений: ср. в [DatSemShift] переход 'clean' ('чистый') → 'totally, absolutely' ('полностью, абсолютно'), как в английском примере *It is a pure nonsense!* 'Это полный абсурд!'. В южноюкагирском языке в [Maslova 2003: 258] отмечена лексема *č'istē*, функционирующая как маркер полного охвата множества ('абсолютно все'). В [Роббек,

⁷ В данном обсуждении мы опускаем многочисленные метафоры, прозрачно связанные с исходным значением чистоты (как рус. *чистая душа*, *петь чисто* и др.).

Роббек 2005: 331] приводится эвенская лексема *чи́ста* с толкованием ‘всё, все’ (заметим, что упомянутые лексемы прозрачно заимствованы в южноюкагирский и эвенский языки из русского). В различных татских идиомах, относящихся к иранской группе, наблюдаются типологически схожие переходы лексемы *tæmiz* / *тэ-миз* ‘чистый’. В [Грюнберг 1963: 174] на материале татских идиомов северного Азербайджана зафиксирован пример с полным охватом объекта признаком (66). В наших полевых материалах (митаги-джалганский татский) встретился пример употребления этой лексемы в контексте полного охвата действием (67).

(66) ТАТСКИЙ (СЕВЕРНЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН)

imi *yæ* *mærgoɯ* *burræ* *bir-im*, *ilighay=i*
мы один корова резать.ПТСР быть.ПСТ-1PL костный_мозг=3SG
tæmiz *ruyan* *by*.
чистый жир быть.ПСТ.3

‘Мы зарезали корову, костный мозг у нее — чистый жир’. [Грюнберг 1963: 174]

(67) ТАТСКИЙ (МИТАГИ-ДЖАЛГАНСКИЙ)

mi-fikärd-eni *bo* *u*, *temiz* *mu-raft-e*,
EVT-лить-PRS.2SG в этот чистый EVT-идти-PRS.3SG
u=ne *voda=yü*.
этот=OBL CS=POSS.3SG

‘Пересыпаешь (наливаешь) в него [в дуршлаг], полностью уходит вода’.

Многочисленные примеры развития семантических каритивов в интенсификаторы приводятся С. М. Толстой на материале славянских языков, ср. в болгарском *суха сиротина* ‘круглая (букв.: сухая) сирота’, в сербском *суви болови* ‘сильные (букв.: сухие) боли’, в чешском устаревшее *pustodivý* ‘совершенно (букв.: пусто) дикий’ и др. [Толстая 2008: 65, 95].

Другая возможность анализа состоит в постулировании связи между значениями рестриктивного фокуса и интенсификации.

Рестриктивные фокусные операторы вида ‘только Р’ выражают значение ‘имеет место Р, и не имеют места никакие альтернативы Р’ (см. [Horn 1969; Пайар 1998; Ippolito 2007] и др.). Например, из предложения *К директору пришел только Петя* следует, что к директору пришел Петя и не пришли Вася, Коля, Маша и другие возможные участники ситуации.

В определенной степени симметрично толкуются выражения универсальной квантификации. Так, ‘все (А) (В)’ означает, что ‘множество А является подмножеством множества В’ (см. [Barwise, Cooper 1981; Татевосов 2002; Keenan 2006] и др.). Например, предложение *Все студенты разговаривают* означает, что множество студентов без исключения вложено в множество разговаривающих.

По-видимому, аналогично можно рассматривать выражения с семантикой полного охвата или высокой степени. Например, из утверждения о том, что деревня «чисто русская» (пример (56) выше), следует, что множество жителей деревни без

исключения вложено в множество русских. Характеристика человека как «чистый хулиган» (пример (65) выше) предполагает, что множество его качеств, релевантных для ситуации, без исключения или почти без исключения вложено в множество качеств типичного хулигана.

Таким образом, и в семантике рестриктивного фокуса, и в семантике интенсификации есть компонент исключения / отсутствия альтернатив, что могло бы обуславливать связь между ними. Эта семантическая общность может проявляться и в полифункциональности лексических единиц⁸. Рассмотрим несколько примеров.

Русское *всего* (см. о нем [Сахно 1998; Апресян (отв. ред.) 2014: 314]), будучи кванторным словом по внутренней форме (ср. также (68)), развивает и употребления, близкие к рестриктивным, см. (69)–(70).

(68) *Всего мы потратили 15 тысяч юаней* [Google: <https://macos.livejournal.com/1280139.html>].

(69) *Ей всего семнадцать лет.* [Апресян (отв. ред.) 2014: 314]

(70) *У нас всего одна комната.* [ibid.]

Русский рестриктивный маркер *только* (см. его подробный анализ в [Пайар 1998]) используется, в свою очередь, в некоторых конструкциях, близких к интенсификационным, как включающим кванторное слово, так и нет, см. (71)–(72).

(71) *Попробовал уже всё, что только знал.* [Google: <https://www.noob-club.ru/index.php?topic=20509.4950>]

(72) *Перекопал какие только мог настройки.* [Yandex: <https://forum.ubuntu.ru/index.php?topic=180009.0>]

Лексема *исключительно* используется в зоне как рестриктивного фокуса (73), так и интенсификации (74).

(73) *(В Supermicro, кстати, ориентируются исключительно на процессоры Intel, в то время как Туап работает также и с AMD.* [НКРЯ. Михаил Кузьминский. Водопады Supermicro // «Computerworld», 2004]

(74) *Такого искреннего и исключительно талантливого актера невозможно заменить никем другим.* [НКРЯ. Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006–2010)]

Эмпирические свидетельства взаимосвязи зон рестриктивного фокуса и квантификации / интенсификации обнаруживаются и в типологической перспективе. Согласно [Баязитова и др. 2009: 325], лексема *көләң* имеет в сибирских говорах татарского языка значение 'все' (заболотный говор, Тюменская область; см. также фиксацию местоимения *көлле* 'весь, вся, все; всякий, каждый' в [Татарско-русский

⁸ Механизмы формирования такой полифункциональности могут быть различными и нуждаются в анализе за рамками данной статьи. Для нас важна сама возможность колексификации значений универсальной квантификации и рестриктивного фокуса.

словарь 2007: 629]) и ‘лишь’ (тобольский говор, Тюменская область), второе значение проиллюстрировано в (75).

(75) ТАТАРСКИЙ (ТОБОЛЬСКИЙ ГОВОР)

Көләң малай-лар, пер олло геше йуқ.

лишь мальчик-PL один взрослый мужчина нет

‘Только мальчики, нет ни одного взрослого мужчины’. [Баязитова и др. 2009: 325]

Лексема *нач* имеет в диалектах коми языка как значение ‘исключительно, лишь, только’ (рестриктивный фокус), так и значение ‘совсем, совершенно’ (интенсификация), см. [Словарь диалектов коми языка] и примеры (76)–(77).

(76) КОМИ

Мөд-і-сö лок-ны уна-өн,

направляться-PST.1SG-ACC.POSS.3SG приходить-INF много-INS

а локт-ім нач вит морт.

а приходить-PST.1PL только пять человек

‘Я-то собирался прийти со многими людьми, а нас пришло только пять человек’. [Webcorpora (Komi). Арт. 2016].

(77) КОМИ

Дас вит арёс-а, а быттьö нач мужик.

десять пять год-PROP а будто совсем мужик

‘Пятнадцатилетний, а будто совсем мужик’. [Webcorpora (Komi). Коми му. 2016.03.01].

Тем самым, оказывается возможным предложить теоретические и эмпирические аргументы как за независимое развитие значений рестриктивного фокуса и квантификации на базе исходной семантики ‘чистый’ / ‘чисто’, так и развитие этих значений в силу их взаимосвязи друг с другом.

5. Заключение

В статье были рассмотрены заимствованные из русского языка лексемы со значениями ‘чистый’ и ‘чисто’ в трех уральских языках: мокшанском, горномарийском и удмуртском (на материале татышлинского говора). Мы сосредоточились на развиваемых ими грамматических (фокусных и интенсификационных) функциях. Каждая из рассмотренных лексем выражает определенный набор функций из следующего списка, варьирующийся в зависимости от идиома и лексемы: рестриктивный фокус, значительное сходство при сравнении, полный охват объекта признаком, полный охват объекта действием, высокая степень проявления ситуации.

Описанные модели семантического развития были сопоставлены с данными по различным вариантам русского языка. Установлено, что в русском языке (включая его диалекты) фиксируются аналогичные модели, поэтому можно предполагать, что лексемы были заимствованы в финно-угорские языки из русского

вместе с этими моделями. В то же время ряд семантических и конструкционных ограничений, засвидетельствованных в финно-угорских языках, для русского языка, по имеющимся данным, не характерен. Таким образом, употребление заимствованных лексем могло претерпеть изменения уже на финно-угорской почве (заимствовались не все значения и конструкции, либо изменения произошли уже после заимствования).

Наконец, мы обсудили колексификацию значений рестриктивного фокуса и интенсификации у рассмотренных лексем. Приведены теоретические соображения и типологические параллели, указывающие на возможность как их независимого развития, так и взаимосвязи.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ADV — адвербиализатор; ATTR — атрибутивизатор; CAR — каритив; CAUS — каузатив; CS — переключение кодов; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEB — дебитив; DEF — определенность; DETR — детранзитивизатор; EL — элатив; EQU — экватив; EVT — эвентуальная глагольная форма; FULL — полная форма; FUT — будущее время; GEN — генитив; GEN2 — второй генитив; ILL — иллатив; IMPF — имперфект; IN — инессив; IN2 — второй (непродуктивный) инессив; INDEF — неопределенность; INS — инструменталис; LAT — латив; LOC — локатив; NACT — отглагольное имя; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; O — объект; OBL — косвенная падежная форма; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PRET — претерит; PRON — основа личных местоимений; PROP — проприетив; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; RES — результатив; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

Апресян Ю. Д. (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. М., Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.

Апресян Ю. Д. (отв. ред.). Активный словарь русского языка. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. 736 с.

Архангельский Т. А., Тагабилева М. Г., Холкина Л. С. Качественные признаки 'чистый', 'грязный', 'прозрачный', 'мутный': к построению семантической типологии // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2011. № 3. С. 257–260.

Бабаева Е. Э. Антонимия: проблемы толкования и реконструкции становления (на примере прилагательных с сильно развитой многозначностью). Проспект активного словаря русского языка / отв. ред. Апресян Ю. Д. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 221–283.

Баязитова Ф. С., Рамазанова Д. Б., Садыкова З. Р., Хайрутдинова Т. Х. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 839 с.

Богданова-Бегларян Н. В., Сулимова Т. С. Функционирование единицы чистоты в устной речи и процессы референции (корпусное исследование) // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2018. № 3. С. 3–8.

Винклер М.-Э. А., Кашкин Е. В. Лексемы со значениями ‘чистый’, ‘грязный’, ‘прозрачный’, ‘мутный’ // Элементы горномарийского языка в типологическом освещении / ред. Е. В. Кашкин (отв. ред.), М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. М.: Буки Веди, 2023. С. 828–840.

Готлан Ю. А. Nicht nur sauber, sondern rein // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 5–7.

Грюнберг А. Л. Язык североазербайджанских татов. Ленинград: Издательство АН СССР, 1963. 210 с.

Здобнова З. П. (ред.). Словарь русских говоров Башкирии. А–Я. Уфа: Гилем, 2008. 406 с.

Лучина Е. С., Резникова Т. И., Стенин И. А. Атрибутивы как источник грамматикализации: ‘прямой’ и ‘ровный’ в русском, немецком и финском языках // Tipología léxica / ed. by R. G. Tirado, I. Votyakova. Granada: Jizo Ediciones, 2013. P. 123–129.

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Том 4: С–Я. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2003. 536 с.

Матвеев А. К. (ред.). Словарь русских говоров Среднего Урала. Том VII: Цабура — Яшной. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1988. 189 с.

Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб: Наука, 2005. 634 с.

Пайар Д. Только // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / ред. Киселева К. Л., Пайар Д. М.: Метатекст, 1998. С. 45–55.

Печникова В. М. Прилагательные семантических зон ‘чистый’ и ‘грязный’: типология прямых и переносных значений // Проблемы компьютерной лингвистики и типологии. Сборник научных трудов / ред. Кретов А. А. Воронеж: ВГУ, 2017. № 6. С. 85–97.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.

Резникова Т. И., Печникова В. М. Чистая типология: о лексикализации семантики чистоты в славянских языках // Slavistična revija. 2021. № 1 (69). С. 103–120.

Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 356 с.

Сахно С. Л. Всего // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / ред. Киселева К. Л., Пайар Д. М.: Метатекст, 1998. С. 61–68.

Скитова Ф. Л. (ред.). Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Вып. VI. Т–Я / гл. ред Ф. Л. Скитова. Пермь: Пермский государственный университет, 2011. 312 с.

Словарь диалектов коми языка [Электронный ресурс]. URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=868754> (дата обращения 01.11.2024).

Татарско-русский словарь. В 2-х т. Т. 1 (А–Л). Казань: Магариф, 2007. 726 с.

Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 240 с.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Шарыкина О. А. «Ну чистый мёд!» (Особенности употребления слова чистый в современной разговорной речи) // «Русский язык III тысячелетия в зеркале лингвистической науки». XXXIX Распоповские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Воронеж, 25–27 марта 2022 г.). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022. С. 156–162.

Barwise J., Cooper R. Generalized quantifiers and natural language // *Linguistics and Philosophy*. 1981. № 4. P. 159–219.

DatSemShift — *The Database of semantic shifts in the languages of the world* [Электронный ресурс]. URL: <https://datsemshift.ru/> (дата обращения 12.02.2024).

Ghesquière L. Intensification and focusing. The case of pure(ly) and mere(ly) // *Exploring intensification: Synchronic, diachronic and cross-linguistic perspectives*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 33–51.

Horn L. A presuppositional analysis of only and even // *Papers from the Fifth Regional Meeting* / ed. by Binnick R., Davison A., Green G., Morgan J. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1969. P. 98–107.

Ippolito M. On the meaning of only // *Journal of Semantics*. 2007. № 25. P. 45–91.

Keenan E. Quantifiers: semantics // *Encyclopedia of language and linguistics*, vol. 10 / ed. by Brown K. Boston: Elsevier, 2006. P. 302–308.

Knyazev S. Corpus of the Russian dialect spoken in Keba. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/keba> (дата обращения 12.02.2024).

König E. *The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective*. London, New York: Routledge, 1991. x + 218 p.

Lingconlab — Ресурсы международной лаборатории языковой конвергенции [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/ru/> (дата обращения 12.05.2024).

Maslova E., *A Grammar of Kolyma Yukaghir*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. xviii + 609 p.

Matras Y., Sakel J. Introduction // *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective* / ed. by Y. Matras, J. Sakel. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 1–13.

Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXIII, I–VI, 1990–1999. 2703 S.

Webcorpora (Komi) — Корпуса коми-зырянского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://komi-zyrian.web-corpora.net/> (дата обращения 01.11.2024).

Wichmann Y. *Wotjakischer Wortschatz* / bearb. von T. E. Uotila, bearb. und hrsg. von Mikko Korhonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. xxiii + 421 S.

M.-E. A. Winkler¹, E. V. Kashkin²

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences¹,

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences²,

Lomonosov Moscow State University^{1,2}

(Russia, Moscow)

maria.emilia.winkler@gmail.com¹, egorka1988@gmail.com²

SEMANTIC DEVELOPMENT OF TERMS FOR 'CLEAN' / 'PURE' IN SOME FINNO-UGRIC LANGUAGES IN COMPARISON TO RUSSIAN

The article deals with semantic shifts of lexemes from the domain CLEAN/PURE relying on the data of three Finno-Ugric languages: Moksha, Hill Mari, and Udmurt (Tatyshtly subdialect). The data were collected in fieldwork, mainly by elicitation. We focus on lexemes borrowed from a Russian source (*чистый* 'clean, pure' and the adverbial *чисто*) which developed into focus markers or intensifiers. The paper describes a set of such functions for each of the languages. We have found the following patterns of shifts (which are subject to cross-linguistic variation): restrictive focus particle, high degree of similarity in constructions with equative semantics, complete affectedness of the NP referent by some feature, complete affectedness of the NP referent by some action, high degree of intensity of the action. As a background to the Finno-Ugric data, we analyze the use of the source lexemes *чистый* / *чисто* in Russian, both in the standard language (including the oral subcorpus of the Russian National Corpus) and in dialects (relying on the data available from corpora and dictionaries). We show that all the meanings available to the Finno-Ugric lexemes occur in at least some varieties of Russian. This allows us to propose that the items under discussion could be borrowed into Finno-Ugric languages together with the polysemy patterns developed in Russian. At the same time, each of the languages under discussion develops specific restrictions on the use of such borrowings. Finally, we discuss the colexification of restrictive focus and intensifying semantics typical of the domain in question. Drawing some typological parallels, we analyze possible arguments for their independent development vs. for their connection with each other.

Keywords: semantic caritives, lexical typology, adjectives, focus particles, intensifiers, language contact, borrowing, Finno-Ugric languages, Russian language

References

Apresyan Yu. D. (Ed.). *Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe* [The New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms. The second, updated and enlarged edition]. M., Wien, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Venskii slavisticheskii al'manakh, 2004. 1488 p. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. (Ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of Russian]. Vol. 2. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. 736 p. (In Russ.)

Arkhangel'skii T. A., Tagabileva M. G., Kholkina L. S. [Semantic fields 'clean', 'dirty', 'transparent', 'opaque': towards the construction of a semantic typology]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2011, no. 3, pp. 257–260. (In Russ.)

Babaeva E. E. *Antonimiya: problemy tolkovaniya i rekonstruktsii stanovleniya (na primere prilagatel'nykh s sil'no razvitoi mnogoznachnost'yu)* [Antonymy: issues of interpretation and reconstruction of formation (a case study of adjectives with highly developed polysemy)]. *Prospekt aktivnogo slovary russkogo yazyka* [Prospectus of the active dictionary of the Russian language]. Yu. D. Apresyan. (Ed.). M., Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010, pp. 221–283. (In Russ.)

Barwise J., Cooper R. Generalized quantifiers and natural language. *Linguistics and Philosophy*, 1981, no. 4, pp. 159–219.

Bayazitova F. S., Ramazanova D. B., Sadykova Z. R., Khairutdinova T. Kh. *Tatar teleney zur dialektologik süzlege* [Large Tatar dialect dictionary]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009. 839 p. (In Tatar)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Sulimova T. S. [The functioning of the word *chisto* in the natural discourse and the processes of reference (a corpora research)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura*. [Bulletin of BSU. Language. Literature. Culture]. 2018, no. 3, pp. 3–8. (In Russ.)

Database of Semantic Shifts in languages of the world. Available at: <https://datsemshift.ru/> (accessed 12.02.2024).

Ghesquière L. Intensification and focusing. The case of pure(ly) and mere(ly). *Exploring intensification: Synchronic, diachronic and cross-linguistic perspectives*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2017, pp. 33–51.

Gotlan Yu. A. Nicht nur sauber, sondern rein. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2014, no. 387, pp. 5–7.

Gryunberg A. L. *Yazyk severoazerbaidzhanskikh tatov* [Tat language of Northern Azerbaijan]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1963. 210 p. (In Russ.)

Horn L. A presuppositional analysis of only and even. *Papers from the Fifth Regional Meeting*. R. Binnick, A. Davison, G. Green, J. Morgan (Eds.). Chicago, Chicago Linguistic Society, 1969, pp. 98–107.

Ippolito M. On the meaning of only. *Journal of Semantics*, 2007, no. 25, pp. 45–91.

Keenan E. Quantifiers: semantics. *Encyclopedia of language and linguistics*, vol. 10. K. Brown (Ed.). Boston, Elsevier, 2006, pp. 302–308.

Knyazev S. *Corpus of the Russian dialect spoken in Keba*. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, 2022. [Online source]. Available at: <http://lingconlab.ru/keba> (accessed 12.02.2024).

König E. *The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective*. London, New York, Routledge, 1991. x + 218 p.

Lingconlab (The data of the International Laboratory of Language Convergence) [Online source]. Available at: <http://lingconlab.ru/ru/> (accessed 12.05.2024).

Luchina E. S., Reznikova T. I., Stenin I. A. [Attributives as grammaticalization sources: 'direct/straight' and 'even' in Russian, German and Finnish]. *Tipología léxica*. R. G. Tirado, I. Votyakova (Eds.). Granada, Jizo Ediciones, 2013, pp. 123–129. (In Russ.)

Malecha N. M. *Slovar' govorov ural'skikh (yaitskikh) kazakov. Tom 4: S–Ya* [Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks. Book 4: S–Ya]. Orenburg, Orenburg Book Publishing House, 2003. 536 p. (In Russ.)

Maslova E. *A Grammar of Kolyma Yukaghir*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2003. xviii + 609 p.

Matras Y., Sakel J. Introduction. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Y. Matras, J. Sakel (Eds.). Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2007, pp. 1–13.

Matveev A. K. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala. Tom VII: Tsabura — Yashnoi* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Ural area. Book VII: Tsabura — Yashnoi]. Sverdlovsk, Ural University Press, 1988. 189 p. (In Russ.)

Myznikov S. A. *Russkie govory Srednego Povolzh'ya: Chuvashskaya Respublika, Respublika Marii El* [Russian dialects of the Middle Dictionary of the Middle Volga: Chuvash Republic, Mari El Republic]. SPb, Nauka, 2005. 634 p. (In Russ.)

Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki, Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXIII, I–VI, 1990–1999. 2703 p.

Paillard D. *Tol'ko* ['Only']. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse markers in Russian language: contextual variation and semantic unity]. K. L. Kiseleva, D. Paillard (Eds.). M., Metatekst, 1998, pp. 45–55. (In Russ.)

Pechnikova V. M. [Adjectives for 'CLEAN' and 'DIRTY': a typology of primary and derivative meaning]. *Problemy komp'yuternoi lingvistiki i tipologii. Sbornik nauchnykh trudov* [Issues in computational linguistics and typology. Collection of articles]. A. A. Kretov (Ed.). Voronezh, VGU Publ, 2017, no. 6, pp. 85–97. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Reznikova T. I. [Frame-based approach to lexical typology]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 2013, no. 2, pp. 3–31. (In Russ.)

Reznikova T. I., Pechnikova V. M. [Pure typology: On lexicalization of semantics of pureness in Slavic]. *Slavistična revija*, 2021. № 1 (69), pp. 103–120. (In Russ.)

Robbek V. A., Robbek M. E. *Evensko-russkii slovar'* [Even-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2005. 356 p. (In Russ.)

Sakhno S. L. *Vsego* ['In total' / 'Just']. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse markers in Russian language: contextual variation and semantic unity]. K. L. Kiseleva, D. Paillard (Eds.). M., Metatekst, 1998, pp. 61–68. (In Russ.)

Sharykina O. A. «Nu chisty med!» (*Osobennosti upotrebleniya slova chisty v sovremennoi razgovornoj rechi*) [“Just like pure honey!” (Peculiarities of usage of the word ‘pure’ in modern colloquial speech)]. «*Russkii yazyk III tysyacheletiya v zerkale lingvisticheskoi nauki*». XXXIX Raspopovskie chteniya. *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Voronezh, 25–27 marta 2022 g.)*. [“Russian language of the 3rd millennium in the mirror of linguistic science”. XXXIX Raspopov conference. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation (Voronezh, March 25–27, 2022).] Voronezh, VSU Publ., 2022, pp. 156–162. (In Russ.)

Skitova F. L. (Ed.). *Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo raiona Permskoi oblasti (Akchinskii slovar')*. Vyp. VI. T–Ya [Dictionary of the Akchim village dialect of the Krasnovishersky district of the Perm region (Akchim dictionary). Vol. VI. T–Ya]. Perm, Perm State University Press, 2011. 312 p. (In Russ.)

Slovar' dialektov komi yazyka (Dictionary of Komi dialects) [Online source]. Available at: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=868754> (accessed 01.11.2024).

Tatarsko-russkii slovar' [Tatar-Russian dictionary]. In 2 vol. Vol. 1 (A–L). Kazan, Magarif, 2007. 726 p. (In Russ.)

Tatevosov S. G. *Semantika sostavlyayushchikh imennoi gruppy: kvantornye slova* [Semantics of the constituents of the noun phrase: quantifiers]. M., IWL RAS, 2002. 240 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavianskoi perspective* [The space of the word. Lexical semantics in the Slavic perspective]. M., Indrik, 2008. 528 p. (In Russ.)

Vinkler M.-E. A., Kashkin E. V. *Leksemy so znacheniyami 'chisty', 'gryaznyi', 'prozrachnyi', 'mutnyi'* [Lexemes meaning 'clean', 'dirty', 'transparent', 'opaque']. *Elementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Hill Mari from the typological point of view]. E. V. Kashkin, M.-E. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. D'yachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (Eds.). M., Buki Vedi, 2023, pp. 828–840. (In Russ.)

Webcorpora (Komi) — Komi-Zyrian corpora [Online source]. Available at: <https://komi-zyrian.web-corpora.net/> (accessed 01.11.2024).

Wichmann Y. *Wotjakischer Wortschatz* / bearb. von T. E. Uotila, bearb. und hrsg. von Mikko Korhonen. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. xxiii + 421 S.

Zdobnova Z. P. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov Bashkirii. A–Ya* [Dictionary of Russian dialects in Bashkortostan. A–Ya]. Ufa, Gilem, 2008. 406 p. (In Russ.)

Е. В. Кашкин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

egorka1988@gmail.com

ПРОБЛЕМА ЗАИМСТВОВАНИЯ МОДЕЛИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ: НЕКОТОРЫЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Статья посвящена явлению заимствования модели (калькирования) в лексической семантике: лексема одного языка в этом случае копирует такую полисемию, которая имеется в контактном языке. Обсуждение основано на опыте полевой работы автора с некоторыми уральскими языками, распространенными на территории России и подвергающимися существенному влиянию со стороны русского языка (в ряде случаев и со стороны других языков России), а также с контактными вариантами русского языка. Кроме того, привлекаются корпусные данные. На конкретных примерах рассматривается возможная в ареальных и лексико-типологических исследованиях аргументация того, что в конкретном случае произошло заимствование модели (инновационный характер модели для языка-реципиента; наличие в языке-реципиенте другой модели для выражения того же значения; социолингвистические факторы, касающиеся как идиома в целом, так и языковой биографии конкретных носителей). Анализируются методологические сложности, возникающие при рассмотрении ряда примеров (оценка типологической распространенности модели; разграничение заимствования модели и лексического упрощения; различия в наборе ситуаций, покрываемых лексемами языка-источника и языка-реципиента в исходном и в метафорическом доменах; определение направления возможного заимствования).

Ключевые слова: лексика, семантика, типология, заимствование модели, языковые контакты, социолингвистика, русский язык, уральские языки

1. Введение

В статье обсуждается явление заимствования модели (калькирования) в лексической семантике, когда лексема языка-реципиента приобретает новое употребление под влиянием модели полисемии в языке-источнике. В [Zalizniak et al. 2012: 647–648] иллюстрацией этого явления служит полисемия лексемы ‘ячмень’, обозначающей

во многих языках как растение, так и воспаление в области глаза. Под влиянием греческой лексемы *krithē* (она объединяет оба значения) и латинских *hordeum* ‘ячмень (растение)’ и *hordeolum* ‘ячмень (воспаление)’ такая полисемия благодаря культурным и научным контактам распространилась на многие языки, ср., помимо русского, немецкий (лексема *Gerstenkorn*), армянский (лексема *gari*), французский (лексемы *orge* и *orgelet*) и др.

При рассмотрении подобных примеров встает вопрос о том, имеет ли место в конкретном случае заимствование модели или независимое развитие полисемии. Это важно, во-первых, для определения самого предмета исследования языковых контактов и контактно обусловленных явлений. Во-вторых, разграничение между заимствованием модели и независимым развитием полисемии нередко проводится в лексико-типологических работах, где ставится задача инвентаризации сдвигов значения, воспроизводящихся в разных языках независимо в силу семантических и, шире, когнитивных закономерностей, а не просто в силу ареальной близости языков. В-третьих, подобный вопрос встает при разметке корпусов, см., например, разграничение помет «лексическая калька» и «нетривиальный выбор лексемы, который нельзя явным образом объяснить калькированием» в корпусе [Ruscontact].

В настоящей статье мы попробуем систематизировать возможные аргументы за и против трактовки примеров лексической полисемии как заимствования модели. В том числе мы остановимся на неочевидных случаях, потенциально допускающих различные трактовки, и попробуем оценить их с точки зрения как подходов к языковым контактам, так и лексической типологии. Обсуждаемый материал основан на нашем опыте полевой работы с уральскими языками России (в частности, горномарийским, коми, удмуртским, мокшанским), а также с локальными вариантами русского языка, испытывающими влияние контактирующих языков (в первую очередь учитываются варианты, соседствующие с горномарийским и мокшанским языками). Примеры, записанные в полевых условиях, приводятся в статье без эксплицитного указания источника (в системе записи, принятой в экспедиционном проекте по соответствующему языку). Идиомная принадлежность данных указывается подробнее при анализе конкретных примеров.

Далее в разделе 2 приводится краткий обзор работ предшественников. В разделе 3 обсуждаются примеры возможного заимствования модели и подходы к их трактовке. Раздел 4 содержит основные выводы.

2. Заимствование модели полисемии: традиции описания

Явление заимствования модели на различных языковых уровнях обсуждалось во множестве работ, см. [Thomason 2001; Matras 2009; Grant (ed.) 2019; Hickey (ed.) 2020] и приводимые в этих источниках библиографические ссылки. В [Thomason 2001: 91–95] в качестве возможных аргументов за заимствование модели приводятся возможность идентифицировать язык-источник, имеющий тесные

контакты с языком-реципиентом и параллельную модель, которая и была заимствована; инновационный характер рассматриваемой модели в языке-реципиенте (т. е. ее отсутствие до контакта с языком-источником); наличие других подтвержденных случаев заимствования модели между заданной парой языков. Рассуждения такого рода применяются и в других исследованиях. На практике, однако, привести аргументы всех упомянутых типов проблематично (например, у исследователя может не быть достаточных данных о состоянии языка-реципиента до его контакта с языком-источником). Поэтому утверждение о контактной природе того или иного явления во многих случаях либо не делается, либо носит вероятностный характер.

Что касается лексики, то она, как правило, оставалась на периферии этой теоретической дискуссии. При этом не очевидно, какие из используемых в грамматических исследованиях критерии определения заимствования модели и в какой мере применимы к лексическому материалу, учитывая различные его особенности: бóльшую легкость лексических заимствований по сравнению с заимствованиями в грамматике (см., например, [Thomason 2001: 70–71]), высокую скорость изменений в лексике (см., например, обсуждение в [Рахилина, Прокофьева 2004]), их бóльшую заметность для носителей (ср. наблюдения о влиянии английского языка на различные выражения, входившие в тот или иной период в моду в русском языке, в [Крысин 2002; Левонтина 2012; Северская, Саакян 2023] и др.).

Теоретические работы о лексических заимствованиях ([Haugen 1950; Haspelmath, Tadmor (eds.) 2009; Epps, Law 2019; Mott, Laso 2019; Durkin 2020; Manfredi 2020] и др.) в основном посвящены материальным заимствованиям (matter borrowing), ср. их подробную классификацию по частям речи и семантическим группам в [Haspelmath, Tadmor (eds.) 2009]. Случаи заимствования модели либо не обсуждаются в указанных работах вовсе, либо приводятся лишь отдельные примеры вероятного калькирования без разбора того, как его определять. При этом к семантическому калькированию не применимы критерии, связанные с межъязыковыми фонетическими соответствиями и отклонениями от них, представляющие убедительные аргументы относительно материальных заимствований. Поэтому используемая в таких случаях аргументация должна иметь другие основания.

В работах по лексической типологии определение заимствования модели в целом сводится к некоей имплицитной интуиции. Так, в статье [Рахилина, Резникова 2013: 19], представляющей популярный в последние десятилетия фреймовый (ориентированный на анализ сочетаемости) подход к лексической типологии утверждается, что «кальки в типологическом исследовании не нужны, борьба с ними тоже отнимает много времени», однако способы «борьбы с кальками» не эксплицируются. Аналогичная краткая формулировка приводится в [Rakhilina, Reznikova 2016: 114]. В обзоре «Каталога семантических переходов» Анны А. Зализняк и ее коллег [Zalizniak et al. 2012: 647–649] приводятся несколько более развернутые соображения, сводящиеся к следующему. Кальки, с точки зрения авторов, должны

иметь меньший вес при типологической оценке данных, чем независимо развившиеся переходы. В то же время уверенно доказать или опровергнуть заимствование модели можно далеко не всегда, а кроме того, калькирование семантического сдвига может, как и независимое развитие, свидетельствовать о его когнитивной значимости. Решение, к которому приходят Анна А. Зализняк и ее коллеги, состоит в том, что оптимально включать в базу данных все зафиксированные переходы и одновременно пометать, где возможно, предположительные кальки.

3. Выбор между заимствованием и независимым развитием модели: иллюстрации

3.1. Нехарактерная для языка-реципиента модель

Аргумент за калькирование в лексике может состоять в нетипичности рассматриваемой модели полисемии для языка-реципиента (по сути эта идея высказывается в целом по отношению к заимствованию модели в [Thomason 2001: 91–95]). Яркий пример — употребление глаголов движения в нестандартных вариантах русского языка, стирающее различия по параметру способа движения. Таковы примеры (1)–(2) из русской речи носителей мордовских языков: в примере (1), записанном нами от носителя мокшанского языка¹, ожидалась бы глагольная форма *залетела*, в примере (2), зафиксированном в цитируемой статье при работе с носителями эрзянского языка, — форма *приехал*.

(1) *Зашла* пчела что ли или муха в ухо.

(2) Мой отец *пришел* на тракторе. [Щемерова 2014: 139]

Для современного русского языка такие контексты в целом аномальны; в частности, они не встречаются в диалектном подкорпусе НКРЯ и не характерны для поисковой выдачи в Google. В мордовских же языках глаголы движения зачастую не специфицированы по параметру способа, ср. в мокшанском *sams* ‘прийти, приехать, прилететь’, *suvats* ‘зайти, заехать, залететь’ и др.; развернутые иллюстрации представлены в (3)–(4).

(3) мокшанский

Эстокиге, мзярда Иисус нинге корхта-сь, са-сь
сразу когда Иисус еще говорить-PST.3SG прийти-PST.3SG
тоза Иуда, кемгафтуво-тне-нь эзда фкя-сь.
туда Иуда двенадцать-PL.DEF-GEN V.ABL один-SG.DEF
‘Сразу, когда Иисус еще говорил, туда пришел Иуда, один из двенадцати’.
[Webcorpora (Moksha): Апостол Марк (перевод Института перевода Библии), 2016]

¹ Полевые данные мокшанского языка и контактного варианта русского языка, обсуждаемые в данной статье, получены в с. Лесное Цибяево и с. Лесное Ардашево Темниковского района Мордовии.

(4) МОКШАНСКИЙ

Мордовия-в тона-ф-не-ма Даша са-сь Ульяновскй
 Мордовия-LAT учить-CAUS-FREQ-NMLZ Даша прийти-PST.3SG Ульяновский
 область-ста Высокий Колок веле-ста.
 область-EL Высокий Колок село-EL

‘Учиться в Мордовию Даша приехала из Ульяновской области, из села Высокий Колок’. [Webcorpora (Moksha): Мокшень правда, 2012.08.02]

Тем самым рассматриваемая модель, устойчивая в языке-источнике (мокшанском), приобретает параллель в языке-реципиенте (русском), будучи приемлемой, очевидным образом, не для всех носителей и вариантов последнего. Это позволяет говорить в данном случае о вероятном заимствовании модели.

Похожая логика применима к материалу языков, контактных с русским (но в этом случае аргументация осложняется невозможностью оценить данные таких вариантов этих языков, которые бы не контактировали с русским). Так, в ижемском диалекте коми языка² ситуация головокружения описывается, по нашим данным, аналитической конструкцией (5). Только для части носителей (6) возможно употребление в этом случае глагола *бергооны*, покрывающего широкий спектр ситуаций вращения субъекта вокруг собственной оси, см., например, (7) и подробные данные в [Круглякова 2010: 211–225]. Многие носители оценивают предложение (6) как аномальное, усматривая в нем только буквальную интерпретацию («как будто голова вращается вокруг собственной оси»). Таким образом, структура в (6) параллельна русской модели выражения обсуждаемого значения, однако является неестественной для части носителей и имеет более употребительную синонимичную конструкцию (5). Совокупность этих фактов дает основание предполагать заимствование модели в (6).

(5) КОМИ (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

Юр-э гӧгер мун-э / ветл-э.
 голова-POSS.1SG кругом идти-PRS.3SG ходить-PRS.3SG
 ‘У меня голова кружится (букв.: идет / ходит кругом)’.

(6) КОМИ (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

?Юр-э берг-ал-э.
 голова-POSS.1SG вращаться-DISTR-PRS.3SG
 ‘У меня голова кружится’.

(7) КОМИ (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

Листь-яс-ыс берг-ал-эныс чукар-эн.
 лист-PL-POSS.3SG вращаться-DISTR-PRS.3PL куча-INS
 ‘Листья кружатся кучей’.

² Исследовался говор с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого АО.

Еще один подобный пример касается прилагательных с семантикой ‘острый’ в мокшанском языке, а именно соотношения лексем *orža* и *pika* (см. подробнее [Бикина 2013; Кашкин и др. 2018: 824–825] о мокшанском материале, [Kyuseva et al. 2022] о типологии). Прилагательное *pika* описывает предметы с заостренным концом, как те, у которых острота функционально значима (*pika nal* ‘острая стрела’), так и те, у которых острота характеризует только форму (*pika šalkə* ‘острый нос’, *pika pandə* ‘острая верхушка горы’). Прилагательное *orža* устойчиво сочетается с наименованиями режущих либо колющих предметов, которые должны быть острыми для нормального функционирования (*orža pejəl'* ‘острый нож’, *orža uz'ər'* ‘острый топор’, *orža salməks* ‘острая игла’); семантические различия между *orža* и *pika* при описании предметов с заостренным концом и функциональным признаком остроты не установлены. Однако с наименованиями предметов, у которых острота не функциональна, *orža* сочетается только в части идиологмов (*orža šalkə* ‘острый нос’, *orža pandə* ‘острая верхушка горы’), и эти контексты базово покрываются другой лексемой (*pika*). Учитывая, что русское прилагательное *острый* покрывает максимально широкий набор контекстов (ср. переводы мокшанских примеров), для лексемы *orža* можно предполагать калькированный характер тех употреблений, которые не выражают признак функциональности и являются приемлемыми не для всех носителей.

3.2. Упрощение: лексемы с широкой семантикой

В сравнении с приведенными в разделе 3.1 примерами нестандартного употребления глаголов движения рассмотрим примеры (8)–(9) из русской речи носителей горномарийского языка³:

(8) В этом марийские **свадьбы** теперь в школе **делают**.

(9) ...деревенские здесь **делают свадьбы** так.

В русском литературном языке в таких контекстах был бы вероятнее употреблен не глагол *делать*, а глагол *организовать*, *проводить*, *устраивать* или др. Кроме того, для горномарийского языка стандартно выражение *süän-ät äšt-ät* (свадьба-АСС делать-НРСТ.3РЛ) ‘организуют (букв.: делают) свадьбу’. Эти обстоятельства могли бы послужить аргументом за заимствование модели, однако важно, что описанное употребление глагола *делать* встречается и в русском просторечии, и видимой связи с языковыми контактами оно не имеет:

(10) Есть у людей деньги — **делают свадьбу**, нанимают организаторов.
[Google: <https://citydog.io/post/wedding-minsk/>]

(11) Анна, проблема в том, что в большинстве случаев, люди **делают свадьбы** не как хотят, а «как у всех», «как у людей», «как принято». [Google: <https://journal.tinkoff.ru/svadba-za-million/>]

³ Полевые данные получены в с. Кузнецово и нескольких близлежащих деревнях Горномарийского района Республики Марий Эл.

Поэтому встретившееся нам русское выражение *делать свадьбу* не следует оценивать как бесспорную кальку из горномарийского языка. Учитывая широкую семантику и дистрибуцию глагола *делать*, можно усматривать в данном случае стратегию упрощения конструкции, которая фиксировалась в речи билингвов (см., например, [Даниэль, Добрушина 2013] о русской речи в Дагестане), но в общем случае не связана напрямую с контактным влиянием.

3.3. Социолингвистические факторы

При обсуждении вопроса о наличии или отсутствии заимствования модели необходимо учитывать то, в какой мере заимствованию способствует социолингвистическая ситуация. Помимо тривиального соображения о необходимости интенсивных контактов между предполагаемыми языком-источником и языком-реципиентом, это касается и социолингвистической биографии отдельных носителей. Более простой случай представляют локальные варианты русского языка, развивающиеся в контакте с другими языками России: нестандартные явления, связанные с влиянием контактирующего языка, в них наиболее распространены у носителей старшего возраста и меньшего уровня образования, хуже владеющих русским (см., например, [Кашкин 2020] о русской речи носителей мокшанского языка). В качестве более сложного примера рассмотрим употребление глаголов позиции в ижемском диалекте коми языка, а именно в говоре с. Самбург Пуровского района Ямало-Ненецкого АО (см. также [Кашкин, Муравьев 2020; Kashkin, Muravyev 2021]). Если в целом в ижемском диалекте в контекстах функционального⁴ расположения субъекта используется, аналогично русскому языку, глагол *сулооны* ‘стоять’, как в примере (12) из говора с. Мужи, то у многих носителей говора с. Самбург в этом случае встречается глагол *пукооны* ‘сидеть’, как в (13) и аналогичных примерах, описывающих расположение чашки, тарелки, ловушки для птиц, скамейки.

(12) коми (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

<i>Пызан</i>	<i>выл-а-с</i>	<i>сулал-іс</i>	<i>окмыс</i>	<i>чашка.</i>
стол	верх-LOC/ILL-POSS.3SG	стоять-PST.3SG	девять	чашка

‘На столе стояло девять чашек’. [Бирюк и др. 2010: 124]

(13) коми (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

<i>Бльыд</i>	<i>пукал-э</i>	<i>пызан</i>	<i>выл-ын.</i>
блюдец	сидеть-PRS.3SG	стол	верх-LOC

‘Блюдец стоит (букв.: сидит) на столе’.

⁴ Под функциональной подразумевается такая ориентация субъекта в пространстве, при которой он типично используется в своей базовой функции, ср. рус. Тарелка *стоит* на столе (функциональная позиция, кодируемая глаголом *стоять*) и Тарелка *лежит* в чемодане (нефункциональная позиция, кодируемая глаголом *лежать*). Подробнее см. [Рахилина 2008: 288–312].

В тундровом ненецком языке, с которым интенсивно контактирует коми-ижемский говор с. Самбург⁵, в этом случае устойчиво глагол со значением ‘сидеть’, ср. пример (14), записанный от носителя тундрового ненецкого языка в том же селе:

- (14) тундровый ненецкий
xidyá tol-h nyinya ngamti-Ø.
чашка стол-GEN на сидеть-3SG
‘Чашка стоит (букв.: сидит) на столе’.

Трактовка описанной модели в самбургском коми как независимо развившейся или калькированной сталкивается с противоречивыми соображениями. Во-первых, возможность широкого употребления глагола со значением ‘сидеть’ не ограничивается рассмотренным ареалом: например, она фиксируется в марийских языках, ср. (15).

- (15) луговой марийский
Кол терке агроном-ын нер йымал-ны-жс=ак шинч-а.
рыба тарелка агроном-GEN нос низ-IN2-POSS.3SG=EMPH сидеть-NPST.3SG
‘Тарелка с рыбой стоит под самым носом агронома’. [СМЯ]

Во-вторых, обсуждаемая модель встречается в удорском, нижневычегодском и верхнесысольском диалектах коми языка, см. фрагментарные упоминания в [КСК II: 226–228]. Эти обстоятельства могли бы быть аргументами за независимое развитие функций лексемы *пукооны* ‘сидеть’ в самбургском говоре.

Важно, однако, что, во-первых, в других говорах ижемского диалекта широкое употребление глагола *пукооны* ‘сидеть’ не фиксируется. Во-вторых, обсуждаемая модель характерна для тех проживающих в Самбурге носителей ижемского коми, которые активно пользуются ненецким языком: это информанты, работающие (или значительное время работавшие) в смешанных оленеводческих бригадах с ненцами, говорящие или говорившие по-ненецки в смешанной семье (с супругой-ненкой, с отцом-ненцем при его жизни). В этом случае мы наблюдаем социолингвистическую ситуацию, представляющую аргумент за произошедшее в самбургском говоре заимствование модели.

3.4. Типология

При определении того, имеет ли место в конкретном случае заимствование модели, нужно учитывать типологические данные о распространенности этой модели. Так, в коми языке глагол *гӧрдлыны* ‘ржать (о лошади)’ может описывать громкий смех человека, см. пример (16) из литературного языка.

⁵ В Ямало-Ненецком АО (и в той или иной степени на сопредельных территориях) распространены четыре уральских языка (ненецкий, хантыйский, селькупский и коми), контактирующие друг с другом в различных сочетаниях в зависимости от района. Подробнее о языковых контактах в этом регионе см. [Кошкарева и др. 2017].

(16) коми

Мый нӧ гӧрдл-ан?! — ну-з-ис гӧтыр-ыс.

что PTCL ржать-NPST.2SG кипеть-INCH-PST.3SG жена-POSS.3SG

‘Что ты ржешь? — вскипела жена’. [Webcorpora (Komi): Арт, 2014]

Поскольку в русском языке имеется аналогичная модель полисемии, а коми язык находится с русским в интенсивном контакте, то возникает основание предполагать заимствование модели. Однако переход ‘ржать’ → ‘громко смеяться’ встречается и во многих других языках, в том числе не контактирующих с русским. В базе данных [Звуки Му] он зафиксирован, в частности, в сербском (глагол *рзати*), армянском (глагол *լըլիլցիլ*), венгерском (глагол *nyerít*), индонезийском (глагол *meringkik*) языках; в [DatSemShift] приводятся также примеры перехода ‘to neigh’ (‘ржать’) → ‘to laugh’ (‘смеяться’) в норвежском (глаголы *knegge*, *humre*) и шведском (глагол *gnägga*) языках.

В качестве еще одного примера рассмотрим горномарийскую лексему *tör*: она имеет значения ‘прямой’, ‘ровный’ (*tör pandä* ‘прямая палка’, *tör ke* ‘иди прямо’, *tör kornä* ‘прямая / ровная дорога’, *tör sedärä* ‘ровный’ пол), причем исходным, по-видимому, является значение ‘прямой’ (см. обсуждение в [Кашкин 2018] на материале говора с. Кузнецово Горномарийского района и близлежащих деревень). Эта лексема применима и к откровенному, говорящему правду человеку (17), а также к действиям такого человека (ср. *tör jadmaš* ‘прямой вопрос’).

(17) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

tädä tör edem, so ma-m šan-a, tädä-m

он прямой человек всегда что-ACC думать-NPST.3SG он-ACC

por-a.

говорить-NPST.3SG

‘Он прямой человек, всегда что думает, то и говорит’.

Подобный семантический сдвиг, вместе с тем, распространен в языках мира, см. фиксацию сдвига ‘straight’ (‘прямой’) → ‘honest’ (‘честный, откровенный’) в 16 языках в [DatSemShift] (лексемы *uz* в гагаузском языке, *egyenes* в венгерском, *кәпи* в тигринья и др.), а также типологический анализ полисемии лексем со значением ‘прямой’ в [Лучина 2014].

Таким образом, оценка рассмотренных примеров расширения лексем *гӧрдлыны* ‘ржать’ в коми языке и *tör* ‘прямой, ровный’ в горномарийском языке оказывается противоречивой. С одной стороны, в них повторяются модели полисемии, характерные для русского языка. С другой стороны, эти модели полисемии распространены типологически, поэтому проблематично доказать, что они не могли развиваться независимо. В таких случаях говорить об однозначном калькировании, по-видимому, не следует.

3.5. Соотношение семантики единиц

В некоторых случаях лексема может приобретать новое значение под вероятным влиянием языкового контакта, но семантика параллельных лексем в кон-

тактирующих языках может существенно различаться. Так, в ижемском диалекте⁶ коми языка глагол *оротны* (литературное соответствие — *орёдны*) имеет значение ‘рвать’, покрывая также области употребления русских приставочных дериватов (‘порвать’, ‘оторвать’, ‘оборвать’ и др.). Некоторые его метафорические употребления, ср. (18), имеют явные параллели в русском языке и, вполне вероятно, могут быть калькированными, учитывая широкую распространенность соответствующих контекстов в художественных и публицистических текстах на русском языке.

(18) коми (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

<i>Война-ыс</i>	<i>орот-іс</i>	<i>сы-лысь</i>	<i>ол-эм-сэ.</i>
война-POSS.3SG	рвать-PST.3SG	тот-GEN2	жить-NMLZ-ACC.POSS.3

‘Война оборвала его жизнь’.

Вместе с тем важно, что в ижемском коми значение ‘рвать’ может передаваться не только глаголом *оротны*, но и глаголом *косёоны* (в литературном языке *косявны*). Лексема *оротны* относится к разрушению длинных вытянутых объектов: *гез-сэ орот-ны* (веревка-ACC.POSS.3 рвать-INF) ‘разорвать веревку’, *суньыс-сэ орот-ны* (нитка-ACC.POSS.3 рвать-INF) ‘разорвать нитку’ и т. п., а также к отделению объекта от другого объекта рывком: *кызь орот-ны* (пуговица рвать-INF) ‘оторвать пуговицу’. Глагол *косёоны*, в свою очередь, сочетается с наименованиями плоских объектов: *дöрем-сэ косял-іс* (рубашка-ACC.POSS.3 рвать-PST.3SG) ‘порвал рубашку’, *газет-сэ косял-іс* (газета-ACC.POSS.3 рвать-PST.3SG) ‘порвал газету’ и т. п. Метафорические употребления двух лексем также различаются: глагол *оротны* обозначает прерывание какого-либо протяженного события (жизни, разговора, сна), ср. (18), тогда как глагол *косёоны* может описывать нарушение тишины или покоя, т. е. некоторой статичной ситуации (19), но не употребляется в контекстах, типичных для *оротны* (так, форма прошедшего времени *косяліс* была бы невозможна в (18)).

(19) коми (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

<i>Асья</i>	<i>лэнь-сэ</i>	<i>косял-іс /</i>	<i>*орот-іс</i>	<i>самолёт.</i>
утренний	тихий-ACC.POSS.3	рвать-PST.3SG	рвать-PST.3SG	самолет

‘Утреннюю тишину нарушил самолет’.

Таким образом, мы не можем исключить русское влияние на развитие метафор коми-ижемского глагола *оротны*, но, даже если эти метафоры калькированы, их учет важен для типологических обобщений, а именно для понимания того, какие типы ситуаций семантической зоны разрушения связаны с теми или иными моделями семантического развития.

«Обратный» вопрос может состоять в том, все ли употребления лексемы калькируются, если даже происходит калькирование. В качестве примера рассмотрим употребление горномарийского прилагательного *kakl'aka* ‘кривой, извилистый’

⁶ Рассматривался говор с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого АО.

(*kakl'aka šur* ‘кривые рога’, *kakl'aka kəzə* ‘кривой нож’, *kakl'aka kornə* ‘извилистая дорога’ и др.), описанного в [Данилова 2020; Данилова, Кашкин 2023] на материале говора с. Кузнецово Горномарийского района и близлежащих деревень. Переносно оно применяется к рукам и ногам, описывая недостаточные навыки человека:

(20) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

tədə kakl'aka kid-än, loca-m=at sev-äl-Ø a-k kerd.
он кривой рука-ПРОП полка-ACC=ADD бить-АТТ-CVB NEG.NPST-3 мочь
‘Он криворукий, даже полку не может прибить’. [Данилова, Кашкин 2023: 806]

(21) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

kakl'aka jal-an, cilä väre čikt-ält-eš.
кривой нога-ПРОП весь в_месте спотыкаться-MED-NPST.3SG
‘Кривоногий, везде спотыкается’. [ibid.]

У приведенных употреблений есть русские аналоги, ср. (22)–(23), и исключить калькирование полисемии в данном случае невозможно.

(22) *Ну подумайте сами, какая необходимость вам во мне, в этом жалком интеллигенте с кривыми руками, которые абсолютно, совершенно ничего не умеют делать?* [НКРЯ: Константин Симонов. Далеко на востоке (Халхин-гольские записки) (1948–1968)]

(23) *Самый кривоногий футболист сборной России, кто он?* [otvet.mail.ru, 2011 г.]

Вместе с тем в современном русском языке прилагательное *кривой* (и наречие *криво*) употребляются значительно шире, ср. продуктивные употребления, касающиеся плохого функционирования чего-либо:

(24) *То ли лампочка кривая, и как то там замыкает, то ли приборка гонит.*
[Google: <https://www.audi-club.ru/threads/oshibki-rasshifrovka-po-nomeram-tut.142982/page-414>]

(25) *Передал нас компании-организатору, где гид криво говорит по английски...*
[Google: <https://experience.tripster.ru/experience/Phuket/9421-morskie/reviews/?page=26>]

В горномарийском языке подобные контексты, однако, не встречаются, см. полученные при анкетировании носителей запреты носителей в (26)–(27) и отсутствие столь же продуктивного, как в русском языке, расширения лексемы *kakl'aka* в [СМЯ] и в литературном корпусе [KORP].

(26) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

*ti lampočka xuda / *kakl'aka, a-k čükt-ält.*
этот лампочка плохой кривой NEG.NPST-3 зажигать-MED
‘Эта лампочка плохая: она не горит’. [Данилова, Кашкин 2023: 806]

- (27) ГОРНОМАРИЙСКИЙ
*tədä xuda-n / *kaki'aka-n šajäšt-eš, ängäl-aš*
 он плохой-ADV кривой-ADV говорить-NPST.3SG понимать-INF
a-k li.
 NEG.NPST-3 становится
 'Он неразборчиво говорит, понять нельзя'. [Данилова 2020: 61]

Согласно [Рахилина, Наний 2016: 464–465], в НКРЯ описанный семантический сдвиг единиц *кривой / криво* становится продуктивным только с начала XXI в. В горномарийском языке эта модель, однако, не развилась (или не была калькирована), и употребление лексемы со значением 'кривой' в контекстах плохой функциональности ограничивается, по имеющимся данным, сочетаниями с существительными, означающими 'руки' и 'ноги'. Давняя фиксация использующихся в переносном значении сочетания *кривые руки* и прилагательного *криворукий* в русском языке упомянута в [ibid.]: тем самым, горномарийская система повторяет более старый семантический сдвиг. Для сочетания *кривые ноги* и прилагательного *кривоногий*, по-видимому, долгое время были характерны только прямые употребления, ср. корпусные примеры (28)–(29) и словарные статьи в [МАС] (хотя переносное употребление в современном языке также развивается, ср. (23) выше). Такое сочетание закрепляется в горномарийском языке (возможно, в силу аналогии с контекстами *кривые руки / криворукий*), но более широкий класс употреблений с семантикой сниженной функциональности не развивается.

- (28) *Принц Рике, горбун, кривоногий, кривобокий, с бельмом на глазу и с огромным горбом.* [НКРЯ: Ф. А. Кони. Принц с хохлом, бельмом и горбом (1833)]
- (29) *Я вижу грудь в латах, вижу длинные, немного кривые ноги в лосинах и ботфортах, но лица никак разглядеть не мог.* [НКРЯ: А. Н. Апухтин. Между жизнью и смертью (1892)]

Таким образом, даже если существующие переносные употребления горномарийской лексемы *kaki'aka* развились под влиянием русского языка, исключать их из рассмотрения в лексико-типологическом исследовании было бы неверным, поскольку они демонстрируют различный охват метафорических контекстов с семантикой плохого функционирования.

3.6. Направление влияния

В отдельных известных нам примерах возникает вопрос о том, каким могло быть направление контактного влияния и было ли оно однонаправленным. Рассмотрим в этой связи некоторые употребления глагола *уметь*. В списке тегов корпуса Ruscontact в качестве иллюстрации лексической кальки приводится пример (30).

- (30) *А кто/ еще по-нанайски умеет (=понимает).* [ibid.]

Не имея собственных данных по нанайскому языку, мы, однако, обратили внимание, что аналогичная модель (употребление глагола *уметь* с зависимым адвербиалом,

обозначающим язык) распространена в записанных от носителей лугового мари́йского языка русских текстах корпуса Mari Russian Corpus, ср.:

- (31) *Почти все, большинство **умели** на татарском языке в деревне.* [Mari Russian Corpus]
 (32) *Она по-русски. А по-казахски не **умели**, ну, никто не умел.* [ibid.]
 (33) *По-мари́йски-то **умеет** и разговари́вает, все понимает.* [ibid.]

Эта модель имеет параллель в луговом мари́йском языке: глагол *мошташ* ‘уметь’ (*куштен мошташ* ‘уметь плясать’, *урген мошташ* ‘уметь шить’ [СМЯ]) используется в примерах типа (34), где зависимое, обозначающее язык, кодируется симилиативом (падежом с показателем *-ла*).

- (34) луговой мари́йский
Мар-ла мошт-ет мо?
 мари-SIM уметь-NPST.2SG Q
 ‘По-мари́йски умеешь?’ [Webcorpora (Mari): Мари увер, 2008.04.08]

В то же время в корпусе [Webcorpora (Mari)] наиболее частотными словоформами в позиции непосредственно перед лексемой *мошташ*⁷ выступают деепричастия, указывающие на конкретное умение, как в (35): см. 216 вхождений в этой позиции формы *ышт-ен* (делать-CVB), 169 вхождений *умыл-ен* (понимать-CVB), 138 вхождений *му-ын* (находить-CVB) и мн. др.

- (35) луговой мари́йский
Шке йыр-ет моло-влак-ым чумыр-ен мошт-ет?
 REFL вокруг-POSS.2SG другой-PL-ACC собирать-CVB уметь-NPST.2SG
 ‘Ты умеешь объединять других вокруг себя?’ [Webcorpora (Mari): Мари́й тўвыра рўдер, 2014.02.16]

Словоформы *марла* и *рушла* встречаются непосредственно перед лексемой *мошташ* всего 9 раз и 4 раза соответственно, см. (34), (36). Таким образом, в луговом мари́йском языке эту модель можно признать периферийной.

- (36) луговой мари́йский
Мый вич и-яш-ем марте руш-ла
 я пять год-ATTR.MEAS-POSS.1SG до русский-SIM
мошт-ен омыл.
 уметь-CVB NEG.PRET.1SG
 ‘Я не говорил по-русски до 5 лет’. [Webcorpora (Mari): Мари́й Эл, 2006.01.28]

Поиск коллокаций в НКРЯ показывает, что для лексемы *уметь* также наиболее характерны сочетания с глаголами, описывающими навык (*уметь плавать*, *уметь читать*, *уметь пользоваться* и др.). Сочетания с адвербиалами, обозначающими

⁷ Проверялась препозиция относительно лексемы *мошташ* в силу того, что базовым порядком слов в луговом мари́йском языке является SOV.

язык, как и в луговом марийском языке, редки: так, во всей выдаче основного корпуса НКРЯ встретилось 5 релевантных примеров с контактной последовательностью лемм *уметь* и *по-английски*, по 4 релевантных примера — *уметь по-русски* и *уметь по-французски*. Некоторые иллюстрации приведены в (37)–(38).

(37) *Горяйнову он мгновенно ответил: — А вы, оказывается, не умеете по-русски. Горяйнов вздохнул.* [НКРЯ: Иван Александров, Глеб Григорьев. Курако (1939)]

(38) — *Он, знаете, — циник, — усмехнулся мне мальчик, — и вы думаете, что он не умеет по-французски?* [НКРЯ: Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)]

Тем самым модель вида ‘уметь на языке X’ оказывается периферийна и в русском, и в луговом марийском языках. В НКРЯ мы встречаем явные примеры независимого развития (было бы странно предполагать влияние лугового марийского языка или упомянутого в начале подраздела нанайского языка на употребление конструкций в примерах типа (37)–(38)). Наблюдаемая картина, по-видимому, совместима с различными сценариями: влияние давно существовавшей в русском языке модели на конструкцию в луговом марийском; поддержание модели в локальном варианте русского языка благодаря ее существованию в луговом марийском; независимое развитие конструкции.

4. Заключение

Мы обсудили возможные аргументы, которые могли бы подтверждать заимствование модели в лексике.

Во-первых, заимствованная модель должна быть нехарактерна для языка-реципиента вне ситуации языкового контакта (в т. ч. в языке-реципиенте может иметься параллельная более употребимая модель для выражения рассматриваемого значения). На практике, однако, это соображение может сталкиваться со сложностями в оценке: так, для многих языков России недоступны (или доступны в крайне скудном объеме) данные, предшествующие периоду активных контактов с русским языком.

Во-вторых, заимствование модели должно иметь предрасполагающие социолингвистические факторы, касающиеся как интенсивного контакта между разными языками, так и языковой биографии отдельных носителей (что особенно важно проследживать в случае миноритарных языков, когда работа ведется с сообществом ограниченного масштаба).

При оценке некоей модели как исконной или заимствованной следует учитывать ее типологическую распространенность: для типологически частотных моделей утверждение о заимствовании без дополнительных аргументов становится проблематичным.

Заимствование модели следует отличать от лексического упрощения, когда на некоторый контекст начинает распространяться лексема с широкой семантикой (например, глагол со значением ‘делать’).

Зачастую лексема приобретает новое значение под вероятным влиянием языкового контакта, однако набор контекстов (фреймов), покрываемых параллельными лексемами в языке-источнике и в языке-реципиенте, существенно различается. Такие случаи, даже при их калькировании, релевантны для типологического исследования, поскольку более дробно демонстрируют взаимосвязи между различными типами употреблений.

В практической разметке корпусов контактных вариантов русского или других языков, в связи со сказанным, представляется рациональным решение отмечать все нестандартные употребления лексем, возможно, разграничивая случаи, которые разметчики считают кальками (с указанием в комментарии параллельной структуры в языке-источнике) либо независимым развитием. Полезными для пользователей могли бы быть и социолингвистические сведения о носителях.

Список сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ADV — адвербиализатор; ATT — аттенуатив; ATTR.MEAS — атрибутивизатор с семантикой меры; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; DEF — определенность; DISTR — дистрибутив; EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; FREQ — фреквентатив; GEN — генитив; GEN2 — второй генитив; ILL — иллатив; IN — инессив; IN2 — непродуктивный инессив; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LAT — латив; LOC — локатив; MED — медиопассив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PROP — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SIM — симилятив; Q — вопросительная частица.

Литература

Бикина Д. А. К типологии лексем со значениями ‘острый’ и ‘тупой’: данные мокшанского языка // Проблемы лексико-семантической типологии. Сборник научных трудов. Вып. 2 / ред. А. А. Кретов. Воронеж: ВГУ, 2013. С. 5–20.

Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Кузнецова А. И., Усачёва М. Н. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / под ред. А. И. Кузнецовой. Екатеринбург: Издательство «Баско», 2010. 320 с.

Данилова А. А. Семантическое поле кривой: данные горномарийского языка в свете типологии // Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2020 / ред. Кс. П. Семёнова. М.: Буки Веди, 2020. С. 58–65.

Данилова А. А., Кашкин Е. В. Лексемы, описывающие отклонения от прямой линии // Элементы горномарийского языка в типологическом освещении / ред. Е. В. Кашкин (отв. ред.), М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. М.: Буки Веди, 2023. С. 804–808.

Даниэль М. А., Добрушина Н. Р. Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:

По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). В 2-х т. Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19). М.: РГГУ, 2013. С. 186–211.

Звуки Му — База данных глаголов звуков животных [Электронный ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/zvukimu/> (дата обращения 05.04.2024).

Кашкин Е. В. Полисемия признаков лексем с семантикой ‘прямой’: данные горномарийского языка // Родной язык. 2018. № 2. С. 106–127.

Кашкин Е. В. Особенности русской речи носителей мокшанского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 4. С. 110–131.

Кашкин Е. В., Багрянская У. Ю., Бибаева М. А., Бикина Д. А., Бобрёнок А. А., Егорова А. Д., Закирова А. Н., Козлов А. А., Муравьёва А. М., Никифорова С. О., Новикова Е. С., Привизенцева М. Ю., Сидорова М. А., Шалганова Т. А. Признаковая лексика // Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / ред. С. Ю. Толдова (отв. ред.), М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин. М.: Буки Веди, 2018. С. 806–835.

Кашкин Е. В., Муравьев Н. А. ‘На столе сидит чашка’: о контактных изменениях в коми-ижемских говорах Ямало-Ненецкого АО // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. № 3. С. 118–145.

Кошкарёва Н. Б., Кашкин Е. В., Коряков Ю. Б., Казакевич О. А., Буркова С. И., Муравьев Н. А., Будянская Е. М. Диалектологический атлас уральских языков, распространённых на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / под общ. ред. Н. Б. Кошкарёвой. Калининград: РОС-ДООАФК, 2017. 256 с.

Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.

Круглякова В. А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе: дис. ... канд. филол. наук / РГГУ. М., 2010. 350 с.

КСК — Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах / под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола». Т. I, 2012, 1096 с. Т. II, 2014, 888 с.

Левонтина И. Б. Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 550–564.

Лучина Е. С. Пути грамматикализации лексем со значением ‘прямой’: дипломная работа / МГУ. М., 2014. 118 с.

МАС — Словарь русского языка в 4-х тт. [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 05.04.2024).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 05.04.2024).

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

Рахилина Е. В., Наний Л. О. О системности в лексике: «прямые» и «кривые» семантические сдвиги // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. № 3. С. 448–469.

Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 60–78.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.

Северская О. И., Саакян Л. Н. Скрытые кальки и исконные модели частотных коллокаций // Язык-текст-дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т. Б. Радбиля). Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2023. С. 419–426.

СМЯ — Словарь марийского языка в 10 тт. [Электронный ресурс]. URL: <https://marlamuter.com/muter/ru/> (дата обращения 05.04.2024).

Щемерова Н. Особенности проявления лексико-семантической интерференции в русской речи эрзянских детей-билингвов // Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие / ред. А. Никунласси, Е. Ю. Протасова. Helsinki: University of Helsinki, 2014. P. 132–144.

DatSemShift — Database of Semantic Shifts in languages of the world [Электронный ресурс]. URL: <https://datsemshift.ru/> (дата обращения 05.04.2024).

Durkin Ph. Contact and lexical borrowing // The handbook of language contact / ed. by R. Hickey. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell, 2020. P. 169–179

Epps P., Law D. Contact-induced semantic change // Language contact. An international handbook. Volume 1 / ed. by J. Darquennes, J. Salmons, W. Vandenbussche. Berlin, Boston: de Gruyter Mouton, 2019. P. 38–52.

Grant A. (ed.). The Oxford handbook of language contact. Oxford: Oxford University Press, 2019. xxix + 757 p.

Haspelmath M., Tadmor U. (eds.). Loanwords in the World's languages. A comparative handbook. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009. 1081 p.

Haugen E. The analysis of linguistic borrowing. Language. 1950. № 26. P. 210–331.

Hickey R. (ed.). The handbook of language contact. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2020. xvii + 779 p.

Kashkin E., Muravyev N. Izhma Komi in Western Siberia: at the crossroads of language contact // Language contact in the territory of the former Soviet Union / ed. by D. Forker, L. Grenoble. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2021. P. 119–142.

KORP — Lars Borin, Markus Forsberg and Johan Roxendal. 2012. Korp — the corpus infrastructure of Språkbanken. [Online resource]. URL: https://gtweb.uit.no/u_korp/ (accessed 05.04.2024).

Kyuseva M., Parina E., Ryzhova D. Methodology at work: semantic fields SHARP and BLUNT // The typology of physical qualities / ed. by E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2022. P. 29–55.

Manfredi S. Contact and calquing // Arabic and contact-induced change / ed. by Ch. Lucas, S. Manfredi. Berlin: Language Science Press, 2020. P. 625–641.

Mari Russian Corpus — Corpus of Russian spoken in Mari El [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/MariRus/#/> (дата обращения 05.04.2024).

Matras Y. Language contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. xvi + 366 p.

Mott B., Laso N. Semantic borrowing in language contact // The Oxford handbook of language contact / ed. by A. Grant. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 155–172.

Rakhilina E., Reznikova T. A Frame-based methodology for lexical typology // The lexical typology of semantic shifts / ed. by P. Juvonen, M. Kortjevskaja-Tamm. Berlin, Boston: de Gruyter, 2016. P. 95–130.

Ruscontact — The corpus of contact-influenced Russian [Электронный ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/wsgi3/ruscontact/search> (дата обращения 05.04.2024).

Thomason S. Language contact. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. x + 310 p.

Webcorpora (Komi) — Корпуса коми-зырянского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://komi-zyrian.web-corpora.net/> (дата обращения 05.04.2024).

Webcorpora (Mari) — Корпуса лугового марийского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://meadow-mari.web-corpora.net/> (дата обращения 05.04.2024).

Webcorpora (Moksha) — Корпуса мокшанского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://moksha.web-corpora.net/> (дата обращения 05.04.2024).

Zalizniak Anna, Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // Linguistics. 2012. № 50–3. P. 633–669.

E. V. Kashkin

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

egorka1988@gmail.com

PATTERN BORROWING IN LEXICAL SEMANTICS: SOME EMPIRICAL OBSERVATIONS

The article deals with pattern borrowing in lexical semantics. In this case, a lexeme of one language copies a polysemy pattern from a contact language. The discussion is based on the data from my fieldwork with some Uralic languages spoken in Russia and strongly influenced by Russian (along with the influence of other indigenous languages, which is present in some cases). Data from local varieties of Russian which are undergoing contact-induced changes are also considered. The analysis of field data is complemented by corpus material. On the basis of several case studies, I discuss possible arguments for pattern borrowing (innovation for the recipient language; the existence of another

pattern for the same meaning in the recipient language; sociolinguistic factors related either to the language/dialect in general or to the speaker's background). Some methodological issues are considered, such as assessing the typological distribution of a pattern in question; distinguishing between pattern borrowing and simplification; semantic and collocational differences between the lexemes in the source language and in the recipient language; tracing the direction of possible borrowing.

Keywords: lexicon, semantics, typology, pattern borrowing, language contact, sociolinguistics, Russian language, Uralic languages

References

Bikina D. A. [Towards the typology of lexemes meaning 'sharp' and 'blunt': evidence from Moksha]. *Problemy leksiko-semanticheskoi tipologii. Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 2* [Problems of lexical semantic typology. Collection of articles. Vol. 2]. A. A. Kretov (Ed.). Voronezh, VSU Publ., 2013, pp. 5–20. (In Russ.)

Biryuk O. L., Kashkin E. V., Kuznetsova A. I., Usacheva M. N. *Slovar' muzhevskogo govora izhemskego dialekta komi-zyryanskogo yazyka* [Dictionary of the Muzhi subdialect of Izhma Komi]. A. I. Kuznetsova (Ed.). Ekaterinburg, "Basko" Publ., 2010. 320 p. (In Russ.)

Daniel' M. A., Dobrushina N. R. [A corpus of Russian as L2: the case of Daghestan]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 29 maya — 2 iyunya 2013 g.). V 2-kh t. T. 1: Osnovnaya programma konferentsii. Vyp. 12 (19)* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual international conference "Dialogue" (Bekasovo, 29 May — 2 June 2013). Vol. 1: Main conference program. Issue 12 (19)]. Moscow, RSUH Publ., 2013, p. 186–211. (In Russ.)

Danilova A. A. [The semantic domain of CROOKED: evidence from Hill Mari in the light of typology]. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Sbornik trudov konferentsii 2020* [Minority languages in large linguistics. Proceedings volume of the Conference 2020]. Ks. P. Semenova (Ed.). Moscow, Buki Vedi Publ., 2020, pp. 58–65. (In Russ.)

Danilova A. A., Kashkin E. V. [Lexemes describing deviations from a straight line]. *Elementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii* [Elements of Hill Mari from the typological perspective]. E. V. Kashkin, M.-E. A. Winkler, T. I. Davidiyuk, V. V. D'yachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (Eds.). M., Buki Vedi Publ., 2023, pp. 804–808. (In Russ.)

Database of Semantic Shifts in languages of the world. Available at: <https://datsemshift.ru/> (accessed 05.04.2024).

Durkin Ph. Contact and lexical borrowing. *The handbook of language contact*. R. Hickey (Ed.). Hoboken, NJ, Wiley Blackwell, 2020, pp. 169–179.

Epps P., Law D. Contact-induced semantic change. *Language contact. An international handbook. Volume 1*. J. Darquennes, J. Salmons, W. Vandenbussche (Eds.). Berlin, Boston, de Gruyter Mouton, 2019, pp. 38–52.

Grant A. (Ed.). *The Oxford handbook of language contact*. Oxford, Oxford University Press, 2019. xxix + 757 p.

Haspelmath M., Tadmor U. (Eds.). *Loanwords in the World's languages. A comparative handbook*. Berlin, New York, de Gruyter Mouton, 2009. 1081 p.

Haugen E. The analysis of linguistic borrowing. *Language*, 1950, no. 26, pp. 210–331.

Hickey R. (Ed.). *The handbook of language contact*. Hoboken, NJ, Wiley-Blackwell, 2020. xvii + 779 p.

Kashkin E. V. [Polysemy in Hill Mari lexemes expressing the concept of ‘straight’]. *Rodnoi yazyk*, 2018, no. 2, pp. 106–127. (In Russ.)

Kashkin E. V. [Some peculiarities of the Russian speech of Moksha speakers]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2020, no. 4, pp. 110–131. (In Russ.)

Kashkin E. V., Bagryanskaya U. Yu., Bibaeva M. A., Bikina D. A., Bobrenkova A. A., Egorova A. D., Zakirova A. N., Kozlov A. A., Murav'eva A. M., Nikiforova S. O., Novikova E. S., Privizentseva M. Yu., Sidorova M. A., Shalganova T. A. [Terms for qualities]. *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Moksha from the typological perspective]. S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova, S. G. Tatevosov, E. V. Kashkin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, A. V. Kukhto, M. Yu. Privizentseva, I. A. Stenin (Eds.). Moscow, Buki Vedi Publ., 2018, pp. 806–835. (In Russ.)

Kashkin E. V., Murav'ev N. A. [‘A cup is sitting on the table’: On the contact-induced change in the subdialects of Izhma Komi spoken in the Yamalo-Nenets Autonomous District]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, no. 3, pp. 118–145. (In Russ.)

Kashkin E., Muravyev N. Izhma Komi in Western Siberia: at the crossroads of language contact. *Language contact in the territory of the former Soviet Union*. D. Forker, L. Grenoble (Eds.). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2021, pp. 119–142.

Komi sernisikas kyvchukör. Slovar' dialektov komi yazyka: v 2-kh tomakh [Dictionary of Komi dialects]. L. M. Beznosikova (Ed.). Syktyvkar: OOO «Izdatel'stvo «Kola» Publ, vol. I, 2012, 1096 p, vol. II, 2014, 888 p. (In Russ.)

KORP — Lars Borin, Markus Forsberg and Johan Roxendal. 2012. *Korp — the corpus infrastructure of Språkbanken*. Available at: https://gtweb.uit.no/u_korp/ (accessed 05.04.2024).

Korpusa komi-zyryanskogo yazyka [Komi-Zyrian corpora]. Available at: <http://komi-zyrian.web-corpora.net/> (accessed 05.04.2024).

Korpusa lugovogo mariiskogo yazyka [Meadow Mari corpora]. Available at: <http://meadow-mari.web-corpora.net/> (accessed 05.04.2024).

Korpusa mokshanskogo yazyka [Moksha corpora]. Available at: <http://moksha.web-corpora.net/> (accessed 05.04.2024).

Koshkareva N. B., Kashkin E. V., Koryakov Yu. B., Kazakevich O. A., Burkova S. I., Murav'ev N. A., Budyanskaya E. M. *Dialektologicheskii atlas ural'skikh yazykov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Dialectological atlas of the Uralic languages spoken in the Yamalo-Nenets autonomous district]. N. B. Koshkareva (Ed.). Kaliningrad, ROS-DOAFK Publ., 2017. 256 p. (In Russ.)

Kruglyakova V. A. *Semantika glagolov vrashcheniya v tipologicheskoi perspektive*. Diss. kand. filol. nauk [Semantics of rotation verbs in a typological perspective]. Moscow, 2010. 350 p. (In Russ.)

Krysin L. P. [Lexical borrowings and calques in the Russian language of the last decades]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2002, no. 6, pp. 27–34. (In Russ.)

Kyuseva M., Parina E., Ryzhova D. Methodology at work: semantic fields SHARP and BLUNT. *The typology of physical qualities*. E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova (Eds.). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2022, pp. 29–55.

Levontina I. B. [Borrowings in contemporary Russian and the dynamics of the Russian language picture of the world]. Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennye russkoi yazykovoi kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 550–564. (In Russ.)

Luchina E. S. *Puti grammatikalizatsii leksem so znacheniem 'pryamoj'*. Diploma paper [Grammaticalization paths of lexemes meaning 'straight']. Moscow, 2014. 118 p. (In Russ.)

Manfredi S. Contact and calquing. *Arabic and contact-induced change*. Ch. Lucas, S. Manfredi (Eds.). Berlin, Language Science Press, 2020, pp. 625–641.

Mari Russian Corpus — *Corpus of Russian spoken in Mari El*. Available at: <http://lingconlab.ru/MariRus/#/> (accessed 05.04.2024).

Matras Y. *Language contact*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. xvi + 366 p.

Mott B., Laso N. Semantic borrowing in language contact. *The Oxford handbook of language contact*. A. Grant (Ed.). Oxford, Oxford University Press, 2019, pp. 155–172.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian national corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 05.04.2024).

Rakhilina E. V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of terms for objects: semantics and combinability]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2008. 416 p. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Nanii L. O. [STRAIGHT and CURVED: semantic shifts]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2016, no. 3, p. 448–469. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Prokof'eva I. A. [Lexical typology of cognate languages: Russian and Polish verbs of rotation]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2004, no. 1, pp. 60–78. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Reznikova T. I. [Frame-based approach to lexical typology]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2013, no. 2, p. 3–31. (In Russ.)

Rakhilina E., Reznikova T. A Frame-based methodology for lexical typology. *The lexical typology of semantic shifts*. P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (Eds.). Berlin, Boston, de Gruyter, 2016, pp. 95–130.

Ruscontact — The corpus of contact-influenced Russian. Available at: <http://web-corpora.net/wsgi3/ruscontact/search> (accessed 05.04.2024).

Severskaya O. I., Saakyan L. N. [Hidden calques and primordial models of frequency collocations]. *Yazyk-tekst-diskurs v novykh usloviyakh kommunikatsii (k 60-letiyu profes-sora T. B. Radbilya)* [Language-text-discourse in the new conditions of communication (towards the 60th anniversary of the professor T. B. Radbil)]. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2023, pp. 419–426. (In Russ.)

Shchemerova N. [Peculiarities of lexical semantic interference in the Russian speech of Erzya bilingual children]. *Instrumentarii rusistiki: oshibki i mnogoyazychie* [Instrumentarium of Russian studies: errors and multilingualism]. A. Nikunlassi, E. Yu. Protasova (Eds.). Helsinki, University of Helsinki, 2014, pp. 132–144. (In Russ.)

Slovar' mariiskogo yazyka v 10 tt. [Dictionary of Mari in 10 vol.]. Available at: <https://marlamuter.com/muter/ru/> (accessed 05.04.2024).

Slovar' russkogo yazyka v 4-kh tt. [Dictionary of Russian in 4 vol.]. Available at: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 05.04.2024).

Thomason S. *Language contact*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2001. x + 310 p.

Zalizniak Anna, Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. *Linguistics*, 2012, no. 50–3, pp. 633–669.

Zvuki Mu — *Baza dannyykh glagolov zvukov zivotnykh* [Database of verbs describing animal sounds]. Available at: <http://web-corpora.net/zvukimu/> (accessed 05.04.2024).

Е. Л. Клячко

независимый исследователь

(Россия, Москва)

elenaklyachko@gmail.com

КОНТАКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ДОКУМЕНТАХ СОВЕТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ (1920-е — 1930-е гг.)¹

В статье рассматриваются особенности русского языка официальных документов, составленных в 1920-е–1930-е гг. в учреждениях Дальневосточного края. Родными языками одних авторов были тунгусо-маньчжурские (нанайский, удэгейский, ульчский, эвенкийский), для других же родным языком был русский. Таким образом, тексты авторов с разными родными языками можно сопоставить друг с другом. Письменные документы содержат множество отклонений от норм русского языка в части орфографии, морфологии, синтаксиса. В статье анализируются эти отклонения и выявляются их возможные причины. Особенности письменных документов сопоставляются с данными устных корпусов русской речи носителей тунгусо-маньчжурских языков. Некоторые орфографические ошибки отражают различия в инвентаре согласных, структуре слога между родным языком авторов и русским. Такие ошибки, как неразличение прилагательных и наречий, маркирование прямого объекта номинативом, сохранение глагольного управления у отглагольных существительных, по-видимому, связаны с влиянием родного языка авторов. С другой стороны, некоторые особенности текстов: опущение *-ся*, опущение предлогов во временных выражениях — могут быть связаны с особенностями регионального варианта русского языка. Наконец, часть явлений связана с самим фактом недоусвоенности системы русского языка. Кроме того, в статье рассматривается вопрос о возможном влиянии на тексты русско-китайского пиджина.

Ключевые слова: языковые контакты, тунгусо-маньчжурские языки, русский язык, нанайский язык, удэгейский язык, ульчский язык

¹ Благодарю сотрудников Государственного архива Хабаровского края за возможность работы с оцифрованными материалами и разрешение на публикацию изображений. Я также хотела бы поблагодарить анонимных рецензентов за ценные замечания.

1. Введение

Дальневосточный край (ДВК) — административно-территориальная единица в составе РСФСР, существовавшая с 1926² по 1938³ гг. Коренным населением ДВК были, в числе других народов, носители тунгусо-маньчжурских языков: эвенки, эвены, негидальцы, удэгейцы, орочи, нанайцы, ульчи, уйльта. В 1926 г. было зафиксировано право коренных народов на создание т. н. «туземных советов» — органов местного самоуправления, выполнявших также некоторые судебные функции⁴ (позднее употреблялся термин «национальный совет»). В информационной системе Государственного архива Хабаровского края [ЕАИС ХК] доступны онлайн документы местных органов власти и национальных колхозов: протоколы собраний, отчеты, заявления, жалобы и т. п. Документы национальных советов ДВК изучались историками [Ахметова 2014; Гореликов 2015], но языковая сторона привлекала меньше внимания исследователей.

В то время как для корейских колхозов сохранились протоколы собраний на корейском языке⁵, подавляющее большинство документов «тунгусо-маньчжурских» советов написаны на русском языке (см. Рис. 1, 2). На сложности при ведении переписки на русском языке указывает, например, эвенк Степан Николаевич Винокуров, председатель Буруканского туземного сельсовета [Ф. Р-1817, оп. 1, д. 5А, л. 29, эвенк.]: «без посторонней помощи не понимаю некоторые слова как свой не родной язык»⁶. Интересно, что в 1933 г. сотрудники Комитета нового алфавита народов Севера в своем отчете предлагали использовать языки народов Севера при проведении собраний, заседаний, составлении договоров и т. п., но это предложение осталось нереализованным⁷, если не считать некоторых экспериментов. Так, несколько документов были написаны на нанайском языке [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, лл. 28–31], см. Рис. 3. Документы национальных советов, как правило, рукописные; они могли перепечатываться, причем машинописные версии обычно содержат правки.

1.1. Постановка задачи

Русский язык многих из рассматриваемых документов отличается от литературного. Рассмотрим следующие примеры.

² Постановление ВЦИК от 04.01.1926 «Об образовании и районировании Дальне-Восточного края».

³ Указ Президиума ВС СССР от 20.10.1938 о разделении Дальневосточного края на Приморский и Хабаровский края.

⁴ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 25.10.1926 «Об утверждении Временного Положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин Р.С.Ф.С.Р.».

⁵ ГАХК, ф. П44, оп. 1, д. 604 «Документы партийной организации колхоза “Красный кореец” (на корейском языке)».

⁶ Здесь и далее во всех цитатах из документов сохраняется их орфография и пунктуация. В скобках даны ссылки на документы из ГАХК, указан родной язык автора.

⁷ АРАН. Оп. 676, оп. 1, д. 612 «Отчет о работе КНА за 1933 год и 1934 год и планы работы на 1934 г.», л. 61.

Удобрение на 1988 года 05 га
 Утвердить. Вывести воза
 приложить Кошвоиски бригадер.
 Вывести воза закончить к 10 апреля
 при обращении Селитры. Авес и розной
 Кислоты приложить травление.
 Кошвоиски и Кошвоиски бригадер.
 Обеспечить Селитру.
 Пред заседание ~~сидеть~~
 секретар. — — —

Рис. 1. Фрагмент протокола заседания сельского совета стойбища Джен
 (автор — нанец М. Бельды) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 166 об.]

Копия на суд.
 В Бикинском Районном
 Зам пред Риз Канчуга
 Павел Владимирович.
 от Канчугина Марии
 Вывести 16
 Промысловое хозяйство
 много дел в этом
 что munka моя вынужден
 прошлого год с двумя
 и вынужден.

Рис. 2. Фрагмент заявления на выплату алиментов (Бикинский район,
 автор — удэеец П. Канчуга) [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6а, л. 16]

- (1) Вочто бы нестало правительства не допустил аделных русских артел рыбы ловных и охотничества. Почему потому что как руски охотник пойдет на охоту то обществник и не обществник ани пускают паль (Во что бы то ни стало правительство не должно допускать <появления> отдельных русских рыболовных и охотничьих артелей. Почему? Потому что если русский охотник идет на охоту, то, в составе артели или нет, он устраивает

- (3) Поручить правлению колхоза Цюю Алексею составить список владельцев скота участвующих производших побой гибели урожая... восстановить погибшего урожая (Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 146 — кореец С. Тен, с. Джари)

Тексты содержат орфографические ошибки, например, в написании слов с безударными гласными: «адельных», «ани» (1), «заевления», «снела» (2), а также при обозначении мягкости согласных: «паль» (1), «разобрат» (2). Есть и отклонения от нормы в управлении глаголов: «выявлять расхищение <...> и продаже <...> и пьянства» (2), «восстановить погибшего урожая» (3). Наконец, тексты содержат нестандартные синтаксические конструкции: «вчто бы нестало правительства не допустил» (1), «владельцов скота участвующих производших побой гибели урожая» (2). Возникает вопрос: насколько отклонения от литературной нормы вызваны влиянием родного языка автора, местного варианта русского языка или какого-либо контактного идиома?

Цель исследования состоит в обзоре основных особенностей письменных документов и выявлении причин этих особенностей. Гипотеза состоит в том, что в письменных документах будут обнаружены явления интерференции с родным языком (L1) автора, сопоставимые с аналогичными явлениями в устной речи в более поздних записях, см. [Stoynova 2019]. Кроме того, я предполагала, что в документах из ареала распространения русско-китайского пиджина (см. [Перехвальская 2010]) будут также обнаружены черты пиджина. Ошибки в документах, для авторов которых русский язык был родным, используются как контрастный материал.

1.2. Материал

В настоящей статье я ограничиваюсь данными, доступными онлайн и при этом относящимися к местам проживания носителей тунгусо-маньчжурских языков. Большинство текстов было написано авторами с родным нанайским языком. В Таблице 1 перечислены населенные пункты, документы из которых рассматриваются в данном исследовании, и их административная принадлежность на момент создания документов. На Рисунке 4 показано местоположение этих населенных пунктов; приведены современные границы регионов.

1.3. Методы

Методика анализа состояла в сплошном просмотре текстов и отборе словоформ с аномальной орфографией или морфологическими особенностями, словосочетаний с нарушениями правил согласования и управления. Далее выделялись классы наиболее частых нарушений, встречающихся у разных авторов, т. е. не определяемые идиолектами. Эта классификация отчасти основана на [Stoynova 2019].

Поскольку речь идет об официальных документах, то, как правило, в них указано авторство. Из заполненных самими авторами анкет, а также из других источников (газетные статьи, воспоминания потомков, краеведческие заметки, сведения из архивов Педагогического института им. Герцена) можно уточнить биографию

Таблица 1. Населенные пункты, где были записаны документы, и этническая принадлежность их авторов

Район	Населенные пункты	Этническая принадлежность авторов документов
Бикинский	Красный Перевал ⁹ , Олон, Метакеза, Красный Яр ¹⁰ , Санчихеза ¹¹	удэгейцы
Нанайский	Анжуй	удэгейцы
Нанайский	Верхний Нерген, Дада, Найхин, Сикачи-Алян, Даерга, Джари, Джуен, Джонка, Курун ⁸ , Сира ⁸	нанайцы
Амуро-Тунгусский	Сиваки	нанайцы
Ульчский	Богородское, Большемихайловское, Май ⁸	ульчи
Кербинский	Бурукан	эвенки, (возможно) негидальцы

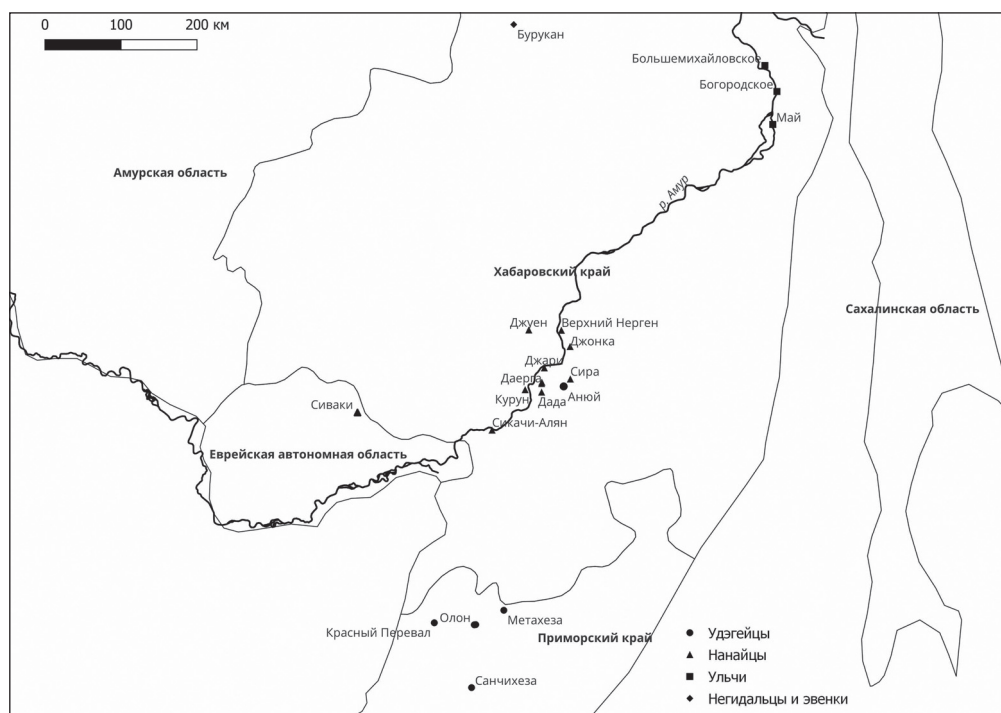

Рис 4. Населенные пункты — места создания документов

⁹ Разделено на Верхний Перевал и Нижний Перевал.

¹⁰ Не существует.

¹¹ Сейчас — с. Островной.

пишущих: узнать место их рождения, родной язык, уровень образования, оценить степень владения русским языком. Некоторые авторы были студентами или курсантами педагогического института в Ленинграде — например, удэгейцы И. И. Канчуга [Пассар 2018], П. З. Канчуга [Шибнев 1998]. Обязанность секретаря могли выполнять и люди, лишь на время оказавшиеся на Дальнем Востоке. К примеру, протокол Буруканского туземного общего собрания от 26.03.1927 вела В. И. Цинциус [Ф. Р-1817, оп. 1, д. 5А, л. 8, фрагмент на Рис. 5 ниже], бывшая тогда в экспедиции (об этой экспедиции см. [Цинциус 1982: 4]).

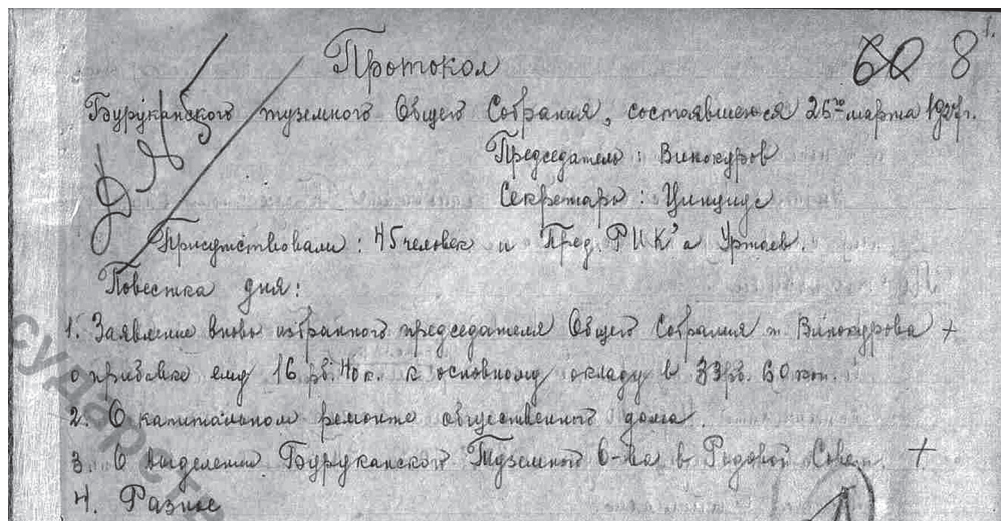

Рис. 5. Фрагмент протокола, написанного В. И. Цинциус [Ф. Р-1817, оп. 1, д. 5А, л. 8]

1.4. Структура работы

Работа структурирована следующим образом: в разделе 2 будут рассмотрены орфографические особенности текстов, в разделе 3 — лексические особенности текстов, в разделе 4 — морфологические особенности словоформ. В разделе 5 будут показаны особенности согласования, в разделе 6 — управления, в разделе 7 — дискурса. В разделе 8 рассмотрены факторы, под влиянием которых развились отклонения от норм русского языка. В разделе 9 сформулированы выводы.

2. Орфография

Частые орфографические ошибки могут указывать на особенности произношения. Наиболее часты следующие замены: $ж \rightarrow з$ (4), $з \rightarrow ж$ (5), $ж \rightarrow д$ ([дъ]) (6), $ш \rightarrow с$ (7), $с \rightarrow ш$ (8), $ц \rightarrow ч$ (9), $ц \rightarrow т$ ([тъ]) (10), $[тъ] \rightarrow ч$ (11), $[тъ] \rightarrow ц$ (12), $ч \rightarrow т$ ([тъ]) (13), $ч \rightarrow ц$ (14).

(4) а. тязелых [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 68, нан.]

б. учрездение; продаза [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 92, нан.]

- в. задержано [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 145, нан.]
г. посмотреть заездок как загражден (*посмотреть, как загражден заездок*¹²) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 17, нан.]
- (5) а. не пожней (*не поздней*) 21 июня [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 6, л. 42 об, нан.]
б. ожажались избранными (*оказались избранными*¹³) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 138, нан.]
в. гражда (*гораздо*) [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 93, удэг.]
г. жазиточный [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 172, нан.]¹⁴
- (6) а. придлодить [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 166 об., нан.]; продлодить (*предложить*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 92, нан.]
б. обортерование диروبой кобылица (*абортирование жеребой кобылицы*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 166, нан.]
- (7) а. сироккой [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 165, нан.]
б. в конусни (*в конюшне*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 171 об., нан.]
в. заслушали [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 154, нан.]
г. страповать (*штрафовать*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 164, нан.]
- (8) а. о береговой полоша колхозной территория для место делат барза (*о береговой полосе на колхозной территории для места, чтобы делать баржи*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 13, нан.]
б. обеспечить правильную плаштовку (*т. е. пластовку, нарезку — речь о планировании строительства новых домов*) улиц, переулков [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 13 об, нан.]
в. заработку вышлали (*заработок выслали*) [Ф. Р-1213, оп. 1, д. 71, л. 3; ульч. ?]¹⁵
г. вышылает в промышла Дуди (*высылает в промысел (или промысла*¹⁶?) *Дуди*) [Ф. Р-1213, оп. 1, д. 71, л. 71, ульч. ?]¹⁷
- (9) а. лекчи (*лекции*); речевты (*рецепты*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 68, нан.]
б. расченкой [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 56, нан.]
- (10) а. дистиплина [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 68, нан.]
б. импормати (*информация*); [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 92, нан.]

¹² Частоккол поперек реки для ловли рыбы

¹³ Стандартная формулировка — об итогах выборов.

¹⁴ В этом примере можно увидеть метатезу или две *противоположные* по направлению замены.

¹⁵ В этом документе, составленном в с. Монго Ульчского района, заявителем указан китайский гражданин Ван-Тэй. Автор документа не указан, но по другим признакам (ошибки согласования) предполагаю, что его родным языком был ульчский.

¹⁶ Такая форма множественного числа встречается в региональной прессе того времени.

¹⁷ Составлено в ульчском стойбище Май. Автор не указан, но предполагаю, что родной язык автора — ульчский.

- (11) а. чиполой места (*теплое место*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 166, нан.]
 б. противо **ч**ифный уколь (*противотифный укол*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 14, нан.]
 в. продать **ч**олку (*телку*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 32, нан.]
 г. состави**чи**; выдели**чи** (*составить; выделить*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 168 об., нан.]
 д. это объясняется, **чем** (*тем*) что [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 129, удэг.]
- (12) смер**ци** Ленина [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 160, нан.]
- (13) а. стетае**ся** (*считается*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 164, нан.]
 б. отеридной (*очередной*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 165, нан.]
 в. ожень¹⁸ большое разн**иса** тем рань**ше** (*очень большая разница, чем раньше (по сравнению с тем, как было раньше)*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 5 об., нан.]
- (14) а. учени**ц**еские [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 68, нан.]
 б. окан**ца**чительно (*окончательно*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 168 об., нан.]

Как пишет В. А. Аврорин, «нанайская фонема [з]... акустически напоминает русский палатализованный звук [д']... в юго-западных говорах, включая найхинский, второй ее компонент напоминает русский звук [з], а в северо-восточных говорах... русский звук [ж]» [Аврорин 1959: 35]. Это объясняет замены *з~ж~дь* в текстах, написанных авторами с родным нанайским; такие же замены часты и устным корпусе нанайского русского [Stoynova 2019]. В удэгейском языке звук [з] может произноситься как [dʲ] [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 51], что объясняет (5в). В. А. Аврорин также пишет, что «для нанай стоит большого труда различать звуки» [ч], [ц], [ть]; «шепелявость» нанайской фонемы [с] «служит для нанай помехой в различении русских фонем [с] и [ш]» [Аврорин 1959: 34]. Отсутствует фонема [ш] и в ульчском языке [Суник 1985: 28]. Это объясняет замены *ч~ц~ть* и *с~ш*. Указанных замен нет в текстах авторов с родным русским (за исключением примера (29б) ниже).

При этом в некоторых случаях сложно определить, произошла ли замена согласного по описанным выше фонетическим причинам или потому что пишущий достроил форму, основываясь на русских формах с чередованием, см. *з* → *ж* (15), *жд* → *д* (16), *д* → *жд* (17), *ч* → *т* (18), *т* → *ч* (19), *ш* → *с* (20), *с* → *ш* (21).

- (15) а. **нокаж**ано (*наказано*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 158, нан.]
 б. **сниж**ить ставку [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 91 об., нан.]
- (16) **утверд**ено / **утверд**ение [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, лл. 158, 128, нан.]
- (17) **утверж**дить [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 94, нан.]
- (18) **обмолот**ено [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 56 об., нан.]

¹⁸ Замена *ч* → *ж* встретилаь только в этом примере.

- (19) а. отметить [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 143, нан.]
б. конопачить [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 131, нан.]

(20) погасение [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 6, л. 63 об, нан.]

(21) относительно [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 68, нан.]

Встречаются и замены губных согласных: $\bar{b} \rightarrow v$ (22), $v \rightarrow \bar{b}$ (23), $\phi \rightarrow n$ (7г), (10б).

(22) мевел (мебель) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 92, нан.]

(23) а. постонобили (постановили) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 159, нан.]

б. разбернуть [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 156, нан.]

в. никакой работа не бидет (ведет) при клубе [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 156, нан.]

Замена $\bar{b}$ на v и $\bar{b}$ на v может объясняться тем, что «в произношении отдельных лиц напряжение смычки при положении этой фонемы $\langle [\bar{b}] \rangle$ между двумя гласными... ослабевает настолько, что звук $[\bar{b}]$ превращается в почти щелевой» [Аврорин 1959: 32]. «Фонема $[v]$ никогда не бывает перед гласными переднего ряда», что, вероятно, делает для носителей нанайского естественной ее замену на $\bar{b}$ в примерах (23). Что касается нанайской фонемы $[п]$, то она «имеет оттенок придыхательности»; в некоторых диалектах переходит «в произношении отдельных лиц... в щелевой звук» [Аврорин 1959: 32]. Это объясняет замену $\phi \sim n$. Таких замен нет у носителей русского языка.

Иногда происходит вставка дополнительной гласной буквы в кластер согласных (24). Реже происходит пропуск гласной буквы, возможно, как гиперкоррекция (25).

(24) а. чилен силсовет (член сельсовета) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 154, нан.]

б. работает полоха (работает плохо); работа $\langle \dots \rangle$ силаба (слабая) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 164, нан.]

(25) хлатно (халатно) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 172, нан.]

После конечного согласного иногда добавляется гласная буква. В (26) по контексту выделенное **полужирным** существительное употребляется в именительном падеже:

(26) а. каротки **отчета** [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 129, удэг.]

б. **набора** учеников и крусантов [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 130, удэг.]

в. у нас есть **студента**, которой работает [Ф. Р-1213, оп. 1, д. 71, л. 71, ульч.]

Вставка гласных звуков в кластер согласных и на конце слов также объясняется особенностями L1 — структурой слога в нанайском [Аврорин 1959: 54], удэгейском [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 88], ульчском [Суник 1985: 29] языках.

Еще одно частое явление в текстах — лишнее обозначение мягкости согласного или, напротив, ее необозначение (27). Как правило, это происходит с *л* и *т*:

- (27) а. *рыбкоопа* с 1го мая 1933 год *выдаль* нам твердой норму (*рыбкооп с 1-го мая 1933 года выдал нам твердую норму (т. е. не в процентном отношении)*) [Ф. Р-1213, оп. 1, д. 71, л. 52, ульч.]
б. *испольнять* [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 144, нан.]
в. *польностью* [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 8, нан.]
г. *не выполняется* [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 129, удэг.]
д. *толко* [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 67, нан.]
е. *читални* [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 92, нан.]
ж. к/х просит разобрat [Ф. Р-1213, оп. 1, д. 71, л. 58, ульч.]

Много орфографических ошибок есть и в текстах авторов с родным русским. Наиболее частые из них: выбор неверной буквы для безударного гласного (28), выбор неверной согласной буквы, часто в заимствованиях, именах собственных (29), пропуск мягкого знака (30), лишний мягкий знак (31). При этом перечисленные выше замены *с~ш*, *ч~т*, *б~в~п* не встречаются в текстах авторов с родным русским; замена *д/ж/з* встречается однократно в (29б) и объясняется особенностями произнесения конкретного слова.

- (28) а. *также* и *улецу* [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 73]
б. *выеснением* [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 198]
- (29) а. *троскист* [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 109]
б. *начать капать картофель* не позже 1-го октября [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 119]
- (30) а. *производилас* [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 169]
б. *далеем* [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 115]
в. *печат с/совета* [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 170]
г. *болшого симейство* [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 139]
д. *уровен* [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 114 об.]
е. постановили: <...> в правах гражданства восстановить и просит призи-
диум [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 209]
ж. *когда мне предложили оставит собрание* [Ф. Р-1213, оп. 1, д. 106, л. 72а]
з. *прошу разобрat* [Ф. Р-1213, оп. 1, д. 105, Л. 42]
и. постановили: предложит директору совхоза представить [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 213]
к. *с/совет ест управитель населе* (*с/совет есть управитель на селе*) [Ф. Р-1752, оп. 1, д. 2Б, л. 21 об.]
- (31) а. *выполнить*; *уровен* [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 114 об.]
б. *наш район по займу стоить* не на последнем месте [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 210]

Таким образом, сравнение «типичных» ошибок показывает, что замены *з~ж~дь*, *с~ш*, *ч~т~ц*, *б~в*, *п~ф* и вставки гласных практически не встречаются в текстах, написанных авторами с родным русским, и вызваны влиянием родного языка пишущих — различием в инвентарях согласных и отличной структурой слога. При этом часть замен (например, *д~жд*) вызвана скорее трудностями из-за чередований в русских основах.

Сложнее обстоит дело с обозначением мягкости. С одной стороны, отмечается большая мягкость *л* в нанайском [Аврорин 1959: 34], удэгейском [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 51], ульчском [Суник 1985: 28]. С другой стороны, отсутствие мягкого знака в формах на *-ть*, вставка лишнего *ь* после *л* в словах типа «*выпольнить*» — общая черта текстов, не зависящая от родного языка авторов. Предполагаю, что авторы с неродным русским руководствовались не только своим произношением и произношением русских монолингвов, но и написанием слов типа «*выполнить*» и, возможно, инфинитивов в доступных им письменных документах. Написания «*польностью*», «*испольнить*» встречаются и в наши дни в онлайн-документах: возможно, это опiski / опечатки из-за наличия в этих словах другого мягкого знака.

3. Лексика

В текстах не представлены лексические заимствования из родных языков их авторов, при этом встречаются регионализмы (32) и некоторые китайские заимствования (33):

- (32) а. допустил лошадь **на материке** и все единоличные посева потравил [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 101 об., нан.]
б. поехать с похозяйственными книгами на **заемок** (Маяк) и проверить единоличников (кореецев) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 141, нан.]
в. посмотреть **заездок** как загражден (*посмотреть, как загражден заездок*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 17, нан.] (повтор примера 4 г.)
г. мне было моблезован в Кизинский ЛПХ участок **станошный** (*я был мобилизован в сизинский леспромхоз, станочный участок*) [Ф. Р-1213, оп. 1, д. 71, л. 3; ульч.¹⁴]
д. просим для артели (*рыбаков*) <...> **матауза** 1п% один пуд [Ф. Р-1752, оп. 1, д. 2А, л. 20, нан.]; у нас Буруканских тунгусов не имеется инвентарей для ловли мельких рыб и кеты как-то для сетки разных **матаузы** [Ф. Р-1817, оп. 1, д. 5А, л. 26 об., эвенк.]; в амбаре сгнил **матауз** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 83 об, рус.]
- (33) но и сейчас дома с/с (*сельсовета*) у нас совершенно неимеется с/с помещается в колхозной **ванзе** [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 9 об., рус.]

Одно из значений употребленного в (32а) слово «материк» — «высокий берег реки или моря» ([СРНГ 18: 23]). Это значение соответствует контексту (32а) и широко распространено, в том числе в Восточной Сибири. Слово «заемок» из (32б)

не встречается в словарях. По контексту это то же, что «заимка» в значении «небольшой поселок, где живут обычно во время сезонных работ; летний поселок у рыболовной тони» [СРНГ 10: 103—104]. Эти значения также отмечены в Восточной Сибири. Непонятно, является ли «заемок» результатом ошибки автора или термином, реально употреблявшимся в регионе, в том числе русскими.

Слово «заездок» (частокол поперек реки для ловли рыбы), употребленное в (32в), отмечается в том числе в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке [СРНГ 10: 78]. В документах оно употребляется и авторами с родным русским. Слова «станок», «станочный» (32г) также широко употребляются в документах; по-видимому, здесь «станок» — «промысловая хозяйственная постройка, лесная заимка» ([СРНГ 41: 62]). Слово «матауз», как видно из (32д) представлено в текстах эвенков, нанайцев, русских. В [СРНГ 18: 303] «мотоуз» — «пеньковая пряжа для вязания неводов и других сетей» (в том числе в Восточной Сибири).

Под словом «ванза» (33) имеется в виду «фанза» — китайский тип жилища на Дальнем Востоке, распространенный в том числе у бикинских удэгейцев, о которых идет речь в документе.

4. Морфология

В текстах встречаются ошибки в выборе приставок¹⁹:

- (34) а. **оттеплить** (*утеплить*) конюшня и коровник [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 47 об, нан.]
б. назима **приборосать** (*на зиму перебросить*) грузов [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 79, нан.]
в. **испокоился** (*беспокоился*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 33, нан.]

В некоторых случаях выбирается неверный суффикс или неверная его форма, возможно, по аналогии с существующими словами:

- (35) а. чертвованный (*черствый или зачерствевший*) хлеб [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 88, нан.]
б. следовальский (*следовательский* вместо *следственный*) органов [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 91, удэг.]

В (35а) образована несуществующая форма «чертвованный» — по аналогии с причастиями от глаголов на *-ова-*. В (35б) прилагательное «следовальский» можно сравнить с «учительский».

Часто вместо формы наречия употребляется прилагательное:

- (36) а. систематический **занимается** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 88, нан.]
б. боролись по большевитский [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 146 об, нан.]

¹⁹ Как замечает анонимный рецензент, выбирается схожая по звучанию (не по семантике) приставка.

Как указано в [Аврун 1959: 225], в нанайском языке в роли наречий («имен качества») могут выступать прилагательные как в основной форме, так и с формантом творительного падежа. Таким образом, омонимичность форм прилагательных и наречий может объяснять примеры типа (36).

В текстах часто употребляются существительные в единственном числе там, где по контексту предполагается множественное (37), и наоборот (38):

(37) организовать школ для **даергинского ученика** (в *Даерге по контексту не один ученик*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 126 об., нан.]

(38) а. объявить **населениям** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 27, нан.]

б. предоставить <...> **продукты, манфактуры, обуви; детские обуви** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 56, нан.]

Такие употребления связаны с «факультативностью» выражения множественности в нанайском языке [Аврун 1952: 140] и, с другой стороны, с различиями в ограничениях на исчисляемость в русском и нанайском языках. Кроме того, сложности при образовании форм множественного числа могли быть связаны с супплетивными формами в русском языке или с наличием числительных, при которых в нанайском языке может употребляться форма единственного числа:

(39) до двух **год** лишений свободы (Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 24, нан.)

(40) все **ребенки** больной [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 170, нан.]

Что касается глагольных форм, то их характерная особенность — опущение постфикса *-ся* (41). Реже появляется лишнее *-ся* (42).

(41) а. **взять** за работа (*взяться за работу*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 78 об., нан.]

б. больше **занимать** разъяснительный работу (*больше заниматься разъяснительной работой*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 88 об., нан.]

в. с/совет об этом тоже мало **интересовал** (*с/совет этим тоже мало интересовался*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 142 об., нан.]

г. настоящее время **нахожу** <...> туз. селение (*в настоящее время нахожусь <...> в туземном селении*) [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 37, удэг.]

(42) количество **участвовавших** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 98, нан.]

Отсутствие *-ся* или лишнее *-ся* отмечено и для корпуса устных текстов [Stoyanova 2019; Khomchenkova et al. 2019]. Впрочем, некоторые глаголы употребляются без *-ся* в текстах авторов с родным русским. Так, с нанайским примером (43) можно сопоставить многочисленные русские примеры типа (44). Таким образом, на авторов-билингвов могли влиять услышанные или увиденные ими в письменных текстах формы без *-ся* в текстах монологических.

(43) заседание Анюский с/совет **состоял** 20 июля 1936 года [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 75, нан.]

(44) протокол заседания <...> **состоявшее** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 51]

Еще одна особенность глагольных форм — неверный выбор глагольного вида:

- (45) а. погашение заем **будем выполнить**; **будем создать** условие [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 47 об., нан.]
б. **часто пропускают** уроки [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 126 об., нан.]
в. **запрещают выдать** [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 6, удэг.]
г. я пред с/совету **буду сделать** когда нибыть самосуда [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 8., нан.]

Это явление отмечено и для устных текстов [Stoynova 2019]. Несмотря на то что в тунгусо-маньчжурских языках много видовых показателей, их сложно сопоставить русскому глагольному виду. Так, в нанайском языке «большая часть глагольной лексики, в том числе и непроизводной, имеет свою аспектуальную характеристику»; «хорошо развита аспектуальная деривация» [Оскольская 2016: 91]. Таким образом, аспектуальная характеристика нанайской основы может отличаться от соответствующей характеристики русской, а аналогичных деривационных морфем может не быть в инвентаре говорящего. По-видимому, с этим и связаны ошибки в выборе нужного вида.

5. Согласование

При согласовании прилагательных с существительными может быть выбран неверный род: мужской или средний вместо женского (46), мужской вместо среднего (47), женский вместо мужского (48), женский вместо среднего (49), средний вместо мужского (50).

- (46) а. поднять **классовый** бдительность (Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 58, нан.)
б. сделать улицу **образцовым** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 91 об, нан.]
в. в **этом** проработке; к **счастливому** и **радостному** жизни [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 101, нан.]
г. **сплошной** грязь [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 102, нан.]
д. работал на одном **собственном** лошадь [Ф. Р-1213, оп. 1, д. 71, л. 3; ульч.⁷⁷]
- (47) **заключительный** слово [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 144, нан.]
- (48) а. при **первой** случае *но далее*: при повторном случае [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 24, нан.]
б. **хорошую** показатель показала испытания учеников [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 26, нан.]
в. **каждой** двора [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 159, удэг.]
- (49) мы организовали не **та** время [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 129, удэг.]
- (50) нарушается **санитарное** порядок; хлеб, **которое** не годный для употребления [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 88, нан.]

Еще один источник трудностей при определении рода имен существительных для пишущих — частые в официальных документах существительные на *-ие* / *-ия* / *-ий*, которые, вероятно, уподобляются друг другу:

- (51) а. **заседаний** считается подготовленным [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 56 об., нан.]
 б. утвердить план посевное **кампание** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 68 об., нан.]
 в. этот замечательный **конституций** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 102, нан.]

Особенности рассогласования по роду в устном корпусе подробно рассмотрены в [Khomchenkova et al. 2018; Stoynova 2019]. Интересно, что в устных данных частотность «замен» родов примерно одинакова, при этом замены на средний род нет. В наших же данных встречается замена на средний род (см. Таблицу 2), хотя чаще выбирается мужской или женский.

Таблица 2. Выбор неверного рода при согласовании

Ожидается	Употребляется	Число замен
ж. р.	м. р.	19
	м. р. ИЛИ ср. р. (контекст не позволяет отличить мужской род от среднего, например <i>сделать улицу образцовым</i> (46 б))	3
	ср. р.	3
м. р.	ж. р.	9
	ср. р.	3
ср. р.	ж. р.	5
	м. р.	7

При согласовании по числу иногда выбирается единственное число вместо множественного (52). Интересно, что в большинстве случаев употребляемая «неверная» (по роду или по числу) форма в принципе существует в языке. Реже употребляются несуществующие формы, что может следствием фонетической адаптации (53).

- (52) а. учет лошадей **имеющий** пользования (*учет лошадей, имеющих пользование (= используемых)*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 66, нан.]
 б. развернуть **это** работы [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 67, нан.]
- (53) низнает **колхознай** имущество [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 78 об., нан.]

6. Управление

Анализ нарушений в управлении вызывает трудности, поскольку в некоторых случаях из-за омонимии падежных форм сложно понять, используется ли неверная форма падежа или же пишущий унифицирует парадигмы одушевленных и неодушевленных

существительных (54). В других случаях можно сделать однозначные выводы о выборе падежа.

- (54) а. строить **домов** колхозников [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 144, нан.]
б. усилить **вылова** рыба [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 145, нан.]
в. восстановить **погибшего урожая** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 146, нан.]

6.1. Глагольные группы: управление

Участник, часто кодируемый как прямое дополнение в именительном падеже (55), реже может получать и другую падежную форму (56). Принцип выбора формы понять сложно: вряд ли она определяется падежом, которым управляет соответствующий глагол в родном языке пишущего. Так, удэгейский глагол *igbā* ‘выгнать’ управляет винительным падежом, однако в (56г) употреблено дополнение в дательном падеже (формы местоимения первого лица единственного числа для винительного и дательного падежей в удэгейском языке различны: *minewe* и *mindu* [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 334]). Кроме того, для многих глаголов, характерных для официальных документов, сложно подобрать аналог в родном языке пишущего. Можно только предполагать, что, к примеру, *обеспечить* из (56б) получает дополнение в дательном падеже по аналогии с *дать* (но при этом *обеспечить хлебом*, а не *обеспечить хлеб*). Таким образом, системности в выборе падежного кодирования объектных аргументов нет.

- (55) а. организовать при школе **черная красная доска**²⁰ [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 68 об., нан.]
б. составить **смета** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 126, нан.]
в. отметить **дальнейший работа** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 145, нан.]
- (56) а. просить **рыбзаводу** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 32, нан.]
б. обеспечить хлебом **колхозникам** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 20, нан.]
в. возглавляют **секциями** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 175, нан.]
г. выгнала **мне** [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 16 об., удэг.]

Иногда наблюдается непоследовательность в выборе падежа (57) у однородных дополнений:

- (57) необходимо подготовит осене путина **неводов веревка и другие инвентаря** (*необходимо подготовить к осенней путине неводы, веревки и другой инвентарь*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 76, нан.]

В некоторых случаях прилагательное или местоимение-прилагательное, стоящее в начале именной группы, имеет верный падеж, в то время как последующие члены той же конструкции приобретают неверные падежные окончания:

²⁰ Способ выделения отличников и отстающих, ср. воспоминания Н. Соломонова (<https://yakutia.info/article/191509>).

- (58) а. выдать **русскому охотников** (*охотнику*) [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 7, удэг.]
б. когда будет конец **этих бумажная волокета** [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 140, рус.]

Косвенное дополнение также может получить неверную падежную форму или употребляться без нужного предлога, как в (59б) или (59в):

- (59) а. сообщает **вас** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 67, нан.]
б. отказать **просбу** (в *просьбе*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 111, нан.]
в. находится **опеке** (*под опекой*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 26, нан.]
г. возложить её обязанность **на уборщице** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 154, нан.]
д. о жалоба **т. Казарину** (по контексту: *о жалобе на т. Казарина или по т. Казарину*) [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 12, удэг.]
е. нипомогали **меня** (*не помогали мне*) [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 16 об., удэг.]

Интересно, что примеров на употребление косвенных дополнений в именительном падеже в просмотренных текстах очень мало. Как правило, это случаи типа (57) (подготовит **осене путина** — *подготовить к осенней путине*), где пропущен предлог. В [Stoynova 2019] делается вывод о дифференцированном маркировании объекта (differential object marking, DOM) в нанайском русском по образцу именно нанайского языка, а не местного варианта русского языка. Явление DOM характерно и для ульчского, и для удэгейского языков [Stoynova 2021; Nikolaeva, Tolskaya 2001: 106]. Показательно, что аналогичных употреблений не встречается в текстах авторов с родным русским, что также свидетельствует в пользу гипотезы о влиянии тунгусо-маньчжурского DOM.

6.2. Именные группы: посессивные конструкции

Данные письменных источников включают следующие типы посессивных конструкций: 1) порядок «обладаемое — обладатель» при сохранении им. п. обладателя (60), аналогично могут быть устроены конструкции «часть—целое» (61); 2) порядок «обладаемое — обладатель», обладатель имеет тот же падеж, что и обладаемое (62), то же в конструкции «часть—целое» (63). Реже обладатель приобретает какой-то иной падеж (не тот же, что у обладаемого, и не родительный) (64).

- (60) а. мать **Смагин Василий** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 32, нан.]
б. о ходе **сов. торговля** (*о ходе сов<етской> торговли*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 88, нан.]
в. проработка план **работа** животноводство [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 68 об., нан.]

- (61) только часть **передовые рабочие** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 101, нан.]

- (62) а. путем широкой **развертыванием** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 121, нан.]
б. путем хорошей **постановкой** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 58, нан.]
в. о **ходе** рыб. **пути**не [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 25, нан.]
г. поручить **директору** **школу** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 127, нан.]
д. оживить **работу** **секцию** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 165, нан.]
- (63) на широком **массом колхозником** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 68, нан.]
- (64) делать стахановцем членов бригаде (*делать стахановцами членов бригады*²¹) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 47, нан.]

В примере (65) необычна форма обладателя (личное местоимение вместо притяжательного):

- (65) с вас село [*с вашего села*²²] (Ф. Р-665, оп. 1, д. 6а, л. 12, удэг.)

В работе [Stoynova 2019] указывается, что в устном нанайском русском могут встречаться конструкции с именительным падежом обладателя. Это похоже на собственно нанайскую конструкцию за исключением того, что в нанайском языке обладаемое приобретает притяжательный суффикс. Второй вариант, указанный в [Наккарато и др. 2019; Stoynova 2019] (порядок «обладатель в р. п. + обладаемое»), встретился только в примере (65); вообще порядок «обладатель + обладаемое» встречается редко. Интересно, что копирование падежа обладаемого, как в (62), не отмечено ни в грамматиках нанайского языка, ни в устном корпусе нанайского русского, являясь, таким образом, особенностью письменных текстов. В грамматических описаниях нанайского языка мне также не удалось найти подобного явления.

6.3. Именные группы: управление отглагольных существительных

У отглагольных существительных может сохраняться управление глагола, в отличие от нормативных для русского языка употреблений (66а), (66б). Аналогичные примеры встречаются и в текстах, написанных авторами с родным русским, но их гораздо меньше (66в).

- (66) а. усилить заготовки **бочко-тару** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 33 об., нан.]
б. о постройке **уборную**; постройки **канцелярию** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 154 об., нан.]
в. заявление о закрытии дет. **площадку** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 206б., рус.]

²¹ Анонимный рецензент предположил, что здесь может быть пропущен предлог: «членов в бригаде». Этого нельзя исключить, но в целом словосочетание «члены бригады» без предлога довольно частотно в рассмотренных текстах.

²² Менее вероятно «с *ваш село*», т. к. замены *с* → *и* в удэгейских текстах не встретились.

Кроме того, объект отглагольных существительных может быть в именительном падеже:

(67) проработка **инструкция** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 31., нан.]

В (68) также представлены отклонения от нормы в выборе падежа, но из-за омонимии форм невозможно различить именительный и винительный падежи:

(68) а. наказания неплательщикам **алименты** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 24, нан.]

б. об итоге выполнения **план** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 56 об., нан.]

в. продажа **хлеб** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 64, нан.]

Предполагаю, что сохранение глагольного управления связано с сохранением глагольного управления у тунгусо-маньчжурских причастий и деепричастий. Эти нефинитные формы могут мыслиться как аналоги русских отглагольных существительных. Отчасти это доказывается обращением к немногим имеющимся параллельным текстам. Словосочетанию «неплательщикам алименты» из (68а) в на-найском варианте того же документа соответствует (69), где при причастии *burəsi* ‘не дающий’ употреблено существительное в форме винительного падежа.

(69) *asi-du-j* *ziha-wa* *bu-rəsi* *gurum-ba*
женщина-DAT-RFL деньги-ACC дать-PTCP.NEG.PRS люди-ACC
‘<судить> людей, не дающих деньги своей жене’ [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 29, нан.]

Именительный падеж дополнения (как в (68)) объясняется в таком случае проявлением DOM, о чем уже говорилось выше.

6.4. Управление матричных глаголов

Управление матричных глаголов в текстах отличается от стандартного. Так, в примере (70) необычно управление глагола *допускать*.

(70) не коем случае не допускать культ учреждения бес дрова (*ни в коем случае не допускать, чтобы культ. учреждения остались без дров*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 68, нан.]

Иногда зависимым матричных глаголов выступает инфинитив, а не ожидаемое нормативно отглагольное существительное.

(71) а. было закончено **составить** годовой отчет (*было закончено составление годового отчета*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 158, нан.]

б. нужно сделать **запретить** на соболя (*нужно сделать запрет <охоты> на соболя*) [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6А, л. 133, удэг.]

Приведенные примеры подтверждают более тесную связь и взаимозаменяемость инфинитивов и отглагольных существительных в русской речи носителей тунгусо-маньчжурских языков, что было отмечено и в разделе 6.3.

6.5. Предложные группы

В предложной группе часто употребляется именительный (или омонимичный ему винительный) падеж:

- (72) а. нужный инвентарь для **захват** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 94, нан.]
б. доклад о **деятельность** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 66 об, нан.]
в. стекло от **лампа** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 128 об, нан.]
г. с **девушка** (*девушкой*) низнаю что делать [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6а, л. 100, удэг.]

Реже выбирается неверный падеж, отличный от именительного:

- (73) а. организовать женщин для **вывозку** дров; [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 122 об., нан.]
б. контроль над своим **пордовцам** (*продавцом* или *продавцами*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 88, нан.]

В [Stoynova 2019] рассматривается пропуск предлогов как характерная черта нанайского русского. Она может быть связана с наличием в тунгусо-маньчжурских языках падежных форм с локативными значениями, которые употребляются без послелогов. Однако, по данным [Stoynova 2019], важнее все же оказываются фонетические причины пропуска предлогов. Наблюдается ли пропуск предлогов в письменных текстах? Предположительно, фонетические причины (пропуск предлога на стыке согласных) при порождении письменного текста должны играть меньшую роль.

Действительно, случаи пропуска предлогов в письменных текстах есть. Во-первых, внутри составного предлога может опускаться один из его элементов:

- (74) а. просить БИКу **связи с** переселением [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 32, нан.];
б. **связи с** отпуском [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 93, нан.]
в. выбрать **составе** 5 человек [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 59, нан.]
г. **наряду** достижениями [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 143, нан.]
д. **вместе** рыбакам (*с рыбаками*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 33, нан.]

Во-вторых, встречаются примеры с пропуском простых предлогов:

- (75) а. мысль выражение **убивание** пред с/совета Пассар Кона [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 8, нан.]
б. он являлся **бандитский группо** [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6а, л. 12, удэг.]
в. **Даденском интеграле** продаются [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 88, нан.]
г. борьба **хулиганами** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 172, нан.]
д. **не кокому случа** не куда без дела не выезать (*ни в каком случае никуда без дела не выезжать*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 92, нан.]
е. принять **целом** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11 л. 76, нан.]
ж. выступает **прения** (*в прениях*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 143, нан.]
з. выпивает **рабочий часы** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 63 об, нан.]

- и. чем он занимался **прошлом году** и **настоящей** [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6а, л. 12, удэг.]
- к. **дальнейшим** вести учет [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 66, нан.]
- л. **настоящие время** мы можем развернуть это работы [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11 л. 67, нан.]
- м. предложить пред к-за <...> **завтрасны день** усилить лов рыбы разны пособиями и использовать всех имеющихся в к-зе оружия лова (*предложить председателю колхоза <...> с завтрашнего дня усилить лов рыбы разными способами и использовать все имеющиеся в колхозе орудия лова*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 34, нан.]
- н. вслучае неуплаты возложенный штраф **указанный срок** [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 112, нан.]

Часть приведенных примеров трактуется неоднозначно. Пример (75а) можно понимать как *выражение мысли об убийстве...* (в таком случае пропущен предлог *об*). С другой стороны, можно представить нанизывание отлагательных существительных без предлога (*выражение мысли убийства...*). Пример (75б) может содержать локативную конструкцию (*он являлся в бандитской группе*, т. е. был ее членом). В примере (73в) *Даденском интеграле* можно трактовать и как *в магазине организации «Интеграла»* (в этом случае пропущен предлог), так и *организацией «Интеграл»*. В целом локативных выражений, употребляемых без предлога, в текстах мало.

Напротив, временные выражения без предлога типа (75и)–(75н) очень часты. В большинстве случаев пропущены предлоги *в* или *на*. В примере (75м), судя по контексту, пропущен предлог *с* (вряд ли предлагается усилить лов рыбы в течение одного дня). Встречаются временные выражения без предлога и в текстах авторов с родным русским:

- (76) а. **настоящее время** не знаем, где находится списки [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 36 об., рус.]
- б. сам **свободное время** учусь [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 78., рус.]

Такие временные выражения, как *в дальнейшем*, *в настоящее время*, малоупотребительны в устной речи, зато характерны для официальных документов. Таким образом, частотное отсутствие предлогов во временных выражениях в текстах авторов с неродным русским может объясняться влиянием доступных им документов, написанных авторами с родным русским.

Насколько временные выражения без предлога в целом употребительны в русской речи? К сожалению, в рамках данной статьи я не могу ответить на этот вопрос из-за отсутствия обобщенных данных по русским диалектам. Однако представляется, что это довольно распространенная географически черта. Так, винительный падеж без предлога для выражения периода времени отмечается, к примеру, в русских говорах Литвы [Шулене 1963]. Пропуск предлога во временных и пространственных выражениях, не объяснимый только фонетическими причинами, встречается в русских говорах Ульяновской области [Мызникова 2016]: автор связывает

это с контактным влиянием тюркских и финно-угорских языков Поволжья. «Тяготение к беспредложным конструкциям с участием существительных темпоральной семантики» выделяется в качестве одной из характерных особенностей письменных текстов Н. Ф. Коноваловой, старообрядки из Томской области [Лю Си 2023]. Возможно, что такие беспредложные временные выражения были характерны и для русской речи переселенцев на Дальний Восток, с которыми контактировали носители тунгусо-маньчжурских языков.

Таким образом, в письменных текстах опущение предлога характерно в основном для словосочетаний со сложными предлогами или для временных выражений. В первом случае авторы могли воспринимать часть предлога (например, *связи с* вместо *в связи с*) как полноценный предлог. Во втором случае на авторов теоретически могли влиять как конструкции родного языка, так и часто встречаемое в текстах, написанных авторами с родным русским, опущение предлогов во временных выражениях. При этом отсутствие пропуска предлогов в других конструкциях, например локативных, говорит в пользу влияния русских беспредложных временных выражений. Это также подтверждает тот факт, что опущение предлогов в устной речи, описанное в [Stoynova 2019], вызвано в первую очередь фонетическими причинами, а не влиянием родного языка говорящих. В противном случае в письменных текстах, особенно относящихся к более раннему периоду, ожидалось бы столь же частое опущение предлогов во всех типах конструкций.

7. Дискурс

Характерная особенность официальных документов, таких как «проработки» конституции СССР 1936 года, — это обилие штампов: *развернуть работу, оживить работу, поднять на должную высоту* и т. п. Можно встретить «склеенные» фрагменты штампов:

- (77) а. обязанность граждан С.С.С.Р на право труд и отдых [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 101, нан.]
б. оживить клубный работа на должную высоту [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 11, л. 68, нан.]

Сценарий самих проработок в разных селах один и тот же: употребляются одни и те же аргументы, вносятся одни и те же предложения. Поэтому из подобных текстов сложно сделать вывод о характере реального дискурса на русском языке. Более близкими к реальности кажутся описания конфликтных ситуаций, особенно с передачей прямой речи их участников

В примере (78) передается прямая речь одного из участников конфликта с нестандартной сравнительной конструкцией (*сравняю себя сто член к/зников умерут се ровно я ценой*):

- (78) прямо на него говорит сравняю себя сто член к/зников умерут се ровно я ценой т. е. я дроже считаю (*прямо ему говорит: «Приравниваю себя ста членам колхоза. Умрут — это как я по цене. То есть я дороже считаюсь»*) [Ф. Р-1747, оп. 1, д. 18, л. 8, нан.]

В (79) последовательные действия китайцев выражаются рядом простых предложений, сочиненных союзом «и» — такие длинные цепочки сочиненных предложений часто встречаются в текстах. Употребляется также глагол *загнать*, а не *продать*, что, вероятно, подчеркивает неодобрение пишущим такой торговли.

(79) как живут туземцы, туземцы находят влиянием в китайце, а китайцы живут очень хорошо, потому что китайцы занимают земледельством, **и** они сеют мак, **и** один золотник стоит сорок два рубля и даже больше, **и** они на это денги у туземцы покупают пушнины **и** на этом пушнины половины здает на кооператив **и** част половины **загонит** за границу [Ф. Р-1752, оп. 1, д. 2А, л. 54, нан.]

В (80) замечен параллелизм: «твердую норму не получаем, продуктов и процентов не получаем <...> те, кто работал <...> проценты получили», а также частое использование словосочетания *мы считаем* для отсылки к мнению авторов жалобы:

(80) **Мы считаем** выполнили договор на это зданую овощи процентов не выдает так как настояще время твердой норму **не получаем** продуктов и процентов **не получаем**, т. е. которые работали в интегралу огорода они зданную овощи проценты **получили** <...> **мы считаем** по советскому союзу организации все одно как-то интегралсоюзу процентов выдать а нам нет (*Мы считаем, что выполнили договор. На сданные овощи <рыбкооп, который нанял китайских граждан работать на огороде> процентов не выдает. В настоящее время твердой нормы не получаем, продуктов и процентов не получаем. Т. е. те, кто работали на огороде «Интеграла», получили проценты за сданные овощи <...> Мы считаем, что по советскому союзу все организации должны быть одинаковы. Почему «Интегралсоюз» выдал проценты, а нам <рыбкооп> не выдали?*) [Ф. Р-1213, оп. 1, д. 71, л. 52; ульч.⁷]

Кроме того, в (79) и (80) используются риторические вопросы: *как живут туземцы?, как-то интегралсоюзу процентов выдать а нам нет?*.

8. Обсуждение

Цель настоящего исследования — определить источники отклонений от нормы в письменных документах. Резюмирую рассмотренные примеры.

8.1. Влияние родного языка пишущего

На орфографию текстов (раздел 2) влияют различия в инвентаре согласных, структуре слога между родным языком авторов и русским. В разделе 4 показано, что неразличение прилагательных и наречий может быть связано с подобным неразличением в родном языке автора; ошибки в числовых формах — с факультативностью выражения множественности; ошибки в видовых формах — с сильными отличиями аспектуальных систем тунгусо-маньчжурских языков от русской. Ошибки в согласовании из раздела 5 связаны с отсутствием категории рода в тунгусо-маньчжурских языках.

В разделе 6 приведены ошибки в управлении, также связанные с влиянием родного языка пишущего: явление дифференцированного маркирования объекта в нанайском, ульчском, удэгейском приводит к употреблению форм именительного падежа вместо форм винительного; отглагольные существительные сохраняют управление глагола, как тунгусо-маньчжурские причастия и деепричастия. Используются формы инфинитива вместо отглагольного существительного — также под влиянием системы нефинитных форм тунгусо-маньчжурских языков.

8.2. Влияние регионального варианта русского языка

Региональный вариант русского языка влияет, прежде всего, на лексику текстов (раздел 3). Кроме того, (не)обозначение мягкости для «л» и в инфинитивах для «т» (раздел 2) может быть связано с аналогичными ошибками в письменных документах, составленных авторами с родным русским. Наконец, опущение предлогов во временных выражениях и опущение *-ся* в некоторых глагольных словоформах также может происходить под влиянием особенностей местного русского языка.

8.3. Влияние факта недоусвоенности русского языка

Некоторые отклонения от нормы, такие как копирование падежа в посессивных конструкциях, бессистемность в выборе падежа дополнения, не возводятся ни к конструкциям родного языка пишущих, ни к русским конструкциям. Вероятно, они связаны с особенностями усвоения русского языка и должны быть сопоставлены с типичными ошибками изучающих русский язык как иностранный.

8.4. Влияние русско-китайского пиджина

Русско-китайский пиджин использовался в Бикинском районе, хорошо понимался и русскими, и коренными жителями [Перехвальская 2010]. Следующий рассказ записан со слов удэгейца Кя Досуна русскоязычным секретарем:

(81) Китайский гражданин <...> при встрече со мной сказал **«Сейчас ваша хорошо богата, немного опий есть»**. Когда я попросил сказать, **почему я стал богатым...** [Ф. Р-665, оп. 1, д. 105, лл. 2, 2 об]

Китаец использовал пиджин (*ваша* вместо *вы*, *хорошо* вместо *очень*), но и Кя Досун, и писавший смогли понять его и пересказать его слова на русском языке. Я ожидала, что в текстах будут заметны формы из пиджина или характерная для него лексика. Тем не менее в текстах, в том числе написанных за не умеющих писать по-русски китайцев, формы из пиджина не встречаются. Возможное исключение — заявление удэгейки Марии Кялунзига с жалобой на бывшего мужа (82). Здесь *мужа моя выгнали* можно интерпретировать и как *мой муж выгнал*, и как *муж меня выгнал*.

(82) мужа **моя** выгнали прошлого год с двумя малышами <...> с ноября 1931 год **выгнала** мне [Ф. Р-665, оп. 1, д. 6а, л. 16, 16 об., удэг.]

По-видимому, для авторов документов пиджин был очевидно отдельным регистром русского языка, неуместным для употребления на письме вне цитирования речи китайцев. Возможно, в (82) напоминающие пиджин формы могли быть употреблены намеренно, если писавший заявление П. З. Канчуга прочитал его вслух заявительнице, вряд ли владевшей русским языком. В этом случае он мог использовать более понятные ей формулировки, при этом избегать подобных формулировок при общении с вышестоящими инстанциями.

9. Выводы

В работе рассмотрены отклонения от норм русского языка, найденные в официальных документах 1920–1930-х гг. Для авторов этих документов основным языком был нанайский, ульчский, удэгейский или эвенкийский. На каждом уровне: орфография, морфология, синтаксис, дискурс — прослеживается влияние как родного языка авторов, так и варианта русского языка, с которым они контактировали, — письменных и устных текстов. Многие из указанных особенностей присутствуют и в более поздних устных текстах: замены согласных и вставки гласных; рассогласование; явление дифференцированного маркирования объекта. При этом в некоторых структурах (например, в посессивной конструкции) наблюдаются различия между данными рассматриваемых письменных текстов и более поздних записей устной речи. Это может быть связано как с изменившимся за годы уровнем владения русским языком, так и с особенностями информационной структуры устной речи, ее стилистикой.

Часть документов составлена в местах распространения русско-китайского пиджина, но черт пиджина они практически не содержат. Это, скорее всего, связано с четким разграничением пишущими русско-китайского пиджина и собственно русского языка.

Письменные тексты дают нам возможность заглянуть в прошлое, являясь своеобразным слепком устной русской речи в Дальневосточном крае. В дальнейшем я хотела бы провести более тщательное количественное исследование материала письменных текстов, подробнее рассмотреть другие конструкции, например пасивную. Интересно исследовать и обратное направление контактного влияния — влияние русского языка на официальные документы на нанайском языке.

Условные обозначения

ACC — винительный падеж, DAT — дательный падеж, NEG — отрицание, PRS — настоящее время, PTCP — причастие, RFL — возвратная притяжательность.

Литература

ЕАИС ХК — Электронный читальный зал Государственного архива Хабаровского края [Электронный ресурс]. URL: <https://eaishk.ru/> (дата обращения: 01.09.2024)

Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1959. 283 с.

Ахметова А. В. Специфика документальных источников по истории коренных народов Дальнего Востока (1917–1991 гг.) // Документ. Архив. История. Современность: материалы V Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 5–6 декабря 2014 г. / отв. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. С. 225–229.

Гореликов А. И. Общественно-политические преобразования устройства коренных малочисленных народов Дальнего Востока России в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 106–107.

Лю Си. Старообрядческий идиолект на фоне местного среднеобского говора // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 33–44.

Мызникова Я. В. Синтаксические особенности русских говоров Ульяновской области // Третьи Громовские чтения. Живое народное слово и Костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. / отв. ред. Н. С. Ганцовская. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. С. 220–225.

Наккарато К., Панова А. Б., Плешак П. С., Стойнова Н. М., Хомченкова И. А. Посессивные конструкции с препозицией генитива в русском языке // Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2019): Труды восьмого междисциплинарного семинара / ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрябин. СПб.: Политехника-Принт, 2019. С. 78–83.

Оскольская С. А. К вопросу об аспектуальной системе нанайского языка // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 76–93.

Пассар Л. В. Как ликбез моих бабушку и дедушку поженил // Тихоокеанская звезда. URL: https://toz.su/newspaper/yo_raznom/kak_likbez_moikh_babushku_i_dedushku_pozhenil/ (дата обращения: 01.09.2024).

Перехвальская Е. В. Современные формы русского пиджина: уссурийский вариант // Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to the NonStandard Russian (Slavica Helsingiensia 40) / ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: Yliopistopaino, 2010. С. 175–187.

СРНГ 10 — Словарь русских народных говоров. Вып. 10 / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1974. 388 с.

СРНГ 18 — Словарь русских народных говоров. Вып. 18 / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1982. 368 с.

СРНГ 41 — Словарь русских народных говоров. Вып. 41 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука, 1982. 343 с.

Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. 263 с.

Цинциус В. И. Негидальский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. 311 с.

Шибнев Б. К. Потомки Дерсу Узала // Наука и жизнь. 1998. № 4. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/10518/> (дата обращения: 01.09.2024).

Шулене О. К вопросу о беспредложных сочетаниях в русском говоре Зарасайского района Литовской ССР // Kalbotyra. 1963. № 8. С. 15–35.

Khomchenkova I. A., Pleshak P. S., Stoyanova N. M. Gender disagreement in the contact-influenced Russian of Northern Siberia and Russian Far East // Paper presented at the conference “TheGen”. Berlin: Humboldt University, 14–15.06.2018.

Khomchenkova I. A., Pleshak P. S., Stoyanova N. M. Nonstandard Use of the “Reflexive” Affix -sja in Russian Speech of Bilingual Speakers of Northern Siberia and the Russian Far East // *Languages*. 2019. № 4 (39). <https://doi.org/10.3390/languages4020039>

Nikolaeva I., Tolskaya M. A grammar of Udihe. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2011. 968 p.

Stoyanova N. Differential object marking in contact-influenced Russian speech: Evidence from the corpus of contact-influenced Russian speech of Russian Far East and Northern Siberia // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2018”* (Vol. 17). Moscow: RSUH. P. 721–734.

Stoyanova N. Russian in contact with southern Tungusic languages: evidence from the contact Russian corpus of Northern Siberia and the Russian Far East // *Russian Language in the Multilingual World (Slavica Helsingiensia 52)* / ed. by A. Nikunlassi, E. Protassova. Helsinki: Unigrafia, 2019. P. 9–36.

Stoyanova N. Bivalent patterns in Ulcha // *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames* / ed. by S. Say. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS. (Data first published on March 6, 2021; last revised on March 27, 2021.) URL: <https://www.bivaltyp.info> (accessed on 01.09.2024)

E. Klyachko

Independent researcher

(Russia, Moscow)

elenaklyachko@gmail.com

CONTACT-INDUCED PHENOMENA IN THE SOVIET DOCUMENTS FROM THE FAR EASTERN KRAI (1920S—1930S)

This paper examines the Russian language used in official documents from the Far Eastern Krai, dating back to the 1920s–1930s. Some of the documents’ authors were native speakers of Tungusic languages, such as Nanai, Udihe, Ulch, or Evenki, while others were native Russian speakers. This allows for a comparative analysis of texts produced by speakers of different linguistic backgrounds. The documents exhibit numerous spelling, morphological, and syntactic deviations from the norms of Standard Russian. The study analyzes these deviations and their possible causes. Additionally, it compares archival data from written documents with more recent oral corpora of Russian as spoken by native Tungusic speakers. Some spelling errors reflect differences in consonant inventories and syllable structures between the authors’ native languages and Russian. Other errors, such as mixing adjectives and adverbs, nominative marking of direct objects, or transferring dependent case marking from verbs to verbal nouns, also result from the author’s native language interference. Conversely, the omission of the postfix -ся or the omission of prepositions in temporal phrases may be attributed to regional variant

of Russian. Finally, some linguistic phenomena are justified by the fact that the authors were still learners of Russian. The study also considers the potential influence of the Russian-Chinese pidgin on the texts.

Keywords: language contact, Tungusic, Russian, Nanai, Udihe, Ulch

References

Akhmetova A. V. [The peculiarities of the documentary sources on the history of the indigenous peoples of the Far East (1917—1991)]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost: materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Document. Archive. History. Modernity: proceeding of the Fifth international scientific conference]. Yekaterinburg, Ural University, 2014, pp. 225–229. (In Russ.)

Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Vol. 1. Moscow, USSR Academy of Sciences Publishing House, 1959. 283 p. (In Russ.)

EAIS KhK [State Archive of Khabarovsk Krai, digital information system] Available at: <https://eaishk.ru> (accessed 01.01.2024) (In Russ.)

Gorelikov A. I. [Social and political transformation of small indigenous ethnic communities of the Russian Far East in the 1920-s]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no 3. pp. 106–107. (In Russ.).

Khomchenkova I. A., Pleshak P. S., Stoyanova N. M. Gender disagreement in the contact-influenced Russian of Northern Siberia and Russian Far East. *Paper presented at the conference “TheGen”*. Berlin, Humboldt University, 14–15.06.2018.

Khomchenkova I. A., Pleshak P. S., Stoyanova N. M. Nonstandard Use of the “Reflexive” Affix -sja in Russian Speech of Bilingual Speakers of Northern Siberia and the Russian Far East. *Languages*. 2019, no. 4 (39). <https://doi.org/10.3390/languages4020039>

Liu Si. [Old Believer idiolect on the background of the local Middle-Ob dialect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, no. 490, pp. 33–44. (In Russ.)

Myznikova Y. V. [Syntactic features of the Ulyanovsk Oblast Russian dialects] *Treti Gromovskiy chteniya. Zhivoye narodnoye slovo i Kostromskoy kray* [Proceedings of the Third Gromov Readings. Live folk word and the region of Kostroma]. N. Gantsovskaya (Ed.). Kostroma, Nekrasov Kostroma State University, 2016, pp. 220–225. (In Russ.)

Naccarato C., Panova A. B., Pleshak P. S., Stoyanova N. M., Khomchenkova I. A. [Possessive constructions with [the possessor-GEN + possessee] order] // *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR3-2019): Trudy vosmogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [Analysis of colloquial Russian. Proc. 8th multidisciplinary seminar]. Saint-Petersburg, Politekhnik-Print, 2019, pp. 78–83. (In Russ.)

Nikolaeva I., Tolskaya M. *A grammar of Udihe*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2011. 968 p.

Oskolskaya S. A. [A study of the aspectual system of Nanai]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2016, no. 1, pp. 76–93. (In Russ.)

Passar L. V. [How the campaign against illiteracy got my grandmother and grandfather married] *Tikhookeanskaya zvezda*. Available at: https://toz.su/newspaper/yo_raznom/kak_likbez_moikh_babushku_i_dedushku_pozhenil/ (accessed 01.09.2024). (In Russ.)

Perekhval'skaya E. V. [Modern forms of Pidgin Russian: the Ussuri variety]. *Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to the NonStandard Russian (Slavica Helsingiensia 40)*. A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (Eds.). Helsinki, Yliopistopaino, 2010, pp. 175–187. (In Russ.)

Sunik O. P. *Ulchskiy yazyk: issledovaniya i materialy* [The Ulch language: studies and materials]. Leningrad, Nauka, 1985. 263 p. (In Russ.)

Cincius V. I. *Negidalskiy yazyk: issledovaniya i materialy* [The Negidal language: studies and materials]. Leningrad, Nauka, 1985. 311 p. (In Russ.)

Shibnev B. K. [Dersu Uzala's descendants]. *Nauka i zhizn*, 1998, no. 4. (In Russ.) Available at: <https://www.nkj.ru/archive/articles/10518/> (accessed 01.09.2024).

SRNG 10 — *Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects], vol. 10. F. P. Filin (Ed). Leningrad, Nauka, 1974. 388 p. (In Russ.)

SRNG 18 — *Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects], vol. 18. F. P. Filin (Ed). Leningrad, Nauka, 1982. 368 p. (In Russ.)

SRNG 41 — *Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects], vol. 41. F. P. Sorokoletov (Ed). Leningrad, Nauka, 2007. 343 p. (In Russ.)

Stoynova N. Differential object marking in contact-influenced Russian speech: Evidence from the corpus of contact-influenced Russian speech of Russian Far East and Northern Siberia. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2018" (Vol. 17)*. Moscow, RSUH, 2018, pp. 721–734.

Stoynova N. Russian in contact with southern Tungusic languages: evidence from the contact Russian corpus of Northern Siberia and the Russian Far East. *Russian Language in the Multilingual World (Slavica Helsingiensia 52)*. A. Nikunlassi, E. Protassova (Eds.). Helsinki, Unigrafia, 2019, pp. 9–36.

Stoynova N. Bivalent patterns in Ulcha. *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. S. Say (Ed.). St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies, RAS. (Data first published on March 6, 2021; last revised on March 27, 2021.) URL: <https://www.bivaltyp.info> (accessed on 01.09.2024).

Šulienė O. K. [On the issue of prepositionless combinations in the Russian dialect of the Zarasai region of the Lithuanian SSR]. *Kalbotyra*, 1963, no. 8, pp. 15–35. (In Russ.)

А. И. Крюкова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

nastyakryukova0077@gmail.com

ДВА, ОДИН ИЛИ ПОЛГЛАЗА? ОБ ОБОЗНАЧЕНИИ ПАРНЫХ ОБЪЕКТОВ В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

В статье рассматривается общая для многих финно-угорских языков стратегия маркирования названий прототипически парных объектов (глаза, руки, перчатки и т. д.), где для указания на один объект из пары используется модификатор со значением ‘половина’, а форма единственного числа обозначает пару или несколько пар. Используя примеры из татышлинского говора удмуртского языка, полученные в ходе экспедиции методом опроса носителей, а также материалы корпусов литературного и татышлинского удмуртского, мы показываем, что данная стратегия выходит из употребления предположительно под влиянием ареально близких языков — русского, татарского и башкирского, и на замену ей приходит система, в которой форма единственного числа используется и для обозначения пары или нескольких пар, и для выделения одного объекта из нее. Для разрешения возникающей неоднозначности носители могут использовать уточняющие значение модификаторы, однако в предложениях, не содержащих дополнительных указаний на количество, опоры на контекст может быть недостаточно, что приводит к возникновению интерпретаций, отличных от ожидаемых. В сопоставительном контексте указывать на один объект из пары необходимо с помощью модификаторов, используемых в противопоставляемых группах элементов (‘один глаз’ — ‘другой глаз’).

Ключевые слова: удмуртский язык, татышлинский говор, числовое маркирование, полифункциональность, языковые контакты, парные объекты

1. Введение

В данной статье на примере удмуртского языка мы рассматриваем, как изменилась описанная для многих уральских языков стратегия числового оформления названий прототипически парных объектов, в рамках которой пара обозначается формой единственного числа, а один объект из пары получает модификатор *pal*

‘половина, полу-’¹. С точки зрения числового маркирования существительных в уральских языках (см. обзор в [Кузнецова 1998]) особым статусом обладают наименования прототипически парных объектов (глаза, лыжи, сапоги, ворота и др.). В луговом марийском, венгерском, удмуртском языках, согласно [Кузнецова 1998: 343], и в коми языке, согласно [СКЯ 1955: 136], такие существительные не получают показатель множественного числа, когда речь идет о паре объектов. Исследователи объясняют эту особенность исчезновением двойственного числа в ряде языков [Kertész 1913: 105] или же более общими свойствами немаркированной формы существительных в протоуральском [Bergsland 1956; Honti 1995]. Один объект из пары выделяется при помощи слова со значением ‘половина’, употребляемого с формой единственного числа. Например, сочетания *pal s'in*, *pel sänzä* (букв. ‘половина глаза’) в удмуртском и горномарийском соответственно обозначают один глаз, тогда как выражения *s'in*, *sänzä* ‘глаз’ могут указывать на пару объектов [Винклер, Кашкин 2023: 72].

Отмечалось, что данная стратегия находится под угрозой вытеснения, то есть перехода к обозначению одного объекта и пары формами единственного и множественного числа соответственно, в результате взаимодействия с ареально близкими языками, в первую очередь с русским языком, где пара объектов кодируется формой множественного числа [Кузнецова 1998: 343].

В литературе, посвященной удмуртскому языку, стратегия с *pal* упоминается в [ГСУЯ 1962: 74–75], тогда как в более поздней работе [Кондратьева 2011: 450] утверждается, что форма единственного числа обозначает и пару, и один объект из нее (стратегия с *pal* не обсуждается). При этом в посвященной татышлинскому удмуртскому работе [Baidoullina 2003: 51–52], напротив, указано, что по отношению к одному объекту используется конструкция с *pal*, а форма единственного числа получает интерпретацию пары.

В данной статье мы опишем материал татышлинского говора удмуртского языка (в сопоставлении с данными литературного удмуртского). Мы покажем, что стратегия с *pal* не употребляется активно, и форма единственного числа обозначает как пару объектов, так и один объект из пары, вследствие чего возникает неоднозначность, разрешаемая различными способами. Также мы обсудим использование формы множественного числа при обозначении пары объектов.

Татышлинский говор включается в периферийно-южный диалект южного наречия удмуртского языка [Кельмаков 1993: 239] и распространен в Татышлинском районе Республики Башкортостан. Данные получены методом анкетирования носителей в д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, с. Новые Татышлы в 2021–2023 гг. Примеры сначала переводились на удмуртский с русского языка при помощи носителя, впоследствии спрашивались с просьбой проинтерпретировать уже только на удмуртском, чтобы избежать калькирования. Каждый пример проверялся

¹ Мы благодарим анонимного рецензента за замечание, что в современном литературном удмуртском языке слово *pal* не имеет значения ‘половина’ (в словарях фиксируется только значение ‘половина (жилого помещения)'). Также фиксируются употребления в значении ‘один’ с непарными существительными [Стрелкова 2013: 158].

с несколькими носителями языка. Часть примеров взята из корпуса устных текстов татышлинского удмуртского [КТУ], для них указан конкретный текст-источник. В примерах, полученных методом анкетирования, источник не указывается. Примеры записываются в фонологической транскрипции, в основном соответствующей системе [Baidoullina 2003].

В разделе 2.1 содержатся базовые сведения об удмуртском языке и особенностях его именной морфологии, в том числе об употреблении показателя множественного числа. В разделе 2.2 обсуждаются данные татышлинского говора, подробнее рассматриваются контексты употребления существительных, обозначающих парные объекты, и демонстрируются случаи неоднозначной числовой референции. Раздел 2.3 посвящен способам разрешения семантической неоднозначности при использовании форм единственного числа. В разделе 3 приводятся корпусные данные литературного удмуртского языка, позволяющие сделать выводы об изменениях в числовом оформлении существительных, обозначающих прототипически парные объекты; проводятся внутригенетические и ареальные параллели. В разделе 4 представлены выводы.

2. Кодирование парных объектов в татышлинском удмуртском

2.1. Базовые сведения о числовом маркировании

В удмуртском языке признак числа может иметь два значения — единственное (отсутствие показателя) и множественное (в литературном и татышлинском удмуртском используется показатель *-(j)os*² [Кельмаков 1998: 115–116]). По нашим данным, относящимся к татышлинскому говору, существительное, которое отсылает более чем к одному объекту, может не маркироваться показателем множественного числа (1)–(2). Его невозможно опустить только в тех случаях, когда речь идет о людях (3).

- (1) a. *škola-ân pukon udobnoj lüä-nä tijâš.*
школа-LOC стул удобный быть-INF должен
b. *škola-ân pukon'-n'os udobnoj(-es') lüä-nä tijâš.*
школа-LOC стул-PL удобный-PL быть-INF должен
'Стулья в школе должны быть удобными'.
- (2) a. *ž'až'eg äjbät uja-Ø.*
гусь хорошо плавать-PRS.3SG
b. *ž'až'eg-jos äjbät uja-lo.*
гусь-PL хорошо плавать-PRS.3PL
'Гуси хорошо плавают'.
- (3) a. *pi-jos gužem tros vü pâr-o.*
мальчик-PL летом много вода заходить-PRS.3PL
'Мальчики летом много купаются'.

² Показатель множественного числа может подвергаться ассимиляции и принимать вид *-n'os*, *-l'os* и проч.

- b. *pi gužem tros vi pâr-e.*
 мальчик летом много вода заходить-PRS.3SG
 ‘Мальчик летом много купается’.
 *‘Мальчики летом много купаются’.

Дифференцированное числовое маркирование, характерное для уральских языков, может зависеть от различных факторов: положения именной группы на иерархии одушевленности [Silverstein 1976], референциального статуса, синтаксической роли [Шматова, Черниговская 2012]. В татышлинском говоре показатель может в той или иной конфигурации опускаться на именных группах с любым референциальным статусом и в любой синтаксической позиции (чаще он отсутствует в нереперентных именных группах по [Падучева 2017], а также на существительных, стоящих не в номинативе). В (4)–(6) представлены генерические именные группы в позициях подлежащего и прямого дополнения; видно, что их числовое маркирование вариативно.

- (4) *pervâj s'äs'ka pot-e ke, mi so*
 первый цветок выходить-PRS.3SG если мы тот
s'äs'ka-jez uže a ž'â-sa bert-is'ko-m.
 цветок-ACC уже видеть-CVB прийти-PRS-1PL
 ‘Когда появляются первые цветы, мы уже можем пойти посмотреть на них’.
 [КТУ: ATN-09082022_TD_o-prirode-i-derevne]
- (5) *s'as'ka-jos no [nrзб] otân ug bud-o.*
 цветок-PL ADD здесь NEG.PRS.3 расти-PRS.3PL
 ‘Цветы здесь не растут’. [КТУ: ATN-09082022_TD_o-prirode-i-derevne]
- (6) *s'äs'ka-os no merttâ-l-is'ko-m č'eber med*
 цветок-PL ADD сажать-ITER-PRS-1PL красивый OPT
lu-o-z šuj-sa.
 быть-FUT-3SG говорить-CVB
 ‘Цветы тоже сажаем, чтобы красиво было’. [КТУ: MFT-08082022_NK_ogorod]

Отсутствие обязательного указания на количество обозначаемых предметов соответствует типологическим ожиданиям. Аналогичные явления можно наблюдать в генетически и ареально близких языках (литературном удмуртском [Кузнецова 1998: 341]; бесермянском удмуртском, луговом марийском, ижемском коми [Шматова, Черниговская 2012]; мокшанском [Холодилова 2018: 70–73], горномарийском [Винклер, Кашкин 2023: 71–74], башкирском [Апლოнова 2017], татарском [ТГ 2016: 32–33]). В целом форма, способная отсылать к одному объекту или их множеству, в типологической литературе называется общим числом (general number) и широко засвидетельствована [Corbett 2000: 9–19].

2.2. Особенности маркирования парных объектов

Большинство существительных, обозначающих парные объекты, — это названия частей тела (*s'in* ‘глаз’, *pel'* ‘ухо’, *ki* ‘рука’), предметов одежды, обуви, украшений и схожих с ними (*perč'atka* ‘перчатка’, *sapeg* ‘сапог’, *póz'* ‘варежка’, *kças* ‘лыжа’, *pel'ugâ* ‘сережка’).

Также выделяются наименования крупных парных предметов (*kapka pâtset* ‘створка ворот’, *šur dur* ‘берег реки’), которые, однако, сближаются с прочими исчисляемыми существительными: для указания на один объект из пары используется единственное число, невозможно использовать стратегию с *pal* (7). Далее такие существительные мы не рассматриваем.

- (7) *kapka-len*³ (**pal*) *pâtset-a-z* *sureda-mân*
 ворота-GEN половина створка-LOC/ILL-POSS.3SG рисовать-RES
korka-len *lâd-âz*.
 дом-GEN счет-POSS.3SG
 ‘На створке ворот нарисован номер дома’.

2.2.1. Обозначение пары

Аналогично литературному удмуртскому [Кондратьева 2011: 450], в татышлинском говоре на пару объектов или на несколько пар может указывать форма и единственного, и множественного числа (8)–(10). Формой единственного числа может быть обозначена и пара объектов, и один объект из пары (9); носители не отдают предпочтение какой-либо из интерпретаций.

- (8) *pejmât-ân* *lâž'â-sa* *kol'a-len* *s'inm-âz*
 темнота-LOC читать-CVB Коля-GEN глаз-POSS.3SG
vis'-e / *s'im-n'os-âz* *vis'-o*.
 болеть-PRS.3SG глаз-PL-POSS.3SG болеть-PRS.3PL
 ‘От чтения в темноте у Коли болят глаза’.

- (9) *ruslan* *pejmât-ân* *kanža-s'k-i-z* *bat'inka-je*.
 Руслан темнота-LOC споткнуться-DETR-PST-3SG ботинок-ILL
 ‘Руслан в темноте споткнулся о ботинок / ботинки’.

- (10) *pâronti-ân* *sâl-i-zâ* *tîrlä* *razmer-en* *sapeg(-jos)*.
 прихожая-LOC стоять-PST-3PL разный размер-INS сапог-PL
 ‘В прихожей стояли сапоги разного размера (одна пара или несколько пар)’.

В корпусе татышлинского удмуртского представлен, среди прочих, 21 текст, записанный в 1970–1990-е гг. XX в. В этих текстах при референции к паре объектов в 22 примерах из 23 используется единственное число, за исключением одного

³ Показатель генитива в данном случае необязателен.

случая, ср. (11)–(12). В современных текстах из корпуса татышлинского удмуртского (2019 г. и позднее) при обозначении пары объектов используется форма единственного числа (в 42 примерах из 44 (13)), однако встречаются и существительные во множественном числе (примеры (14) и (15) взяты из одного текста, в котором разделены одним предложением; при этом в них используются разные стратегии). Таким образом, обсуждаемые изменения можно было наблюдать уже в материале 1970–1990-х гг.

- (11) *синм-ыз таба быдӓа ne тыл*
 глаз-POSS.3SG сковорода размером_c QUOT огонь
кадь ӓсуа-Ø.
 как гореть-PRS.3SG
 ‘Глаза, да, со сковороды, горят огнем’. [КТУ: Кельмаков 1978: 120–121]
- (12) *ки-ӓс-мэ гадь выл-а-д эн*
 рука-PL-ACC.POSS.2SG грудь верх-ILL/LOC-POSS.2SG PROH
кечатла шайтан пузкартӱськ-о-з.
 положить_крест-накрест шайтан гнездиться-FUT-3SG
 ‘Руки на груди не складывай — шайтан загнездится’. [КТУ: Гильмаев 1981: 99–102]
- (13) *mašina-jen mânâ-kâ dažê s'im u[?] žad'â.*
 машина-INS идти-CVB.SIM даже глаз NEG.PRS.3 устать
 ‘Когда едешь на машине, даже глаза не устают’. [КТУ: ATN-09082022_TD_o-prirode-i-derevne]
- (14) *s'im-ež ūs't-is'ko-Ø no, i otân tarakan.*
 глаз-ACC открыть-PRS-1SG ADD и там таракан
 ‘Открываю глаза — точно таракан’. [КТУ: ShAA-03082022_TD_obshchezhitije]
- (15) *vot, s'im-jos-me ūs't-is'ko-Ø no,*
 вот глаз-PL-ACC.POSS.1SG открыть-PRS-1SG ADD
i otân tarakan košk-e.
 и там таракан уйти-PRS.3SG
 ‘Вот, глаза открываю, а там таракан ползает’. [КТУ: ShAA-03082022_TD_obshchezhitije]

2.2.2. Обозначение одного объекта из пары

На один объект из пары также может указывать форма единственного числа (16).

- (16) *ki-jež ke kur^ʔ-i-z, šū-s'ko-Ø*
 рука-ACC если укусить-PST-3SG говорить-PRS-1SG
 ‘Думаю, а если [белка] за руку укусит’. [КТУ: AZA-08082022_o-belke]

Стратегии с использованием единиц *pal* ‘половина’ / *odig, og* ‘один’ для обозначения одного объекта из пары известны всем опрошенным носителям и оцениваются как приемлемые (17)–(18), однако в корпусе не встречаются (ср. единственное вхождение с *og*, где форма единственного числа обозначает одну пару рук, а вся конструкция имеет реципрокальную интерпретацию (19)). При элицитации в качестве первой реакции на стимул на русском языке *pal* никогда не используется, однако предложения с *pal* характеризуются носителями как грамматичные.

- (17) *kol'a-len* (*odig / pal*) *s'im-âž* *s'öd-ekt-em*.
Коля-GEN один половина глаз-POSS.3SG черный-INCH-PST2
‘У Коли синяк под глазом’.

- (18) *pes'ataj-len* (*odig/ pal*) *s'im-âž* *a'ž'-is'-tem*
дедушка-GEN один половина глаз-POSS.3SG видеть-PTCP.ACT-NEG
kâl'-i-z.
остаться-PST-3SG
‘Дедушка ослеп на один глаз’.

- (19) *o²-mâ* *ki-s'en* *o²-mâ* *ki-je*
один-POSS.1PL рука-EGR один-POSS.1PL рука-ILL
san'ig-en *san'ig-e* *kija-sa* *tubâ-t-č'a-lo-m*
вилы-INS вилы-ILL бросать-CVВ подниматься-CAUS-MULT-FUT-1PL
val *ž'ar-e*.
быть.PST яр-ILL
‘С рук на руки, с вил на вилы, выбрасывая, поднимали на яр’. [КТУ: GMK-03082021_VI_7_senokos]

В случае, когда необходимо выделить один объект из пары и противопоставить его второму, использование формы единственного числа без модификаторов не допускается. Недостаточным оказывается и один из широко используемых способов выделить элемент из множества — посессивный показатель третьего лица единственного числа (20), в татышлинском удмуртском имеющий в том числе дискурсивные функции [Тыщишина 2023], что аналогично ситуации в литературном и бесермянском удмуртском, а также в других уральских языках [Nikolaeva 2003; Simonenko 2014; Serdobolskaya et al. 2019]. Присоединение посессивного показателя для указания на сопоставление, а не на собственно принадлежность, как в примере (20), невозможно без дополнительных модификаторов (использование в противопоставляемых группах пар *pal* — *pal*, *odig* ‘один’ — *muket* ‘другой’, *bur* ‘правый’ — *pal'l'an* ‘левый’ и т. д.). Использование перечисленных лексем при опущении существительного невозможно без посессивного показателя. В (21)–(22) представлены разные пары модификаторов.

- (20) *kol'a-len* *perč'atka-jez* *kis'k-em*.
Коля-GEN перчатка-POSS.3SG мокнуть-PST2
‘У Коли промокли перчатки / промокла перчатка’.

- (21) a. *vas'a-len odig(-ez) noski-jez*
 Вася-GEN один-POSS.3SG носок-POSS.3SG
*pas' noš muket-âz⁴ / *muket pas' jevâl.*
 дырка опять другой-POSS.3SG другой дырка нет
 'У Васи один носок дырявый, а другой нет'.
- b. *vas'a-len odig-ez / *odig noski*
 Вася-GEN один-POSS.3SG один носок
*pas' noš muket-âz / *muket pas' jevâl.*
 дырка опять другой-POSS.3SG другой дырка нет
 'У Васи один носок дырявый, а другой нет'.
- (22) a. *kol'a-len pal(-ez) s'im-âz vis'-e,*
 Коля-GEN половина-POSS.3SG глаз-POSS.3SG болеть-PRS.3SG
*pal-âz / *pal äjbät a ž'-e.*
 половина-POSS.3SG половина хороший видеть-PRS.3SG
 b. *kol'a-len pal-ez / *pal s'im vis'-e,*
 Коля-GEN половина-POSS.3SG половина глаз болеть-PRS.3SG
*pal-âz / *pal äjbät a ž'-e.*
 половина-POSS.3SG половина хороший видеть-PRS.3SG
 'У Коли болит один глаз, а второй хорошо видит'.

2.2.3. Обозначение множества пар

Для обозначения нескольких пар при эликации (23) и в корпусе (24)–(25) используется форма как единственного, так и множественного числа (лишь один опрошенный носитель из девяти не признал форму единственного числа допустимой).

- (23) *uram-is' vü-em ber-a-zâ pi-jos*
 улица-EL приходить-NMLZ зад-LOC/ILL-POSS.3PL мальчик-PL
pôz'-is't-âzâ / pôz'-z'os-is't-âzâ lâmâ-zes
 варежка-EL-POSS.3PL варежка-PL-EL-POSS.3PL снег-ACC.POSS.3PL
s'üz'a-Ø-zâ.
 чистить-PST-3PL
 'Вернувшись с улицы, мальчики стряхнули снег с варежек'.
- (24) *kâk gondâr-jos ludkes'-ez ki-ja-zâ... ki*
 два медведь-PL заяц-ACC рука-LOC/ILL-POSS.3PL рука
vâl-a-zâ žutâ-sa
 верх-LOC/ILL-POSS.3PL поднимать-CVB
 '<...> два медведя подняли на руках зайца <...>' [КТУ: GOM-12082022_NK_foto-triumf-zajca]

⁴ Данный показатель может произноситься как *-ez* или *-âz*.

- (25) *fizkul'tura* *zan'at'i-os-ân*. *ki-os-ses* *качать* *kar-o*.
 физкультура занятие-PL-LOC рука-PL-ACC.POSS.3PL качать делать-PRS.3PL
 'На занятиях по физкультуре. Качают руки'. [КТУ: ShAA-03082022_TD_ obshchezhitije]

В (26) дистрибутивная семантика глагола накладывает ограничения не только на интерпретацию (становится невозможным прочтение с единственным числом), но и на использование формы SG.

- (26) *vas'a* *l'ena* *dor-â* *kino-je* *lâkt-i-z* *no*
 Вася Лена сторона-ILL гость-ILL приходит- PST-3SG ADD
rajm-i-z *so-len* *sapeg-jos-âz* / **sapeg-ez*
 удивиться- PST-3SG TOT-GEN сапог-PL-POSS.3SG сапог-POSS.3SG
serpal'-l'a-mân.
 отбрасывать-ITER-RES
 'Вася пришел в гости к Лене и удивился, что у нее разбросаны сапоги'.

В (27) носитель при указании на передние и задние лапы белки использовал форму множественного числа, однако далее при обозначении пар по отдельности фигурирует форма единственного числа.

- (27) *kon'â* *pâd-ž'os-se* *taz'â* *vaja-Ø-z* *ves'*,
 белка нога-PL-ACC.POSS.3SG так раздвинуть- PST-3SG весь
az' *pâd-ze*, *ber* *pâd-ze*.
 перед нога-ACC.POSS.3SG зад нога-ACC.POSS.3SG
 'Белка лапы вот так раздвинула, и передние, и задние'. [КТУ: AZA-08082022_o-belke]

Результаты можно обобщить в таблице 1. Таким образом, формой единственного числа в татышлинском удмуртском можно обозначить один объект из пары, пару или несколько пар. Конструкция с *pal* в качестве первой реакции для указания на один объект из пары используется только в контрастивном контексте, в отсутствие контраста *pal* не отвергается носителями, но и не предлагается в качестве первой реакции.

Таблица 1. Варианты языкового оформления парных существительных в различных контекстах

Контекст	Возможные формы
Один объект из пары	(<i>pal</i> / <i>odig</i>) + SG
Пара	SG / PL
Много пар	SG / PL
Контраст	<i>pal</i> / <i>odig</i> + SG

Отметим еще раз, что для обозначения пары возможно множественное число, что отмечено в [ГСУЯ 1962: 74–75] как черта «современного» удмуртского язы-

ка и в [Загуляева 1987: 97] как «позднее явление». Такие случаи встречаются как в элицированных отрезках дискурса и изолированных предложениях, так и в корпусе татышлинского удмуртского (соответствующие тексты принадлежат молодому носителю 2003 г.р.).

2.3. Способы разрешения омонимии

Возникающая неоднозначность может затруднять интерпретацию примеров. Так, в русских стимулах для примеров (28)–(29), где интерпретации с единственным и множественным числом одинаково возможны, существительное изначально имело форму единственного числа. В удмуртском переводе соответствующее существительное также получило форму единственного числа. Однако при предъявлении стимула на удмуртском языке мы в качестве первой реакции получали интерпретацию пары. Интерпретацию с единственным объектом носители тоже признавали возможной.

- (28) *kol'a ki-ja-z kn'iga nu-e*
 Коля рука-LOC/ILL-POSS.3SG книга нести-PRS.3SG
 'Коля несет в руках / руке книги'.

- (29) *č'ošat-is'kâ-kâ vas'a-len kuas-ez č'ig-is'k-i-z*
 сравнить-DETR-CVB.SIM Вася-GEN лыжи-POSS.3SG сломать-DETR-PST-3SG
 'Во время соревнований у Васи сломались лыжи / сломалась лыжа'.

В ряде случаев неоднозначность не возникает из-за прагматических факторов. Некоторые ситуации предполагают только одно возможное прочтение и делают маловероятной вторую интерпретацию. В (30) возможна форма и единственного, и множественного числа, однако интерпретируются обе формы как указание на то, что каждый из нескольких обладателей совершил действие одной рукой.

- (30) *dâšet-is' s'ot-i-z kapč'i ž'ua-n no*
 учить-PTCP.ACT дать-PST-3SG простой спросить-VN ADD
nâlpî-jos ki-zes / ki-jos-ses žut-i-zâ.
 ребенок-PL рука-ACC.POSS.3PL рука-PL-ACC.POSS.3PL поднять-PST-3PL
 'Учитель задал простой вопрос, и ученики подняли руку / *руки'.

В (31), где отсутствует прагматически более вероятная интерпретация, также доступны обе формы и обе интерпретации.

- (31) а. *fizkul'tura urok-ân dâšet-is' a^žâ-t-i-z*
 физкультура урок-LOC учить-PTCP.ACT видеть-CAUS-PST-3SG
upražn'en'ije. kû so ki-ze žut-i-z,
 упражнение когда тот рука-ACC.POSS.3SG поднять-PST-3SG
muket-jos no ki-zes žut-i-zâ.
 другой-PL ADD рука-ACC.POSS.3PL поднять-PST-3PL
 'На занятии физкультурой учитель показывал упражнения. Когда он поднял руки / руку, остальные подняли руки / руку вслед за ним'.

- b. *fizkul'tura* *urok-ân* *dâšet-is'* *a'ž'â-t-i-z*
 физкультура урок-LOC учить-PTCP.ACT видеть-CAUS-PST-3SG
upražn'en'ije. kû so ki-jos-se žut-i-z,
 упражнение когда тот рука-PL-ACC.POSS.3SG поднять-PST-3SG
muket-jos no ki-jos-ses žut-i-zâ.
 другой-PL ADD рука-PL-ACC.POSS.3PL поднять-PL-3PL
 'На занятии физкультурой учитель показывал упражнения. Когда он
 поднял руки, остальные подняли руки вслед за ним'.

Еще один способ сделать высказывание однозначным, точно указав на пару объектов, — добавить модификатор (например, числительное *kâk* 'два' в сочетании с аддитивной частицей *no*, указывающей на полный охват множества):

- (32) *kâk s'im-âž no u' a'ž'â ni.*
 два глаз-POSS.3SG ADD NEG.PRS.3 видеть уже
 'Оба глаза уже не видят'. [КТУ: FVV_RFG_05072019_IKh_VD_dialog]

- (33) *das ar ta-les' az'lo pes'ataj-len bur*
 десять год тот-GEN2 прежде дедушка-GEN правый
s'im-âž a'ž'â-m-is' dukt-i-z. vit' ar
 глаз-POSS.3SG видеть-NMLZ-EL перестать-PST-3SG пять год
ortč'â-sa pal'l'an s'im-âž no ôz a'ž'â
 пройти-CVB левый глаз-POSS.3SG ADD NEG.PST.3 видеть
ni. oz'â ik pes'ataj-len kâk s'im-âž
 уже так EMPH дедушка-GEN два глаз-POSS.3SG
no a'ž'â-m-is' dugd-i-z.
 ADD видеть-NMLZ-EL перестать-PST-3SG
 'Десять лет назад правый глаз у дедушки перестал видеть. Через пять лет
 левый глаз тоже ослеп. Так дедушка и ослеп на оба глаза'.

3. Данные типологически и ареально близких языков

Сравним наши данные с материалом Национального корпуса удмуртского языка [НКУЯ], где представлены главным образом художественные тексты на литературном удмуртском. В текстах, изданных в 2000 г. и позже, из 524 примеров с *pal* в 45 примерах (что составляет менее 10%) этот маркер выделяет один объект из пары, см., например, (34)–(35); другие вхождения слова включают преимущественно омонимичный локативный послелог со значением 'сторона'. Отметим также, что часть текстов на самом деле написаны ранее, но были переизданы и поэтому попали в выдачу. Для сравнения, в текстах 1960–2000 гг. около 30% примеров (589 из 2029) иллюстрируют изучаемое явление (36). Эти данные могут быть интерпретированы как указание на постепенный выход стратегии из активного употребления.

- (34) *йёсозжон кадь ву-ын ик ымныр-ме миськ-и-Ø*
 толокно как вода-LOC EMPH лицо-ACC.POSS.1SG мыть-PST-1SG
но пал син-ме усьты-ны быгат-й-Ø.
 ADD половина глаз-ACC.POSS.1SG открыть-INF уметь-PST-1SG
 ‘Я умыл лицо в воде, похожей на толокно, и смог открыть один глаз’.
 [НКУЯ: Мая Державина. Гуртэ бертай (2014)]
- (35) *пал пыд выл-а-м тэтча-са, диван*
 половина нога верх-ILL/LOC-POSS.1SG прыгать-CVВ диван
дор-озь ву-и-Ø, пукс-и-Ø.
 край-TERM приходить-PST-1SG садиться-PST-1SG
 ‘<...> прыгая на одной ноге, я добралась до дивана, села’. [НКУЯ: Елена Панфилова. Мумы (2008)]
- (36) *Отечественной война-ын нош кык пи-зэ*
 отечественный война-LOC опять два сын-ACC.POSS.3SG
ышт-эм, ач-из пал суй но
 потерять-PST2 REFL-POSS.3SG половина рука ADD
син-тэм кыл-ем.
 глаз-CAR остаться-PST2
 ‘На Отечественной войне потерял двоих сыновей, остался одноруким и слепым’. [НКУЯ: А. Ермолаев. В. Сергеевлэн веросьёсыз сярысь (1984)]

Исследователи уральских языков объясняют тенденцию избегать стратегии с существительным ‘половина’ влиянием русского языка, в котором один объект из пары выступает в единственном числе, а оба — во множественном. Это предсказывается в [Кузнецова 1988: 343]: «не исключено», что традиционный способ обозначения одного объекта из пары расшатывается под влиянием русского языка. В [Кошкарева и др. 2017: 60–61, 74–75] по отношению к уральским языкам, распространенным в Ямало-Ненецком АО, об этом говорится как о свершившемся факте: в селькупском и коми языке (ижемский диалект), вероятно, под влиянием русского языка стратегия со словом ‘половина’ используется все реже (на ее место приходит числительное ‘один’ и/или расширяется значение формы единственного числа). В [Винклер, Кашкин 2023: 74–76] для горномарийского языка отмечается, что стратегия со словом ‘половина’ признается носителями, но практически не встречается в корпусе.

В ареально близком башкирском языке (по результатам эксперимента, где носителям предлагалось назвать объект, изображенный на картинке) названия парных частей тела менее чем в половине случаев имеют показатель множественного числа, названия парных предметов — менее чем в трети случаев [Аплонova 2017: 40–44]. Отдельно отмечено, что для прототипически парных предметов обуви (‘лапти’, ‘сапоги’) числовое маркирование немного отличается. Русское заимствование, обозначающее сапоги (*botinka*), в эксперименте было употреблено в форме множественного числа 7 раз из 26, тогда как исконное существительное, обозначающее

лапти (*sabata*), — 0. В нашем случае таких закономерностей не выявлено, однако это любопытная тенденция. Согласно [Сафина 2000: 73–74], в большинстве случаев для указания на пару объектов используется форма единственного числа, множественное же возможно при обозначении нескольких пар или при необходимости акцентировать количество предметов.

В татарском языке, также распространенном на территории Татышлинского района, используется аналогичная нынешней удмуртской стратегия: форма единственного числа кодирует наименование и пары, и одного ее элемента [Гаряев 2009: 67]. Использование форм множественного числа по отношению к паре объектов отрицается в [Гаряев 2009: 67], но описывается как возможное в [ТГ 2016: 33]. Зафиксированные в татышлинском удмуртском изменения могут происходить как под влиянием татарского или башкирского языка, так и под влиянием русского языка (более того, схожие сдвиги в татарском и башкирском могут свидетельствовать о влиянии русского языка и на них).

На изменение стратегии числового маркирования под влиянием соседних языков косвенно указывают данные венгерского языка, в котором, в отличие от финно-угорских языков, распространенных на территории России, сохраняется и указание на пару формой единственного числа, и использование модификатора для указания на один объект из пары [Rounds 2001: 90; Szende, Kassai 2007: 42–43].

4. Заключение

В татышлинском говоре удмуртского языка существует два различных способа говорить о парных предметах: первоначальный, где пара обозначена единственным числом, а один предмет — формой единственного числа в сочетании с существительным *pal* ‘половина’, и новый, где единственное число указывает на один предмет, а множественное — на пару. В активном употреблении первая стратегия осталась лишь частично, что фактически привело к использованию формы единственного числа в значении и одного объекта из пары, и одной пары, и нескольких пар в дистрибутивных контекстах (в последнем случае в корпусе встречаются и формы множественного числа от молодых носителей). Возникающая неоднозначность приводит к вариативности интерпретации примеров, однако в ряде случаев может разрешаться контекстом или при помощи модификаторов.

Татышлинский удмуртский — лишь один из уральских идиомов, где исчезает исконная стратегия числового маркирования парных объектов со словом ‘половина’. Вполне возможно, что этот процесс происходит под влиянием русского языка, для которого характерно иное соотношение числовых форм.

Список условных сокращений

1, 2, 3 лицо — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CAR — каритив; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; CVB.SIM — деепричастие со значением одновременности; DETR — детранзитив; EGR — эгрессив; EL — элатив; EMPH — выделительная частица; FUT — будущее время; GEN — генитив; GEN2 — второй

генитив; ILL — иллатив; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; ITER — итератив; LOC — локатив; MULT — мультипликатив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; OPT — оптатив; PL — множественное число; POSS — посесивность; PRON — прохибитив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PTCP.ACT — активное причастие; QUOT — квотатив; REFL — рефлексив; RES — результатив; SG — единственное число; TERM — терминатив; VN — отглагольное имя.

Литература

Аглонова Е. С. Субстантивное число в башкирском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. № 13 (1). С. 17–51.

Винклер М.-Э. А., Кашкин Е. В. Именное число // *Элементы горномарийского языка в типологическом освещении* / отв. ред. Е. В. Кашкин, ред. М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. М.: Буки-Веди, 2023. С. 71–82.

Гаряев Р. Н. Категории числа и принадлежности имени существительного и происхождение их показателей в татарском языке. Дисс. ... канд. филол. наук / Тобольск, Тобольский государственный педагогический институт им. Д. И. Менделеева, 2009. 175 с.

Гильмаев А. В. Татышлинский диалект I // *Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи* / отв. ред. Р. Ш. Насибуллин. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР, 1981. С. 97–102.

ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. 376 с.

Загуляева Б. Ш. Форма множественного числа имен существительных в южно-удмуртском наречии // *Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков* / отв. ред. Б. Ш. Загуляева, В. К. Кельмаков. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР, 1987. С. 92–98.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи I: татышлинский диалект // *Труды по финно-угроведению 5: грамматический строй уральских языков* / отв. ред. П. Палмеос. Тарту: Тартуский государственный университет, 1978. С. 101–122.

Кельмаков В. К. Удмуртский язык // *Языки мира. Уральские языки* / ред. Ю. С. Елисеев, К. Е. Майтинская, О. И. Романова. М.: Наука, 1993. С. 239–255.

Кондратьева Н. В. Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа). Дисс. ... доктора филол. наук / Ижевск, Удмуртский государственный университет, 2011. 540 с.

Кошкарева Н. Б., Кашкин Е. В., Коряков Ю. Б., Казакевич О. А., Буркова С. И., Муравьев Н. А., Будянская Е. М. Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / ред. Н. Б. Кошкарева. Калининград: РОСТ-ДООАФК, 2017. 256 с.

КТУ — Корпус устных текстов татышлинского удмуртского [Электронный ресурс]. URL: http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly_corpus/search

Кузнецова А. И. Типология категории числа в уральских языках // Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям / ред. А. С. Нариньяни. Казань: Татарское республиканское издательство «Хэтер». 1998. Т. 1. С. 340–347.

НКУЯ — Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/>

Падучева Е. В. Референциальный статус именной группы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Сафина Э. Ф. Категория числа в русском и башкирском языках: На материале имен существительных. Дисс. ... канд. филол. наук / Уфа, Башкирский государственный университет, 2000. 206 с.

СКЯ 1955 — Современный коми язык. Часть первая. Фонетика. Лексика. Морфология / ред. В. И. Лыткин. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1955. 304 с.

Стрелкова О. Б. Имена числительные удмуртского языка. История и типология. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. 238 с.

ТГ 2016 — Татарская грамматика. Том II: Морфология / рук. проекта М. З. Закиев. Казань: ТЭНСИ, 2016. 432 с.

Тужаров Г. М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987. 141 с.

Тыщишина Т. Е. Дискурсивное употребление посессивного показателя 3sg в татышлинском удмуртском // Двадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2023 г.) / ред. Е. А. Забелина, Н. М. Заика. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 197–200.

Холодилова М. А. Морфология имени // Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / отв. ред. С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова, ред. С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин. М.: Буки Веди, 2018. С. 69–77.

Шматова М. С., Черниговская Е. А. Категория числа существительного в марийском и пермских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / отв. ред. А. И. Кузнецова. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 221–249.

Baidoullina A. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология (Магистерская диссертация). Tartu: Tartu Ülikool, 2003. 160 с.

Bergsland K. The Uralic “half eye” in the light of Eskimo-Aleut // Ural-Altische Jahrbücher. 1956. № 28. P. 165–172.

Corbett G. Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 358 p.

Honti L. Wieviel Augen haben die Uralier? // Minor Uralic Languages: Grammar and Lexis / ed. by A. Künnap. Tartu-Groningen: University of Tartu, 1995. P. 73–87.

Kertész M. Über den finnisch-ugrischen Dual // Keleti Szemle. 1913. № 14. P. 74–105.

Nikolaeva I. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // International symposium on deictic systems and quantification in languages

spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of papers / ed. by P. Suihkonen, B. Comrie. Leipzig: Max Planck Institute of Evolutionary Anthropology and Udmurt State University, 2003. P. 130–145.

Rounds C. Hungarian: An Essential Grammar. London New York: Routledge, 2001. 336 p.

Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangelskiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt // Linguistic possession. New insights from the languages of Europe and North and Central Asia / ed. by L. Johanson, I. Nevskaya, L. F. Mazzitelli. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 291–311.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // Grammatical Categories in Australian Languages / ed. by R. M. W. Dixon. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. P. 112–171.

Simonenko A. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // Proceedings of the 43rd annual meeting of the North East Linguistic Society. Vol. 2. / ed. by H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling. New York: The City University of New York, 2014. P. 127–140.

Szende T., Kassai G. Grammaire fondamentale du hongrois. Paris: L'Asiathèque, 2007. 576 p.

A. I. Kriukova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

nastyakryukova0077@gmail.com

TWO, ONE, OR HALF AN EYE?

ABOUT THE NAMING OF PAIRED OBJECTS IN TATYSHLY UDMURT

The article discusses a strategy to label typically paired objects (eyes, hands, gloves, etc.) widespread in the Finno-Ugric languages, where a modifier with the meaning ‘half’ is used to indicate one object from a pair, and the singular form denotes a pair or several pairs. Relying on elicited Tatyshly Udmurt examples and sentences from the literary and Tatyshly Udmurt corpora, I show that this strategy is falling out of use under the probable influence of geographically close languages, such as Russian, Tatar and Bashkir. It is being replaced by a system in which the singular form is used both to designate a pair or multiple pairs and to pick out one of its elements. Some modifiers can be used to resolve this ambiguity. In sentences without any explicit reference to the number of objects relying on the context only may not be enough, which leads to interpretations that differ from those expected. In contrastive contexts, the use of modifiers in juxtaposed element groups is required.

Keywords: Udmurt, Tatyshly subdialect, number marking, multifunctionality, language contact

References

- Aplonova E. S. [Substantive number in Bashkir]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, no. 13 (1), pp. 17–51. (In Russ.)
- Baidoullina A. *Tatyshlinskii govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Tatyshly Udmurt: phonetics and morphology]. Magistritöö, Tartu, Tartu Ülikool, 2003. 160 p. (In Russ.)
- Bergsland K. The Uralic “half eye” in the light of Eskimo-Aleut. *Ural-Altische Jahrbücher*, 1956, no. 28, pp. 165–172.
- Corbett G. *Number*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 358 p.
- Garyaev R. N. *Kategorii chisla i prinadlezhnosti imeni sushchestvitel'nogo i proiskhozhdenie ikh pokazatelei v tatarskom yazyke* [The categories of noun number and possession and their etymology in Tatar]. PhD diss., Tobol'sk, Mendeleev Tobol'sk State Pedagogical university, 2009. 175 p. (In Russ.)
- Gil'maev A. V. [Tatyshly dialect I]. *Materialy po udmurtskoi dialektologii: Obraztsy rechi* [Udmurt dialectology materials: examples of speech]. R. Sh. Nasibullin (Ed.). Izhevsk: NII pri Sov. Min. Udm. ASSR Publ., 1981, pp. 97–102. (In Russ.)
- Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya*. [The grammar of contemporary Udmurt. Phonetics and Morphology.] P. N. Perevoshchikov (Ed.). Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1962. 376 p. (In Russ.)
- Honti L. Wieviel Augen haben die Uralier? *Minor Uralic Languages: Grammar and Lexis*. A. Künnap (Ed.). Tartu-Groningen, University of Tartu, 1995, pp. 73–87.
- Kel'makov V. K. [Examples of Udmurt speech I: Tatyshly dialect]. *Trudy po finno-ugrovedeniyu 5: grammaticheskii stroi ural'skikh yazykov* [Finno-Ugric studies 5: grammar of Uralic languages]. P. Palmeos (Ed.). Tartu, Tartu State University, 1978, pp. 101–122. (In Russ.)
- Kel'makov V. K. [Udmurt]. *Yazyki mira. Ural'skie yazyki* [World languages. Uralic languages]. Yu. S. Eliseev, K. E. Majtinskaja, O. I. Romanova (Eds.). Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 239–255. (In Russ.)
- Kertész M. Über den finnisch-ugrischen Dual. *Keleti Szemle*, 1913, no. 14, pp. 74–105.
- Kholodilova M. A. [Nominal morphology]. *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Moksha in a typological perspective]. S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova, S. G. Tatevosov, E. V. Kashkin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, A. V. Kukhto, M. Yu. Privizentseva, I. A. Stenin (Eds.). Moscow, Buki Vedi, 2018, pp. 69–77. (In Russ.)
- Kondrat'eva N. V. *Slovoizmenenie imeni sushchestvitel'nogo v udmurtskom yazyke (grammaticheskie kategorii padezha I chisla)* [Noun inflection in Udmurt (grammatical categories of case and number)]. Doctoral diss., Udmurt State University, Izhevsk, 2011. 540 p. (In Russ.)
- Korpus ustnykh tekstov tatyshlinskogo udmurtskogo* [Tatyshly Udmurt Spoken Corpus]. Available at: http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly_corpus/search (accessed 1.03.2025).
- Koshkareva N. B., Kashkin E. V., Koryakov Yu. B., Kazakevich O. A., Burkova S. I., Murav'ev N. A., Budyanskaya E. M. *Dialektologicheskii atlas ural'skikh yazykov*,

rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Dialectological atlas of the Uralic languages spoken in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. N. B. Koshkareva (Ed). Kaliningrad, ROST-DOAFK Publ., 2017. 256 p. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. [Number typology in the Uralic languages]. *Trudy Mezhdunarodnogo seminar Dialog'98 po komp'yuternoï lingvistike i ee prilozheniyam* [The works of the International seminar Dialog'98 concerning computational linguistics and its applications]. Vol. 1. A. S. Narin'yani (Ed.). Kazan', Tatarskoe respublikanskoe izdatel'stvo «Kheter» Publ., 1998, pp. 340–347. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus udmurtskogo yazyka [The National Corpus of the Udmurt Language]. Available at: <http://udmcorpus.udman.ru/> (accessed 1.03.2025).

Nikolaeva I. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic. P. Suihkonen, B. Comrie (Eds.). *International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of papers*. Leipzig, Max Planck Institute of Evolutionary Anthropology and Udmurt State University, 2003, pp. 130–145. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Referentiality of a NP]. *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar]. <http://rusgram.ru>, 2011. (In Russ.)

Rounds C. *Hungarian: An Essential Grammar*. London, New York, Routledge, 2001. 336 p.

Safina E. F. *Kategoriya chisla v russkom i bashkirskom yazykakh: Na materiale imen sushchestvitel'nykh* [The category of number In Russian and Bashkir: evidence from nouns]. PhD diss., Ufa, Bashkir State University, 2000. 206 p. (In Russ.)

Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangelskiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt. L. Johanson, I. Nevskaya, L. F. Mazzitelli (Eds.). *Linguistic possession. New insights from the languages of Europe and North and Central Asia*. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2019, pp. 291–311. (In Russ.)

Shmatova M. S., Chernigovskaya E. A. [The category of noun number in Mari and Permian]. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody* [Finno-Ugric languages: fragments of grammatical descriptions. Formal and functional approaches]. A. I. Kuznetsova (Ed.) Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012, pp. 221–249. (In Russ.)

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical Categories in Australian Languages*. R. M. W. Dixon (Ed.). Canberra, Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976, pp. 112–171.

Simonenko A. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers. *Proceedings of the 43rd annual meeting of the North East Linguistic Society*. Vol. 2. H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling (Eds.). New York, The City University of New York, 2014, pp. 127–140.

Strelkova O. *Imena chislitel'nye udmurtskogo yazyka. Istoriya i tipologiya* [Numerals in Udmurt. History and typology]. Izhevsk, “Udmurt University” publishing house, 2013. 238 p. (In Russ.)

Sovremennyyi komi yazyk. Chast' pervaya. Fonetika. Leksika. Morfologiya [Contemporary Komi language. Part One. Phonetics, Lexis, Morphology]. V. I. Lytkin (Ed.). Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1955. 304 p. (In Russ.)

Szende T., Kassai G. *Grammaire fondamentale du hongrois*. Paris, L'Asiathèque, 2007. 576 p.

Tatarskaya grammatika. Tom II: Morfologiya [Tatar Grammar. Vol. II: Morphology]. M. Z. Zakiev (Ed.). Kazan', ТӘҖСИ, 2016. 432 p. (in Tatar)

Tuzharov G. M. *Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitel'nogo v mariiskom yazyke* [Grammatical categories of the noun in Mari]. Ioshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1987. 141 p. (In Russ.)

Tyshchishyna T. E. [Discourse use of the possessive 3sg marker in Tatyshly Udmurt]. *Dvadsataya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 23-25 noyabrya 2023 g.)* [XX Conference on typology and grammar for young scholars. Book of abstracts (St. Petersburg, 23–25 November 2023)]. E. A. Zabelina, N. M. Zaika (Eds.). St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2023, pp. 197–200. (In Russ.)

Winkler M.-E. A., Kashkin E. V. [Substantive number]. *Elementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Hill Mari in a typological perspective]. E. V. Kashkin, M.-E. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. D'yachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (Eds.). Moscow, Buki-Vedi, 2023, pp. 71–82. (In Russ.)

Zagulyaeva B. Sh. [Plural noun form in Southern Udmurt]. *Permistika: voprosy dialektologii i istorii permskikh yazykov* [Permic studies: dialectology and history of Permic languages]. B. Sh. Zagulyaeva, V. K. Kel'makov (Eds.). Izhevsk, Nauchno-issledovatel'skii institut pri Sovete Ministrov UASSR Publ., 1987, pp. 92–98. (In Russ.)

С. А. Оскольская¹, Н. М. Стойнова²
 ИЛИ РАН¹, Университет Гамбурга²
 (Россия, Санкт-Петербург¹, Германия, Гамбург²)
 sonypolik@mail.ru¹, stoynova@yandex.ru²

В ПОИСКАХ КОНТАКТОВ МЕЖДУ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫМИ ЯЗЫКАМИ: ГЛАГОЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ДВИЖЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ В ГОРИНСКОМ НАНАЙСКОМ¹

В статье на материале глагольных конструкций с показателем движения с целью производится попытка обнаружить следы контактных явлений в горинском нанайском — говоре, образовавшемся в результате перехода носителей одного из севернотунгусских языков на нанайский язык. На материале корпусных данных конструкции с показателем движения с целью *-ndə* ('пойти и сделать / пойти, чтобы сделать') были исследованы по следующим параметрам: частотности, склонности к употреблению в разных синтаксических типах конструкций (плеонастических с выраженным глаголом движения и независимых без него), аргументной структуре и дейктической интерпретации. Полученные данные были сопоставлены с данными по найхинскому нанайскому и ульчскому, с одной стороны, и по севернотунгусским языкам (эвенкийскому и негидальскому), с другой. Выяснилось, что по одному из параметров горинский диалект ведет себя как нанайский и противопоставлен севернотунгусским: как и в найхинском нанайском, в горинском наблюдается большой процент вентивных употреблений. По одному из параметров он ведет себя не так, как ожидается от нанайского, и обнаруживает сходство с севернотунгусскими: как и в севернотунгусских, в горинском отмечается большой процент плеонастических эхо-конструкций. Наконец, три параметра оказались нерелевантны, так как не обнаруживают отчетливой корреляции с генетической принадлежностью. Таким образом, поведение показателя на уровне частотных характеристик отражает влияние севернотунгусского субстрата, хотя полного копирования севернотунгусской модели не происходит.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, нанайский язык, горинский нанайский, языковые контакты, контакты между близкородственными языками, показатели движения с целью, показатели сопутствующего движения

¹ Natalia Stoynova's work has been conducted in the context of the joint research funding of the German Federal Government and Federal States in the Academies' Programme, with funding from the Federal Ministry of Education and Research and the Free and Hanseatic City of Hamburg. The Academies' Programme is coordinated by the Union of the German Academies of Sciences and Humanities.

1. Введение

Горинский диалект (говор) нанайского языка распространен в Солнечном районе Хабаровского края в районе р. Горин, левого притока р. Амур. Как и все диалекты нанайского языка, в последние десятилетия он был подвержен сильному влиянию русского языка. Но и само происхождение горинского говора носит контактный характер: он сформировался в результате языкового сдвига. Этническая группа самагиров, носителей одного из не сохранившихся севернотунгусских языков, массово перешла на нанайский язык, принадлежащий к другой, южной, или нанийской, ветви тунгусо-маньчжурской семьи [Schmidt 1928: 219].

В этой статье мы рассмотрим один из фрагментов грамматики горинского нанайского — конструкции с показателем движения с целью *-nda* ('пойти и сделать / пойти, чтобы сделать') — с точки зрения контактов между близкородственными языками. Такие контакты очень распространены (поскольку их носители часто проживают на смежных территориях, культурно близки и активно взаимодействуют), однако они гораздо менее изучены, чем контакты между неродственными языками. Среди немногих работ можно упомянуть сборник [Besters-Dilger et al. 2014], в котором языковые контакты рассматриваются с точки зрения структурного сходства («конгруэнтности») между взаимодействующими языками. Контакты между генетически близкими языками — одна из основных тем сборника, поскольку структурное сходство в этом случае чрезвычайно велико. Большинство авторов сборника, обращающихся к этому типу контактных ситуаций, приходят к выводу, что сходство между близкородственными языками, имеющее место до языкового контакта, существенно облегчает изменение языка, вызванное контактом, хотя и не является единственным значимым фактором. Специально посвящен контактам между близкородственными языками один из выпусков журнала *Journal of Language Contact* под редакцией П. Эппс и др. [Erps et al. 2013]. Как показывают авторы статей, контакт между близкородственными языками может приводить к следствиям, нетипичным для контактов между неродственными языками. Например, М. Митун, обращаясь к материалу языка тускарора, который находится под влиянием других северных ирокезских языков, сообщает о массовом заимствовании аффиксов [Mithun 2013], что в целом встречается крайне редко (см., например, [Gardani 2018]). Серьезная методологическая проблема, обсуждаемая в [Erps et al. 2013], заключается в том, что для близкородственных языков очень сложно отличить явления, вызванные контактом, от явлений, не вызванных контактом. Структурное заимствование (pattern borrowing, копирование грамматических структур и моделей полисемии) часто трудно отличить от процессов, присущих языку, даже если языки не являются родственными (см. [Thomason 2009; Poplack, Levey 2010]): они могут развивать одинаковые или похожие грамматические структуры или модели полисемии независимо друг от друга в соответствии с общими типологическими тенденциями. Для близкородственных языков, находящихся в контакте, необходимо дополнительно проверять, может ли рассматриваемая структура быть унаследована обоими языками

от общего предка. Более того, в этом случае та же проблема распространяется и на материальные заимствования (matter borrowing). Все статьи, включенные в сборник, рассматривают эту проблему, используя как специфические, так и общие критерии. Самые общие из предлагаемых в сборнике принципов — в случае потенциального материального заимствования обращать внимание на нарушения регулярных фонетических соответствий, а в случае потенциального структурного заимствования полагаться прежде всего на сходства в тех структурах, которые в целом редки в рассматриваемой языковой семье. Особое внимание выявлению структурных заимствований в грамматике уделено в статье [Pat-El 2013]. Рассматривая синтаксическое копирование в семитских языках, автор предлагает еще два признака, косвенно указывающих на возможное контактное влияние. Первый из них заключается в следующем. Если в двух близкородственных языках отмечается общая морфосинтаксическая конструкция и язык А демонстрирует следы ее эволюции, в то время как язык В демонстрирует только конечную стадию эволюции, то есть вероятность, что язык В заимствовал эту структуру из языка А (уже после того, как она прошла все стадии эволюции в языке А). Второй критерий касается случаев, когда морфосинтаксическая конструкция ограниченно используется в языке В, но широко распространена в языке А; в этом случае есть вероятность, что язык В заимствовал структуру из языка А (только в части контекстов). Такие случаи легче всего зафиксировать при работе с корпусами текстов, на базе которых можно выявить и частотность употребления конструкции в каждом из языков, и набор контекстов, в которых исследуемая конструкция употребляется. Из более частных работ по теме можно назвать статью [Khanina 2022], в которой предпринята попытка детального описания контактов между близкородственными языками на материале северносамодийских языков (ареально близких к тунгусо-маньчжурским).

Горинский нанайский обнаруживает черты, характерные для севернотунгусских языков, в области лексики. О северных чертах в грамматике горинского нанайского известно очень мало, в том числе, возможно, потому, что они не были предметом специального изучения. В инвентаре морфологических средств горинского нанайского показателя, характерные для севернотунгусских языков, но не для других диалектов нанайского, немногочисленны, но есть. Это, например, аблатив *-duki*, отсутствующий в других разновидностях нанайского и засвидетельствованный во всех севернотунгусских языках. Наличие такого заимствования примечательно. Показатели словоизменения в целом заимствуются реже, чем словообразовательные. Более того, показатели контекстного словоизменения, к которым относятся маркеры падежа (т. е. словоизменения, связанного с внешним синтаксическим контекстом, в отличие, например, от показателей числа), заимствуются реже всего (см. [Gardani 2008]). Немногочисленность материальных заимствований в горинской грамматике может быть связана, во-первых, с тем, что это в целом очень редкое явление (см. выше), а во-вторых, с тем, что морфологический инвентарь нанайского языка и так достаточно близок к инвентарям севернотунгусских языков, поэтому теоретическая потребность в заимствовании возникает далеко не всегда.

Однако можно предположить, что существуют и иного типа грамматические сходства горинского диалекта с севернотунгусскими языками. Сходство может проявляться не только в наличии показателей или конструкций, отсутствующих в других диалектах нанайского, но и в особенностях их употребления, в том числе в частотности тех или иных форм и конструкций, зафиксированных как в горинском, так и в других нанайских диалектах. Чтобы выявить каждую из подобных черт, требуется специальное исследование, и в случае малоописанного языка они легко могут остаться незамеченными.

В этой статье рассматривается употребление конструкций с морфологическим показателем движения с целью *-nda* ‘пойти и сделать / пойти, чтобы сделать’², см. пример (1).

- (1) *Tuj ta-ra map-wa dujsi xumu-nda-j-či*
 так делать-CVB.NSIM старик-ACC лес.LAT хоронить-MPURP-PRS-3PL
 ‘Потом они идут в лес хоронить старика.’ (АП 1936-2-20-259)³

Конструкция с показателем движения с целью выбрана для исследования по следующим причинам. Подобные морфологические показатели типологически редки и составляют одну из ярких грамматических особенностей тунгусо-маньчжурской семьи. Конструкция с показателем движения с целью зафиксирована во всех тунгусо-маньчжурских языках и достаточно хорошо описана по крайней мере для некоторых из них, в т. ч. с точки зрения частотности употребления в разных контекстах. Это позволяет провести на материале горинского нанайского исследование той степени подробности, о которой сказано выше.

Тунгусо-маньчжурский показатель движения с целью относится к более общей категории сопутствующего движения (associated motion), охватывающей глагольные показатели, которые вводят значение движения, сопровождающего основную ситуацию (‘сделать по приходе’, ‘сделать на ходу’, ‘сделать и уйти’ и т. п.), см. коллективную монографию [Guillaume, Koch 2021] о сопутствующем движении в языках мира. Категория сопутствующего движения особенно широко представлена и наиболее подробно описана в языках Австралии [Wilkins 1991; Levinson, Wilkins 2006; Koch 1984; 2021] и Амазонии [Guillaume 2006, 2009, 2016; Rose 2015]. О категории сопутствующего движения как ареальной черте языков северо-востока

² В тексте статьи мы условно используем вариант *-nda*. Показатель реализуется как *-nda* при основах с гласными *a, o, e* и как *-nda* при основах с гласными *ə, u, i* в соответствии с общими правилами сингармонизма в нанайском языке. В горинском говоре начальный согласный суффикса может реализовываться как носовой *ŋ* (*-nda / -nda*), а не *n*, как в других диалектах нанайского. Эта особенность упоминается в грамматике [Авдорин 1961: 61–62] и подтверждается данными от современных носителей. Однако в текстах А. П. Путинцевой 1935–1936 гг., на материале которых проведено исследование (см. раздел 2), суффикс, как правило, записан как *-nda / -nda* и лишь в редких случаях как *-nda / -nda*. При некоторых нерегулярных типах основ в горинских текстах отмечается вариант *-nenda / -ninda*.

³ Примеры из архива А. П. Путинцевой помечены «АП» (о транскрипции примеров и формате указания на источник см. раздел 2).

Евразии (включая тунгусо-маньчжурские) см. [Волков, Стенин 2019; Mordashova et al. 2022]. Имеется несколько специальных работ о показателях движения с целью в тунгусо-маньчжурских языках, которые рассматривают их с точки зрения параметров типологического варьирования, известных для категории сопутствующего движения, см. [Стойнова 2016; Alonso de la Fuente, Jacques 2018; Pakendorf, Stoynova 2021]. В данной статье, ориентируясь на те же параметры, мы сопоставим данные горинского нанайского с данными упомянутых работ (в особенности [Pakendorf, Stoynova 2021]) и проследим таким образом сходство этого диалекта с другими диалектами нанайского vs. с севернотунгусскими языками.

Во втором разделе представлена информация о данных, на которых основано исследование. В третьем разделе данные горинского нанайского рассматриваются по параметрам возможной вариативности: синтаксические типы конструкций с суффиксом *-nda*, аргументная структура глагола с показателем *-nda*, его дейктическая интерпретация. В разделе 4 данные горинского нанайского сопоставляются с данными найхинского нанайского, а в разделе 5 — с данными других тунгусо-маньчжурских языков. Раздел 6 посвящен обсуждению полученных результатов.

2. Данные исследования: горинский нанайский и его соседи

Горинский нанайский — самый северный из диалектов нанайского языка. Он распространен в бассейне р. Горин (один из притоков нижнего Амура). В настоящее время он находится под угрозой исчезновения; последние носители проживают преимущественно в с. Кондон. Этот диалект интересен тем, что он сформировался в результате языкового контакта. Носители одного из северных тунгусо-маньчжурских языков (самагиры), ранее распространенного на этой территории, к началу XX в. массово перешли на нанайский язык, относящийся к другой, южной, или нанийской, группе тунгусо-маньчжурских языков.

Язык самагиров остался практически не описанным, см. [Schmidt 1928]. Морфологии горинского нанайского посвящена диссертация А. П. Путинцевой [Путинцева 1954]. Отдельные особенности горинского диалекта упоминаются в подробной нанайской грамматике В. А. Аврорина [Аврорин 1959, 1961]. Текстовый материал по горинскому нанайскому достаточно обширен. Значительную его часть составляют тексты из архива А. П. Путинцевой. Настоящее исследование проведено на материале этих текстов. Архив состоит из 18 рукописных тетрадей с фольклорными текстами (нанайский текст без перевода). Тексты записаны в 1935–1936 гг. в селах и стойбищах Хабаровского края от носителей нанайского языка, большая часть — от носителей горинского диалекта. В 2022–2023 гг. рукописи были распознаны с помощью программы Transkribus (<https://www.transkribus.org>) и снабжены переводом на русский язык⁴. К настоящему моменту коллекция доступна в виде таблицы с синхронизацией нанайского и русского текста по предложениям.

⁴ Тексты распознаны С. А. Оскольской и А. С. Сметиной, перевод выполнен носителями нанайского языка Р. А. Бельды и Р. А. Самар.

В работе использовались только тексты на горинском диалекте общим объемом 12 441 предложение⁵. В примерах из архива, приводимых в статье, сохранена авторская орфография, в т. ч. не отмечена долгота гласных (одно из немногих изменений — с и з заменены на љ и љ). В конце каждого примера дается номер тетради, текста и предложения в архиве (ср. в примере (1): 1936-2-20-259 — тетрадь 2 1936 года, текст 20, предложение 259).

Горинские данные из архива А. П. Путинцевой мы сравниваем с данными найхинского говора, который лег в основу литературного нанайского языка. Используются тексты из сборников нанайского фольклора [Аврорин 1986; Бельды, Булгакова 2012], а также наши собственные полевые записи (фольклор, бытовой нарратив). Общий объем использованной коллекции — 6 356 предложений. Более подробно эти данные обсуждаются в [Стойнова 2016].

Чтобы проверить, можно ли объяснить различия между горинским и найхинским нанайским близостью горинского к севернотунгусским языкам, мы также кратко сопоставляем горинские данные с имеющимися данными по другим тунгусо-маньчжурским идиомам. Помимо найхинского нанайского, мы включили в рассмотрение:

- еще один язык нанийской группы (генетически близкий к нанайскому): ульчский;
- два севернотунгусских языка, ареально и генетически близких к неопisanному самагирскому, под влиянием которого предположительно сформировался горинский нанайский: эвенкийский и негидальский;
- другие севернотунгусские языки: два диалекта эвенского языка (быстринский и ламунхинский);
- еще один тунгусо-маньчжурский язык, генетически далекий и от нанийских, и от севернотунгусских: удэгейский.

Все идиомы, использованные в работе, показаны на Рисунке 1. Они обнаруживают вариативность в употреблении показателя движения с целью *-ndə* по нескольким параметрам: общая частотность показателя, синтаксические типы конструкций, доступных для глаголов на *-ndə*, их аргументная структура и дейктическая интерпретация, о каждом из параметров см. подробнее в разделе 3. Данные по общей частотности показателя движения с целью, по синтаксическим типам конструкций и по аргументной структуре (для всех языков, кроме эвенкийского) адаптированы из работы [Pakendorf, Stoyanova 2021]. Данные по дейктической интерпретации (для ульчского и удэгейского) взяты из [Стойнова 2017] (ульчская выборка совпадает

⁵ Объемы горинского и найхинского корпусов посчитаны в предложениях по двум причинам. Во-первых, при обсуждении частотности горинского показателя мы рассматриваем количество его употреблений на 1000 предложений и сопоставляем с уже имеющимися аналогичными данными по другим тунгусо-маньчжурским языкам (см. раздел 4). Во-вторых, по технической причине: подсчет словоформ по опубликованным, но не оцифрованным и не распознанным сборникам нанайского фольклора затруднен.

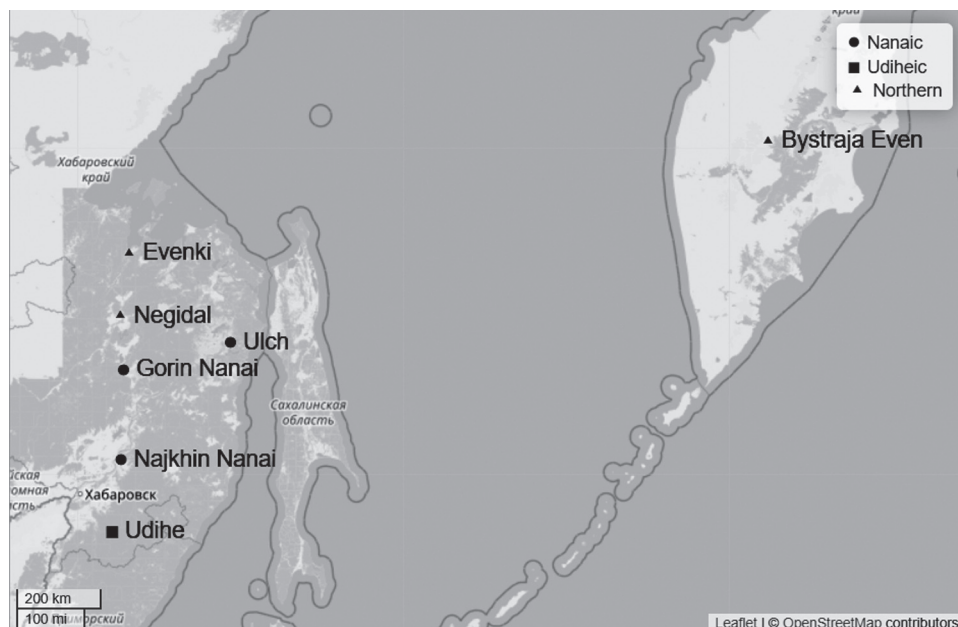

Рис. 1. Горинский нанайский и другие тунгусо-маньчжурские идиомы, включенные в исследование

с выборкой [Pakendorf, Stoynova 2021]; удгейская представлена одной из двух текстовых коллекций, использованных в [Pakendorf, Stoynova 2021]). Подсчеты для эвенкийского проведены специально для этой статьи на материале корпуса [Däbritz, Gusev 2021] (корпус содержит тексты на северных и южных эвенкийских говорах бассейна Енисея).

3. Показатель движения с целью в горинском нанайском: параметры варьирования

Тунгусо-маньчжурские глаголы с показателем движения с целью могут употребляться в нескольких разных синтаксических конструкциях, иметь разную аргументную структуру и разные дейктические интерпретации. В этом разделе эти параметры обсуждаются более подробно на материале горинского нанайского.

3.1. Синтаксические типы конструкций с *-nda*

Глаголы с показателем движения с целью встречаются в нескольких типах синтаксических конструкций. Мы будем противопоставлять независимую конструкцию, в которой значение движения вводится исключительно суффиксом *-nda*, и плеонастическую конструкцию, в которой, помимо суффикса *-nda*, дополнительно участвует глагол движения (и, таким образом, значение движения выражается дважды).

Независимая конструкция иллюстрируется примером (2). В (2) глагол *xupi-* ‘играть’ с показателем *-ndə* употребляется в финитной форме будущего времени и получает значение ‘пойду играть’. Значение ‘пойти’ вводится суффиксом *-ndə*.

- (2) *Ama, mi četana Kokočan piktə-ži-ə-ni*
отец я завтра Кокочан ребенок-INS-OBL-3SG
xupi-ndə-žiəm-bi!
играть-MPURP-FUT-1SG
‘Отец, я завтра пойду играть с детьми Кокочан!’ (АП 1935-1-4-68)

Примеры (3)–(5) иллюстрируют разные типы **плеонастической конструкции**, т. е. конструкции с выраженным глаголом движения. В (3) употреблен финитный глагол *ənu-* ‘уходить’, а глагол *xupi-* ‘играть’ с показателем движения с целью *-ndə* стоит в форме деепричастия (‘иди играть’ — букв. ‘идя играть, иди’). В (3) это т. н. **одновременное деепричастие** на *-mi*, за пределами конструкции движения с целью оно обычно указывает на ситуацию, одновременную с ситуацией главной клаузы (‘играя пел’ = ‘играл и пел’).

- (3) *Ame-ni un-ži-ni: Xupi-ndə-mi ənu-ru!*
отец-3SG говорить-PRS-3SG играть-MPURP-CVB.SIM.SG уходить-IMP
‘Отец отвечает: «Иди играй!»’ (АП 1935-1-4-54)

В аналогичной плеонастической конструкции в других тунгусо-маньчжурских языках (см. о быстринском эвенском ниже в разделе 5) может использоваться не деепричастие на *-mi*, а **целевое деепричастие** (нейтральное средство выражения цели, в т. ч. за пределами глаголов движения, например, в контекстах типа ‘остался дома, чтобы поиграть’). В горинской коллекции встретилось только одно, и не бесспорное, употребление такого рода, ср. (4). В (4), как и в (3), используется финитный глагол *ənu-* ‘уходить’, а лексический глагол *žəgži-* ‘жечь’, оформленный показателем *-ndə*, принимает форму деепричастия — в данном случае целевого деепричастия на *-gu*.

- (4) *Təj tudur ərun-du ənu-j agži-ži*
тот дракон горе-DAT уходить-PRS гром-INS
žəgži-ndə-gu-j ənim-bi
жечь-MPURP-CVB.PURP-REFL.SG мать-REFL.SG
‘Этот дракон в горе идет с громом поминки по своей матери делать (букв. ‘идет сжигать свою мать’).’ (АП 1936-9-73-10)

Пример (4) допускает альтернативную трактовку. Форма *žəgži-ndə-gu-j* отгlossирована как ‘жечь-MPURP-CVB.PURP-REFL.SG’ (целевое деепричастие). Однако можно допустить на этом месте омонимичную форме целевого деепричастия финитную форму презенса с показателем рефактива *-gu* (‘опять, обратно’): ‘жечь-MPURP-REP-PRS’. В этом случае перед нами такая же конструкция, как в (5) ниже: букв. ‘ушел, пошел обратно сжечь’.

Пример (5) иллюстрирует отдельный тип плеонастических конструкций, засвидетельствованный в горинском нанайском, — **эхо-конструкции**. В них движение с целью выражается финитной формой лексического глагола с показателем *-ndə* (как в независимой конструкции), однако в предтексте употреблен глагол движения в такой же форме. Пример (5) взят из того же текста, что и пример с независимой конструкцией (3) выше, и выражает то же значение ‘пойду играть’. Однако в (5) форме *xupindəmbi* ‘пойду играть’ предшествует выраженный глагол движения *əniəmbi* ‘пойду’ (букв. ‘пойду, пойду играть’).

- (5) *Əm modan amin-či modalse-j-ni: Ama, mi*
 один раз отец-LAT спрашивать-PRS-3SG отец я
əni-əm-bi Kokočan piktə-ži-ə-ni
 идти-ASSERT.NPST-1SG Кокочан ребенок-INS-OBL-3SG
xupi-nd-əm-bi!
 играть-MPURP-ASSERT.NPST-1SG
 ‘Однажды она спрашивает у отца: «Отец, я пойду играть с детьми Кокочан!»’
 (АП 1935-1-4-55)

3.2. Аргументная структура

Часть аргументов глагола с показателем *-ndə* наследуется от исходного глагола. Так, в (6) глагол *gələ-ndə* ‘пойти искать’ наследует прямой объект *sogdatawa* ‘рыбу’ от исходного *gələ* ‘искать (здесь: ловить)’.

- (6) *Əmi žoa-go-xa-do-ni sogdata-wa gələ-ndə-xə.*
 один лето-REP-PST-DAT-3SG рыба-ACC искать-MPURP-PST
 ‘Однажды летом он ушел ловить (букв. искать) рыбу.’ (АП 1935-4-16-4)

Однако глагол с суффиксом *-ndə* может иметь и аргументы, которых не было у исходного глагола, а именно свойственные глаголам движения (конечный и исходный пункт движения, маршрут). Так, в (7) у глагола *gələ-ndə* ‘пойти искать’ появляется аргумент *ča-či* (это-LAT) ‘туда’ (конечный пункт), как у глаголов ‘пойти’, ‘прийти’, но не у исходного ‘искать’.

- (7) *Si ča-či gələ-ndə-ru!*
 ты это-LAT искать-MPURP-IMP
 ‘Ты туда сходи поищи (его).’ (АП 1936-2-18)

При одном глаголе с *-ndə* могут быть выражены аргументы обоих типов. Например, в примере (8) с глаголом *žapa-nda* ‘пойти взять’ аргумент *kotam-ba* ‘тарелку’ диктуется исходным глаголом ‘взять’, а аргумент *žampan-či* ‘в шалаш’ вводится показателем *-ndə* ‘пойти в шалаш’).

- (8) *Mənə žampan-či=da kotam-ba žapa-nda-so-xa.*
 свой шалаш-LAT=ADD тарелка-ACC брать-MPURP-IPFV-PST
 ‘И в свой шалаш сходила и забрала тарелку.’ (АП 1935-8-54-37)

Пространственный участник — конечный пункт движения в то же время оказывается и местом совершения ситуации-цели ('пойти в накомарник, чтобы взять в накомарнике тарелку'). Если ситуация-цель сама по себе пространственная и предполагает выражение места, возможна вариативность в оформлении пространственного участника, ср. (9) и (10). В (9) *malo-du* 'на кан мало'⁶ оформляется дативно-локативным падежом, как аргумент исходного глагола *tə-* 'сесть' ('пойти (к мало) и сесть на мало'). В примере (10) с тем же глаголом аргумент *nakan-či-i* 'к своему кану' оформляется лативным падежом, как конечный пункт ('пойти к кану и сесть (на кан)').

- (9) *Mərgən=təni malo-du tə-ndə-xa.*
мэргэн=a мало-DAT сесть-MPURP-PST
'Мэргэн⁷ пошел и сел на кан мало ('пошел и [сел на кан мало]').' (АП 1936-4-28-315)

- (10) *Мараџан nakan-či-i tə-ndə-u-xa.*
старик кан-LAT-REFL.SG сесть-MPURP-REP-PST
'Старик пошел и сел на свой кан ('[пошел к кану] и сел').' (АП 1936-5-31-24)

При подсчете употреблений с выраженным аргументом движения (раздел 4) мы не включали примеры типа (9).

Примеры (6)–(10) содержат показатель *-ndə* в независимом употреблении. Для плеонастической конструкции с выраженным аргументом движения (как в (11)) возникает вопрос, считать ли его аргументом глагола на *-ndə*, как в (10), или аргументом глагола движения, присутствующего в конструкции (*dao-* 'переправляться' в (11)).

- (11) *Їетана mun-či naj tumbe wa-nda-mi*
завтра мы-LAT человек мы.ACC убивать-MPURP-CVB.SIM.SG
dao-ri!
переправляться-PRS
'Завтра к нам приедут люди нас убивать!' (АП 1935-8-53-160)

В связи с этим в подсчет употреблений с выраженным аргументом движения вошли только независимые употребления.

3.3. Дейктическая интерпретация

Показатель *-ndə* может иметь две разных дейктических интерпретации — вентивную ('пришел сюда, чтобы V') и андативную ('пошел туда, чтобы V'). Этот контраст иллюстрируется примерами (12) и (13) из одной и той же сказки.

⁶ *Malo* ('кан в глубине дома, напротив входа') в примере (9) и *nakan* ('кан с дымоходом') в примере (10) — разновидности кана, традиционной системы отопления в нанайском доме, использовавшейся также как нары.

⁷ Мэргэн — персонаж в нанайских сказках, аналогично «доброму молодцу» в русских сказках.

Мальчик спрашивает у героини (Кэкэчэн), не злого ли духа он видел накануне у нее в доме.

ВЕНТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ('пришел сюда, чтобы V')

(12) *Tisəniwə əniə-wə əni-si-wə-ni sa-nda-xa-ni.*

вчера мать-ACC болеть-IPFV.PRS-ACC-3SG знать-MPURP-PST-3SG

'(Это не злой дух, это моя сестра...) Вчера приехала проведать больную маму.' (АП 1935-5-17-158)

АНДАТИВНАЯ ('пошел туда, чтобы V')

(13) *Tuj ta-ra Kəkəčən=təni gələ-nda-xə.*

так делать-CVB.NSIM Кэкэчэн=а искать-MPURP-PST

'(Эту сестру приведи сюда, я хочу посмотреть! ...) Тогда Кэкэчэн пошла за ней (букв. ее искать).' (АП 1935-5-17-161)

Дейктическая интерпретация не всегда очевидна из контекста. При разметке употреблений по этому параметру для плеонастических конструкций мы ориентировались на выраженный глагол движения (*ʃi*- 'приходить' — вентивная, *ənə*- 'идти, уходить' — андативная). Часть независимых употреблений с неочевидной интерпретацией и некоторые плеонастические (с глаголом без дейктического значения⁸) исключены из подсчета.

4. Показатель движения с целью в горинском нанайском vs. в найхинском нанайском: количественные характеристики

В этом разделе для всех характеристик горинского показателя движения с целью, обсуждавшихся выше в разделе 3, приведено частотное распределение по данным текстов. Горинские данные последовательно сопоставлены с аналогичными данными найхинского нанайского.

4.1. Общая частотность показателя движения с целью

В Таблице 1а показана частота употребления показателя *-ndə* (на тысячу предложений) в горинских и в найхинских текстах.

Таблица 1а. Частотность показателя *-ndə*: горинский нанайский vs. найхинский нанайский

	Н употр.	Объем коллекции (N предложений)	Относительная частотность (на 1000 предл.)
Горинский нанайский	361	12 441	29
Найхинский нанайский	138	6 356	22

Подсчет показывает, что в горинском нанайском показатель движения с целью несколько частотнее, чем в найхинском. В Таблице 1б в первом столбце даны все

⁸ Так, в примерах (9) или (10) у глаголов можно предположить как андативную, так и вентивную интерпретацию: 'пошел есть' или 'пришел есть'.

употребления показателя *-ndə*, во втором — общее количество предложений в текстовой коллекции минус количество употреблений показателя; их можно считать приближенной оценкой по параметру «предложения с показателем движения с целью vs. без показателя движения с целью» (но не точной: посчитаны предложения так, как они выделены в текстовых коллекциях, а не все финитные глаголы / клаузы). Разница между этими числами для горинского vs. найхинского нанайского статистически значима.

Таблица 16. Частотность показателя *-ndə*: горинский нанайский vs. найхинский нанайский

	Предложений с показателем <i>-ndə</i>	Предложений без показателя <i>-ndə</i>	Критерий хи-квадрат с поправкой Йейтса
Горинский нанайский	361	12 080	$\chi^2 = 7.583$, $p = 0.0059$
Найхинский нанайский	138	6 128	

4.2. Синтаксические типы конструкций с показателем движения с целью

Таблицы 2 и 3 содержат данные по частотному распределению синтаксических конструкций с глаголами на *-ndə*. Как видно из Таблицы 2, в обоих диалектах плеонастические конструкции (т.е. конструкции с выраженным глаголом движения) употребляются реже, чем независимые. В горинском их процент значимо ниже, чем в найхинском.

Таблица 2. Показатель *-ndə* в независимой vs. плеонастической конструкции: горинский нанайский vs. найхинский нанайский

	независ.	плеонаст.	% плеонаст.	Точный двусторонний тест Фишера
Горинский нанайский	293	68	18.84%	$p = 0.0122$
Найхинский нанайский	96	42	30.43%	

В Таблице 3 приводится более подробная информация о плеонастических конструкциях. Среди них и в горинском, и в найхинском нанайском преобладают деепричастные. Эхо-конструкции редки в обоих диалектах, но в горинском они значимо частотнее, чем в найхинском.

Таблица 3. Показатель *-ndə* в деепричастной vs. эхо-конструкции: горинский нанайский vs. найхинский нанайский

	деепр.	эхо	% эхо	Точный двусторонний тест Фишера
Горинский нанайский	51	17	25%	$p = 0.0082$
Найхинский нанайский	40	2	4.76%	

4.3. Аргументная структура глаголов с показателем движения с целью

С точки зрения аргументной структуры глаголов на *-ndə*, различий между горинским и найхинским нанайским не наблюдается. В Таблице 4 сопоставляются

данные по количеству употреблений с выраженным аргументом движения и без него в обоих диалектах: разница в распределении не значима.

Таблица 4. Глаголы на *-ndə* с пространственным аргументом vs. без пространственного аргумента: горинский нанайский vs. найхинский нанайский

	без арг. движ.	с арг. движ.	% с арг. движ.	Точный двусторонний тест Фишера
Горинский нанайский	245	48	16.38%	p = 0.7497
Найхинский нанайский	82	14	14.58%	

Примечание. Учитывались только независимые употребления.

4.4. Дейктическая интерпретация показателя движения с целью

Дейктическая интерпретация показателя *-ndə* также не обнаруживает различий между горинским и найхинским нанайским, см. Таблицу 5.

Таблица 5. Показатель *-ndə* с андативной vs. вентивной интерпретацией: горинский нанайский vs. найхинский нанайский

	анд.	вен.	?	% вен.	Точный двусторонний тест Фишера
Горинский нанайский	280	78	3	21.79%	p = 0.3177
Найхинский нанайский	89	32	17	26.45%	

Примечание. Процент вентивных употреблений от суммарного количества вентивных и андативных (употребления, интерпретация которых не очевидна из контекста, помеченные в таблице “?”, не учтены)

4.5. Показатель движения с целью в горинском vs. найхинском нанайском: результаты

Таким образом, как и ожидалось, на уровне частотных характеристик показатель движения с целью в горинском нанайском ведет себя несколько иначе, чем в найхинском, см. обобщающую Таблицу 6.

Таблица 6. Показатель движения с целью в горинском vs. найхинском нанайском: результаты

Параметры		Горинский нанайский vs. найхинский нанайский
Общая частотность показателя <i>-ndə</i>		горинский > найхинский
Синтаксические типы конструкций	% плеонастических употреблений	горинский < найхинский
	плеонастические: % эхо-употреблений	горинский > найхинский
Аргументная структура: % употреблений с аргументом движения		горинский = найхинский
Дейктическая интерпретация: % вентивных употреблений		

В горинском показатель несколько частотнее, чем в найхинском, менее склонен к употреблению в плеонастической конструкции (с выраженным глаголом движения), но чаще, чем в найхинском, употребляется в эхо-конструкциях и реже — в конструкциях с деепричастиями. С точки зрения аргументной структуры и дейктической интерпретации различий между диалектами не выявлено.

5. Показатель движения с целью в горинском нанайском в сопоставлении с другими тунгусо-маньчжурскими языками

В разделе 4 выше показано, что по частотным характеристикам показатель движения с целью в горинском нанайском отличается от аналогичного показателя в найхинском. Чтобы проверить, можно ли связать эти сходства и различия с контактной природой горинского диалекта, а именно с влиянием севернотунгусского субстрата, мы привлекли (в основном ранее опубликованные) данные по другим языкам: севернотунгусским, которые генетически близки к не сохранившемуся самагирскому (особое внимание уделено негидальскому и эвенкийскому, которые наиболее близки к нему ареально); ульчскому (который входит в одну группу с нанайским); удэгейскому (который равноудален от основных сопоставляемых идиомов). Подробнее о наборе данных и об их источниках см. выше в разделе 2.

Для каждой из характеристик показателя движения с целью мы проверяем, коррелирует ли она с принадлежностью языка к северной vs. нанийской группе и, если коррелирует, ведет ли себя горинский диалект, как нанийские или как севернотунгусские (или, уже, как эвенкийский и негидальский). Сведения по всем сопоставляемым идиомам суммируются в Таблице 7. В Таблице 8 показана статистическая значимость/незначимость отличий от горинского нанайского для каждого из идиомов.

Повышенная **частотность** *-ndə* в горинском по сравнению с найхинским не сближает его с севернотунгусскими: и в нанийских, и в севернотунгусских частотность показателя ниже, чем в горинском. Негидальский и быстринский эвенкий по частотности показателя сопоставимы с найхинским, в эвенкийском и ламунхинском эвенском частотность самая низкая из всех рассмотренных идиомов. Наоборот, значимо употребительнее, чем в горинском, показатель *-ndə* в удэгейском языке, генетически далеком от северных, и от нанийских. Ни северные, ни нанийские идиомы по этому параметру между собой очевидным образом не объединяются (ср. найхинский нанайский и ульчский, эвенкийский и негидальский), так что для нашего сопоставления он оказывается малоинформативным.

Более интересные результаты дает распределение по **синтаксическим типам конструкций**. В деепричастной конструкции в большинстве идиомов выступает деепричастие на *-mi* (одновременное деепричастие). Особым образом ведет себя часть севернотунгусских идиомов. В эвенкийских текстах деепричастная конструкция не встречается вовсе. В быстринском эвенском в этой же функции засвидетельствовано целевое деепричастие. Окационально такое употребление обнаружено и в горинском нанайском, наряду с более многочисленными употреблениями одновременного деепричастия. Это можно было бы считать сходством с севернотунгусскими, однако в других севернотунгусских языках (в т. ч. ареально

Таблица 7. Показатель движения с целью в горинском нанайском vs. в других тунгусо-маньчжурских идиомах

	Ульчский	Найхинский нанайский	Горинский нанайский	Негидальский	Эвенкийский	Быстринский эвенкийский	Ламунхинский эвенкийский	Удгейский
Частотность	13 (98 7379)	22 (138 6128)	29 (361 12080)	18 (156 8398)	10 (107 10909)	23 (166 6974)	12 (100 8541)	57 (188 3125)
Типы конструкций	Ульчский CVB.SIM	Найхинский нанайский CVB.SIM	Горинский нанайский CVB.SIM (+CVB.PURP?)	Негидальский CVB.SIM	Эвенкийский —	Быстринский эвенкийский CVB.PURP	Ламунхинский эвенкийский CVB.SIM	Удгейский CVB.SIM
тип деепричастной конструкции								
% плеонастических	31% (30 68)	30% (42 96)	19% (68 293)	27% (42 114)	31% (33 74)	17% (28 138)	50% (50 50)	28% (53 135)
% эхо от плеонастических	10% (3 27)	5% (2 40)	25% (17 51)	57% (24 18)	100% (33 0)	93% (26 2)	6% (3 47)	53% (28 25)
Аргументная структура	% с арг. движ. (независ.)	22% (15 53)	16% (48 245)	15% (17 97)	10% (7 67)	17% (24 114)	16% (8 42)	13% (18 117)
Дейктическая интерпретация	% вентивных (не включая спорные)	15% (14 77)	22% (78 280)	ND	12% (10 76)	ND	ND	7% (4 58)

Примечание. В ячейках таблицы в скобках после процентов даны абсолютные значения «(указанное значение параметра || противоположное)»: предложения с показателем движения с целью vs. без показателя (см. оговорку в разделе 4.1), плеонастические конструкции vs. независимые, эхо vs. деепричастные, с аргументом движения vs. без него, вентивные vs. андативные. Прочерк означает отсутствие соответствующей конструкции в языке, ND — отсутствие данных по соответствующим языкам.

Отличия от горинского нанайского показаны следующим образом: полужирный — значимо ниже, чем в горинском нанайском, курсив — значимо выше, чем в горинском нанайском, серый — нет статистически значимого отличия от горинского нанайского (см. Таблицу 8). Для типа деепричастной конструкции таким же образом обозначено структурное (не)совпадение набора конструкций в языке.

Таблица 8. Показатель движения с целью в тунгусо-маньчжурских идиомах: отличия от горинского нанайского (p-values)

		Ульчский	Найхинский нанайский	Негидальский	Эвенкийский	Быстринский эвенский	Ламунхинский эвенский	Удгейский
Частотность	N/ 1000 предл.	51.806, < 0.0001	7.583, 0.0059	24.077, < 0.0001	110.36, < 0.0001	5.544, 0.0185	71.734, < 0.0001	58.99, < 0.0001
	% плеонастических	0.0175	0.0076	0.0464	0.0108	0.6285	< 0.0001	0.0167
	% эхо от плеонастических	0.1084	0.0082	0.0011	< 0.0001	< 0.0001	0.0065	0.0023
Аргументная структура	% с арг. движ. (независ.)	0.288	0.7497	0.7652	0.1491	0.7836	1	0.473
Деятельностная интерпретация	% вентивных (не включая спорные)	0.1933	0.3177		0.0351			0.0031

Примечание. Статистическая значимость посчитана с помощью точного двустороннего теста Фишера (для всех параметров, кроме первого: в ячейках значения p) и критерия хи-квадрат с поправкой Йейтса (для параметра «Частотность» в ячейках через запятую значение χ^2 и значение p), так же, как это сделано в разделе 4 для горинского и найхинского нанайского. Значения p, указывающие на статистическую значимость, выделены полужирным.

близких к горинскому) употребление целевого деепричастия в конструкциях с *-ndə* не зафиксировано.

Низкий процент плеонастических конструкций также неожиданно и, вероятно, случайно сближает горинский нанайский с быстринским эвенским, но не с другими севернотунгусскими. Негидальский и эвенкийский по этому параметру, наоборот, схожи с найхинским нанайским. Во всех идиомах, кроме быстринского эвенского, процент плеонастических конструкций значимо выше, чем в горинском.

Наконец, процент эхо-конструкций дает следующую картину. Высокий процент эхо-конструкций (значимо выше, чем в горинском) наблюдается во всех севернотунгусских, кроме ламунхинского эвенского, а также в удэгейском. Наоборот, низкий процент — в обоих нанийских (а также, неожиданно, в ламунхинском эвенском). Можно сказать, что горинский по доле эхо-конструкций занимает промежуточное положение между отчетливыми кластерами нанийских vs. большей части севернотунгусских. Заметим, однако, что частотная разница с ульчским статистически не значима.

По **аргументной структуре** горинский нанайский оказывается похож не только на найхинский, но и на севернотунгусские идиомы. Более того, ни один из идиомов не проявляет значимого отличия от горинского, то есть этот параметр не информативен.

Данные по **дейктической интерпретации** доступны не для всех рассмотренных идиомов. Однако в данном случае кажется, что сходство горинского с найхинским нанайским информативно. Можно сказать, что горинский с высоким процентом вентивных употреблений не проявляет значимых отличий ни от нанайского, ни от другого языка нанийской группы — ульчского (хотя в нем процент несколько ниже). В то же время единственный вошедший в выборку севернотунгусский (эвенкийский) обнаруживает значимо меньший процент вентивных употреблений (как и удэгейский).

6. Выводы и обсуждение результатов

В работе был рассмотрен показатель движения с целью в горинском диалекте нанайского языка в более общем контексте исследования контактов между близкородственными идиомами. Горинский диалект сформировался как диалект этнической группы самагиров — носителей не сохранившегося севернотунгусского языка, массово перешедших на нанайский язык (принадлежащий к другой, нанийской, группе тунгусо-маньчжурских языков). Он обнаруживает черты севернотунгусских языков в области лексики и, единичные, — в инвентаре морфосинтаксических средств. Мы предположили, что незамеченное в силу слабой описанности диалекта грамматическое сходство с севернотунгусскими языками может проявляться не на уровне самого набора показателей, а на уровне моделей их использования. Выявить такое сходство можно только в ходе детального исследования на большом массиве данных, и мы выбрали один очень частный фрагмент грамматики, для которого уже имеется достаточно сопоставимых количественных данных по разным тунгусо-маньчжурским языкам, а именно, использование

показателя движения с целью (*-nda* 'пойти, чтобы V'). Сам показатель имеется во всех тунгусо-маньчжурских языках, и набор синтаксических конструкций, в которых он встречается, хотя и не идентичен во всех языках, но сопоставим. Поэтому сходства мы ожидали скорее количественного (большая или меньшая частотность определенной морфосинтаксической модели и / или определенного показателя), а не качественного (наличие / отсутствие морфосинтаксической модели).

Показатель движения с целью в тунгусо-маньчжурских языках обнаруживает вариативность по нескольким параметрам: частотности, склонности к употреблению в разных синтаксических типах конструкций (с выраженным глаголом движения и без него), аргументной структуре и дейктической интерпретации. Мы проверили, как ведет себя показатель движения с целью в горинском нанайском по всем этим параметрам — как другие диалекты нанайского (или, шире, языки нанийской группы) или как севернотунгусские языки (или, уже, наиболее близкие к самагирскому эвенкийский и негидальский). Результаты можно обобщить следующим образом. Для одного из параметров с осторожностью можно сказать, что горинский диалект ведет себя как нанайский и противопоставлен севернотунгусским (дейктическая интерпретация: большой процент вентивных употреблений; важно, однако, что для этого параметра доступны данные только по части идиомов). По одному из параметров он ведет себя не так, как ожидается от нанайского, и обнаруживает частичное сходство с севернотунгусскими (большой процент эхо-конструкций). Наконец, три параметра оказались нерелевантны, так как не обнаруживают отчетливой корреляции с генетической принадлежностью. По двум из них горинский несколько отличается и от нанайского, и от севернотунгусских (повышенная употребительность показателя, малый процент плеонастических конструкций). По одному параметру одинаково ведут себя нанийские идиомы, включая горинский нанайский, и севернотунгусские языки.

Попробуем сопоставить наблюдаемые данные с социолингвистическим сценарием формирования горинского диалекта. Поскольку речь идет о языковом сдвиге (переходе языкового сообщества с севернотунгусского языка на нанайский), то следует говорить скорее о сохранении северных черт в (горинском) нанайском, чем собственно об их заимствовании в нанайский, и не ожидать таких же следствий языкового контакта, как те, что обсуждались в разделе 1. Что касается вентивных употреблений, результат можно интерпретировать так, что горинский диалект расширяет круг контекстов, характерных для показателя движения с целью в севернотунгусских, добавляя к ним те, которые распространены в нанайском. Что касается эхо-конструкций, здесь можно сказать, что горинский сохраняет севернотунгусский тип конструкций, нехарактерный для нанайского: в результате также наблюдается расширение круга контекстов.

Таким образом, поведение показателя движения с целью в горинском нанайском можно охарактеризовать как смешанное — отчасти характерное для нанайского языка, отчасти для севернотунгусских. В целом предположение о том, что поведение показателя на уровне частотных характеристик будет отражать влияние севернотунгусского субстрата, частично подтверждается. Полного копирования

севернотунгусской модели, однако, не происходит. В результате языкового сдвига с одного языка на другой, близкородственный, горинский диалект расширяет круг контекстов употребления показателя, комбинируя контексты, унаследованные от прежнего языка сообщества (севернотунгусского), с теми, которые характерны для нового языка (нанайского).

Обсуждая полученные результаты, нужно сделать две оговорки. Первая касается того, с какими идиомами мы сравнивали горинский нанайский. Чтобы выяснить, насколько горинский похож на другие нанайские диалекты и в целом языки нанайской группы, мы взяли данные найхинского (литературного) нанайского. Также мы дополнительно привлекли данные ульчского языка, близкородственного нанайскому и ареально близкого к горинскому диалекту. По релевантным параметрам найхинский нанайский и ульчский ведут себя сходным образом, что позволяет экстраполировать их поведение на другие нанайские диалекты. Однако данных по междиалектной вариативности в нанайском явно недостаточно для уверенных выводов об особом поведении горинского диалекта. Еще более проблематичным оказывается сравнение с языками северной группы. В идеале, необходимо было бы сравнивать горинский диалект с не сохранившимся и не задокументированным сагагирским. В отсутствие такой возможности мы пользовались данными негидальского и эвенкийского как ареально и генетически максимально близких к сагагирскому⁹ и привлекали данные других севернотунгусских в качестве фона. Видя сходство горинского нанайского с эвенкийским и негидальским, мы, строго говоря, не можем уверенно утверждать, с чем оно связано. Можно (как мы это имплицитно делаем выше) предположить, что в сагагирском показатель движения с целью вел себя как в эвенкийском и негидальском, тогда сходство с ними вызвано сагагирским субстратом. Однако есть и другая логическая возможность: перейдя на нанайский, сагагиры продолжали контактировать с носителями северных тунгусо-маньчжурских языков (эвенкийских и, вероятно, негидальских диалектов), поэтому сходство с эвенкийским и негидальским может быть вызвано (или подкреплено) и позднейшими контактами.

Вторая оговорка касается параметров, выбранных для сравнения. Мы включили максимально широкий набор характеристик показателя движения с целью, проявляющих вариативность и легко поддающихся количественному исследованию. Оказалось, однако, что только два из выбранных свойств показателя движения с целью хорошо кластеризуют тунгусо-маньчжурские языки ареально или генетически и подходят для того, чтобы проследивать по ним рефлекс языковых контактов.

Список сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ASSERT — утвердительное наклонение; CVB.NSIM — одновременное деепричастие; CVB.PURP — целевое деепричастие; CVB.SIM — одновременное деепричастие; DAT — датив; FUT —

⁹ Отдельная техническая проблема состоит в том, что доступные нам эвенкийские данные характеризуют северные и южные диалекты (в них показатель движения с целью ведет себя в целом одинаково), а не восточные, ареально близкие сагагирскому и горинскому нанайскому.

будущее время; IMP — императив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; LAT — латив; MPURP — показатель движения с целью; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексивная посессивность; REP — рефактив; SG — единственное число.

Литература

- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 282 с.
- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 294 с.
- Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. 255 с.
- Бельды Р. А., Булгакова Т. Д. Нанайские сказки. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien / SEC Publications, 2012. 267 с.
- Волков О. С., Стенин И. А. Андатив и вентив в языках Сибири: к типологии глагольной ориентации // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. Т. 15. № 1. С. 289–319.
- Путинцева А. П. Морфология говора горинских нанай: дисс. ... канд. филол. н. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Ленинград, 1954. 343 с.
- Стойнова Н. М. Показатели «движения с целью» и событийная структура: суффикс *-nda* в нанайском языке // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 86–111.
- Стойнова Н. М. Показатели движения с целью в южнотунгусских языках и категория associated motion // Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (16–17 февраля 2017 г.) / отв. ред. Е. М. Девяткина. М.: Институт языкознания РАН, Изд-во «Канцлер». 2017. С. 321–339.
- Alonso de la Fuente J. A., Jacques G. Associated motion in Manchu in typological perspective // Language and Linguistics. 2018. Vol. 19. № 4. P. 501–524.
- Besters-Dilger J., Dermakar, C., Pfänder S., Rabus A. (eds.). Congruence in Contact-Induced Language Change: Language Families, Typological Resemblance, and Perceived Similarity. Berlin; Boston: De Gruyter, 2014. <https://doi.org/10.1515/9783110338454>
- Däbritz Ch. L., Gusev V. INEL Evenki Corpus. Version 1.0. Publication date 2021-12-31. Archived at Universität Hamburg. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F43C-3>. In: The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1> (дата обращения: 06.08.2024).
- Epps P., Huehnergard J., Pat-El N. (eds.). Contact among genetically related languages. A special issue of Journal of Language Contact. 2013. Vol. 6. Issue 2.
- Gardani F. Borrowing of inflectional morphemes in language contact. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. 112 p.
- Gardani F. On morphological borrowing. Language and Linguistics Compass. 2018. Vol. 12. № 10. <https://doi.org/10.1111/lnc3.12302>
- Guillaume A. Associated motion in South America: Typological and areal perspectives // Linguistic Typology. 2016. Vol. 20. Issue 1. P. 81–177.

Guillaume A. La catégorie du ‘mouvement associé’ en cavineña : apport à une typologie du codage du mouvement et de la trajectoire // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. 2006. Vol. 101. № 2. P. 415–436.

Guillaume A. Les suffixes verbaux de mouvement associé en Cavineña // Faits de langues. 2009. Les cahiers 1. P. 181–204.

Guillaume A., Koch H. Introduction: associated motion as a grammatical category in linguistic typology // Associated motion / ed. by A. Guillaume, H. Koch. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 3–30.

Khanina O. A history of Northern Samoyedic: adding details to the dialect continuum hypothesis // Studia Uralo-Altaica. 2022. Vol. 56. P. 77–94.

Koch H. Associated motion in the Pama-Nyungan languages of Australia // Associated motion / ed. by A. Guillaume, H. Koch. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 231–324.

Koch H. The category of “associated motion” in Kaytej // Language in Central Australia. 1984. Vol. 1. P. 23–34.

Levinson S., Wilkins D. Patterns in the data: Toward a semantic typology of spatial description // Grammars of space: Explorations in cognitive diversity / ed. by S. Levinson, D. Wilkins. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 512–552.

Mithun M. Challenges and Benefits of Contact among Relatives: Morphological Copying. // Journal of Language Contact. 2013. Vol. 6. Issue 2. P. 243–270. <https://doi.org/10.1163/19552629-00602003>

Mordashova D., Pupylnina M., Aralova N. Associated motion in the Lower Kolyma area: Even, Chukchi and Tundra Yukaghir. Доклад, представленный на Третьей конференции по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам. СПб., ИЛИ РАН, 21–23 ноября 2022.

Pakendorf B., Stojnova N. Associated motion in Tungusic languages: a case of mixed argument structure // Associated motion / ed. by A. Guillaume, H. Koch. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021. P. 855–897.

Pat-El N. Contact or Inheritance? Criteria for distinguishing internal and external change in genetically related languages // Journal of Language Contact. 2013. Vol. 6. Issue 2. P. 313–328. <https://doi.org/10.1163/19552629-00602006>

Poplack Sh., Levey S. Contact-induced grammatical change: A cautionary tale // Language and space: An international handbook of linguistic variation / ed. by P. Auer, J. E. Schmidt. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. P. 391–419

Rose F. Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations // Folia Linguistica. 2015. Vol. 49. № 1. P. 117–158.

Schmidt P. The language of the Samagirs // Acta Universitatis Latviensis. 1928. 19. P. 219–249.

Thomason S. G. Why universals versus contact-induced change // Vernacular Universals and Language Contacts: Evidence from Varieties of English and Beyond / ed. by Filppula M., Klemola J., Paulasto H. London: Routledge, 2009. P. 349–364.

Wilkins D. The semantics, pragmatics and diachronic development of “associated motion” in Mparntwe Arrernte // Buffalo Papers in Linguistics. 1991. № 1. P. 207–257.

Sofia A. Oskolskaya¹, Natalia M. Stoynova²
ILS RAS¹, University of Hamburg²
(Russia, St. Petersburg¹, Germany, Hamburg²)
sonypolik@mail.ru¹, stoynova@yandex.ru²

SEARCHING FOR CONTACTS BETWEEN CLOSELY RELATED LANGUAGES: A VERBAL MARKER OF ASSOCIATED MOTION IN GORIN NANAI

The paper aims at revealing the outcomes of language contact in Gorin Nanai. Gorin Nanai is a dialect that has been developed as a result of language shift: Samagir population which used to speak a Northern Tungusic language shifted to Nanai. We focused on constructions with the marker *-ndə* expressing associated motion (motion-cum-purpose). The research is based on the corpus data of the Gorin Nanai texts collected by A. Putintseva in 1935–1936. We investigated the following parameters of the associated motion constructions: frequency, the use in different syntactic constructions (either pleonastic constructions with an expressed motion verb or independent uses without a motion verb), argument structure and deictic interpretation. The Gorin data were compared with the data of Najkhin Nanai and Ulcha, on the one hand, and the data of the Northern Tungusic languages (mainly Evenki and Negidal), on the other hand. The deictic interpretation of Gorin Nanai verbs with the associated motion marker is close to that observed for Najkhin Nanai (a relatively high proportion of the ventive uses) and far from that of the Northern Tungusic languages. The high proportion of pleonastic echo-constructions in Gorin Nanai brings it closer to the Northern Tungusic languages. Finally, other parameters turned out to be irrelevant for the analysis, as they do not reveal any genetic or areal clusters of languages or dialects. Therefore, the frequency characteristics of the associated motion constructions in Gorin Nanai partially reflect the influence of the Northern Tungusic substratum.

Keywords: Tungusic languages, Nanai language, Gorin Nanai, language contact, contact between genetically related languages, motion-cum-purpose, associated motion

References

- Alonso de la Fuente J. A., Jacques G. Associated motion in Manchu in typological perspective. *Language and Linguistics*, 2018, vol. 19, no. 4, pp. 501–524.
- Avrorin V. A. *Grammatika nanaiskogo yazyka* [The grammar of the Nanai language]. Vol. 1. Moscow-Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1959. 282 p. (In Russ.)
- Avrorin V. A. *Grammatika nanaiskogo yazyka* [The grammar of the Nanai language]. Vol. 2. Moscow-Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1961. 294 p. (In Russ.)
- Avrorin V. A. *Materialy po nanaiskomu yazyku i fol'kloru* [Materials on the Nanai language and folklore]. Leningrad, Nauka, 1986. 255 p. (In Russ.)
- Beldy R. A., Bulgakova T. D. *Nanaiskie skazki* [Nanai fairy tales]. Norderstedt, Verlag der Kulturstiftung Sibirien / SEC Publications, 2012. 267 p. (In Russ.)

Besters-Dilger J., Dermarkar, C., Pfänder S., Rabus A. (Eds.). *Congruence in Contact-Induced Language Change: Language Families, Typological Resemblance, and Perceived Similarity*. Berlin; Boston, De Gruyter, 2014. <https://doi.org/10.1515/9783110338454>

Däbritz Ch. L., Gusev V. *INEL Evenki Corpus*. Version 1.0. Publication date 2021-12-31. Archived at Universität Hamburg. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F43C-3>. In: The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1> Accessed on 06.08.2024.

Epps P., Huehnergard J., Pat-El N. (Eds.). Contact among genetically related languages. A special issue. *Journal of Language Contact*. Vol. 6. Issue 2. 2013.

Gardani F. *Borrowing of inflectional morphemes in language contact*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2008. 112 p.

Gardani F. On morphological borrowing. *Language and Linguistics Compass*, 2018. Vol. 12. № 10. <https://doi.org/10.1111/lnc3.12302>

Guillaume A. Associated motion in South America: Typological and areal perspectives. *Linguistic Typology*, 2016. Vol. 20. Issue 1. P. 81–177.

Guillaume A. La catégorie du ‘mouvement associé’ en cavineña : apport à une typologie du codage du mouvement et de la trajectoire. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, 2006, vol. 101, no. 2, pp. 415–436.

Guillaume A. Les suffixes verbaux de mouvement associé en Cavineña. *Faits de langues*, 2009, Les cahiers 1, pp. 181–204.

Guillaume A., Koch H. Introduction: associated motion as a grammatical category in linguistic typology. *Associated motion*. A. Guillaume, H. Koch (Eds.). Berlin, Mouton de Gruyter, 2021, pp. 3–30.

Khanina O. A history of Northern Samoyedic: adding details to the dialect continuum hypothesis. *Studia Uralo-altaica*, 2022, vol. 56, pp. 77–94.

Koch H. Associated motion in the Pama-Nyungan languages of Australia. *Associated motion*. A. Guillaume, H. Koch (Eds.). Berlin, Mouton de Gruyter, 2021, pp. 231–324.

Koch H. The category of “associated motion” in Kaytej. *Language in Central Australia*, 1984. Vol. 1, pp. 23–34.

Levinson S., Wilkins D. Patterns in the data: Toward a semantic typology of spatial description. *Grammars of space: Explorations in cognitive diversity*. S. Levinson, D. Wilkins (Eds.). Cambridge, Cambridge University Press, 2006, pp. 512–552.

Mithun M. Challenges and Benefits of Contact among Relatives: Morphological Copying. *Journal of Language Contact*, 2013. Vol. 6. Issue 2, pp. 243–270. <https://doi.org/10.1163/19552629-00602003>

Mordashova D., Pupynina M., Aralova N. *Associated motion in the Lower Kolyma area: Even, Chukchi and Tundra Yukaghir*. A talk given at the Third conference on Uralic, Altaic and Paleosasiatic languages. St. Petersburg, ILS RAS, 21–23 November, 2022.

Pakendorf B., Stojnova N. Associated motion in Tungusic languages: a case of mixed argument structure. *Associated motion*. A. Guillaume, H. Koch (Eds.). Berlin, Mouton de Gruyter, 2021, pp. 855–897.

Pat-El N. Contact or Inheritance? Criteria for distinguishing internal and external change in genetically related languages. *Journal of Language Contact*, 2013. Vol. 6. Issue 2. P. 313–328. <https://doi.org/10.1163/19552629-00602006>

Poplack Sh., Levey S. Contact-induced grammatical change: A cautionary tale. *Language and space: An international handbook of linguistic variation*. P. Auer, J. E. Schmidt (Eds.). Vol. 1. Berlin, Mouton de Gruyter, 2010, pp. 391–419.

Putintseva A. P. *Morfologiya govora gorinskikh nanai*. Diss. kand. filol. nauk [Morphology of the Gorin Nanais. Cand. phil. sci. diss.]. Leningrad, 1954. 343 p. (In Russ.)

Rose F. Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations. *Folia Linguistica*. 2015. Vol. 49. Issue 1, pp. 117–158.

Schmidt P. The language of the Samagirs. *Acta Universitatis Latviensis*, 1928, 19, pp. 219–249.

Stoynova N. M. [Markers of “motion-cum-purpose” and event structure: -nda suffix in Nanai]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2016, no. 4, pp. 86–111. (In Russ.)

Stoynova N. M. [Markers of “motion-cum-purpose” in the Southern Tungusic languages and the category of associated motion]. *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statei po materialam Pyatoi konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh» (16–17 fevralya 2017 g.)* [Language problems. Proceedings of the Fifth conference-school “Language problems: A view of young scholars” (16–17 February 2017)]. Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN, Izd-vo «Kantsler». 2017, pp. 321–339. (In Russ.)

Thomason S. G. Why universals versus contact-induced change. *Vernacular Universals and Language Contacts: Evidence from Varieties of English and Beyond*. M. Filpula, J. Klemola, H. Paulasto (Eds.). London, Routledge, 2009, pp. 349–364.

Volkov O. S., Stenin I. A. [Andative and venitive in Siberian languages: on typology of the verbal orientation]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 289–319. (In Russ.)

Wilkins D. The semantics, pragmatics and diachronic development of “associated motion” in Mparntwe Arrernte. *Buffalo Papers in Linguistics*, 1991, no. 1, pp. 207–257.

А. В. Тер-Аванесова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

teravan@mail.ru

**ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ
КОНТАКТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В РУССКИХ ГОВОРАХ ЗАОНЕЖЬЯ
(ЗАОНЕЖСКОЕ ЛЯПАНЬЕ)**

*Мы́ гавари́м «зя́мля». «Зя́мля» — э́та уи́ коа́реляк
како́й-ни гоа́варит.*

В. Е. Семенова, 1903 г. р., Волкостров, д. Посад.

В статье обсуждаются условия ляпанья в русских говорах Заонежья (Медвежье-горский р-н Карелии), которое представляет собой перенос ударения с конечного слога фонетического слова на начальный и, по мнению исследователей, является результатом контактов с прибалтийско-финскими языками, в первую очередь с карельскими диалектами. Ляпанье в русских заонежских говорах может быть результатом усвоения карельской модели словесной просодии с фиксированным ударением на начальном слоге и второстепенным ударением на каждом следующем нечетном слоге, кроме последнего; вместе с тем у него есть внутрисистемные предпосылки. Прямым аналогом заонежской акцентной системы с ляпаньем является праславянская акцентная система с ее противопоставлением ортотонических словоформ и форм-энклиноменов и связанные с этим противопоставлением явления вокализма. Рассмотрены вопросы о факультативности ляпанья, его социолингвистическом статусе и примеры «переключения кодов»: с ляпанья на его неупотребление у говорящих старшего поколения. Высказывается предположение, что прибалтийско-финская модель словесной просодии усвоена заонежскими говорами в трансформированном виде — как особый тип фразовой просодии, для которого характерны «усиления» на первом и каждом следующем нечетном слоге фразы, способные нейтрализовать словесные ударения во фразе.

Ключевые слова: ударение, вокализм, языковые контакты, русские диалекты, прибалтийско-финские языки

1. Введение

Заонежье — историческая область у северного побережья Онежского озера, занимающая Толвуйский (Заонежский) полуостров и Кижские острова. Северная граница Заонежья проводится по дд. Федотово, Сигово и Кефтеницы (относятся к Заонежью), на западе его границей обычно считается Уницкая губа Онежского оз. Иногда побережья Уницкой губы и расположенной западнее Лижемской губы также относят к Заонежью.

С 1959 г. Заонежье входит в состав Медвежьегорского р-на Карелии, до этого оно образовывало самостоятельный Заонежский район с центром в с. Великая Губа; западное уницкое и лижемское побережья находятся в Кондопожском р-не. Еще раньше почти вся территория Заонежья относилась к Петрозаводскому уезду, и лишь его небольшая северная часть — к Повенецкому уезду Олонецкой губернии; при этом около половины заонежских церковных приходов относилось к Повенецкому, а не Петрозаводскому благочинию. Ни то, ни другое старое административное деление не соответствовали народному делению Заонежья на три области: Кйжи, Шуньгу́ и Тóлвуй — и границам двух основных заонежских диалектов, получивших названия «киже-шуньгский» (юг и запад Заонежья) и «толвуйский» (северо-восток). Эти диалекты очень близки между собой, в литературе не раз перечислялись их различия, касающиеся в основном фонетики и лексики, см., например, [Гринкова 1947; Ардентов 1955]. С границами исторических областей и диалектов в XIX в. совпадали различия в манере исполнения былин, причем «толвуйский» стиль имел много общего с тем, что распространен на восточном побережье Онежского озера [Гильфердинг 1949].

Весьма архаичные и своеобразные заонежские говоры обнаруживают связь с современными новгородскими и ладого-тихвинскими, а по некоторым признакам их можно сближать и с псковскими говорами. Заселение Заонежья выходцами из Новгородской земли началось в XIII в. [Герд, Лебедев 2001]; позже приток русского населения, по-видимому, происходил и с других территорий.

В Заонежье русские ассимилировали карел и вепсов. В XVI в. местное население, как полагают, уже говорило по-русски [Герд, Лебедев 2001: 365]. На сегодняшний день все населенные пункты Заонежья полностью русскоязычны, как и 180 лет назад, когда началось изучение фольклора и говоров этих мест. Вместе с тем Заонежье всегда находилось и сегодня находится в зоне контакта с карелями-людиками. В Медвежьегорском р-не карельские деревни находятся непосредственно к северо-западу от Медвежьей Горы. В Кондопожском р-не наиболее восточные карельские деревни расположены на Кондопожской губе, а дальше на восток, по берегам Уницкой и Лижемской губ Онежского озера, сейчас находятся только русские деревни; но в недавнем прошлом на этой территории наряду с русскими говорами был распространен людиковский диалект карельского языка [Коряков 2013]. Согласно переписи 2021 г., в Кондопожском и Медвежьегорском районах карельским языком владеет не более 5% карел — существенно меньше, чем в более западных районах Карелии [там же], см. также данные на 2010 г. в [Новак 2024: 57].

Считается, что в Заонежье сложилась особая этнографическая группа русских, усвоивших особенностей материальной и духовной культуры прибалтийско-финских народов, см., в частности, [Гринкова 1947], а русские говоры Заонежья испытали сильное прибалтийско-финское влияние, что отражается в их фонетике, грамматике, см., в частности, [Маркова 1989; Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001; Seržant 2015] и лексике [Мызников 2004].

Одним из наиболее ярких диалектных явлений, по общему мнению, возникшим в русских говорах Заонежья под влиянием карельского языка, является *ляпанье* — факультативный перенос ударения с конечного слога фонетического слова на начальный и — в кижешуньгском диалекте — произношение под перенесенным ударением гласных нижнего или средне-нижнего подъема на месте фонем /o/, /e/: *voáz'ut'* 'возить', *n'ár'aváz'ut'* 'перевозить'. В этой работе будут рассмотрены правила и условия ляпанья; те особенности словесной просодии и сегментной фонетики карельского языка, которые могли повлиять на появление ляпанья в русских говорах, и те свойства русского ударения и вокализма, которые могли способствовать карельскому влиянию. Используются наши записи речи уроженцев около двадцати деревень, сделанные во время экспедиций в 1986–1988 и 2000–2001 гг. Некоторые из этих деревень к тому времени уже не существовали: были признаны «неперспективными» и покинуты жителями, а их уроженцы проживали в соседних крупных деревнях и селах. Кижешуньгский и толвуйский диалекты представлены примерно одинаковым количеством записей, см. рис. 1. Эти материалы частично опубликованы [Тер-Аванесова 1988, 1991; Тер-Аванесова, Рыко 2004; ОСА].

2. Правило ляпанья и его географические границы

Правило ляпанья было сформулировано А. А. Шахматовым¹. В одном параграфе книги «Исследования в области русской фонетики» [Шахматов 1893], занимающем чуть больше страницы, он сообщает, что олонекское ляпанье представляет собой перенос ударения с конечного слога слова на начальный, при котором ударение срединных слогов сохраняет свое место; связывает ляпанье в русских говорах с влиянием карельского языка; поддержку карельского влияния видит в подвижности русского ударения, которому свойственно чередование конечнударных и начальнударных словоформ в рамках морфологической парадигмы слова (с чем в полной мере трудно согласиться); отмечает варьирование конечно- и начальнударных вариантов словоформы в говорах (факультативность ляпанья); и, наконец, указывает на произношение под перенесенным по правилу ляпанья ударением и в безударных слогах гласных нижнего и средне-нижнего подъема на месте *o*, *e* (добавим, что это имеет место только в кижешуньгском говоре). А. А. Шахматов пишет: «Некоторые

¹ А. А. Шахматов побывал в Заонежье и окрестностях в 1884 и 1886 гг., будучи студентом. Свои записи того времени он не публиковал, за исключением небольшой подборки примеров в указанной книге 1893 г.; это сделала, сопроводив детальным анализом, Н. П. Гринкова в сборнике его памяти [Гринкова 1947]. Лексический материал по заонежским говорам, собранный А. А. Шахматовым, включен в словарь [Куликовский 1898] с пометой *Шах.*, записанные им сказки опубликованы Н. Е. Ончуковым [Ончуков 1909]. Былины и песни остались неопубликованными.

Рис. 1. Расположение обследованных говоров на территории Заонежья. Темными кружками помечены деревни, где распространен киже-шуньгский говор, светлыми — толвуйский

говоры Олонецкой губернии представляют: 1) в слоге перед ударением *о* скл<онное> к *а* в соответствии других говоров, 2) в прочих неударяемых слогах *á* вм<есто> *ó*². Часть этих говоров пережила интересное влияние соседних финнов (Корела³) на ударение слова: ударение переносится на первый слог слова и при этом, как я убедился, правильно только с конечного слога слова. Слог срединный сохраняет свое ударение — и это различие объясняется, конечно, тем, что в языке известны были случаи чередования ударения между первым слогом и конечным и вовсе неизвестно чередование между первым слогом и слогом срединным. Так мы найдем во многих говорах Олонецкой губернии: *про́шла*, *пу́тора*, *ку́лач*, *ви́но*, *прибежа́у*, *шо́лухой*, *ва́ляй*, *к ти́би*, *пе́ревозли*, *на́ливай*, *се́нокос*, *на́кладут* и т. д., но *ко́рова*, *по́лено*,

² Буквами *о* и *а* с точкой сверху А. А. Шахматов обозначает безударные гласные звуки, точнее, аллофоны фонем.

³ Устаревшее название народа *карелы*, известное с древнерусского времени (XI в.), ср. заонежское *кореляк* 'карел'.

весёлый, усталый, кобыла, горáздо и т. д. В говорах, где *ó* изменилось в *á* и где перед удар<ением> является *о* скл<онное> к *а*, находим с переносом ударения *вм<есто> á — а*, напр. *на́цёвать, ця́ловек, сга́ворись*, вместо *о* скл<онного> к *а*, или очень открытое *о*: *по́па*, почти *ро́ра*, или даже *á*: *тя́пло, я́му, ця́го, вя́рась, вся́го, та́перь, а́дин, жа́ной, ва́зми, с та́бой, да́мой, да́ци* (вместо *до́ци*), *ста́роны, са́греть, да́ить* и т. д. Рядом являются и формы: *домой, с тобо́й, те́пло и тепло́* с откр. *е* (см. выше); чередование произношения *тя́пло, вя́зуть, Стя́пан* с *тепло́, везу́ть, Степа́н*, где буква *е* обозначает *е* открытое, повлияло на появление при *река́, беда́, мешио́к* и др. с *е* открытым форм *ря́ка, бя́да, мя́шок, хля́бать, ня́тух, бя́жать*. Таким образом в языке развилось стремление заменять гласные в начальном слоге, получившие на себя ударение, более открытыми гласными. Так *вм. е* закр<ытого> явилось *я*, напр. *вя́зди, гря́сти, пля́сти, сгря́би, тя́би, тя́перь, вя́ди, мя́ни, мя́ня, свя́зли, жа́нцов* и т. д. Замечу, что гласная *я*, явившаяся в формах *мя́ня, тя́бя*, переносилась в эти же формы при их энклит<ическом> употреблении: *не про́ тябя, не про́ мяня*. Может быть, есть и другие говоры, представляющие *вм. о, ё — а, я*, вследствие переноса ударения; так екатеринб. *ся́стрица* имеет *я*, очень напоминающее *я* *вм. е* олонечких, так называемых ляпающих говоров» [Шахматов 1893: 315–317].

Благодаря этому описанию ляпанье из народного названия особой манеры русской речи⁴ стало термином, принятым в русской диалектологии и акцентологии. Однако между терминологическим и народным употреблением (определение А. А. Шахматова в целом следует народному употреблению) есть небольшое различие. Термин *ляпанье* обозначает в первую очередь перенос ударения с конечного слога фонетического слова на начальный: *пр'ин'асла* 'принесла'. Такой перенос ударения в равной мере свойствен двум заонежским говорам. Различие между кижешуньгским и толвуйским говорами состоит в том, какие гласные произносятся в соответствии с */о/*, */е/* под перенесенным по правилу ляпанья ударением: в кижешуньгском говоре это гласные нижнего или средне-нижнего подъема, совпадающие по подъему с аллофонами тех же фонем в безударных слогах, а в толвуйском — гласные среднего или верхне-среднего подъема, совпадающие с аллофонами */о/* и */е/* под не перенесенным (по правилу ляпанья) ударением⁵, см. таблицу 1.

⁴ В Заонежье и окрестностях манеру говорить с переносом ударения с конечного на начальный слог иногда называют также ляпаньем, лязвяньем; последнее наименование, кажется, означает вообще диалектную речь в Заонежье, которой свойственно в том числе и ляпанье.

⁵ Ниже мы называем неперенесенным такое ударение словоформы, место которого не определяется переносом по правилу ляпанья, а перенесенным — ударение, место которого обусловлено ляпаньем. При этом в ряде случаев место неперенесенного ударения в заонежских говорах объясняется более старыми, чем ляпанье, сдвигами его к началу словоформы. Так, в кижешуньгских примерах *по́д голову, по́ берегу, про́тили, не́ дал* представлен перенос ударения с форм-энклиноменов на проклитики по закону Васильева — Долобо, который действовал еще в праславянскую эпоху, см. ниже раздел 6; ударение форм ж. рода типа *не́ дала, про́тила* появляется вследствие аналогии с формами м., ср. рода и мн. числа и является особенностью всех говоров вокруг Онежского озера; ударение презенса глаголов с неслоговым корнем типа *про́вет, перё́лет, со́ткет* (праслав. акцентная парадигма *с*) появляется по аналогии с ударением форм типа *по́идет, перё́идет, по́шет* (праслав. а. п. *б*) в северо-западных русских говорах.

Таблица 1. Аллофоны гласных фонем под перенесенным и перенесенным по правилу ляпанья ударением в киже-шуньгском и толвуйском говорах⁶

Фонемы	Аллофоны под перенесенным ударением	Аллофоны в безударной позиции	Аллофоны под перенесенным ударением при ляпанье
/и/	<i>сы́н, с'и́д'а</i>	<i>сы́нави́а́мы; с'и́д'е́ла</i>	И. мн. <i>сы́нава</i> , инф. <i>с'и́д'ет'</i>
/у/	<i>с'у́жанай, фс'у́ду</i>	<i>суд'и́л'и, с'уды́ 'сюда'</i>	инф. <i>с'уд'ит'</i> , <i>с'уды́ 'сюда'</i>
/а/	<i>са́м, п'а́тай</i>	<i>с'мъва́рам / са́мава́рам, п'а́тна́цц'т'</i>	<i>са́ма, п'а́так</i>
/о/	<i>во́ду, н'о́с</i>	<i>в'од'и́ц'ка / ва́ди́ц'ка / в'од'и́ц'ка н'э́сла / н'а́сла</i>	киж. <i>в'а́да, н'э́сла / н'а́сла</i> ; толв. <i>во́да, н'о́сла</i>
/е/	<i>б'е́днай</i>	<i>б'а́до́й</i>	киж. <i>б'е́а́да</i> ; толв. <i>б'е́да</i>

Примечание к таблице 1. Жирным курсивом показаны примеры с аллофонами /е/ и /о/ средне-нижнего или нижнего подъема, выступающие под ударением при ляпанье и в безударной позиции в киже-шуньгском говоре; нежирным прямым шрифтом показаны аллофоны /е/, /о/ среднего или верхне-среднего подъема, выступающие под ударением при ляпанье и под перенесенным ударением в толвуйском говоре. Нежирным курсивом даны примеры с фонемами, аллофоны которых одинаковы во всех позициях.

Гласные фонемы /у/, /и/ под ударением при ляпанье, под перенесенным ударением и в безударной позиции представлены одинаковыми аллофонами. Между тем носители киже-шуньгского диалекта и их соседи, по словам А. А. Шахматова, ляпаньем называли именно «выговор на я» [Гринкова 1947: 369], т. е. только ляпанье киже-шуньгского образца⁷.

Согласно А. А. Шахматову, ляпанье как перенос ударения с конечного слога на начальный встречается и за пределами Заонежья, в следующих населенных

⁶ Аллофоны показаны в упрощенной фонетической записи. Более детальная их характеристика дается в следующем разделе.

⁷ Известны дразнилки, пародирующие заонежский киже-шуньгский говор: *п'я́шкам с мя́шкам на Медв'я́жку 'пешком с мешком на Медвежку (д. Медвежья Гора, соврем. г. Медвежьегорск)'* — последняя словоформа, в которой не должно быть ляпанья, показывает, что дразнилка возникла за пределами Заонежья; а также *па́рахат п'о́ губы че́шат 'пароход быстро идет по заливу'*. Прозвище жителей Заонежья, в т. ч. толвуян, *т'я́стеники* не имеет отношения к ляпанью, а, по-видимому, отражает широкий рефлекс *ѣ, встречающийся в заонежских говорах в этом и еще в нескольких словах (и, вероятно, свидетельствует о связи заонежских говоров с псковскими). Это прозвище мотивировано тем, что широко распространенная раньше крестьянская еда — ржаная или овсяная мука грубого помола, заваренная кипятком и поставленная на несколько часов в теплое место, после чего она приобретает сладковатый вкус — в Заонежье называется *т'я́сто*. Современным говорам известна и этимологически тождественная лексема *тэ́сто*, заимствованная из литературного языка и обозначающая опару, тесто для выпечки хлеба (носители более архаичной разновидности говоров в этом значении употребляли лексему *ква́шн'я*).

пунктах: Илемсельга, Лижма, Уная Губа (Уница) ныне Кондопожского р-на — см. выше о том, что эти деревни иногда считаются продолжением Заонежья на запад вплоть до нынешней области расселения карел-людигов; Кяппесельга, Пергуба на западе Медвежьегорского р-на, также вплоть до современного расположения карельских сел; а также на восточном берегу Онежского оз. в дд. Рындозеро и Отовозеро Пудожского уезда [Гринкова 1947: 369–372]. К сожалению, указанные Шахматовым границы ляпанья сейчас почти невозможно проверить по причине исчезновения большинства названных населенных пунктов.

3. Ляпанье и вокализм

Перенесенное по правилу ляпанья ударение фонетически не отличается от неперенесенного. Существенным свойством, объединяющим эти виды ударения, является то, что они одинаково определяют контур редукции безударных гласных в фонетическом слове. Сама по себе редукция гласных в безударном положении — явление совершенно не типичное для севернорусских говоров, к числу которых относятся и заонежские говоры.

3.1. Под неперенесенным ударением в заонежских говорах представлено пять гласных фонем: /и/ — *ры́т* ‘бросать’, *плы́т* ‘ползти’, *л’ис’т’ажы́т* ‘покрываться тонким слоем льда’, *в’арскл’ива́й* (камень) ‘известняк, из которого раньше получали (г)версту́ (толченный камень с песком)’, *д’ер’ев’и́шче* ‘гроб, выдолбленный из ствола дерева’, *гл’ист* ‘дождевой червь’, *на травы́, ис травы́, гд’и́* ‘где’, *дв’и́, хл’и́п* ‘хлеб’, *поли́с’н’ик* ‘охотник’, *нъ ст’л’и́, нъ акн’и́, нъ к’н’и́, в з’амл’и́, на н’еи́и́; /у/ — у́шкуйка* ‘катамаран из двух связанных лодок, выдолбленных из ствола осины’, *б’гъс’у́жана́й* ‘жених, суженый (в святочных гаданиях)’, *к’уд’ес’и́т* ‘ворожить, гадать на Святки’, *д’с’у́л’на́й* ‘старинный’, *бр’у́дга* ‘гостыя на свадьбе из родни жениха’; /е/ — *б’е́дна́й, ц’е́сна́й, гл’е́ф, в гл’е́в’и* ‘плесень; внутренности рыбы’, *л’е́з’ат, в’ес’, ц’е́р’аф* ‘червь, личинка, гусеница’, *ув’е́з’ана́й* ‘увезенный’, *ишэ́т, ишэ́’т, и́е́з’в’еи́* ‘барсук’ (из *язвеи́); /о/ — *п’о́жн’а* ‘покос’, *ц’алан’о́к* ‘ткацкий челнок’, *во́з’м’ат* ‘возьмет’, *кур’и́нна́й ж’ал’о́так* ‘желток’, *д’л’ьж’о́н* ‘должен’, *но́с, н’о́с, кл’о́ск, ф кл’о́ск’и* ‘чешуя рыбы’, *гн’о́тк’а* ‘нечистая сила, которая душит человека во сне’; /а/ — *пр’ист’а́вн’иц’а* ‘гостыя на свадьбе из родни невесты’, *л’а́вз’ат* ‘говорить по-деревенски, неправильно’, *т’а́ста* ‘крестьянская еда: ржаная мука, заваренная кипятком и простоявшая несколько часов в теплом месте’, *д’а́т’и́шка* ‘детеныш дикого зверя’ [Куликовский 1898: 21], *раскв’а́л* ‘расцвел’ [Колесов 1975: 54], *заскр’а́л’и* ‘застряли’, *ц’а́рвушк’и* ‘пестрый рисунок набивного ситца’. Эти примеры характеризуют вокализм ниже-шуньгского и толвуйского говоров в равной степени⁸ (по большей части они иллюстрируют распределение, показанное во втором столбце Таблицы 1).

Для заонежского вокализма под неперенесенным по правилу ляпанья ударением характерен узкий растрор гласных (это свойственно севернорусскому наречию

⁸ Кроме того, эти и помещенные ниже примеры показывают, хотя и в небольшой степени, специфику заонежской лексики, исторической фонетики и морфологии.

в целом), и даже с учетом этого заонежские фонемы /е/ и /о/ отличаются повышенным, верхне-средним подъемом, см. [Высоцкий 1967; Колесов 1975; Тер-Аванесова 1988]. Говорам свойственны типичные для восточных севернорусских говоров чередования /е/ (перед твердым согласным, включая отвердевшие *ш*, *ж*) // /и/ (перед мягким согласным) на месте **ѣ* и, гораздо менее последовательно, /а/ (перед твердым) // /е/ (перед мягким) на месте **а*, **ѣ*. По нашим данным, эти чередования представлены в разрушенном виде: есть много случаев выравнивания фонемного состава корня и «лексикализации» чередований; в материале В. В. Колесова, собранном в 1960-е гг., эти распределения видны яснее.

В аспекте исторической фонетики даже по приведенным примерам видно разнобразие рефлексов праслав. гласных **е*, **ь*, **ѣ*, они показаны в Таблице 2.

Таблица 2. Рефлексы неогубленных гласных среднего подъема после мягких согласных под неперенесенным ударением⁹

Праслав. гласные	Перед твердыми согласными	Перед мягкими согласными	На конце слова
* <i>ѣ</i>	/е/ л'ѣс /и/ редко: л'ѣс [а/ редко: т'а́ста] [о/ редко: И. мн. гн'о́зда)	/е/, /и/ ф с'ѣн'и ~ с'ѣни, д'ѣл'ит ~ д'ѣл'ит [а/ редко: д'а́т'ишка]	/и/ нъ стѣл'ѣ [е/ редко: нъ стѣл'ѣ]
* <i>е</i>	/о/ н'о́с (/е/ н'ѣ брала)	/е/ ун'ѣс'ан, б'ѣр'ак (/о/ на падл'о́т'и, Р. ед. ж. ѳо́й 'ей')	/о/ ср. р. майо́
* <i>ь</i>	/о/ скат'ер'о́тка, т'в'о́рдаѣ /е/ н'ѣрвай [а/ редко: ч'а́рвушки]	/е/ н'ен', с'ѣр'ан 'серп'	—

Варьирование /е/ и /и/ на месте **ѣ* в середине слова — видимо, наследие восточноновгородских говоров, ср. карту 41 в [ДАРЯ I], согласно которой такое варьирование наблюдалось в говорах Ладого-Тихвинской группы еще во второй половине XX в., сейчас оно практически утрачено. Уже собственно в заонежских говорах /е/ вытесняет в этой позиции /и/: ряд лексем допускает варьирование ударных /е/ и /и/, а также среднюю между ними /ɨ/ на месте **ѣ* в основах, причем /и/, /ɨ/ перед твердыми согласными несколько чаще встречаются на островах и в говорах по южному берегу полуострова (Типиницы, Воронья, Сибово, Великая Губа), т. е. в собственно кижском диалекте; имеются и примеры лексикализации /и/: *хл'ѣб'ины* 'прием гостей в доме невесты на второй день свадьбы', *р'ѣпн'ик* 'пирог с картошкой или репой' и нек. др., встречающиеся исключительно с /и/. Инодиалектным по отношению к доминирующей восточноновгородской основе, напоминающим псковские и севернобелорусские рефлексы **ѣ* и **ь* перед /р/, является произношение /а/ в корнях отдельных лексем: *т'а́ста*,

⁹ В квадратных скобках помещены «инодиалектные» формы, в том числе появившиеся под влиянием литературного языка, в круглых скобках — формы, появление которых объясняется аналогией, **е* в частице *не*.

d'át'ишка, ч'áрвушк'и; другие приводимые в [Колесов 1975] немногочисленные примеры типа *пр'ид'áльц'ка*, прош. *раскв'áл* ‘расцвел’ можно объяснять проникновением /а/ по аналогии из безударных слогов¹⁰.

На конце слова наблюдаются довольно последовательные рефлексy *ě > /и/ (не без вытеснения /и/ фонемой /е/ под влиянием литературного языка в окончании П. ед. типа *нъ стъл'и*) и *е > /о/.

3.2. Вокализм безударных слогов также устроен практически одинаково в двух заонежских говорах.

После твердых согласных безударные фонемы /о/ и /а/ обычно не различаются, в предударной позиции совпадая в аллофонах [ъ] или [а]: *пръкл'и́ндаш*, *скъзáл'и*, *п'ерагáмы* ‘пирогомы’, *карóвы* и *кърóвы*. Однако сохраняются остатки их различения: в соответствии с /о/ в предударной позиции, как правило, в соседстве с губными согласными могут произноситься слабо огубленные гласные [ъ^o], [о] и даже сильно огубленный [о^y], чего не бывает в соответствии с /а/. В заударной позиции /о/ и /а/ обычно не различаются, чаще совпадая в [а], чем в [ъ]: *н'á пръкл'и́най*, *н'á сказаў*, *ў караф*. Такая ситуация типична для современных севернорусских говоров, утрачивающих оканье. Но в отличие от говоров, в которых мы сегодня наблюдаем утрату оканья под влиянием литературного языка, в заонежских говорах переходное состояние как бы законсервировалось: нет ни одного говорящего, кто бы сохранял оканье в полной мере, при том что часть говорящих произносит в безударной позиции только неогубленные гласные (это наблюдалось и во время наших экспедиций, и во времена экспедиций А. А. Шахматова).

После мягких перед твердыми согласными и на конце слова без ударения фонемы /е/, /о/, /а/ обычно совпадают в [а] (точнее, в [æ]) или в открытом [е]: повел. *б'ажы́т'а*, *в'áz'ат*, *н'ад'ужы́лас'*, с *кр'астáмы*. Между мягкими согласными они совпадают в [е] среднего подъема: *на н'ер'авас* ‘на перевоз’, *кр'ес'т'и́т'*. Параллельно с этим, как и под неперенесенным ударением, сохраняется /и/ на месте *ě, реже перед твердыми согласными (*к'и́фц'á* ‘цевка, шпилька в ткацком челноке’), чем перед мягкими (*н'á йи́д'и́т'е* (из 2 мн. **не едите* ‘есть’), и остатки ёканья перед твердыми на месте *е, *ь, см. Таблицу 3. Ёканье в большей степени свойственно толвуйскому и шуныгскому говорам, в меньшей степени — кижскому. Случаи /о/ на месте *ě (*гн'оздо*), как и в литературном языке, объясняются аналогией.

3.3. Гласные под ударением при ляпанье: киже-шуныгский говор

В киже-шуныгском говоре под ударением при ляпанье аллофонами /о/ и /е/ являются гласные средне-нижнего или нижнего подъема, дифтонги и дифтонгоиды (см. Таблицу 4):

- [eæ] — на месте *е, *ь перед мягкими согласными: [н'еáс'æt] ‘несет’, [в'еáз'д'и] ‘езде’, и на месте *ě: [б'еáда] ‘беда’; в кижском говоре (Кижские острова и южное побережье Заонежского полуострова) также на месте *е, *ь перед твердыми согласными: [н'еáсла] ‘несла’;

¹⁰ Вопрос о различении под неперенесенным ударением большего числа фонем мы предпочитаем здесь не обсуждать.

Таблица 3. Рефлексы неогубленных гласных среднего подъема после мягких согласных в безударной позиции (см. примечания к Таблице 2 в сноске 9).

Праслав. гласные	Перед твердыми согласными	Перед мягкими согласными	На конце слова
* <i>ě</i>	/e/ — [a] в <i>л'асу́</i> [e] реже: <i>но́ л'есу́</i> /и/ редко: <i>к'ифи́а</i> (/о/ редко: <i>гн'оздо́</i>)	/e/ — [e] в <i>л'ес'ах, д'ел'ил</i> [a] реже: <i>р'ак'и</i> /и/ в <i>л'ис'ах, д'ил'ил</i>	/и/ <i>на́ стал'и</i>
* <i>e</i> , * <i>ь</i>	/e/ — [a] <i>н'асу́, пр'ид'ат, с'ер'ан</i> [e] реже: <i>н'есу́, пр'ид'ет</i> /о/ редко: <i>н'осу́, пр'ид'от</i>	/e/ <i>ма́т'ер'и</i> Р. мн. <i>ц'ер'ев'ей</i>	/а/ повел. <i>да́йт'а</i> , И. ед. <i>но́ла</i>

Таблица 4. Рефлексы неогубленных гласных среднего подъема после мягких согласных под перенесенным по правилу ляпанья ударением

Праслав. гласные	Перед твердыми согласными	Перед мягкими согласными
* <i>ě</i>	/e/ — [eæ] в <i>л'еа́су, гн'еа́зда</i> (/о/ — [эа] редко: И. ед. <i>гн'эа́зда</i>) /и/ редко: <i>к'ифи́а</i>	/e/ — [eæ] <i>р'еа́к'и</i> [e] в <i>л'ес'ах, д'ел'ил</i> /и/ — в <i>л'ис'ах, д'ил'ил</i>
* <i>e</i> , * <i>ь</i>	/e/ [eæ] <i>н'еа́су</i> (киж.) /о/ [эа] <i>н'эа́су</i> (шуньг.)	/e/ — [eæ] <i>т'еа́б'и</i> [e] инф. <i>с'н'ес'т'и</i> , Р. мн. <i>ц'ер'ев'ей</i>

- [эа] — на месте **o*, **ь*: [в'ада] 'вода', [в'аз'м'и] 'возьми', в шуньгском говоре также на месте **e*, **ь* перед твердыми согласными: [н'эасла] 'несла'.

Качество гласных на месте /о/, /е/ при ляпанье описывается по-разному. Исследователи фиксируют: «истинные дифтонги» *oa*, *ia* в Великой Губе [Мегорский 1898: 7]; дифтонги и дифтонгоиды [Ардентов 1955; Шахматов 1893]. Напротив, В. В. Колесов говорит о монофтонгах [а] (после мягких согласных) и [a⁰] (после твердых) и существенную особенность гласных фонем среднего подъема при ляпанье видит именно в понижении их подъема вплоть до нижнего, а не в неоднородности протекания [Колесов 1975]. По нашим наблюдениям, «истинные» дифтонги характерны в первую очередь для кижского говора (мы слышали их в Типиницах, Сенной Губе, Лонгасах, а также в Космозере), тогда как в шуньгском (Кажма, Селецкое) дифтонги не столь выражены ([æ] и [ɔ]). То же мы наблюдали в Великой Губе у людей с «пассивным» ляпаньем и на Волкострове (в этом случае можно предположить «старческое», «слабое» произношение). В киже-шуньгском говоре дифтонг [oa] или полифтонг [ɔza] выступают всегда и у всех только в неприкрытом начальном слоге: *оа́д Б'ер'ес'к'их, о́зад б'ер'ага, о́зана*, И. ед. *о́закна* и под., причем в неприкрытом слоге начало дифтонга имеет более низкий подъем, чем в прикрытом.

Между мягкими согласными дифтонгичность аллофонов /o/, /e/ при ляпанье выражена слабо или не выражена вовсе, подъем их обычно средний: *сн'эс'т'и*, *л'эн'иw*, *л'эч'иw*, *т'эб'и* или нижний: *б'эп'агу*, *в'эз'ат*, Р. мн. *т'эл'ат*, *т'эб'и*, *кр'эс'т'ит'*, *р'эк'и*.

В основах с начальной /o/, имеющей соответствия с *je, при ляпанье обычно выступает [oa]: *оáдва* 'едва', *оáд'ин* 'один', но в одном случае [a]: *áише* 'еще' (последняя лексема обычно не несет фразового ударения). Ряд основ, прежде всего заимствований, трактуется в севернорусских говорах, в том числе заонежских, как содержащие /o/ в соответствии с лит. /o/ / /a/, при ляпанье [эa]: *стэакан* 'стакан', *оэар'астават'*, *кэар'ел'ак* 'карел' и под. Фонема /a/ в *кám'ет* с ляпаньем (из *комедь < комедия) указывает на устный источник заимствования — акающее городское просторечие.

Довольно большое число основ с исконным *i трактуется заонежскими говорами как содержащие фонему /e/. Например, при ляпанье: И. мн. *п'еэраг'и* 'пирог', *в'эхр'и* 'вихри', *гн'элай* 'гнилой', *с'т'эрат'* 'стирать', *м'энут'* 'минуть'.

Таким образом, в кижешуныгском диалекте вокализм безударных и ударных слогов при ляпанье идентичен. Главное различие этих фонологических подсистем в том, что различие /o/ и /a/ в безударных слогах сохраняется лишь в остаточном виде, а при ляпанье оно последовательно (что не обязательно означает, что возникновение ляпанья имело место до начала утраты оканья: поддержкой различия /o/ и /a/ при ляпанье могут быть чередования типа *хадíла*, 3 ед. *хóдит*, инф. *хэáдит'*, *садíла*, 3 ед. *посáдит*, инф. *сáдит'*).

4. Ляпанье и фонетические клитики

Правило ляпанья нуждается в уточнении деталей, связанных с границами, в рамках которых осуществляется перенос ударения, и с участием в переносе ударения фонетических клитик.

Перенос ударения с конечного слога происходит в фонетических словах любой длины: *вэда*, *н'á с'м'ал* 'не смел', *пр'и́в'аз'ат* 'привезет', *кэлакал'н'а* 'колокольный', *у́ стэр'икаф* 'у стариков', *на́ п'ер'авас* 'на перевоз', *п'ар'ад Рэжесвам* 'перед Рождеством' и др. — и не зависит от качества гласных конечного, начального или внутренних слогов фонетического слова.

Конечное ударение словоформы при ляпанье регулярно переносится на некоторые проклитики: приставки, предлоги и частицу *не*, см. примеры выше. В том числе перенос часто осуществляется на первую проклитику, если их две — частица *не* и приставка или предлог: *н'á аставл'ай*, *н'á у йага* 'не у него', *н'á из-за ц'ага*. Ср., однако, случаи «недопереноса» ударения на первую из двух проклитик, если это *не* и предлог: *не прó тябя*, *не прó мяня* [Шахматов 1893: 316].

Конечное ударение словоформы не переносится на частицу *ни*: *н'ихтó*, *н'иштó* — при ляпанье оно падает на слог, следующий за этой частицей: *н'иц'эга*, *н'ик'эды*, *н'и э́дин*, *н'и э́днага*, *н'и у́ кага*.

Нет переноса ударения по правилу ляпанья на союзы. Ниже приводятся примеры словоформ с ляпаньем, перед которыми находятся союзы (выделены в примерах

жирным шрифтом)¹¹. В большой части примеров союзы однозначно находятся в препозиции к словоформе с ляпаньем: перед ними имеется пауза. Если союзы не отделены паузой слева, то нет возможности решить, к какому знаменательному слову они фонетически «примыкают» — к предшествующему или к последующему, тем более что в заонежских, как и вообще в севернорусских говорах часть союзов (*да, дак*) могут стоять как препозитивно, так и постпозитивно по отношению к соединяемым словам или клаузам:

- соединительные союзы *и, да* в начале фразы: ***и п́ока с пóжни не пр́идутъ; да п́роги варíли в бесéдной фатéры да тут ця́й п́или да; да п́том млáтче ёго двá было***; в середине фразы: *п́лежу да п́йду; ма́ть да э́тець; на́а было ёй хлеп спя́чки и снэ́сти на пóжню; у́тром вы́стала и ѓворит*; союз *иль*: *посади́ли то́же в ба́йну, в э́мбар иль куды́ к це́рту посади́ли свёкра*; союз *ни... ни*: *што ни зы́мой ни ле́том во́ды не́ту*; союз *хоть... хоть*: *дак тут хоть прóклинай, хоть ня проклинай*;
- противительные союзы *а, да*: *а э́ны с пóжни ве́чером пр́ишли, да дру́гой доро́гой пр́ишли; на́ дви неде́ли сва́дьба <отложена>, а э́ны прие́хали*;
- подчинительные союзы *ведь, дак*: *сту́пай, ведь тя́бя дворово́й хозя́ин съе́ст; быва́ло у́ нас ма́тушка куды́-ни уе́дет, дак у́ нас э́тя-то не́ было, дак у́ нас вся́ких во́зрастов*.

Переноса ударения по правилу ляпанья не происходит на препозитивные частицы *а, и*: *а схэ́ди*, — скаже, — к *Микковым*; *а у́ нас в Се́лецком*; *а п́том и ска́жет*; *а п́ишли на пóжню* — хле́ба не́ было с с́бой взя́ть; у неvéсты де́сятъ жа́нихов, *а у́ жениха де́сятъ нявест*; *а д́о того* было до́жито что ниц́о не́ было; *а э́на* в подо́ли пр́инесла ю; *а му́жики* добровольца́ми у́или; *да ста́рику-то э́тому и ѓворят*; *такіе и ку́плю тя́би*: то же в случаях, когда этим частицам предшествуют союзы: *да и са́ма д́омой пр́инесла*; *дак и ку́плю там*.

Ожидается, что переноса конечного ударения словоформы не должно быть при наличии у нее энклитик, однако это имеет место только в случае сросшихся со словом энклитик: возвратного постфикса *-ся* (*-са* у форм прошедшего времени м. рода): *аста́ўса*; частицы *-си* (восходящей к Д. ед. энклитической формы возвратного местоимения в функции *dativus ethicus*): *ад'и́нс'и, адна́с'и, Т. адно́йс'и* 'один (alone)'; частицы (суффикса) *-ни* неопределенных местоимений и наречий: *куды́-н'и, кьгда́-н'и, ца́го-н'и, кько́й-н'и, кьки́х-н'и*.

Неизменяемая постпозитивная частица *-то*¹², частица *бы* и ряд постпозитивных союзов, составляя одно фонетическое слово с предшествующей акцентно

¹¹ Примеры взяты из текстов, произнесенных ИАИ, 1903 г. р., род. в Селецком. Они приводятся в записи, близкой к орфографической: явления безударного вокализма не отражаются, мягкость согласных обозначается мягким знаком и следующими за согласным гласными буквами *и, е, ё, я, ю*. Аллофоны /е/ и /о/ при ляпанье передаются как *я* и *ю*.

¹² В заонежских говорах «усилительно-выделительная» постпозитивная частица является неизменяемой, однако при существительных м. рода в форме И.-В. ед. в указанной функции употребляется, кроме *-то*, частица *-о* ([а]), по-видимому, из *-от*: *ку́м-а* и др.

самостоятельной словоформой, не препятствуют переносу ударения по правилу ляпанья:

- частица *-то*: *э́на-то* слы́шала, что мы́ хóдим у о́кошка; а *э́на-то* у́тром вы́стала и гóворит; *на́ перевоз-то* э́на ту́ды хóдила; а *у́ моего-то* э́жаниха; а *у́ мя́ му́жик-то* был увéзены в Арха́нгельск до́ войны; следующие примеры словоформ с частицей *-то* без переноса ударения объясняются факкультативностью ляпанья (см. ниже): *мы́ сто́яли под ве́нцём-то*; *кто́-то ка́кой-то* за́говор сде́лали гди́-то по́й знай с ќим;
- частица *бы*: *но́ньку о́граблены*¹³ *всё́ му́жики, за́ кого хóшь, мо́же у́везли бы*.
- повторяющийся союз *да*: а он то́же *ня́большой да* глупый *да*;
- союз *дак*: до́м был *бóльшой дак*.

Безударные во фразе формы личных местоимений в препозиции и постпозиции к акцентно самостоятельной словоформе, входящие с ней в одно фонетическое слово, не влияют на перенос ударения по правилу ляпанья: *я пóгляжу, ка́каа ба́нка*; *ты ня́ жди ве́чера*; *дак мы́ э́два э́го догоня́ю*; *он пóшол да мо́стик да на́л в ре́ку*; а *э́на в подбо́ли при́несла ю*; *при́вези ты́ мни́-кава э́тых*.

Перенесенное ударение может совпадать с ударением предшествующей словоформы; наиболее регулярно это происходит в словосочетаниях «числительное + существительное»: *два́ ц'аса*, *два́ кан'а*, *тр'и́ быка*, *два́ с'л'ада*, *п'ат' караф* и, вероятно, в устойчивых словосочетаниях, примерами которых могут быть составные топонимы: *в В'ал'и́кай Губы*, *с С'анно́й Губы* (без ляпанья в словоформе Р. ед. ж. *сенной*) и *ф С'аннай Губы* (с ляпаньем в *сенной*).

Таким образом, ударение при ляпанье не является фиксированным на начальном слоге словоформы и может перемещаться на некоторые проклитики (приставки, предлоги, частицу *не*, но не на союзы и частицы). Из энклитик переносу ударения с конечного слога на начальный препятствуют лишь морфологически тесно сросшиеся со словоформой бывшие формы возвратного местоимения *-ся* и *-си* и частица *-ни*. На этих свойствах ударения при ляпанье мы остановимся ниже в разделе 7.1.

5. Факкультативность ляпанья в системном и социолингвистическом аспекте

Любая словоформа (фонетическое слово) с исконно конечным ударением может быть произнесена в Заонежье как с конечным ударением, так и с ляпаньем, что отмечалось всеми исследователями заонежских говоров, начиная с А. А. Шахматова. Факкультативность тем самым предстает как достаточно старое свойство ляпанья. На изначальную факкультативность ляпанья, по-видимому, указывает тот факт, что ляпанье не вызвало серьезных деформаций в акцентной системе заонежских говоров: «снятие» эффекта ляпанья дает весьма последовательную, типичную для северо-западных русских говоров, в отдельных своих звеньях весьма

¹³ *Огребены, сгребены* — о репрессиях 1937–1938 гг.

архаичную акцентуацию, см. [ОСА 1990]. Все говорящие, кто в той или иной степени владеет ляпаньем, легко «снимают» или, наоборот, «наводят» этот эффект; это показывает, что носители говоров «хранят в памяти» акцентную систему без эффекта ляпанья.

В 1880-е гг. А. А. Шахматов отмечает, что ляпанье употребляется заметно реже на границах Заонежья; например, в Лижме и Илемсельге «явление встречается совершенно sporadически, ...указывают на него, как на нечто смешное, отличающее заонежан. Тут я встретил ляпанье везде»; редко и только у женщин оно встречается за пределами Заонежья на смежных с ним территориях: «В Алексеевской и Мелент<ьевской> поляпывают: ляпанье идет через женщин»; «В Рындоз<ере> ляпают через баб» [Гринкова 1947: 371]¹⁴.

По-видимому, приблизительно с начала XX в. «внутрисистемная» факультативность ляпанья в Заонежье уже существует параллельно с сознательным отказом от ляпанья как неправильной, «деревенской» манеры речи. Судя по рассказам наших самых старых информантов, в начале XX в. в некоторых крестьянских семьях родители учили детей, а мужья — жен говорить без ляпанья. Считалось, что ляпанья не должно быть у людей, имеющих как минимум среднее образование или опыт жизни за пределами Заонежья (служба в армии, работа по найму и т. п.), а также, по объяснению бывшего председателя колхоза из Великой Нивы 1935 г. р., у людей, занимающих заметные должности (председатель колхоза, бригадир, бухгалтер и т. п.); сам он, по его словам, никогда не говорил с ляпаньем. Все четверо мужчин, родившихся до второй мировой войны (в 1900 (Типиницы), 1922 (Великая Нива), 1935 (Великая Нива) и 1936 (Великая Губа) гг.), с которыми нам довелось разговаривать, не употребляли ляпанья — по всей вероятности, это объяснялось их относительно высоким социальным статусом¹⁵. Негативное отношение к ляпанью и шире — ко всей заонежской старине — у пожилых людей оставалось и в начале XXI в. В результате ляпанье в активном употреблении сохранялось, по нашим данным, лишь у людей 1900–1930-х гг. р., причем среди женщин 1920–1930-х гг. р. уже были такие, кто вовсе не употреблял ляпанья в повседневной речи, и такие, кто делал это изредка; по просьбе диалектологов те и другие могли произносить более или менее длинные тексты с ляпаньем и строить словоформы с ляпаньем и без него (например, бывшая продавщица с образованием 4 кл., уроженка д. Сибово 1933 г. р., и бывшая главный бухгалтер колхоза, окончившая 7 кл. и бухгалтерские курсы, 1936 г. р., обе жительницы с. Великая Губа). Такое «пассивное» владение ляпаньем отмечалось и у лиц 1950-х гг. рождения со средним образованием: в повседневной жизни они, по их словам, ляпанье употребляли только в разговоре со старушками, легко могли строить отдельные словоформы и предложения с ляпаньем; это было установлено из короткого

¹⁴ Возможно, эти ляпающие женщины были родом из Заонежья или карелками.

¹⁵ Возможно также, что столь яркая языковая дифференциация по полу в XIX–XX в. была отголоском прежних смешанных браков русских с карелками.

разговора в 2000 г. с мужчиной 1957 г. р., уроженцем и жителем Великой Губы, и из длительного общения с женщиной 1955 г. р., уроженкой Фоймогубы (область Толвуй), происходившего в 1988 г. в д. Сенная Губа на Большом Клименецком острове, где она в то время жила.

Таким образом, заонежское ляпанье в первой половине XX в. находится в общем русле утраты особенностей русских говоров под влиянием стандартного языка и городского просторечия, проходившей в условиях высокой мобильности деревенского населения, в первую очередь мужчин, что продолжалось вплоть до введения паспортов и статуса прописки в начале 1930-х гг. В послевоенное время в Заонежье, как и в других местах, утрата диалектных особенностей продолжалась прежде всего под влиянием школьного образования и средств массовой информации. Едва ли утрату ляпанья можно связывать с изменениями состава населения, хотя приток неместных в заонежские деревни происходил и происходит постоянно¹⁶.

Приблизительно с 1990-х гг. отношение к ляпанью меняется: оно начинает восприниматься как часть местной культуры, уже в основном ушедшей в прошлое и подлежащей сохранению. Появляются люди, хотя их и единицы, которые сознательно говорят с ляпаньем в повседневной жизни (есть сведения о мужчине 1978 г. р., живущем в Великой Губе¹⁷). Характерно, что в конце XX — начале XXI в., при возрождении ляпанья, его употребляют и мужчины. В наши дни, по сообщению А. В. Приображенского, некоторые поэты — уроженцы Заонежья пишут стихи с ляпаньем. С другой стороны, по сообщению Н. В. Марковой, ежегодно руководящей диалектологической практикой студентов Петрозаводского гос. университета в сс. Толвуя и Кузаранда, там ляпанье полностью утрачено.

В Таблице 5 показано количество словоформ (фонетических слов) с переносом ударения на начальный слог по правилу ляпанья и словоформ с ударением на последнем слоге в текстах, записанных от женщин 1898–1915 гг. р., т. е. того

¹⁶ Мы слышали и о финских коммунистах, бежавших в 1920-е гг. из Финляндии и работавших в заонежских колхозах вплоть до начала большого террора; и об отбывших срок заключенных карельских лагерей; и об их бывших надсмотрщиках, пытавшихся, с середины 1950-х гг., затеряться в деревне. Однако приток таких и каких-то других новых поселенцев в Заонежье не был настолько мощным, чтобы повлиять на местный жизненный уклад и язык. К тому же в XX в. Заонежье не было особенно привлекательной, а скорее было опасной для жизни территорией: его жители очень сильно пострадали во время гражданской войны, строительства колхозов, репрессий 1937–1938 гг., финской оккупации 1941–1944 гг.

¹⁷ С ним я познакомилась летом 1988 г., когда он школьником проводил каникулы у бабушки в Фоймогубе. Бабушка прилагала большие усилия к тому, чтобы он хорошо узнал местность, особенности старого крестьянского хозяйства и языка; она соглашалась беседовать со мной только в его присутствии. В 2000 г. в Великой Губе мне рассказали, что он часто на людях говорит с «толвуйским» ляпаньем (усвоенным от фоймогубской бабушки, а не в «кижском» диалектном окружении в Великой Губе!), к большому удивлению стариков: в их представлении человек его возраста, пола, уровня образования и с его жизненным опытом никак не должен этого делать («чего ты так говоришь, ведь у ты школа кончена и армия отслужена»).

Таблица 5. Количественное соотношение словоформ с ляпаньем и с ударением на последнем слоге у говорящих 1900-х — 1910-х гг. р.

Инициалы	Год рождения	Место рождения	Место записи	Кол-во словоформ с ляпаньем	Кол-во словоформ с ударен. на последнем слоге	% форм с ляпаньем
ИАИ	1903	<i>Селецкое</i>	Космозеро	576	115	83,4
ПНА	1904	<i>Космозеро</i>	Космозеро	178	69	72
МКС	1914	Падмозеро	Падмозеро	41	18	70
МПН	1910	<i>Поля</i>	Тамбицы	339	158	68,2
ФГ	1898	<i>Сенная Губа</i>	Волкостров	182	95	66
СВЕ	1902	<i>Волкостров</i>	Волкостров	278	288	49
РПН	1903	Великая Нива	Паяницы	146	164	47
ЕАА	1902	<i>Обод</i>	Космозеро	160	194	45,2
ЯЕА	1904	Вырозеро	Кузаранда	9	35	21
МОМ	1915	<i>Яндомозеро</i>	Великая Нива	23	90	20
ОАВ	1913	Кузаранда	Типиницы	3	94	3

поколения, которое еще довольно активно в повседневной жизни говорило с ляпаньем. Из таблицы видно, что для сохранности ляпанья не столь важно, родился ли человек в первое или второе десятилетие XX в., хотя именно младшие носители заонежских говоров занимают две последние строки таблицы; не имеет значения и различие диалектов (в графе «место рождения» курсивом выделены деревни, где распространен кижешуныгский говор, в остальных — толвуйский). Гораздо большее значение имеют 1) величина и «центральный характер» населенного пункта, где родился человек или прошла большая часть его жизни: люди, ляпающие чаще других — это уроженцы маленьких деревень (Селецкое, Обод, Поля, Тамбицы, Волкостров были в свое время признаны неперспективными), напротив, Кузаранда и Великая Нива, где прошла значительная часть жизни женщин с низким уровнем ляпанья — это довольно большие деревни, в прошлом центры укрупненных колхозов)¹⁸, и 2) мобильность, которая была относительно

¹⁸ Во время наших экспедиций жители не особенно крупных, на наш взгляд, деревень утверждали, что у них не говорят с ляпаньем (что не всегда соответствовало действительности), а сплошь с ляпаньем говорят в неких *залёсках* — глухих маленьких деревнях, расположенных в глубине Заонежского полуострова, где народ далек от образования и просвещения (*заліські пні*). Нам не удалось найти таких деревень, бывая в заонежской глубинке; самые малонаселенные деревни к тому времени уже перестали существовать, будучи признаны неперспективными. Однако ИАИ 1903 г. р., с наиболее высоким уровнем ляпанья, речь которой подробно анализируется ниже, была родом из такой деревни Селецкое. Судя по старым фотографиям, «залесское» Селецкое имело почти городской вид: в нем была улица из близко друг к другу стоящих двухэтажных домов и сохранившаяся доныне большая часовня, иконостас которой конца XVII в. сейчас находится в художественном музее Петрозаводска. ИАИ получила четырехлетнее начальное

высокой у ФГ, ЕАА¹⁹ и СВЕ²⁰. Женщины с низкой мобильностью, т. е. не жившие подолгу вне Заонежья (они же родом из маленьких деревень, с низким достатком, потерявшие мужей во время войны или репрессий) демонстрируют наиболее высокий уровень сохранности диалектных особенностей, в том числе ляпанья.

6. Факторы, влияющие на выбор конечного ударения vs ляпанья

Говорящие 1900–1910 гг. р. должны были руководствоваться разными стратегиями выбора между конечным и начальным, обусловленным ляпаньем, ударением у исконно конечноударных словоформ, что следует из больших различий в употребительности форм с ляпаньем в их речи. Ниже проанализировано употребление ляпанья и конечного ударения в идиолекте А. И. Изотовой из Селецкого, в речи которой перенос ударения по правилу ляпанья осуществляется более последовательно, чем у других носителей заонежских говоров ее поколения, см. Таблицу 5. «Немаркированным» употреблением для нее, по всей видимости, является перенос ударения по правилу ляпанья, а отсутствие переноса наблюдается лишь при определенных условиях (впрочем, не во всех случаях эти условия нам ясны).

Часть записанных от ИАИ текстов можно отнести к жанру семейного фольклора: эти истории явно неоднократно пересказывались в кругу семьи и знакомых, а некоторые из них она могла слышать только от матери и свекрови; другие рассказы представляют собой воспоминания (о свадьбе, аресте мужа) и размышления о репрессиях, судьбе и истории²¹. Рассказы содержат много прямой речи — «цитат» высказываний разных людей, местных и неместных, что для нашей темы представляет интерес.

6.1. Ляпанье в прямой речи героев рассказов и переключение кодов

Изображая прямую речь местных жителей — матери, отца, брата, двоюродной сестры, крестного мужа, кумы отца, свахи, соседки, девочки-няньки, работающих в *помочи* односельчан — и свою собственную, ИАИ ляпает почти в ста

образование, в отличие от большинства ее сверстниц, и хранила аттестат об этом, выданный в 1914 г. Ее мать *запустила школу* в верхний этаж своего дома, чтобы четверо ее детей могли учиться бесплатно. В сельской школе преподавала приезжая учительница, дочь священника; с ней ИАИ поддерживала отношения, когда та вышла замуж и переехала в Петрозаводск. Таким образом, в период детства и юности ИАИ *залески* не были такими уж дикими, но ляпанье действительно сохранялось там хорошо.

¹⁹ Провела всю войну с мужем в эвакуации.

²⁰ Провела около четырех лет в концлагерях в Петрозаводске и Соломенном (ныне район Петрозаводска) во время финской оккупации, затем вернулась на Волкостров (муж репрессирован в 1937 г. и погиб в советских лагерях). МКС и МПН находились в концлагерях на территории Заонежья более короткое время.

²¹ В марте 1987 г., когда сделаны эти записи, деревенские старики уже свободно говорили на темы репрессий и раскулачивания.

процентах случаев. Примером может быть полный драматизма диалог с двоюродной сестрой²²:

*У́ меня сестрё́я бы́ла, двою́родна, дак э́на посоветовала мни́-кава за́муж вы́тти за э́того за Изо́това. А по́том, как й́зго у́везли да я ста́ла тру́дно жи́ть, как **при́ду ту́ды** в Се́лецко, э́на как по́йде мя́ня **пр́возжать**, всю доро́гу пла́чет. Скаже: «Шáня, ты́ ведь **мя́ня**, ве́рно, прокли́наешь. А ведь я́ теби́ посоветовала, ты́ бы **ня́ пошла**, на ту́ю зе́млю бы́ло что **и́дти** за́муж?» Да я́ говорю: «Мни́-кава кле́сть! Но́ньку огра́блены все́ **му́жики**, за́ кого́ хо́шь, мо́же, **у́везли** бы. А оста́тке — **в́йна**, да лей́ уби́ли бы. Ране́ние тако́е получи́ли сме́ртно да, дак ту́т хоть **пр́клинай**, хоть **ня́ проклинай**! Вре́мя тако́е бы́ло, за́ што́ я́ те́я бу́ду **пр́клина́ть**? Дак уж е́сли бы не э́то де́ло, дак ведь сто́ил **жа́них мя́ня**. Мо́жно бы́ло жи́ть. А уж е́сли тако́о де́ло. **Ќзго** кля́ть бу́дешь, **судьба́** тако́а». А все́-таки вы́жил, ка́к-ни вы́жил да **при́шел**. А мо́жет, **на́ войны́** уби́ли бы то́же.*

Речи неместных в ее передаче ляпанье не свойственно. Примером может быть реплика «бабки-выгозёрки, с Выгозера» в рассказе о девичьих гаданиях; интересно, что ляпанье отсутствует уже в «авторской речи» непосредственно перед цитатой:

*Ходи́ли под о́кна, **п́д одним э́кном** слухали, а ба́бка бы́ла тако́а выгозе́рка, с Выго́зера. Э́на-то слы́шала што́ мы́ ходим у око́шка, а сама́ и говори́т: «Ты́ смотри́, ведь у й́их та́к ко́жа в передёлку и дава́еция!»*

Два следующих диалога в передаче ИАИ демонстрируют переключение с конечного ударения на ляпанье в зависимости от того, чья речь изображается в рассказе. Первый отрывок представляет собой диалог неместного директора школы и ИАИ:

*А у́ **меня́ му́жик**-то был увезено́й в Арха́нгельск **до́ войны**, а робя́та-то в шко́лу ходи́ли дак приходи́лось **ця́сто** к **й́зму** обраши́ация. Дак он мни́ и ска́жет: «Изо́това, **че́го** ты́ к му́жу не сходи́и? Му́ж э́тоо недале́ко у тебя́. Я, — говри́т, — с Песча́нного са́м, а ту́т, — говри́т, — **совси́м** бли́зко Арха́нгельск, гди **о́не**, — говри́т, — **нахо́дяция**». «Ой, — говорю, — Васи́лей Трофи́мовиць, што́ мни **и́дти** к му́жу, мо́же и свидáнья **ня́ даю́ть**, — **э́ворю**. — А **и́дти** да оста́вить се́мью до́ма — **не́т, ня́ пойду́**».*

Во втором отрывке изображается прямая речь городских работодателей мужа (здесь употреблены только конечноударные словоформы, причем ляпанье прекращается еще в «авторской речи» непосредственно перед репликой работодателей) и речь мужа, в которой он обсуждает слова работодателей на семейном совете

²² Тексты в этом разделе приводятся в записи, близкой к орфографической, ср. сноску 9. Фонетические слова с ляпаньем выделены жирным шрифтом, словоформы с конечным ударением — подчеркиванием; не выделены те словоформы, где нет условий для ляпанья.

(ляпанье в ста процентах возможных для него позиций); речь рассказчицы в подавляющем большинстве случаев демонстрирует ляпанье:

Он робóтал там в гóроди в артéли, дава́ли но́рму. Тóгда с хлéбом-то бы́ло пло́хо. Давáли нá всю сéмью нам но́рму, хлéб. А пóтом е́му сказа́ли, что «привозí сюда́ сéмью, а бо́льшие домо́й не да́йм хлéба но́рмы». Но он прíишёл, мни гóворит: «Дак и́то, — говорит, — бу́дем де́лать? Ве́дь та́м, — говорит, — нам н́я даю́ть тако́го помеши́енья, и́тобы мы́ бы все́и, ста́рик да стару́ха да, да робя́та, — уж дво́е рóбят бы́ло, — да нас дво́а, даю́ть вот како́й-ни та́кой у́голок. Ну́ и и́то, а у́ нас, — говорит, — ста́рик лежа́иший пóт себя́, дак ё́му, — говорит, — на́до отде́льня ко́мната да́же. Што́ де́лать вот, придёт-ся вы́йти э́ттуль». Ну́ и вы́шел, и попа́ли в ко́лхоз. А дру́ги деверья́, кото́ры холосты́е бы́ли, у́ехали, а мы́ и оста́лись гóревать.

В связи со сказанным выше о том, что речи мужчин старшего поколения в Заонежье ляпанье не свойственно, интересно, что в рассказах ИАИ ляпанье в ста процентах случаев присутствует в «прямой речи» отца, старшего брата и крестного ее мужа. Напротив, речь мужа очень неоднородна: выше показано, что в домашней обстановке его речь полностью ляпающая, по контрасту с его работодателями; то же в рассказе о событиях гражданской войны, где муж, будучи подростком, предупреждает соседку о грозящем ей аресте; но в разговоре с женой в день его собственного ареста его речь (и сопровождающая ее «речь автора») полностью лишена ляпанья:

Де́дко, кóгда кото́рой де́нь йóго орестова́ли да, бы́л зде́-кава на Ко́смозери. И при́ехал да́мой. А я́ с робóты прíишла. При́шла с робóты, а у́ его буты́лка кúплена, и сидíт значит этого́, выпивáть заво́дит. Не зна́ю, слы́шал ли уж и́то-ни на Ко́смозери и́то зрестова́ть бу́дут а́ль и́то — ве́к н́я сказа́л тóго и́то зна́л ли он про́ это́ и́то йóго оресту́ють. Никóгда н́я сказа́л! «В че́сть же чóго сегóдне у́ тя буты́лка-то кúплена?» А он мни ска́же: «А ра́зве ты́, — говорит, — и́то мы́ с тобо́й сегóдне мы́ стоя́ли под венце́м-то? Де́сять ле́т, — говорит, — спо́лнилось как мы́ с тобо́й под венце́м стоя́ли, сва́дьба бы́ла. А вот ка́к одíн де́нь. Каг бы́дто сегóдне мы́ с тобо́й повенца́лись». И вот все́гда буты́лку пóкупал, в кото́рой де́нь вот прíишол с ла́геря, в кото́рой де́нь орестова́ли, всегда́ буты́лку покупáл. Отмеча́л.

Можно думать, что ИАИ не отражает реальную ситуацию с ляпаньем в речи каждого из героев ее рассказов²³; «ляпающие» мужчины у нее фигурируют главным образом в семейном фольклоре, в том числе в историях, слышанных ею от старших женщин — матери и свекрови (что может отражать ситуацию с ляпаньем в речи этих женщин). Скорее, ляпанье в ее рассказах соотнесено с противопоставлением

²³ По крайней мере ее отец, занимавшийся извозом и часто бывавший в Петербурге, можно предполагать, не говорил со стопроцентным ляпаньем.

«своих» и «чужих», что видно в первую очередь по ее передаче речи неместных. Что касается мужа, то он вполне мог говорить с «переключением кодов»²⁴, и в его случае ИАИ изображает близкую к реальной ситуацию с ляпаньем.

6.2. Лексика и фразеология без ляпанья

Ляпанье, как правило, не свойственно отдельным группам лексики и речевых клише. Конечное ударение наблюдается у личных имен: *э́дин Ива́н Миха́йлов жы́вой*, дядя *Михе́й крёстной й́эму бы́л*; у заимствований из городского языка, связанных с торговлей: *магази́н, кра́сный това́р* 'ткани и сопутствующие товары фабричного производства', «*Душе́с и глориа́*» (название покупных леденцов); у слов, связанных с духовной культурой и этикетом: *дворова́й хозяи́н* 'дух, обитающий в доме и во дворе — хозяйственной части дома, где находится скотина', *судьба́*, возможно, также *ка́к тебе́ не сты́дно*; так же ведут себя слова официального языка советского времени: *колхо́з*, П. ед. *в кремлі́* 'правительство', *статья́* (уголовного кодекса), то же в клише *парти́йный биле́т на сто́л*. Реже лексика тех же групп представлена у ИАИ с ляпаньем: *ка́медь* 'комедия, измышления, вранье', инф. *э́рестовать* 'арестовать'; *й́эму хоро́ша судьба́* *у́далась* (при двух употреблении с конечным ударением: *судьба́*).

6.3. Другие случаи отсутствия ляпанья

Редкие случаи появления конечного ударения в текстах ИАИ трудны для интерпретации. Вероятно, конечное ударение иногда используется ею как стилистическое средство при описании быстро разворачивающихся, сменяющих друг друга событий, ср. рассказ о том, как девчонка изображала появление нечистой силы — дворового хозяина, пугая маленьких детей (появление конечного ударения в трех случаях сопряжено с частицей *дава́й*, но в одном случае у ИАИ эта частица и следующий текст все же выступают с ляпаньем: *Побежа́ла вза́д, дава́й ве́сла и́скать*):

Игра́т-игра́т с и́йм в ка́мешки, а пэ́тэм и ска́жет: «Я как у́йду э́т вас, дак бу́дет, — говори́т, — дворова́й хозяи́н к ва́м колоти́ция». А мы́ то́же робя́та глупы́ дак. Э́на значи́т у́йдет, бра́т все́ двэ́ри зало́жит, зало́жки хоро́шы таки́е не дере́вянны, а э́даки, желе́зны, в ве́рхны там в си́ни сходи́т, до́м был бэ́льшой дак, в ни́жних си́нях ту́т и на у́лицю двэ́ри кото́ры, все́ вы́заложаа́т. А о́на пробе́жит тут, поля́на бы́ла, поля́ной пробе́жит да на до́р к на́м и дава́й дуба́сить в э́то в двэ́рь! А о́н то́же ня́большой да глупо́й да, дава́й бо́гу моли́ция. Мо́лиция бо́гу, што́бы ду́маат што́ дворова́й хозяи́н ото́йдет. Мо́лиция-мо́лиция, стэ́ит и стэ́ит — дворова́й хозяи́н не отхо́дит ника́к! Он бе́дной на коле́нках. На коле́нках мо́лиция Бо́гу, кла́няция в зе́млю — дворова́й хозяи́н все́ ровно́ не отхо́дит. Ду́ет та́к што́ во́т как! Он за́тым

²⁴ Учитывая то, что муж в ранней молодости подолгу работал в Петрозаводске и шестнадцать лет, с 33 до 49 лет, находился в лагере «под Архангельском».

*возьмёт этого брата-то которой в люльки качающая-то небольшой. О́кна-то низко. Вы́нет этого, с люльки, опу́стит на зава́лину, **ту́ды** знач́ит постёлку и всё это вы́несет, поду́шечку и одея́ло и всё, и его́ знач́ит по́ложит на зава́лины робёнка. А я запеха́юсь **за́ шчан**. Шча́н был **большой** в фате́ры, я знач́ит **за́ шчан ту́ды** запеха́юсь, он при́де мя́ня за́ руку́ дак — **сту́най**, ведь **тя́бя** дворово́й хозя́ин съе́ст! **Мя́ня этту́ль** вы́ташчы́т и то́же в око́шко опу́стит и са́м опу́сти́ца и **пэ́ка** с по́жни не при́дуть ма́ть да **эте́ць**, дак мы́ не смі́ам в фате́ру **за́йти**.*

Вероятно, сходен с предыдущими пример переключения на конечное ударение в том месте рассказа, где парень внезапно начинает ухаживать за другой девушкой:

*А **у́ моего-то жани́ха** за кото́рого я вы́шла, было уця́стков ма́ло, земли́ ма́ло бы́ло да покóсов ма́ло бы́ло, да бра́тьев мно́го бы́ло. Во́т знач́ит ю вы́дали што оди́нокой был. Што дава́й со мно́й дру́жить²⁵.*

Отсутствие ляпанья можно связать с употреблением клише, например, в одной из формул обряда сватовства:

*А На́та́лья Петро́вна скаже: «Мы́ при́ехали **тя́бя за́уздать**». — «Ка́к мя́ня **за́уздать**, я ведь не ло́шадь». — «На́до записа́цца с йим, е́сли не́ вреш, а е́сли врёш, то на э́том и конё́ць. Севóдне всё росходи́цца».*

Не имеющими объяснения оставляем следующие примеры конечного ударения: То́же она́ верно цю́ствовала што ёй **ро́дитъ**, навё́рно схва́тки у ёй бы́ли; Тогда́ ма́ть уж как поезжа́ат **ку́ды**, дак к сосёду схо́дит к Ефи́му Семёнову; Хто мо́г, у кого́ **му́жык** бы́л дак всё-таки ты́е розбежа́лись, у́ехали, завербова́лись.

7. Ляпанье: типологические параллели и вопрос о прибалтийско-финском влиянии

7.1. Система славянского ударения и связь с ней рефлексов праслав. *o

Ближайшим аналогом заонежской акцентной системы с ляпаньем является система славянского ударения и связь с ней рефлексов праслав. *o в русском и ряде других славянских языков.

В праславянском языке имелось два типа словоформ: 1) ортотонические — ударение которых было привязано к определенному слогу словоформы, в принципе могло стоять на любом по счету слоге словоформы и не меняло своего места в зависимости от фразовых условий; и 2) словоформы-энклиномены, ударение которых могло находиться только на начальном слоге, а при наличии клитик энклиномены утрачивали ударение — оно перемещалось на самую левую из проклитик

²⁵ «У моего жениха, за которого я вышла замуж, было мало земли, а братьев было много. И его предыдущую избранницу выдали замуж за парня, который был единственным ребенком в семье. Поэтому он начал ухаживать за мной».

или на энклитику. Ударение ортотонических словоформ было фонологически самостоятельным, начальное ударение энклиноменов фонологически представляло собой аналог (вариант) безударности. Два типа ударения фонетически различались в праславянском изменением высоты тона на ударном слоге, но впоследствии это различие утратилось в большинстве славянских языков, в том числе в русском [Дыбо 1981; Дыбо 2000; Зализняк 1985/2010].

Закономерности фразовых модификаций ударения форм-энклиноменов, связанные с наличием при них клитик, В. А. Дыбо назвал законом Васильева — Долобко, по именам ученых, впервые обративших на них внимание; доказательства действия этого закона в славянских языках приводятся в работе [Дыбо 1971].

Противопоставление ортотонических словоформ и энклиноменов в праславянском и древнерусском языках аналогично противопоставлению словоформ с перенесенным ударением и с ляпаньем в заонежских говорах. Словоформы с перенесенным по правилу ляпанья ударением можно считать «новыми энклиноменами» в заонежских говорах, учитывая постановку перенесенного ударения на начальном слоге, возможность перемещения его по крайней мере на некоторые проклитики и «блокировку» ляпанья некоторыми энклитиками, см. Таблицу 6 и раздел 4.

Не перенесенное по правилу ляпанья ударение словоформ в одних случаях восходит к ударению праславянских ортотонических словоформ, в других — к ударению праславянских энклиноменов. Перенос ударения на проклитики по закону Васильев — Долобко (как и в случае ляпанья, только на предлоги, приставки и частицу *не*) хорошо сохраняется в заонежских говорах, возможно, благодаря поддержке переноса ударения по правилу ляпанья; в большинстве русских говоров и в литературном языке его сохранность значительно хуже.

Кроме общих особенностей акцентного поведения, аналогию между праславянскими энклиноменами и ниже-шуньгскими формами с ляпаньем можно усматривать в «огласовке» ударного слога, содержащего гласные среднего подъема.

В ряде славянских языков сохраняется различие ударных рефлексов праслав. гласного среднего подъема **o* в ортотонических словоформах и в формах-энклиноменах. Так, в части современных русских говоров гласный **o* в словоформах, восходящих к ортотоническим, отражается как фонема /*ɔ*/ (дифтонг [у*o*] или монофтонг верхне-среднего подъема [ɔ]): *ворѡна, кѡжа, стѡл, мѡжет* и др., а в словоформах, восходящих к энклиноменам — как фонема /*o*/ (монофтонг среднего подъема) или /*ɔ*/ (монофтонг средне-нижнего подъема): *вѡрон, гѡлову, нѡс, прѡдал* и др., причем тот же рефлекс, что и в энклиноменах, наблюдается при оканье в безударных слогах: *ворѡна, вѡрон, гѡлову*. Это распределение отражается в орфографии русских памятников письменности, начиная с XIV в., аналогичные распределения имеются в словенском, словацком и польском языках²⁶.

²⁶ В заонежских говорах под перенесенным ударением подобное распределение или вовсе отсутствует, или сохраняется в виде остатков в сильно сглаженном виде, см. попытку его установить в [Тер-Аванесова 1988]. В настоящей работе мы игнорируем остатки этого распределения, описывая вокализм заонежских говоров так, как если бы в них рефлекс **o* в старых энклиноменах и ортотонических словоформах полностью совпали.

Таблица 6. Фразовые модификации начального ударения
«старых» (исконных) и «новых» (обусловленных ляпаньем)
энклиноменов в заонежских говорах

Фразовые позиции и модификации ударения	«Новые» энклиномены (ударение при ляпанье)	Исконные энклиномены
В изолированной позиции (ударение на начальном слоге словоформы)	Р. <i>г'олавы, с'е́мйи, з'и́мы</i> (<i><*golvŷ, *semyjĭ, *zimŷ</i>)	В. <i>го́лаву, с'е́мйу, з'и́му</i> (<i><*gôlvø, *semyje, *zimø</i>)
Наличие проклитик (перенос ударения на проклитики)	Р. <i>ѡд галавы, ѡѡа з'имы</i> (<i><*otŷ golvŷ, *do zimŷ</i>) прош. мн. <i>прѡав'ез'л'и</i> (<i><*provezli</i>) прош. м. <i>н'еа стаѡ</i> (<i><*ne stâlŷ</i>) 'не стал'	В. <i>но́д галаву, но́д з'иму</i> (<i><*rôdŷ golvø, rôdŷ zimø</i>) прош. мн. <i>прѡдал'и</i> (<i><*prôdali</i>) прош. м. <i>н'е даѡ</i> (<i><*nê dalŷ</i>) 'не дал'
После словоформы, с которой имеется тесная синтаксическая связь (утрата ударения, совпадение его с ударением предшествующей словоформы)	<i>тр'и ц'аса</i> (<i><*trĭje časà</i>) <i>тр'и быка</i> (<i><*trĭje bykà</i>) Р. <i>С'анно́й Губы</i> (<i><*sěnyjĭje goby</i>)	<i>тр'и дн'и</i> (<i><*trĭje dñe</i>) <i>тр'и гадоу</i> (<i><*trĭje gôda</i>) <i>того́ дн'и</i> 'в тот день' (<i><*togò dñe</i>)
Наличие энклитик -ся, -си, -се, -ни (конечное ударение словоформы)	прош. м. <i>а́чма́ца</i> (<i><*ostâlŷ sę</i>) <i>а́днѡ́у</i> (<i><*jedínà si</i>) 'одна (alone)'	прош. мн. <i>прѡдалѡ́с'и</i> (<i><*prodali sę</i>) нареч. <i>зимѡ́с'и</i> (<i><*zimø sę</i>) 'этой зимой'

Примечание к Таблице 6. Чтобы показать исконное место ударения в словоформе, в Таблице 6 при диалектных словоформах приводятся соответствующие праславянские акцентуированные формы с традиционными для славистики просодическими знаками, часть которых передает праславянские слоговые тоны, см. о них [Дыбо 2000]. Во втором столбце таблицы помещены орто-тонические словоформы, у которых праславянское фонологически значимое ударение падало на окончание (в приведенных праславянских словоформах В. А. Дыбо не реконструирует слоговые тоны флексий, предпочитая обозначать символом (') лишь место ударения), на корень **-sta-* (в этом случае реконструируется т. наз. старый акут (')). В третьем столбце помещены словоформы, продолжающие праславянские энклиномены с фонологически не существенным ударением, т. наз. автоматическим. На первом слоге словоформ с таким типом ударения реконструируется циркумфлекс — нисходящий тон на праславянском долгом гласном или дифтонге (˘) или праслав. кратком гласном (˘). Перенос ударения по правилу ляпанья осуществлялся после падения конечных редуцированных. После падения некоторых других конечных гласных в энклитических формах, восходящих к возвратному и указательному местоимениям, ударение перемещалось на предшествующий слог (*зимѡ́с'и, прѡдалѡ́с'и*).

Заонежскому киже-шуныгскому говору свойственно подобное различие аллофонов фонем /o/ < *o, *ɔ, /e/ < *e, *ɛ, *ě под ударением при ляпанье и под не перенесенным по правилу ляпанья ударением, см. раздел 3 и Таблицу 1. При ляпанье в этом говоре аллофоны /o/ и /e/ имеют средне-нижний, иногда нижний подъем: *ѓзалава*, Р. мн. *ќзараф*, 1 ед. *м́загу*, *п́зайду*, *б'е́ар'ат*, *в'е́аз'д'и*, *с'а́ннай*, *н'е́а пра-п'ус'т'иу́*, и по этому признаку совпадают с безударными аллофонами тех же фонем: *ѓзалава*, Р. мн. *ќзараф*, *ба́йт'ес'*, *н'а слы́шу*, *б'е́ар'ат*, отличаясь от аллофонов верхне-среднего подъема, представленных под не перенесенным по правилу ляпанья ударением: *каро́ва*, *ко́н'*, *мо́жат*, *го́рат*, *но́дали*, *го́лаву*, *б'е́р'ак*, *д'е́н'*. Словоформы при ляпанье, таким образом, во всех слогах имеют аллофоны фонем, характерные для безударной позиции. То же было свойственно и исконным энклиноме-нам в эпоху, когда сохранялось фонетическое отличие их ударения от ударения ортотонических словоформ [Зализняк 1985/2010: 172–178].

7.2. Место ударения при ляпанье в аспекте влияния карельской словесной просодии

Предположение о возникновении заонежского ляпанья под влиянием карельского языка основано на том, что карельскому и другим прибалтийско-финским языкам свойственно фиксированное ударение на первом слоге словоформы. Помимо основного ударения, эти языки имеют второстепенное ударение на каждом следующем нечетном слоге, кроме последнего; кратчайшей единицей просодической организации слова является хореическая стопа, а последняя стопа в словоформе может быть и дактилической [Бубрих 1937; Основы 1975: 29–30; Pajusalu 2022].

Заонежским говорам второстепенное ударение не свойственно²⁷. Однако можно предполагать, что заонежские говоры заимствовали прибалтийско-финскую модель словесной просодии с начальным основным и второстепенными ударениями, интерпретировав ее таким образом, что не только первый, но и все слоги словоформы, кроме последнего, могут нести ударение: в заонежских говорах ударение внутренних слогов сохраняет свое исконное место — «законное» с точки зрения переинтерпретированной прибалтийско-финской модели словесной просодии.

Конечный слог в прибалтийско-финских языках не может нести второстепенного ударения, он всегда безударен; в заонежских говорах при ляпанье конечный исконно ударный слог теряет ударение, «передавая» его просодически наиболее выделенному начальному слогу. Сведения о выделении высоким тоном начального слога словоформы, несущего основное словесное ударение в прибалтийско-

²⁷ Как специфический тип просодической организации фразы, явно связанный с эмфазой, ритмическое деление фразы на хореические и дактилические стопы, хотя и с отклонениями, в заонежских говорах изредка встречается: *Да́ я на́ помóйку и сн́ясла!* (СВЕ, Волкостров); *За́ што́ я́ те́я бу́ду прэ́клінат'?* (ИАИ, Селецкое); *о́н прі́де мя́ня за́ руку́ дак — ступа́й!* (ИАИ, Селецкое). В приведенных примерах «стопность» формируется за счет полновесного ударения на местоимениях, предлогах и не свойственного акцентной системе заонежских говоров ударения знаменательных слов (*руку́*).

финских языках, по-видимому, относятся к области фразовой просодии; так, исследователи фразовой интонации в близкородственном карельскому финском языке указывают, что для общего вопроса и утвердительных предложений в финском характерен плавно нисходящий основной тон с восходяще-нисходящими пиками, совпадающими с основными словесными ударениями, см. обзор работ в [Pajusalu 2022].

Аналогичный ляпанью перенос ударения с конечного слога на начальный зафиксирован в первой половине XX в. в отдельных хорватских диалектах Славонии [Gorić 1907–1912; Klaić 1936] — не исключено влияние на них венгерского языка с фиксированным начальным ударением²⁸; в жемайтских говорах литовского языка [Лаучюте 1979], в их случае можно предполагать влияние соседних латышских говоров с фиксированным ударением на первом слоге; наконец, аналогичный перенос ударения наблюдается в афганском глаголе [Дыбо 1988].

7.3. Качество гласных при ляпанье в аспекте карельского влияния

Выше предложена интерпретация словоформ с ляпаньем в кижешуньгском говоре как содержащих безударные аллофоны фонем во всех слогах, в том числе в начальном ударном слоге; в явном виде это предстает только в случае аллофонов фонем /e/, /o/, характеризующихся при ляпанье нижним — средне-нижним подъемом. Дифтонгический характер аллофонов этих фонем при ляпанье, без сомнения, объясняется карельским влиянием: напрашивается аналогия заонежских дифтонгов [эа] и [еэ] с карельскими «расширяющимися» дифтонгами [ua] ([oa]) и [iä] ([eä]).

Эти дифтонги в карельском языке являются развитием прибалтийско-финских долгих гласных нижнего подъема: **ā > ua* (в других диалектах *oa*), **ä > iä* (в других диалектах *eä*) [Основы 1975: 42]. Людиковским говорам в целом свойственны *ua*, *iä*, тогда как *oa*, *eä* характерны для непосредственно граничащих с ними ливвиковских, но встречаются и в отдельных среднелюдиковских говорах, как уточнено в [Новак 2024: 82–92]. Дифтонги на месте **ā*, **ä* отсутствуют в финском языке, где дифтонгизации подверглись только долгие гласные среднего подъема **ō > uo*, **ē > ie*, **ö > iö* (такие дифтонги представлены и в карельском) [Основы 1975: 45]. Перечисленные карельские фонемы-дифтонги противопоставлены по признакам ряда и подъема их второй фазы, совпадающей с качеством исконного гласного, тогда как первая фаза дифтонга может иметь только верхний подъем (по диалектам также средний, если конечная фаза дифтонга нижнего подъема). Дифтонгизация старых долгих гласных в прибалтийско-финских языках, таким образом, заключается в развитии у них начальной фазы более высокого подъема; и лишь в отдельных карельских говорах, достаточно удаленных от людиковского ареала, происходит дальнейшее расширение дифтонгов (понижение подъема второй фазы): **ō > uo > ua* и **ē > ie > iä* [Новак 2024: 84].

²⁸ По сообщению М. Каповича, говоров с таким переносом ударения в Славонии в настоящее время не обнаруживается.

В русских заонежских говорах при ляпанье *ја* и *еӕ* могут иметь более или менее выраженный дифтонгический характер. Что касается их начальной фазы, то, во-первых, она всегда имеет более низкий подъем в начале слова (*о́ана*); во-вторых, некоторые собиратели отмечали *ia* в качестве типичного аллофона после мягких (см. раздел 3.3), то и другое сближает заонежские дифтонги с типичными людиковскими. Но, в отличие от карельских дифтонгов, фонологически существенным в заонежских говорах является ненижний подъем начальной фазы: именно начальная фаза заонежских дифтонгов *ја*, *еӕ* (*во́ада*, *неӕсу*) отличает эти реализации фонем /o/ и /e/ от фонемы /a/, которая при ляпанье всегда представлена монофтонгом [a] (*са́рафан*, *на́ б'ер'агу*, *на́так*, *на́тач'ак*).

Фонетическое развитие заонежских дифтонгов «по карельскому типу», при котором у гласных нижнего подъема *a*, *ӕ* — безударных аллофонов фонем /o/ и /e/, оказавшихся при ляпанье под ударением, развивалась бы начальная фаза более низкого подъема (*a* > *ја*, *ӕ* > *еӕ*), исключается, так как дифтонгизации не подвергаются аллофоны фонемы /a/. Следует, видимо, исключить и фонетическое развитие *ɔ* > *ја*, *e* > *еӕ* под карельским влиянием, так как карельских говоров с таким типом развития бывших долгих гласных ничтожно мало, они не образуют ареала и не граничат с заонежскими говорами. По-видимому, по отношению к заонежским говорам можно говорить о субституции карельских дифтонгов *oa* и *eä* на место фонем /o/ и /e/ при ляпанье.

8. Выводы

Ляпанье — перенос ударение с конечного слога фонетического слова на начальный — свойственно русским говорам Заонежья, находящимся в контакте с прибалтийско-финскими диалектами на протяжении всей своей истории, со времени появления здесь в XIII в. выходцев из Новгородской земли. Русские говоры Заонежья испытали субстратное и испытывают адстратное влияние в первую очередь карельских людиковских говоров. Перенос ударения по правилу ляпанья в русских говорах, по-видимому, возникает в результате усвоения карельской модели словесной просодии, для которой характерно фиксированное ударение на начальном слоге и второстепенные ударения на каждом следующем нечетном слоге, кроме последнего. Эта модель могла быть «интерпретирована» русскими говорами таким образом, что ударение может нести любой слог фонетического слова, кроме последнего: срединные и начальный слоги в заонежских говорах сохраняют исконное ударение, а конечный ударный слог его утрачивает, «передавая» просодически наиболее выделенному начальному слогу.

В географически смежном с людиковскими говорами кижешуньгском заонежском говоре перенос ударения с конечного на начальный слог сопровождается появлением в начальном слоге под перенесенным ударением дифтонгов [ја] и [еӕ] — аллофонов фонем /o/ и /e/, по своему фонетическому качеству близких карельским дифтонгам [ua], [oa] и [iä], [eä] (из прибалтийско-финских долгих гласных нижнего подъема *ā и *ǣ̃). Можно думать, что в данном случае имеет место субституция свойственных карельским диалектам звукотипов в слог,

ставший ударным вследствие переноса ударения под влиянием карельских же диалектов. Фонетическое развитие дифтонгов в русских говорах «по карельскому типу» — путем развития у гласных нижнего подъема начальной фазы более высокого подъема — исключается, поскольку таких дифтонгов нет на месте фонемы /а/ при ляпанье. В результате карельского влияния на акцентуацию и вокализм речь с последовательно проведенным принципом ляпанья иногда воспринимается как русская речь карел даже носителями заонежских говоров — см. эпиграф к этой работе. Фактором, поддерживающим подстановку карельских дифтонгов средне-нижнего подъема, является средне-нижний или нижний подъем безударных аллофонов фонем /е/ и /о/.

По своему акцентному поведению (постановка ударения на начальном слоге словоформы, сдвиг ударения на проклитики, конечное ударение при наличии энклитик) словоформы с ляпаньем очень близки к праславянским словоформам-энклиноменам. Обращает на себя внимание то, что в заонежских говорах фразовые модификации ударения форм с ляпаньем и словоформ, восходящих к «старым» энклиноменам, одинаковы: ударение тех и других может смещаться на предлоги и частицу *не*, из энклитик влияние на их ударение оказывает в первую очередь возвратный постфикс; между тем еще в XVI–XVII вв. в русском языке разнообразие клитик, на которые могло переноситься ударение «старых» энклиноменов, было больше, в том числе это были союзы и частицы. Акцентное поведение энклиноменов является следствием контурного правила постановки ударения в праславянском, ориентированного на начало словоформы (действие этого правила непосредственно отражается в акцентуации современных славянских языков с разноместным ударением, в том числе русского); в заонежских говорах, видимо, морфонологизированные результаты действия праславянского контурного правила постановки акцента и прежде всего поведение словоформ, восходящих к энклиноменам, поддерживают влияние прибалтийско-финского фиксированного ударения на начальном слоге.

Словоформы с ляпаньем в кижешуньском говоре и словоформы, восходящие к энклиноменам, в современных русских говорах объединяет наличие под ударением гласных среднего подъема, совпадающих по своим фонетическим признакам с безударными гласными. Так, в кижешуньском заонежском говоре фонемы /и/, /у/ и /а/ представлены одинаковыми (в случае /а/ — близкими) аллофонами в трех позициях: под не перенесенным по правилу ляпанья ударением, в безударной позиции и под ударением при ляпанье, а фонемы /е/ и /о/ в тех же позициях имеют аллофоны разного подъема: верхне-среднего — под неперенесенным ударением, средне-нижнего — в безударной позиции и при ляпанье. Это распределение позволяет объединять последние две позиции и считать, что при ляпанье под ударением представлена подсистема безударных аллофонов фонем; такая фонологическая интерпретация подтверждается правилами рефлексации праслав. гласных среднего подъема в тех же трех позициях. Словоформы с ляпаньем при такой интерпретации содержат безударные аллофоны фонем во всех слогах, в том числе в слоге под перенесенным по правилу ляпанья ударением.

Подобная трактовка фонемного состава форм-энклиноменов предложена А. А. Зализняком. В ряде славянских языков и диалектов, в том числе в некоторых русских говорах праслав. гласный **o* имеет разные ударные рефлексy в словоформах, восходящих к энклиноменам и к ортотоническим словоформам: в первых **o* отражается как фонема /o/ (монофтонг среднего — средне-нижнего подъема), причем в «окающих» диалектах та же фонема выступает и в безударном положении на месте **o*; во вторых на месте **o* выступает гласная /õ/ более высокой ступени подъема. Ортотонические словоформы и их продолжения в современных языках и диалектах в этом отношении можно считать аналогом заонежских словоформ с не перенесенным по правилу ляпанья ударением.

По своим фонетическим признакам ударение в заонежских говорах не отличается от того, что представлено в других севернорусских говорах; особенностей, отличающих ударение словоформ с ляпаньем от ударения словоформ с перенесенным ударением, также не обнаружено, по предварительным результатам инструментального анализа движения тона, длительности и интенсивности гласных.

На протяжении XX в. заонежские говоры практически полностью утрачивают ляпанье, как и многие другие их яркие особенности. Ляпаньем владели и более или менее активно его использовали говорящие 1900–1930-х гг. р., более молодые редко говорят с ляпаньем в быту (только общаясь со стариками). Чаще устраняют ляпанье в своей речи жители больших деревень и поселков; мужчины старшего поколения (1900–1930-х гг. р.) ляпанья не употребляли вовсе. Дольше и последовательнее ляпанье сохранялось у жителей и уроженцев отдаленных маленьких деревень (залесок). Так, в текстах, произнесенных женщинами 1900–1910 гг. р., процент форм с ляпаньем от всех форм с исконным конечным ударением колеблется между 3% и 84%. Для информантки 1903 г. р., в речи которой ляпанье реализуется наиболее последовательно, оно, по-видимому, является немаркированным способом акцентуации исконно конечноударных словоформ. Конечное ударение встречается в ее речи лишь при определенных условиях: это некоторые группы лексики, в первую очередь слова, вошедшие в говоры из городского языка, а также конечное ударение встречается у нее при передаче речи неместных.

Одним из важных свойств ляпанья являлась его факультативность. В заонежских говорах, видимо, никогда не существовало запрета на употребление конечноударных форм: факультативность ляпанья отмечалась А. А. Шахматовым в 1880-е гг. Причины и условия факультативности ляпанья не очень ясны; вероятно, ляпанье в какой-то момент истории своего существования, в какой-то части заонежских говоров представляло собой экспрессивную манеру речи, и следы этого еще можно обнаружить в старых записях заонежской речи.

Литература

Ардентов Б. П. К изучению заонежского диалекта // Ученые записки Кишиневского ГУ. 1955. Т. XV. С. 84–90.

Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка (фонетика, морфология). Петрозаводск, б/и, 1937. 80 с.

Высотский С. С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством гласных в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров / ред. Л. Л. Касаткин, О. Н. Мораховская, Т. Г. Строганова. М.: Наука, 1967. С. 3–82.

Герд А. С., Лебедев Г. С. (ред.). Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб.: изд-во СПбГУ, 2001. 512 с.

Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. Повенецкое побережье. Толвуй. Пудоба / отв. ред. А. М. Астахова. М.—Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. С. 39–94.

Гринкова Н. П. К изучению олонечских диалектов // Академик А. А. Шахматов / ред. С. П. Обнорский. М.—Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. С. 365–390.

Диалектологический атлас русского языка (ДАРЯ). Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Фонетика. Карты. М.: Наука, 1989.

Дыбо В. А. О фразовых модификациях ударения в праславянском // Советское славяноведение. 1971. № 6. С. 77–84.

Дыбо В. А. Славянская акцентология. М.: Наука, 1981. 272 с.

Дыбо В. А. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и славянской акцентологии // Славянское и балканское языкознание / отв. ред. С. Б. Бернштейн. М.: Наука, 1988. С. 106–147.

Дыбо В. А. Морфонологизированные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. М.: Языки славянских культур, 2000. 736 с.

Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии (ОСА). М.: Наука, 1991. 284 с.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. Переиздание: Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2010. 428 с.

Колесов В. В. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики / отв. ред. Е. В. Немченко. М.: Наука, 1975. С. 53–58.

Коряков Ю. Б. База данных «Этноязыковой состав всех населенных пунктов России» [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvarium.org/russia/settlement-database.shtml> (дата обращения 12.03.2025).

Куликовский Г. И. Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1898. 160 с.

Лаучюте Ю. А. Акцентуационные особенности имен существительных в жемайтском диалекте литовского языка // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков / отв. ред. С. Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1979. С. 143–191.

Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редей К., Гуя Я., Феоктистов А. П., Ермушкин Г. И. (ред.). Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975. 350 с.

Маркова Н. В. Диалектные способы выражения семантического субъекта и объекта в онежских говорах и их история. Дисс. ... к. ф. н. М.: Институт русского языка АН СССР, 1989. 193 с.

Мегорский В. П. Олонецкой губ., Петрозаводского уезда, селения: Кончезеро, Великая Губа, Вырозеро. Вытегорского уезда, селения: Ладва, Ивина // Шахматов А. А. (ред.) Материалы для изучения великорусских говоров, V, № 34. Извлечения из сообщений на программы собирания особенностей народных говоров северно- и южновеликорусского наречий / Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898, № 1. С. 7–9.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах северо-запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. М.: Наука, 2004. 502 с.

Новак И. П. Карельский языковой ландшафт в диалектометрической парадигме. Т. 1. Исследование. Т. 2. Приложения. Дис. ... д. ф. н. СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2024. 591 с.

Ончуков Н. Е. Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1909. 646 с.

Тер-Аванесова А. В. Об одной славянской акцентной инновации // Славянское и балканское языкознание / отв. ред. С. Б. Бернштейн. М.: Наука, 1988. С. 216–250.

Тер-Аванесова А. В. Ударение тематических глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные, в говорах Заонежья // Современные русские говоры / отв. ред. Ю. С. Азарх. М.: Наука, 1990. С. 67–83.

Тер-Аванесова А. В., Рыко А. И. «Говорить по-культурному» и «лявзять по-заонежски» (О языковых разновидностях в Заонежье) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 9. Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX в. / отв. ред. Л. Э. Калнынь. М.: ИС РАН, 2004. С. 227–290.

Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. Варшава: тип. Варшав. учеб. окр., 1893. 318 с.

Gopić J. Novi prilog poznavanju akcenatske teorije Mažuranićeve // Nastavni vjesnik, knj. 16, sv. 1, 1907. S. 682–691, 748–756. *Idem.* Akcenat u pridevâ // Nastavni vjesnik, knj. 17, sv. 1, 1909. S. 25–30. *Idem.* Akcenat u dativu i akuzativu singulara // Nastavni vjesnik, knj. 17, sv. 7, 1909. S. 507–510. *Idem.* Osobiti pojavi uzmačni u imenicâ // Nastavni vjesnik, knj. 17, sv. 9, 1909. S. 675–676. *Idem.* Akcenat u nominativu i akuzativu singulara // Nastavni vjesnik, knj. 18, sv. 4, 1910. S. 312–320, 382–388. *Idem.* Troslovčani zakon // Nastavni vjesnik, knj. 18, sv. 4, 1910, S. 355–361. *Idem.* Četvoroslovčani zakon // Nastavni vjesnik, knj. 19, sv. 5, 1911, S. 359–368. *Idem.* Glagolski akcenat u jeziku hrvatskome // Nastavni vjesnik, knj. 20, sv. 5, 1912, S. 321–339; 401–418; 497–510; 577–593; 657–673.

Klaić A. O podravskom akcentu i kvantitetu // Јужнословенски филолог. 1936. XV. S. 181–183.

Koptjevskaja-Tamm M., Wälchli B. The Circum-Baltic Languages: An Areal-Typological Approach // The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact, vol. 2: Grammar and Typology / ed. by Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2001. P. 615–750.

Pajusalu K. Prosody // The Oxford Guide to the Uralic Languages / ed. by M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 868–878.

Seržant I. 2015. The independent partitive as an Eastern Circum-Baltic isogloss // Journal of Language Contact. 2015. № 8.2. P. 341–418.

A. V. Ter-Avanesova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

teravan@mail.ru

PHONOLOGICAL PHENOMENA OF CONTACT ORIGIN IN THE RUSSIAN ONEGO DIALECTS

The article describes the conditions of *liapanje* — the shift of stress from the final syllable of a phonetic word to the initial one in the Russian Onego dialects (Medvezhegorsky district of Karelia), which, according to the general opinion, is the result of contacts with the Baltic-Finnish languages and, first of all, with Ludic dialects of Karelian language. *Liapanje* in Russian Onego dialects may be the result of assimilation of the Karelian pattern of word prosody with a fixed stress on the initial syllable and secondary stress on each odd syllable, except the last one; at the same time, it has internal prerequisites. A direct analogue of the accentual system with *liapanje* in the Onego dialects is the Proto-Slavic accentual system with its opposition of orthotonic wordforms and enclitics and the phenomena of vocalism connected with this opposition. It is shown that mora as a unit of the word prosody of the Baltic-Finnish languages, becomes an element of phrasal prosody when borrowed into the Onego dialects. The optional use of *liapanje*, its sociolinguistic status and examples of “code switching” are also described.

Keywords: stress, vocalism, language contacts, Russian dialects, Baltic-Finnish languages

References

Ardentov B. P. [Towards the study of the Zaonezhje dialect]. *Uchenye zapiski Kishinevskogo GU*, vol. XV, 1955, pp. 84–90. (In Russ.)

Bubrih D. V. *Grammatika karel'skogo yazyka (fonetika, morfologiya)* [Grammar of the Karelian language (phonetics, morphology)]. Petrozavodsk, 1937. 80 p. (In Russ.)

Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka (DARYa). Centr Evropejskoj chasti SSSR. Vyp. 1. Fonetika. Karty [Dialectological atlas of the Russian language (DARYA). The

Center of the European part of the USSR. Vol. 1. Phonetics. Maps]. Moscow, Nauka Publ., 1989. (In Russ.)

Dybo V. A. [On phrasal stress modifications in Proto-Slavic]. *Sovetskoe slavyanovedenie*, 1971, no. 6, pp. 77–84. (In Russ.)

Dybo V. A. *Slavyanskaya akcentologiya* [Slavic accentology]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 272 p. (In Russ.)

Dybo V. A. [Afghan stress and its significance for Indo-European and Slavic accentology]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Prosodiya* [Slavic and Balkan linguistics. Prosody]. S. B. Bernstein (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 106–147. (In Russ.)

Dybo V. A. *Morfonologizirovannye paradigmicheskie akcentnye sistemy. Tipologiya i genesis* [Morphonologized paradigmatic accentual systems. Typology and genesis]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur, 2000. 736 p. (In Russ.)

Dybo V. A., Zamyatina G. I., Nikolaev S. L. *Osnovy slavyanskoj akcentologii* [Fundamentals of Slavic accentology]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 284 p. (In Russ.)

Gerd A. S., Lebedev G. S. (Eds.). *Očerki istoričeskoj geografii: Severo-Zapad Rossii. Slavyane i finny* [Essays on historical geography: North-West of Russia. Slavs and Finns]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2001. 512 p. (In Russ.)

Gilferding A. F. [Olonets province and its folk epic singers]. Gilferding A. F. *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gilferdingom letom 1871 goda. T. 1. Povenockoe poberezh'e. Tolvuj. Pudoga* [Onega epic songs recorded by A. F. Gilferding in the summer of 1871. Vol. 1. Povenets coast. Tolvuj. Pudoga]. A. M. Astakhova (Ed.). Moscow—Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1949, pp. 39–94. (In Russ.)

Gopić J. [A new contribution to the knowledge of the accentual theory of Mažuranić]. *Nastavni vjesnik*, vol. 16, no. 1, 1907, pp. 682–691, 748–756. Idem. [Accent of the adjectives]. *Nastavni vjesnik*, vol. 17, no. 1, 1909, pp. 25–30. Idem. [Accent of dative and accusative singular]. *Nastavni vjesnik*, vol. 17, no. 7, 1909, pp. 507–510. Idem. [Special occurrences of tone accent in nouns]. *Nastavni vjesnik*, vol. 17, no. 9, 1909, pp. 675–676. Idem. [Accent of nominative and accusative singular]. *Nastavni vjesnik*, vol. 18, no. 4, 1910, pp. 312–320, 382–388. Idem. [Three-syllable law]. *Nastavni vjesnik*, vol. 18, no. 4, 1910, pp. 355–361. Idem. [Four-syllable law]. *Nastavni vjesnik*, vol. 19, no. 5, 1911, pp. 359–368. Idem. [Verbal accent in Croatian language]. *Nastavni vjesnik*, vol. 20, no. 5, 1912, pp. 321–339; 401–418; 497–510; 577–593; 657–673. (In Croat.)

Grinkova N. P. [On the study of the Olonets dialects]. *Akademik A. A. Shakhmatov* [Academician A. A. Shakhmatov]. S. P. Obnorskij (Ed.). Moscow—Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1947, pp. 365–390. (In Russ.)

Klaić A. [On Podravian accent and vowel length]. *Južnoslovenski filolog*, 1936, vol. XV, pp. 181–183. (In Croat.)

Kolesov V. V. [Phonetic conditions of the «yakan'ye» in Zaonezhye]. *Russkie govory. K izucheniyu fonetiki, grammatiki, leksiki* [Russian dialects. Towards the study of phonetics, grammar and vocabulary]. E. V. Nemchenko (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 53–58. (In Russ.)

Koptjevskaja-Tamm M., Wälchli B. The Circum-Baltic Languages: An Areal-Typological Approach. *The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact*, vol. 2: *Grammar*

and Typology. Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (Eds.). Amsterdam, Philadelphia, Benjamins, 2001, pp. 615–750.

Koryakov Yu. B. *Baza dannyh «Etnoyazykovoj sostav vsekh naselennykh punktov Rossii»* [Database “Ethnolanguage composition of all settlements of Russia”]. URL: <http://lingvarium.org/russia/settlem-database.shtml> (accessed 12.03.2025). (In Russ.)

Kulikovskij G. I. *Slovar' oblastnogo Oloneckogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic application]. St. Petersburg, Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1898. 160 p. (In Russ.)

Lauchute Yu. A. [Accentuational features of nouns in the Zhemaitian dialect of the Lithuanian language]. *Issledovaniya v oblasti sravnitel'noj akcentologii indoevropskikh yazykov* [Research in the field of comparative accentology of Indo-European languages]. S. D. Katznelson (Ed.). Leningrad, Nauka Publ., 1979. P. 143–191. (In Russ.)

Lytkin V. I., Majtinskaya K. E., Redei K., Guya Ya., Feoktistov A. P., Ermushkin G. I. (Eds.). *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Pribaltijsko-finskije, saamskij i mordovskie yazyki* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Baltic-Finnish, Sami and Mordovian languages]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 350 p. (In Russ.)

Markova N. V. *Dialektnye sposoby vyrazheniya semanticheskogo sub"ekta i ob"ekta v onezhskih govorah i ih istoriya* [Dialectal ways of expressing semantic subject and object in Onego dialects and their history]. Dissertation ... Ph.D. Moscow, Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1989. 193 p. (In Russ.)

Megorskij V. P. [Villages Konchezero, Velikaya Guba, Vyrozero of Petrozavodskij district, villages Ladva, Ivina of Vytegorskij district, Oloneckaya guberniya]. Shakhmatov A. A. (Ed.) *Materialy dlya izucheniya velikorusskikh govorov V, № 34. Izvlecheniya iz soobshchenij na programmy sobiraniya osobennostej narodnykh govorov severno-i yuzhnovelikorusskogo narechij* [Data for the study of Great Russian dialects, V, No. 34. Extracts from messages on the program for collecting the features of the Northern and Southern Great Russian dialects]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk*. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1898, no. 1, pp. 7–9. (In Russ.)

Myznikov S. A. *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorah severozapada. Etimologicheskij i lingvogeograficheskij analiz* [Vocabulary of Finno-Ugric origin in Russian dialects of the Northwest. Etymological and linguogeographic analysis]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 502 p. (In Russ.)

Novak I. P. *Karel'skij yazykovoj landshaft v dialektometricheskoy paradigme. T. 1. Issledovanie. T. 2. Prilozheniya* [The Karelian language landscape in the dialectometric paradigm. Vol. 1. Research. Vol. 2. Appendices]. Dissertation ... Ph.D. St. Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN, 2024. 591 p. (In Russ.)

Onchukov N. E. *Severnye skazki. Sbornik N. E. Onchukova* [Northern tales. Collection of N. E. Onchukov]. St. Petersburg, A. S. Suvorin's Typography, 1909. 646 p. (In Russ.)

Pajusalu K. Prosody. *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (Eds.). Oxford, Oxford University Press, 2022, pp. 868–878.

Seržant I. The independent partitive as an Eastern Circum-Baltic isogloss. *Journal of Language Contact*, 2015. № 8.2, pp. 341–418.

Shakhmatov A. A. *Issledovaniya v oblasti russkoj fonetiki* [Research in the field of Russian phonetics]. Warsaw, Tipografija warsawskiego uchebnogo okruga, 1893. 318 p. (In Russ.)

Ter-Avanesova A. V. *Ob odnoj slavyanskoj akcentnoj innovacii* [On one Slavic accentual innovation]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Prosodiya* [Slavic and Balkan linguistics. Prosody]. S. B. Bernstein (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 216–250. (In Russ.)

Ter-Avanesova A. V. [The stress of thematic verbs with roots ending in sonorants in the Onego dialects]. *Sovremennye russkie govory* [Contemporary Russian dialects]. Yu. S. Azarh (Ed.). Moscow, Nauka, 1990, pp. 67–83. (In Russ.)

Ter-Avanesova A. V., Ryko A. I. [“Speaking culturally” and “speaking in Zaonezhsky language” (on language varieties in Zaonezhye)]. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii. Vyp. 9. Metody izucheniya territorial'nyh i social'nyh dialektov. K itogam opyta slavyanskoj dialektologii v 20-m v.* [Research on Slavic dialectology. Issue 9. Methods of studying territorial and social dialects. On the results of the experience of Slavic dialectology of the twentieth century]. L. E. Kalnyn' (Ed.). Moscow, IS RAS, 2004, pp. 227–290. (In Russ.)

Vysotskij S. S. [The systems of vowel phonemes in connection with the quality of vowels in Northern Russian dialects]. *Ocherki po fonetike severnorusskikh govorov* [Essays on the phonetics of Northern Russian dialects]. L. L. Kasatkin, O. N. Morahovskaya, T. G. Stroganova (Eds.). Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 3–82. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoj akcentuacii k russkoj* [From Proto-Slavic accentuation to Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1985. Reprint: Zaliznyak A. A. *Trudy po akcentologii. T. 1* [Works on accentology. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 428 p. (In Russ.)

А. Ю. Урманчиева
 Институт лингвистических исследований РАН
 (Россия, Санкт-Петербург)
 urmanna@yandex.ru

ЗАИМСТВОВАНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ *ВЕСЬ* И СОЮЗОВ *ИЛИ*, *АЛИ* В СЕЛЬКУПСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

В статье на примере заимствованных из русского языка в селькупские диалекты кванторного местоимения *весь* и дизъюнктивных союзов *или*, *али* рассматривается следующий вопрос: могут ли различия в функционале заимствованной единицы в языке-реципиенте отражать различия в характеристиках контактной ситуации: степень витальности идиома-реципиента, наличие стадии сбалансированного билингвизма и т. п.? Показано, что существует три модели функциональной адаптации заимствованной единицы:

- 1) набор значений заимствованной единицы в языке-реципиенте не полностью повторяет полисемию заимствованной единицы в языке-доноре, однако при этом он в точности соответствует полисемии некоторого исконного элемента;
- 2) в язык-реципиент реплицируется полный набор значений, представленный у заимствуемой единицы в языке-доноре;
- 3) в язык-реципиент переносятся только самые частотные значения, представленные у заимствуемой единицы в языке-доноре.

Я предполагаю, что этим трем моделям соответствуют три различные с точки зрения витальности идиома-реципиента контактные ситуации.

Для первой модели можно реконструировать ситуацию, в которой по крайней мере некоторые носители диалекта в достаточной мере владели русским языком, однако функционально доминирующим оставался селькупский.

Для второй модели следует реконструировать ситуацию русско-селькупского билингвизма, характеризующуюся достаточно полным владением обоими языками и отсутствием угрозы витальности селькупского.

Для третьей модели следует реконструировать ситуацию функционального доминирования русского языка. В этой ситуации — при явном улучшении владением русским языком у носителей селькупского — селькупский как язык с ограниченной сферой употребления утрачивает способность полноценного освоения заимствованных единиц (как и полноценного функционирования исконных элементов).

Ключевые слова: селькупский язык, русский язык, языковые контакты, заимствование союзов, заимствование местоимений

1. Введение

В данной статье на примере заимствованных из русского языка в селькупские диалекты кванторного слова *весь* и дизъюнктивных союзов *или* и *али* обсуждается вопрос о том, что различия в функционале заимствованной единицы в языке-реципиенте могут отражать различия в характеристиках контактной ситуации.

Контакты селькупских диалектов с русским языком начались, вероятно, в XVI–XVII вв. одновременно с освоением русскими поселенцами этих территорий Западной Сибири, см. [Хелимский 1996 / 2000: 31–34, 35–37]; на современном этапе эти контакты привели к смене языка. Языковому сдвигу предшествовала стадия ограниченного функционирования, характеризовавшаяся процессами языковой аттриции, см., например, [Казакевич 2005; Кузнецова 2007]. Исследование заимствований в настоящей работе было ограничено (в максимально возможной степени) материалом, отражающим полное владение селькупками родным языком.

Селькупский диалектный континуум делится на три зоны, см., например, [Хелимский 1985 / 2000; Alatalo 2004]: северную, центральную и южную, из которых южная и центральная представлены несколькими диалектами. Ареал распространения¹ северного диалекта — бассейны рек Таз и Турухан, а также бассейны притоков Енисея от Елогуя до Карасино (ранее носители северного диалекта жили также в верховьях Ваха). Центральная группа представлена 1) тымским диалектом (бассейн реки Тым; часть селькупов отселились с Тыма после освоения этих территорий русскими, влившись в состав северной группы); 2) васюганско-парабельским диалектом (на реках Васюган, Парабель и на Оби между ними); 3) иванкинским диалектом (на Оби в районе Колпашева)². Южная группа представлена верхнеобским диалектом (на Оби южнее Колпашева вплоть до реки Чулым) и кетским диалектом (в бассейне реки Кеть). В основном использованы следующие материалы (все источники указаны при цитируемых примерах):

- Корпус селькупских текстов, записанных в начале XX в. К. Доннером и проанализированных Я. Алатало [Do. Ms.] (для тымского и кетского диалектов);
- Тексты, записанные А. П. Дульзоном [Дульзон 1966а, б] в середине XX в. (для васюганско-парабельского и верхнеобского диалектов);
- Тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым [Прокофьев 1935; Прокофьев, рук.], А. И. Кузьминой и проанализированные в селькупском корпусе INEL [Кузьмина, рук.] и экспедициями МГУ 1970-х гг. [Кузнецова и др. 1993] (для северного диалекта);
- Тексты, записанные Н. П. Григоровским в конце XIX в. [Григоровский 1879] (для верхнеобского диалекта)³.

¹ О географических ареалах применительно к селькупским диалектам можно говорить только ретроспективно, выделяя их — самое позднее — для конца XIX — начала XX вв.

² Материалы иванкинского диалекта, расположенного на границе диалектов и диалектных зон, в этой работе не анализируются.

³ В примерах сохраняется орфография цитируемого источника.

В исследованиях, посвященных займствованиям, союзы, как и кванторное местоимение ‘весь’, относятся к классу «функциональных слов» (function word), см. [Thomason, Kaufman, 1988: 74]. В иерархии займствуемости, предложенной в указанной работе, функциональные слова находятся в левой части и представляют собой первые (квази)грамматические элементы, займствуемые непосредственно после знаменательных слов. В этой иерархии положению займствованного элемента соответствует степень интенсивности языкового контакта: элементы из левой части займствуются при менее интенсивном языковом контакте, элементы из правой части — при более интенсивном.

Вместе с тем очевидно, что есть еще одна важная социолингвистическая характеристика контактной ситуации — степень витальности языка-реципиента в ситуации языкового контакта. Эта характеристика прямо не коррелирует со степенью интенсивности контакта и, соответственно, не выводится из того, элементы из какой части иерархии займствуются. В настоящей работе обсуждается вопрос о том, можно ли найти какие-то собственно лингвистические характеристики займствованных элементов, которые коррелировали бы со степенью витальности идиома-реципиента. На наш взгляд, такую корреляцию можно установить при анализе моделей функциональной адаптации займствуемого элемента. Под функциональной адаптацией в настоящей работе понимается следующее: анализируемые (квази)грамматические элементы полифункциональны в языке-доноре, и, соответственно, может различаться то, как происходит формирование моделей полисемии (т. е. функциональная адаптация) у займствованной единицы в языке-реципиенте.

2. Займствование местоимения *весь*

Местоимение *весь* (в форме *vēs*, фонетические и графические варианты — *wēs*, *beś*, *ves*) займствовано во все селькупские диалекты, кроме северного. У этого местоимения в селькупских диалектах можно выделить четыре основных значения, соответствующие следующим употреблением в русском: ‘количественное счетное’ (*все коровы*; в этом значении *vēs* может в том числе замещать всю именную группу, как в (2) ниже), ‘количественное несчетное’ (*всё вино*), ‘целиком’ (*вся шкура*), ‘всё обобщающее’ (этот элемент рассматривается как отдельное употребление не из-за возможности использоваться самостоятельно, не в сочетании с существительным — такой же синтаксической особенностью обладает и местоимение мн. ч. *все* — а из-за специального обобщающего значения, особенно хорошо ощутимого в контекстах типа *он всё знает* или *купил всё, что просили*)⁴. Говоря о русском языке, мы в данном случае имеем в виду русский литературный язык, однако аналогичные примеры, естественно, легко обнаруживаются также в материалах северных говоров (послуживших основой старожильческих говоров Сибири)

⁴ Особенность таких употреблений в том, что множество квантифицируемых объектов не указывается, его границы задаются скорее как потенциальные: ‘всё, что считается нужным’; ‘всё, что только можно вообразить’ и т. п.

диалектного подкорпуса НКРЯ. Диалектные словари сибирских говоров в данном случае нам не полезны: например, в четырехтомном словаре [Фёдоров (ред.) 1999] представлена только диалектная лексика, специфичная для данных говоров, поэтому местоимение *весь* в данный словарь вообще не попало. При этом нам достаточно ограничиться выделением этих четырех базовых значений (представленных у заимствованной единицы в селькупских диалектах), не обращаясь к обширной специальной литературе о русских кванторных словах.

2.1. *Vēs* в тымском диалекте

Ниже мы приводим примеры, иллюстрирующие употребление заимствованного местоимения *vēs* в материалах тымского диалекта. В данном разделе мы ограничимся только подборкой примеров, иллюстрирующих семантику заимствованного *vēs* в тымском селькупском. Синтаксис селькупских примеров будет обсуждаться в разделе 2.6.

Количественное счетное значение

- (1) *nāgār tumb³nā-d vēs kurrā-nna-d*
три волк-PL весь убежать-AOR-S3PL
'Все три волка убежали' [Do. Ms.].
- (2) *vēs konnā t̥ʃandž-āl-ā-d*
весь от.воды идти-INCH-AOR-S3PL
'Все (разбойники) на берег (из лодки) пошли' [Do. Ms.].

Количественное несчетное значение

- (3) *kūn sua ī-a-Ø öd vēs t̥ʃoʃš³-mbā-d*
где хороший быть-AOR-S3 вода весь поставить-INFER-O3PL
'Где была хорошая водка, всю выставили' [Do. Ms.].

'Целиком'

- (4) *māp māñ ūl³-b vēs takka roḡāltšö-mbā-d.*
я дом.GEN низ-ACC весь прочь сделать.полым-INFER-O3
'Она (= мышь) весь мой пол изгрызла' [Do. Ms.].
- (5) *vēs am-gā-d*
весь съесть-НАВ.AOR-O3
(Один вампир напал на другого,) съел его целиком' [Do. Ms.].

'Всё обобщающее'

- (6) *patom āmdalyo-n māp-χāp vēs kattōomdz³-kā-d.*
потом царь-GEN дом-LOC весь приготовить-НАВ.AOR-S3PL
'Потом в доме царя всё приготовили (к свадьбе)' [Do. Ms.].

Помимо этих четырех значений, характерных и для русского *весь*, в тымском есть ещё два употребления *vēs*, свойственных только этому диалекту: употребление в значении 'совсем' и употребление в конструкции 'сколько X весь P'.

‘Совсем’

- (7) *teper vēs laḡamb-a-Ø*

теперь весь испугаться-AOR-S3

‘Теперь она совсем испугалась’ [Do. Ms.]⁵.

- (8) *neld'i sūriv kuət-p^a-nda-Ø, tūnn^a-n-d^a moḡal*

так зверь убить-DUR-LATENT-S3 лошадь-GEN-3 спина

vēs ellē mūnn^a-d^a-mba-Ø.

весь вниз согнуться-INFER-S3

‘Он так убивал зверей, что спина его лошади совсем прогнулась (под тяжестью добычи)’ [Do. Ms.]⁶.

‘Сколько *X*, *весь P*’

- (9) *kuššā-l' ugo-l' öd, kuša-l' ugo-l'*

сколько-ATTR сорт-ATTR вода сколько-ATTR сорт-ATTR

apse vēs iṣotṣə-mb-a-Ø.

еда весь поставить-RES-AOR-S3

‘Сколько было сортов вина, видов еды — всё выставлено’ [Do. Ms.].

- (10) *i oḡa kuša-l lā-d vēs t'āyomdē*

и остальных сколько-ATTR кость-3 весь серебро

‘И все остальные его кости из серебра’ (Букв.: ‘И сколько у него остальных костей — все из серебра’) [Do. Ms.].

Близкая конструкция есть и в русском, ср.:

- (11) *Чтобы все — сколько есть, все глаза обмануть* [К. И. Чуковский. Дневник (1904)].

- (12) *...сколько было, все купили* [А. В. Сухово-Кобылин. Дело (1861)].

Однако русская конструкция отличается от селькупской в двух существенных отношениях. Во-первых, в русской конструкции обязательно должен присутствовать глагол: даже презенс бытийного глагола, как в (11), который обычно не используется, заменяясь нулевой формой, здесь не может быть опущен. В селькупском же (где, в отличие от русского, глагол опускается крайне редко) эта конструкция, наоборот, употребления предиката не требует: ни в одном примере типа (9) или (10) мы не имеем полипредикативной конструкции, в первой части которой (с местоимением *kušāl* ‘сколько’) употреблялся бы бытийный глагол. Во-вторых, в русском языке приведенные в (11) и (12) примеры с бытийным глаголом являются

⁵ Вопреки замечанию рецензента о том, что селькупский глагол имеет идеофонический корень, передающий мелкие колебательные движения, данный пример не означает ‘Она вся дрожит’: речь должна идти в лучшем случае об историческом семантическом переходе (‘дрожать’ > ‘бояться’). В настоящее время в селькупских словарях [Alatalo 2004; Казакевич, Будянская 2010] у данного глагола зафиксировано только значение ‘бояться’.

⁶ Данный пример следует отличать от примеров типа (4) и (5): значение предиката ‘прогнуться’ не предполагает охвата субъекта (‘спина’) в большей или меньшей степени: спина либо прогнулась, либо нет, но не может прогнуться только часть спины лошади, поэтому в данном примере речь идет не о значении ‘целиком’ — но о значении ‘совсем’.

в действительности вариантом конструкции, в которой может выступать глагол любой семантики, см. (13):

- (13) *Сколько померло мужчин вокруг вас <...>, заломано сколько жасминных кустов, все впустую* [Нина Садур. Сад (1994)].

В селькупском же в силу того, что эта конструкция строится без глагола, семантически она тождественна только русским примерам с бытийным глаголом в первой части. Таким образом, в селькупском эта конструкция выглядит оригинальной, а не скопированной из русского языка.

Итак, в тымском два из четырех значений *vēs* не совпадают со значениями русского *весь*.

2.2. *Muntəŋ* ‘весь’ в северном диалекте

Любопытно сопоставить употребления *vēs* в тымском (напомним, что два из них не находят аналогий в русском языке) с употреблением слова *muntəŋ* (*muntək*) ‘весь’ в северном диалекте (северный — единственный диалект, в который не было заимствовано русское *весь*). Комментарии к примерам не даются, так как совершенно аналогичные конструкции только что были разобраны выше для тымского *vēs*: ср. пример (14) с (1), (2), пример (15) с (3), пример (16) с (4), (5), пример (17) с (6), пример (18) с (7), (8), пример (19) с (9), (10).

Количественное счетное значение

- (14) *jomba sewl'ci putə-m mūndək amm-ei-ŋə-tə*
 PN семь бобер-ACC весь съест-INTENS-AOR-O3
 ‘Йомпа семь бобров всех съел’ [Прокофьев 1935: 105].

Количественное несчетное значение

- (15) *Qyt-ym muntyk am-pa-ty*
 мох-ACC весь съест-INFER-S3PL
 ‘Мох весь (олени) съели’ [Кузнецова и др. 1993: 9; текст 2, предл. 5].

‘Целиком’

- (16) *Niŋ'cy-l' ci totty-nty-Ø — m.5t-ty muntyk saŋimajyŋ-pa-ty.*
 такой-ATTR котел стоять-LATENT-S3 чум-3 весь занимать-INFER-O3
 ‘Такой котел стоит — чум целиком занимает’ [Кузнецова и др. 1993: 10; текст 2, предл. 81].

‘Всё обобщающее’

- (17) *Imaqota muntyk koŋalty-ŋy-ty, kuttar qəs-sa-Ø,*
 старуха весь рассказать-AOR-O3 как уйти-PRAET-S3
5tā-p kuttar qō-sy-ty, kuttar ily-sa-Ø,
 олень-ACC как найти-PRAET-O3 как жить-PRAET-S3
kuttar iraqotā-qyn-ty tū-sa-Ø.
 как старик-LAT-3 прийти-PRAET-S3
 ‘Старуха всё рассказала: как она ушла, оленей как нашла, как жила, как к своему старику пришла’ [Кузнецова и др. 1993: 28; текст 18, предл. 23].

‘Совсем’

(18) *nä-l'a-qj-l'* *qaj* *ima-l* *tâŋ-mj* *muntik*

дочь-DIM-DU-2 что жена-ATTR вещь-ACC.1 весь

paŋj-sä *pärqil-nj-tij?*

нож-ISTR проткнуть-AOR-3DU

‘Дочки твои две что ли жену мою совсем (= ‘насмерть’) ножом проткнули?

[Прокофьев, рук.].

‘Сколько *X*, *весь P*’

(19) *Mõt-qyt* *kušša-l'* *apsy* *muntyn* *ē-ŋa-Ø*

дом-LOC сколько-ATTR еда весь быть-AOR-S3

‘В доме сколько еды (бывает) — всё есть [Кузнецова и др. 1993: 13; текст 3, предл. 85].

Таким образом, сфера употребления *vēs* в тымском диалекте полностью идентична сфере употребления *muntəŋ* в северном селькупском. Учитывая, что часть употреблений *vēs* не совпадает при этом с употреблениями русского *весь*, кажется резонным предположить, что при заимствовании в тымский диалект набор значений *vēs* формировался с опорой на отождествление с исконным элементом (сохранившимся в северном диалекте местоимением *muntəŋ*) и копирование его полисемии.

2.3. *Vēs* в васюганско-парабельском диалекте

В данном разделе приводятся примеры, иллюстрирующие употребление заимствованного местоимения *vēs* в кетском диалекте. Выводы, которые можно сделать относительно употребления *vēs* в этом диалекте на основе анализа приведенных примеров, даны в разделе 2.6.

Количественное счетное значение

(20) *вес* *ky:-dъ-n* *takkъl'-la:-de*

весь человек-PL-ACC собрать-ОПТ⁷-S3PL

‘Всех людей собрали’ [Дульзон 1966а: 123].

Количественное несчетное значение

(21) *вес* *parÿ:d-en* *ödÿ-l-de*

весь водка-ACC выпить-ОПТ-ОЗ

‘всю водку выпил’ [Дульзон 1966а: 106].

‘Целиком’

(22) *нака* *моууне* *таде:-шы-l-de*, *вес* *каме-llo-de*

пока назад нести-DUR-ОПТ-ОЗ весь бить-ОПТ-ОЗ

‘Пока домой его несла, всего избила’ [Дульзон 1966а: 119].

⁷ В ваховско-васюганском диалекте футурально-оптативная форма используется в качестве нарративной.

‘Всё обобщающее’

(23) манан **вес** е-йа-Ø.

у.меня весь быть-AOR-S3

‘У меня всё есть’ [Дульзон 1966а: 114].

Итак, в васюганско-парабельском диалекте *vēs* употребляется во всех контекстах, характерных для русского *весь*. Других употреблений *vēs* не имеет. Таким образом, в данном случае употребления заимствованного элемента в языке-реципиенте полностью соответствуют его употреблениям в языке-доноре.

2.4. *Vēs* в верхнеобском диалекте

Заимствование *vēs* в верхнеобской диалект, судя по всему, произошло достаточно поздно: в селькупских текстах, записанных Н. П. Григоровским в конце XIX века, этого слова нет. При этом в его селькупских текстах нет и никакого исконного кванторного слова со сходной семантикой; в переводной с русского языка части «Азбуки ...» Н. П. Григоровского встречается заимствованное из русского *весь*, однако в [Helimski 1983: 14] справедливо отмечено, что данные переводные тексты не являются надежным источником для анализа селькупской грамматики. При этом объем собственно селькупских (не переводных) текстов вполне позволяет обнаружить не единичные примеры других заимствованных служебных элементов. Это, на наш взгляд, позволяет говорить о том, что в активном употреблении заимствованное *vēs* в верхнеобском диалекте в соответствующий период еще не представлено. Оно появляется только в исконных текстах, записанных А. П. Дульзоном в Старо-Сондорово и Ново-Сондорово в середине XX в.

Количественное счетное значение

(24) **вес** кўнт-ла он-ты-лт қваја-ғынты-лт кван-налт!

весь лошадь-Pl сам-Pl-2Pl двор-Lat-2Pl пойти-sImp2Pl

‘Все лошади идите в свой двор’ [Дульзон 1966б: 130].

‘Всё обобщающее’

(25) ман мат-кън **вес** туно-в!

я дом-Loc весь знать-AOR-O1

‘Я дома всё знаю’ [Дульзон 1966б: 128].

(26) **вес** о:н-т ме-ле јўбъра-тт тыдам

весь сам-3 делать-CvB начать-AOR-O3 теперь

‘Теперь сама стала всё делать’ [Дульзон 1966б: 132].

Итак, в верхнеобском *vēs* является поздним заимствованием. Значения заимствованного элемента в языке-реципиенте определяются его значениями в языке-доноре; вместе с тем, в верхнеобской переносятся не полный набор значений русского *весь*: по всей видимости, скопированы два самых частотных употребления русского местоимения: для обозначения всего множества счетных объектов и собирательное *всё*. Исконной единицы с кванторным значением в верхнеобском нет,

поэтому можно сказать, что другие типы контекстов «не сформированы»: если в языке нет средств, чтобы выразить значение ‘целиком’ (исконной единицы нет, заимствованная на эти контексты не распространилась), исследователь не может выделить контексты, в которых соответствующая единица ожидалась бы, но не встретилась. Однако отсутствие примеров с другими ожидаемыми значениями заимствованного *vēs* уже достаточно показательно, ср. в особенности аналогичное положение с заимствованием дизъюнктивного союза в северноселькупский (см. данные в 3.1. и обсуждение в 3.7.), для которого есть весьма внушительный корпус оригинальных текстовых материалов.

Подобный случай переноса в язык-реципиент только самых частотных функций заимствуемого элемента при позднем заимствовании описан для союза *i* (< рус. *и*) в северном диалекте селькупского [Урманчиева 2023]. В северном диалекте *i* появляется только в текстах второй половины XX века и дублирует самые частотные функции русского *и*, употребляясь при сочинении клауз и при сочинении синтаксических групп более низкого уровня.

2.5. *Vēs* в кетском диалекте

Ниже мы приводим примеры, иллюстрирующие употребление заимствованного местоимения *vēs* в кетском диалекте.

Количественное счетное значение

- (27) *mak-kaŋə̌k wēs nīn ē-ssā-ītə*
я-CARIT весь там быть-PRAET-S3PL
‘Кроме меня все там были’ [Do. Ms.]

Количественное несчетное значение

- (28) *tan hēpsē-n⁰ kū <...> ille assə pūŋg⁰l-ēndž⁰-ŋ;*
я женская.грудь-GEN струя вниз NEG упасть-FUT-S3
wēs tan āŋ-gānē-nd⁰ rakkaŋ pūŋg⁰l-ēndž⁰-ŋ
весь ты рот-LOC-2 прямо упасть-FUT-S3
(Если действительно я тебя вырастила,) ‘струя моего молока не попадет вниз (= ‘мимо’), вся в твой рот прольется’ [Do. Ms.].

‘Целиком’

- (29) *ūt-qə̌nə ʕanžīŋ ondə βeś tar-r-ba-Ø*
вода-EL выйти.AOR-S3 сам-3 весь шерсть-VDN-RES.AOR-S3
‘Из воды вышел, сам весь в шерсти’ [Ким 1997: 173].

‘Всё обобщающее’

- (30) *pu-ən serb⁰ as kali-mba-Ø vēs merga-i*
дерево-GEN ветка NEG остаток-INFER-S3 весь ветер-ATTR
äri kuendā-mba-t
вихрь унести-INFER-O3
‘(даже) веток дерева не осталось, всё ветер унес’ [Do. Ms.].

В кетском диалекте селькупское *vēs* фиксируется в уже в текстах начала XX в.; набор значений *vēs*, как и в васюганско-парабельском диалекте, повторяет набор значений русского *весь* (реплицируется полный набор значений, представленный у заимствуемой единицы в языке-доноре); других значений у *vēs* в кетском диалекте нет.

2.6. Заимствование *vēs*: основные выводы

Итак, мы можем выделить следующие три случая/

1. Набор значений заимствованной единицы в языке-реципиенте не повторяет полисемию заимствуемой единицы в языке-доноре, однако при этом он в точности соответствует полисемии некоторого исконного элемента. Этот случай представлен заимствованием *vēs* в тымский диалект; в качестве исконной единицы, с которой функционально отождествляется *vēs*, выступает селькупское *muntəŋ* ‘весь’. Поскольку этот элемент в настоящее время представлен только в северном диалекте, можно предполагать, что такое точное совпадение значений тымского *vēs* и северноселькупского *muntəŋ* может говорить о том, что *muntəŋ* раньше был представлен и в тымском диалекте, но позже был вытеснен заимствованным элементом.

2. В язык-реципиент реплицируется полный набор значений, представленный у заимствуемой единицы в языке-доноре. Это случай заимствования *vēs* в васюганско-парабельский и кетский диалекты селькупского. При этом по крайней мере для кетского диалекта мы можем утверждать, что это случай относительно раннего заимствования: *vēs* фиксируется в текстах начала XX в.

3. В язык-реципиент переносятся только самые частотные значения, представленные у заимствуемой единицы в языке-доноре. Это случай заимствования *vēs* в верхнеобской диалект селькупского. При этом мы можем с уверенностью утверждать, что это случай позднего заимствования: при наличии текстов на верхнеобском селькупском конца XIX в. местоимение *vēs* повляется только в текстах середины XX в.

Остановимся несколько подробнее на соотношении заимствованного *vēs* и исконного *muntəŋ*. Этот вопрос важен для нас в связи с более подробным анализом ситуации, при которой на употребление заимствованного элемента влияет употребление исконного элемента с близким значением. Слово *muntəŋ* (*muntək* — закономерный фонологический вариант, *mündək* в (34) — особенность записи цитируемого источника) функционально максимально близко к кванторному местоимению ‘весь’, однако по происхождению это слово *muntə* ‘кусок’, оформленное наречным суффиксом *-ŋ*, то есть дословно *muntəŋ* — ‘куском’, и с синтаксической точки зрения мы ожидали бы от этого слова скорее поведения наречия, нежели приименного кванторного слова.

Действительно, в северном селькупском *muntəŋ* может занимать синтаксическую позицию наречия (оно очевидно не входит в одну ИГ с существительным, которое семантически могло бы модифицировать приименное кванторное местоимение,

а в (32) и (33) оно занимает наиболее типичную для наречия предглагольную позицию):

- (31) *Nŷny muntŷk loqa lōsy il'ca-n-ty qory-l' laka*
 потом весь лиса черт дядя-GEN-3 шкура-АТТР штука
kiry-ny-ty
 ободрать-AOR-O3
 'Потом лиса шкуру медведя целиком содрала' [Кузнецова и др. 1993: 29; текст 19, предл. 21].

- (32) *Lōs-ira-t qory-p loqa muntŷk innä ammē-mpa-ty*
 черт-дед-Gen шкура-Асс лиса весь вверх съестъ-Res.AOR-O3
 'Шкуру медведя лиса целиком съела' [Кузнецова и др. 1993: 29; текст 19, предл. 38].

- (33) *mat ukkur tot 'ota-my sŷrup muntyk 'amny-ty*
 я один сто олень-Асс.1 зверь весь съестъ.AOR-O3
 'Всех моих сто оленей волк съел' [Кузьмина, рук.].

Будучи наречием, *muntəŋ* не принимает падежных показателей даже в том случае, когда оно синтаксически замещает именную часть речи:

- (34) *jomba mündək ćattə-ŋə-tə*
 PN весь застрелить-AOR-O3
 'Йомпа всех застрелил'. [Прокофьев 1935: 105].

Так же ведет себя займствованное *vēs*, ср. примеры из тымского: предложения (35) и (36) иллюстрируют возможность для *vēs* занимать наречную, а не именную позицию, пример (37) иллюстрирует, что *vēs* не принимает падежных показателей — в данном случае ожидаемого показателя аккузатива:

- (35) *sēld' ōlā-d takā vēs t̚oq̚ ʔ ŷāt-ka-Ø*
 семь голова-3 прочь весь отлететь-Нав-s3
 'Все его семь голов прочь отлетели' [Do. Ms.].
- (36) *təb-əd-əd kōmdā-l mādəd mē-ŋə-ni vēs t̚us̚əld-īāmdəd*
 он-PL-GEN деньги-АТТР дом.3PL мы-LOC-1DU весь достаться-IMP3PL
 'Пусть все их деньги и дом нам с тобой достанутся' [Do. Ms.].
- (37) *na kobtō-ŋon-d vēs enne ŷt-ke-d*
 и место-LOC-3 весь вверх повесить-Нав-O3
 'И на место всех повесил' [Do. Ms.].

Развиваясь в кванторное местоимение, *muntəŋ* занимает постпозицию к модифицируемой именной группе, см. (38) и (39):

- (38) *Nə:kir timn'a-se-t muntik ukkir qō-nte omte-lə:-tīt*
 три брат-CONNREC-PL весь один сторона-ЛАТ сестъ-ОПТ-S/O3PL
 'Все три брата на одну сторону хотели бы сестъ' [Кузьмина, рук.].

- (39) *nɔ:ssara-l'* *qumɪ-l'* *mütɪ-p* ***munɪk*** *tü* *am-pa-t*
 тридцать-АТТР человек-АТТР войско-АСС весь огонь съел-INFER-ОЗ
 'Войско из 30 человек все огонь съел' [Кузьмина, рук.].

Такой реинтерпретации, вероятно, способствует то, что достаточно частотными являются контексты типа (14) и (15) выше, в которых *munɪk* оказывается одновременно и в синтаксической предглагольной позиции, типичной для наречия, и в постпозиции к именной группе, которую оно семантически модифицирует как кванторное слово.

Интересно рассмотреть позиционные характеристики *vēs* и *munɪk* в селькупских диалектах в тех случаях, когда они модифицируют именную группу. Подсчеты проводятся только для тымского, васюганско-парабельского и северного диалектов: в кетском и верхнеобском приименные употребления не так частотны, чтобы имело смысл делать на этих примерах статистические подсчеты. Для тымского *vēs* и северного *munɪk* из подсчетов исключаются контексты 'весь + период времени': в обоих диалектах в этом случае кванторное слово употребляется в препозиции, ср. для тымского *vēs t'ēlō-γon-d* 'весь день' [Do. Ms.], для северного *mundək ken* 'всю зиму' (материалы М. А. Кастрена). Для северного диалекта в таблице дается периодизация материала по источникам: С — материалы М. А. Кастрена (цитируются по корпусу Я. Алатало), Прок. — материалы 1920-х годов Г. Н. Прокофьева [Прокофьев 1935, Прокофьев, рук.], Кузм. — тексты 1960-х годов А. И. Кузьминой [Кузьмина, рук.], ОчСЯ — тексты 1970-х годов из [Кузнецова и др. 1993]

Таблица 1. Позиция *vēs* и *munɪk* при именной группе в селькупских диалектах

	тымский	васюганско-парабельский	северный				
				С	Прок.	Кузм.	ОчСЯ
постпозиция кванторного слова <i>vēs</i>	28 90%	21 44%	постпозиция кванторного слова <i>munɪk</i>	4 100%	10 100%	39 83%	21 81%
препозиция кванторного слова <i>vēs</i>	3	27	препозиция кванторного слова <i>munɪk</i>	0	0	8	5
всего приименных употреблений	31	48	всего приименных употреблений	6	10	47	26

Как видно из таблицы 1, в наиболее ранних материалах по северному диалекту исконное *munɪk* занимало постпозицию по отношению к модифицируемой именной группе. Эта тенденция несколько ослабевает в более новых материалах — вероятно, под влиянием русского языка — однако постпозиция сохраняется в подавляющем большинстве контекстов — более чем в 80% случаев (постпозицию *munɪk* сохраняет и в текстах начала XXI века, представленных на портале [Малые языки Сибири: наше культурное наследие]). В тымском диалекте у *vēs* также абсолютно доминирует постпозиция, что дополнительно говорит в пользу нашей гипотезы о том, что функциональная адаптация заимствованного из русского элемента *vēs* происходило

через отождествление с исконным *muntəŋ* с последующим его вытеснением. Только в васюганско-парабельском диалекте *vēs* чаще (в 56% контекстов) употребляется в препозиции, а не в постпозиции к именной группе. Напомним, что в этот диалект также реплицируется полный набор значений русского *весь*. Семантическая и структурная близость русского *весь* и васюганско-парабельского *vēs* говорит о значительном влиянии русского языка (вероятно, о периоде полноценного владения обеими языками, см. ниже в выводах к статье). При этом некоторые черты васюганско-парабельского *vēs* (несклоняемый характер данного элемента, достаточно значительное в сравнении с русским число постпозиционных употреблений — 44%) говорят о том, что, вероятно, на более ранней стадии ситуация в васюганско-парабельском (зафиксированная для второй половины XX в.) не отличалась от ситуации в тымском (зафиксированной для начала XX в.), но затем стадия полноценного билингвизма привела к тому, что употребления селькупского элемента выравнивались по употреблению русского элемента, то есть сменился вектор функциональной адаптации: моделью употребления стала служить не исконная единица языка-реципиента, а «оригинал» заимствованной единицы, представленный в языке-доноре.

3. Заимствование союзов *или* и *али*

Рассматриваемые в этом разделе единицы представлены в селькупских диалектах следующим образом⁸:

Таблица 2. *ili* и *ali* в селькупских диалектах

	<i>ali</i>	<i>ili</i>
северный	—	+
тымский	+	—
васюганско-парабельский	(+)	+
верхнеобской	+	—
кетский	+	—

Из Таблицы 1 видно, что из двух маркеров дизъюнкции — *ali* и *ili* — тымский, верхнеобской и кетский диалекты предпочитают *ali*, а васюганско-парабельский и северный — *ili*. Связано это, по всей видимости, с хронологией функционирования этих союзов в русском языке. Основной корпус НКРЯ показывает, что с конца XVII — начала XVIII веков до конца XX в. союз *али* всегда уступал союзу *или* по частотности (количество употреблений для *или* измеряется тысячами, а для *али* — сотнями). Однако для нас более существенно то, что частотность *или* во времени остается стабильной, тогда как количество употреблений *али* сокращается, стремясь к нулю.

При этом интересно, что, по данным литературного корпуса НКРЯ, даже в период самого раннего гипотетического контакта селькупского языка с русским

⁸ Для васюганско-парабельского диалекта дополнительно будет рассматриваться заимствование русского *то ли*.

частотность *или* все равно существенно превышала частотность *али*, то есть основным средством маркирования дизъюнкции и в этот период был союз *или*. При этом картина существенно не меняется и при переходе к гораздо более ранним периодам истории русского языка: основным средством маркирования дизъюнкции все равно оказывается союз *или*, см. Таблицу 3.

Таблица 3. Частотность *или* и *али* в истории русского языка по данным НКРЯ

	<i>или</i>	<i>али</i>
корпус современного русского языка	743 454	6826
старорусский корпус	14 431	92
древнерусский корпус	915	16
церковнославянский корпус	6659	0
берестяные грамоты	19	21

Тем не менее, несмотря на эти данные, мы видим, что по крайней мере в некоторые селькупские диалекты в качестве маркера дизъюнкции проникает именно *али*. Вероятно, это можно объяснить, если предположить, что *али* тяготел к устному узусу, тогда как в письменном доминировал *или*. Косвенно это подтверждают и данные Таблицы 3: с одной стороны, в наиболее книжном подкорпусе — церковнославянском — не встретилось ни одного употребления *али*, с другой стороны, наиболее разговорный из исторических корпусов — корпус берестяных грамот — единственный показывает количественно соотносимые употребления *или* и *али*, даже с некоторым предпочтением последнему. Возможно, параллельно с отраженным в корпусе по преимуществу письменным узусом существовал такой не отраженный в корпусе вариант устного языка, в котором *али* употреблялся достаточно активно (в определенном смысле этот разговорный вариант сохранял тенденции, отраженные в узусе берестяных грамот), и именно из него происходило заимствование дизъюнктивного союза в селькупские диалекты. При этом, конечно, и этот вариант устного языка подчинялся общей тенденции устранения *али* во второй половине XX века. В частности, и диалектный подкорпус НКРЯ, который фиксирует все же достаточно поздние локальные варианты (по преимуществу последняя четверть XX века), дает следующие цифры: *или* — 695 употреблений, *али* — 16 употреблений.

3.1. *Ili* в северном диалекте

В северном диалекте *ili* употребляется только как маркер дизъюнкции:

- (40) *Kūny mat qol'c-enta-p tat cōty tīpy-p ili*
откуда я найти-Fut-01 ты для гвоздь-Acc или
tōntypo-p tašynty illä mē-qo?
доска-Acc ты.Асс вниз сделать-Inf

‘Откуда я найду для тебя гвоздь или доску, чтобы тебя похоронить?’ [Кузнецова и др. 1993: 36// текст 26, предл. 36].

3.2. *Ali* в тымском диалекте

У *ali* в тымском диалекте несколько функций. Во-первых, этот союз используется как маркер дизъюнкции:

- (41) *uarya k'ōzə-m mē-lle k'ai lōzə-m*
 большой жертва-АСС делать-Сvв что черт-АСС
nādemna; sīr ali tūndə-l k'ōze
 надобно корова или лошадь-АТТР жертва
 'Когда приносишь большую жертву, что необходимо духу: жертва в виде коровы или лошади' [Do. Ms.].

Ниже приводится пример на аналогичное употребление *ali* из старорусского корпуса⁹. Выбор именно этого подкорпуса для цитирования примеров употребления *али* обусловлен тем, что в корпусе современного русского языка далеко не все употребления *али* можно считать аутентичными, так как часто *али* используется как стилизация под «народную» речь.

- (42) *Тут же приежалъ и Феодоръ-покойникъ з дѣтми ко мнѣ побыват[ь] и спрашивался со мною, какъ ему жить: «В рубашике л[ь]-де ходит[ь] али плат[ь]е вдѣтъ?»* [протопоп Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное (1672–1675)].

Во-вторых, в тымском сформировалось несколько конструкций на основе вопросительных употреблений *али*. С индикативными формами *ali* передает значение общего вопроса:

- (43) *āma, ēldžā-D šák k'an ē-del kuq̄zə-l*
 мама дядя-GEN старый быть-PTPRAET железо-АТТР
pqr̄γə āli ē-g'?
 одежда али быть-АOR.S3
 'Мама, есть ли старый панцирь моего дяди?' [Do. Ms.].

- (44) *tē kaj-γən ēma āli kōndər-sā-ləv*
 вы что-LOC INDEF али видеть-PTPRAET-S2PL
mōr̄ε-D sāl̄k' q̄-γəv tēγa-v
 море-GEN середина-LOC меч-АСС
 'Не видели ли вы где-либо посреди моря меч?' [Do. Ms.].

В русском такое употребление *али* также встречается:

- (45) *К Тимофею пишет в кн[и]ге своей сице г[лаго]ля: «Дитя, али не разумѣш[ь], яко вся сия внешняя бляд[ь] ничто ж сут[ь], но токмо прелесть, и тля, и пагуба.* [протопоп Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное (1672–1675)].

⁹ В отсутствие материалов по русским диалектам Западной Сибири начала XX века (и ранее) мы пользуемся старорусским корпусом как хронологически наиболее близким к периоду ранних селькупско-русских контактов материалом, фиксирующим живое употребление *али*.

В сочетании с формами косвенной эвиденциальности — инфертива (46), латентива прошедшего времени (47), (48) — *ali* выражает значение предположения:

- (46) *komdā k'ādā-mba-Ø, āli ǝǝǝš kotšā-gən-d*
 деньги куда.даться-INFER-S3 или весь подушка-LOC-3
säyäl-bā-d
 спрятать-INFER-S3
 (Женщина размышляет:) ‘Куда же делись деньги, может, он их в подушку спрятал?’ [Do. Ms.].

- (47) *k'äldžəg aža k'əndā-nne-g' āli ɔne-g*
 почему NEG спать-AOR-S1 али сам-1
ugol' ɛldžəyā-m tū-mənda-Ø
 прежний жена-1 прийти-NARRLATENT-S3
 ‘Почему мне не спится, может, моя прежняя жена пришла?’ [Do. Ms.].

- (48) *tär^в-ka-Ø: “āli maɖ ɛldžəga-m nat'əd*
 думать-НАВ.АОР-S3 али я жена-1 туда
kuənə-məndā-d”
 уйти-NARRLATENT-O3PL
 (Мужчине рассказал его брат, что его жену украли тунгусы. Мужчина встретил на охоте тунгусов и спросил, что они тут делают, Тунгусы сказали, что женщину они не крали, и после этого они разошлись в разные стороны. Но мужчина) подумал: «Может, это они увели мою жену?» [Do. Ms.].

Примеры такого употребления *али* встретились в диалектном подкорпусе:

- (49) *gворит, куды́ дева́лася, али́ замёрзла? Прийё́хал — де́фка замёрзла лежы́т*
 [Сдериха в бане (д. Нюхча, Пинежский район, Архангельская область, 2009)].

В сочетании с формой с футурально-оптативной полисемией *ali* выражает одновременно оба значения: вопрос в сочетании с эпистемической возможностью (что иногда, как кажется, дополнительно актуализует оптативный компонент):

- (50) *ləyā, (k)ara-d torɛ-d taɥārɨš taɖ taɖ lōzə-l*
 друг шутка-GEN игра-GEN товарищ ты этот черт-GEN
kondžə-l mōɥ-ɛnd t'ələɣ-məna-nd, k'aj-l ēma
 корень-ATTR COLL-2 иметь-NARRLATENT-S3 что-ATTR INDEF
tʃuödže līv āli k'āmbā-ltšö-llɛ-nd-z
 земля полоска али появиться-CAUS-OPT-S2-OPT
 ‘Друг, товарищ игр и увеселений, у тебя есть сверхъестественные способности, может быть, ты создашь полоску земли (где можно было бы поиграть), а?’ [Do. Ms.].

- (51) *tab ali mē-zε kuel-lā-nd-z*
 ты али мы-INSTR уйти-Орт-S2-Орт
 ‘Может быть, ты пойдѳшь с нами?’ [Do. Ms.].

Таких употреблений *али* (а также *или*) в русском языке (ни в основном, ни в старорусском подкорпусе) обнаружить не удалось. Таким образом, по крайней мере употребления с оптативом, типа (50) и (51), совершенно явно являются оригинальной собственно тымской новацией.

Можно обратить внимание на то, что в русском языке в контекстах типа селькупских (43)–(44), (46)–(48) гораздо естественнее употребить конструкцию с отрицанием и *ли* типа *Не пойдѳшь ли ты с нами, Не они ли увели мою жену*. Теоретически селькупское *ali* может восходить не только к русскому *ali*, но и к сочетанию исконно селькупского отрицательного элемента *aš* с заимствованной частицей *li* (*aš li > ali*). Тем не менее, есть два аргумента против того, чтобы усматривать здесь стяженную отрицательную конструкцию. Во-первых, посмотрим на пример (43) с конструкцией *ali ē-g*? ‘есть ли?’. Если предполагать здесь стяженную отрицательную конструкцию (‘нет ли’), в этой фразе не употреблялся бы глагол ‘быть’, вместо него был бы употреблен глагол *čājku-* ‘не иметься’, см. [Wagner-Nagy 2011: 208–209]. Во-вторых, посмотрим на примеры типа (50)–(51) с оптативом. В них отрицательная конструкция также не могла бы иметь вид **aš li*, так как при оптативе употребляется другое отрицание, то же, что в сочетании с императивными формами образует прохитив — отрицание *jkə*, см. [Wagner-Nagy 2011: 146]. Таким образом, более правдоподобным все же выглядит предположение о том, что в данном случае перед нами именно заимствованный из русского языка союз *ali*.

3.3. *Ali, ili* и *to li* в васюганско-парабельском диалекте

В васюганско-парабельском диалекте *ali* может употребляться как маркер общего вопроса (такой пример встретился всего один, см. (52)), а также употребляется в сочетании с исконно селькупским отрицанием в значении ‘или нет’ (53):

- (52) *umbi na amdɔl, ku₂-n i: vanka čenča:-Ø*
 теперь этот царь_{1,2}-GEN сын PN сказать.AOR-S3
ti: nan iɕiɕo aɕu e-ja-Ø qalme kup
 вы у еще али быть-AOR-S3 какой.INDEF человек
 ‘Теперь этот царский сын Иван говорит: «У вас еще есть ли какой человек?» [Морев 1981: 128].

- (53) *mat na:-n koɕtɔ-le:-bi, ne:-m*
 я это-ACC узнать-FUT-01.FUT дочь-1
iɕiɕé:de-ɕna-Ø aɕu a:
 врать-ITER.AOR-S3 али NEG
 ‘А царь сказал: «Я это узнаю, врѳет моя дочь или нет»’ [Дульзон 1966а: 115].

Или употребляется в васюганском как показатель дизъюнкции:

- (54) *чынггъ ъ°:джелы-мбá:-дът и́ли т́ве:гът*
 лебедь говорить-DUR.AOR-s3PL или гусь
ъ°:джелы-мба:-дет
 говорить-DUR.AOR-s3PL
 ‘Лебеди гогочут или гуси гогочут’ [Дульзон 1966а: 101].

Для васюганско-парабельского интересно также рассмотреть заимствование русского *то ли*. Эта заимствованная единица в васюганско-парабельском диалекте используется как показатель эпистемической возможности, и в одиночном употреблении (55), (56), и в составе дизъюнктивной конструкции (57), (58), где дизъюнкция оформляется союзом *или*. При этом, если ситуация относится к прошлому, как в (55), (57) и (58), глагол оформляется показателем косвенной эвиденциальности — инферентива, если же она относится к будущему времени, как в (56), глагол имеет форму инфинитива, который в селькупском имеет модальные употребления:

- (55) *қайқо-да́ татт́ а: ве́сóла-қ е:-ја-нд,*
 почему-INDEF ты NEG веселый-ADV быть-AOR-s2
то́ ли кö:del-ба-нд?
 то.ли заболеть-INFER-s2
 ‘Почему-то ты не весёлая. Может, заболела?’ [Дульзон 1966а: 114].
- (56) *на жьдъ нánä-ндиге қай-п тәрба-ндъ*
 этот два сестра-2.INSTR что-ACC думать.AOR-s2
ме:-гу? то́ли табьити́ја-п кват-ку
 делать-INF то.ли они.DU-ACC убить-INF
 ‘С этими двумя сестрами что делать думаешь? Может, их убить?’ [Дульзон 1966а: 125].
- (57) *қайқо чу:ра-л-ти то́ли lale-мба-лm*
 почему плакать-AOR-s2PL то.ли устать-INFER-s2PL
и́ли қвожсeлы-мба-лm
 или проголодаться-INFER-s2PL
 ‘Почему вы плачете? Может, устали или проголодались?’ [Дульзон 1966а: 99].
- (58) *та зай то́ли кö:del-ба-нд и́ли*
 ты что то.ли заболеть-INFER-s2 или
кудъ ж́ндъ қатéл-ба-Ø?
 кто ты.ACC побить-INFER-s3
 ‘Ты, может, захворал, или кто-то тебя побил?’ [Дульзон 1966а: 118].

В литературном русском языке *то ли* не выражает эпистемической возможности, но в севернорусских диалектах есть точные аналоги селькупских примеров

с эпистемическим употреблением *то ли* — как с одиночным употреблением *то ли* (59)–(60), так и с его употреблением в составе дизъюнктивной конструкции (61)¹⁰:

(59) *Ей было сказано... ну, Мих... Архангел Гавриил, где он правил тут, что зачцнеши, Мария... Как уже... забыла-то... Зачцнеши сына. Она. видимо... то ли во сне это дело было ей, явлениё, видно. А... что сына заццнешь.* [Религия. Жизнь Христа (Архангельская область, 2007)]

(60) *ну конечно отслуживались служили там три года отслуживали у меня брат например отслужился в котором она наверно так нет не в десятом он раньше шёл потому что в четырнадцатом году война началась уже он был женат ну правда он... уже ребёнок был наверно году к десятому то ли оне вернулись раньше наверно призывались* [Олени (Карелия, 1975)]

(61) *Заложки потом, хоть железная ли какая койка за ногу подеть можно у ноги коечки, то ли у кого или под подушку.* [Обычаи. Староверы (Архангельская область, 1996)]

3.4. *Ali* и *li* в верхнеобском диалекте

В верхнеобском диалекте *ali* используется как маркер дизъюнкции (62) и как показатель общего вопроса (63). Встретился единственный пример употребления *ali* как маркера вопроса, и в этом предложении *ali* употребляется вместе с показателем отрицания *as*. При этом материал васюганско-парабельского диалекта показывает, что отрицательные клаузы являются более консервативным контекстом, в котором *ali* может сохраняться, уже не употребляясь в других случаях, см. (53); об эффекте сохранения выходящих из употребления грамматических форм в более консервативных контекстах, как правило, неассертивного характера, написано, в частности, в [Vybe et al. 1994: 295–296]. Так что, возможно, и в верхнеобском *ali* как маркер вопроса (точнее, функционально вопроса-предположения) закрепился только в сочетании с отрицательной формой.

(62) *тан менга пыч али па четче-т конне*
ты я.Лат топор али нож принести-оІмр2 к.воде
‘Ты принеси мне на берег топор или нож’ [Григоровский 1879: 35].

(63) *ас аль сакку-галт тю-за-нт?*
NEG али огниво-CARIT прийти-PRAT-S2
‘Не без огнива ли ты пришел?’ (= ‘Наверное, ты пришел без огнива?’)
[Григоровский 1879: 27].

¹⁰ В (61) *то ли* (несмотря на предшествующую запятую в транскрипции) явно стоит в пост-позиции к конъюнкту *у ноги коечки*: значение примера — очевидно ‘можно зацепить за ножку кровати или положить под подушку’.

3.5. *Ali, li* и исконный маркер дизъюнкции *tu* в кетском диалекте

В кетском диалекте, единственном из всех селькупских диалектов, есть исконный показатель дизъюнкции *tu* / *to* (64), который употребляется и в современном языке (65):

- (64) *ēŋ tu t'āngu-Ø*
 быть.AOR.S3 или не.иметься.AOR.S3
 'есть или нет?' [Do. Ms.].

- (65) *qwen-žā-n tu asse qwen-žā-n*
 уйти-FUT-S3 или NEG уйти-FUT-S3
 'поедет или не поедет?' [Беккер и др. 1995: 223].

Ali употребляется как показатель дизъюнкции либо как альтернатива *tu* (ср. аналогичные предложения (66) и (67), в первом из которых употреблено *tu*, во втором — *ali*), либо в сочетании *alimu*, то есть интегрируясь в исконную конструкцию, как в (68).

- (66) *tan kaj nūj ī-d° tū-mbindā-:nd°*
 ты что небо.ATTR сын-3 прийти-NARR.LATENT-S2
mo γaj sē tšu°ttši ī-d°
 или что черный земля.ATTR сын-3
 'Ты пришел как сын неба или как сын земли?' [Do. Ms.].

- (67) *tan kaj nūj ī-d° ē-mma-nd°*
 ты что небо.ATTR сын-3 быть-INFERR-S2
āli tšuattši ī-d° ē-mma-nd°
 али земля.ATTR сын-3 быть-INFERR-S2
 'Ты сын земли или сын неба?' [Do. Ms.].

- (68) *kundā alimu tanikkaŋ man qondā-za-ŋ*
 долго или коротко я спать-PRAET-S1
 'долго или коротко я спал' [Беккер и др. 1995: 223].

3.6. Употребления *kaǰə* 'что' в северном селькупском в качестве частицы

Прежде чем обобщать наблюдения над заимствованием *али* и *или* в селькупские диалекты, необходимо рассмотреть употребления селькупской частицы *kaǰə*, восходящей к вопросительному местоимению 'что?': ее функции частично пересекаются с функциями заимствованных элементов, а, как мы видели, функционал исконного элемента семантически близкого к заимствованному, может оказывать влияние на употребление последнего. Эта частица представлена во всех диалектах, однако мы рассмотрим ее употребления на примере северного, так как в нем представлен наиболее полный спектр употреблений.

В северном диалекте частица *qajə* имеет следующие употребления:

1. В парном (69) и реже в одиночном (70) употреблении *qajə* оформляет конструкцию со значением дизъюнкции:

(69) *qaj salty qaj pō aty-nty-Ø*
 что пень что дерево видимым.быть-LATENT-S3
 ‘То ли пень, то ли дерево виднеется’ [Кузнецова и др. 1993: 36; текст 26, предл. 16].

(70) *kāil kuōššo-d təb-əd t'ādə tav' nov'*
 какой мучение-3 он-GEN для этот небо
qaj tav' tųətte təb-ət t'sātə pīn-məndə-d
 что этот земля он-GEN для положить-NARRLATENT-O3
 ‘Какое мучение предназначено ему землей или небом?’ [Do. Ms.].

2. Частица *qajə* в сочетании с индикативом и инферентивом может выступать как маркер общего вопроса, см. (71), (72), а также первые клаузы в примерах (73) и (74):

(71) *Nop qaj ɔnyl' nīl'cyk kəty-mpa-ty?*
 бог что правда так сказать-INFER-O3
Šöl'qumy-l' pelä-qqyt tətyry qaj
 селькуп-ATTR половина-LOC шаман что
tətyk nom-ty weriŋ-py-lä ila-Ø?
 верно бог-LAT верить-DUR-CVB жить.AOR-S3
 ‘Бог действительно ли так сказал? На селькупской стороне шаман, правильно ли в Бога веруя, живет?’ [Кузнецова и др. 1993: 34; текст 25, предл. 1, 2].

(72) *kətsan! qaj anna-mdə qulələl'əa-l?*
 внук что лодка-ACC.2 распялить.AOR-O2
 ‘Внучек! Вставил ли ты распорки в свою лодку?’ [Прокофьев 1935: 105].

3. В сочетании с латентивом — наклонением косвенной эвиденциальности — *qajə* может маркировать эпистемическую возможность:

(73) *qaj e-sj-Ø qorqi qaj mātä-n-t ā-š*
 что быть-PRAET-S3 медведь что дверь-GEN-3 рот-GEN
šū-mīn ponä qaj tap tantšjil'či-mmīnti-Ø?
 дыра-PROL наружу что этот выйти-NARRLATENT-S3
 ‘Что тут было? Медведь что ли из берлоги (досл.: по двери свой отверстию) на улицу, наверное, выходил?’ [Прокофьев, рук.].

- (74) *āmtāl'*₁ *qo*₂-*t* *nāl'ā-qī* *ukkīr* *čontō-qīt* *nił'čik*
 царь_{1,2}-Gen дочь-Du один обстоятельство-Loc так
qol'či-ŋj-tj. “*qai e-s-Ø?*” *aja qaj ima-p*
 увидеть-AOR-03DU что быть-PRAET-S3 PN что жена-ACC
qōl'či-ntj-tj?”
 найти-LAT-03

(Трикстер привез на ручной нарточке мертвую старушку, усадив ее так, будто бы она жива, и поставил нарточку в отдалении.) ‘Царя дочки (двое) однажды так увидели: «Что это было, Ая, похоже, жену нашёл?» [Прокофьев, рук.]’

4. В сочетании с формами опатива времени *qajə* передает значение ориентированной в будущее эпистемической возможности:

- (75) *il'ca!* *tat qaj lōz-andə ē-lä-ndə*
 дед ты что черт-PRED2 быть-ОПТ-S2
 ‘Дедушка! Ты что ли чертом будешь (по-видимому)?’ [Прокофьев 1935: 105].

- (76) *mat qai t'y-la-ng, qai qate-la-ng, aša tenema-m*
 я что прийти-ОПТ-S1 что что.случиться-ОПТ-S1 Neg знать.AOR-01
 ‘Не знаю, может, я приду, может, со мной что-нибудь случится’ [Castrén, Lehtisalo 1960: 249].

3.7. Заимствование *ili* и *ali*: основные выводы

Итак, мы можем выделить те же три случая, что выше были выделены на материале заимствования *vēs*:

1. Набор значений заимствованной единицы в языке-реципиенте не повторяет полисемию заимствуемой единицы в языке-доноре, однако при этом он в точности соответствует полисемии некоторого исконного элемента. Этот случай представлен заимствованием *ali* в тымский диалект; в качестве исконной единицы, с которой функционально отождествляется *ali*, выступает селькупская частица *qajə*, см. Таблицу 4.

Таблица 4. Сопоставление употреблений *ali* в тымском диалекте селькупского с русским *али* и селькупским *qajə*

	Русское <i>али</i>	<i>ali</i> в тымском селькупском	<i>qajə</i> в северном селькупском
маркер дизъюнкции	+	+	+
с индикативом — общий вопрос	+	+	+
с эвиденциальными формами — эпистемическая возможность	+	+	+
с будущим временем — эпистемическая возможность	—	+	+

2. В язык-реципиент реплицируется полный набор значений, представленный у заимствуемой единицы в языке-доноре. Это случай заимствования *ali* и *to li* в васюганско-парабельский и *ali* в верхнеобской диалекты селькупского.

3. В язык-реципиент переносятся только самые частотные значения, представленные у заимствуемой единицы в языке-доноре. Это случай заимствования *ali* в кетский диалект и *ili* в северный и васюганско-парабельский диалекты селькупского. Для *ili* такая ситуация вполне ожидаема: как мы показали в начале раздела, заимствование *или* является более поздним в сравнении с заимствованием *али*. Что касается ограниченного спектра значений *ali* в кетском диалекте, он имеет, вероятно, иное объяснение: функциональное отождествление *ali* с исконной монофункциональной единицей — маркером дизъюнкции *ти*.

4. Заключение

Следует предполагать, что этим трем ситуациям (набор значений заимствованной единицы в языке-реципиенте воспроизводит полисемию некоторого исконного элемента — в язык-реципиент реплицируется полный набор значений заимствуемого элемента из языка-донора — в язык-реципиент переносятся только самые частотные значения, представленные у заимствуемой единицы в языке-доноре) можно поставить в соответствие три различные с точки зрения витальности идиома-реципиента контактные ситуации. Для тымского диалекта начала XX века мы можем реконструировать ситуацию, в которой по крайней мере некоторые носители этого диалекта в достаточной мере владели русским языком, однако функционально доминирующим оставался селькупский, чем и определялся некоторый селькупский «семантический акцент» при употреблении заимствованных из русского единиц *vēs* (под влиянием исконного *muntəŋ*) и *ali* (под влиянием исконного *kaŋə*). Исследование заимствований конца XIX — середины XX в. позволяет реконструировать для верхнеобского, кетского и васюганско-парабельского диалектов ситуацию устойчивого русско-селькупского билингвизма, характеризующуюся достаточно полным владением обоими языками и отсутствием угрозы витальности селькупского. В такой ситуации происходит полное реплицирование функционала заимствуемой единицы. Наконец, для поздних заимствований (вторая половина XX века) в верхнеобском и северном диалектах мы можем реконструировать ситуацию функционального доминирования русского языка. В этой ситуации — при явном улучшении владения русским языком у носителей селькупского — в селькупский переносится уже не полный функционал заимствуемой единицы, а только наиболее частотные ее употребления: язык с ограниченной сферой употребления утрачивает способность полноценного освоения заимствованных единиц (как и полноценного функционирования исконных элементов).

При этом, как мы видели на примере *vēs* в васюганско-парабельском диалекте, важно понимать, что мы не всегда можем с уверенностью датировать заимствование по его функционалу: вероятнее всего, в васюганско-парабельский диалект *vēs* был заимствован на стадии функционального доминирования селькупского,

но позднее функционал этого слова выровнялся под влиянием русского языка в ситуации устойчивого русско-селькупского билингвизма, характеризующейся достаточно полным владением обоими языками.

Аналогичный анализ функционирования заимствованного из русского языка союза *и* в селькупских диалектах представлен в статье [Урманчиева 2023]. Результаты настоящего исследования согласуются с результатами, представленными в [Урманчиева 2023] (в том числе с точки зрения социолингвистических характеристик русско-селькупской контактной ситуации, выделенных для каждого из рассмотренных селькупских идиомов). Это, на наш взгляд, дополнительно подтверждает правильность предложенного анализа и полученных выводов.

К сожалению, не существует специальных социолингвистических исследований, в которых приводились бы данные о языковой ситуации по отдельным селькупским диалектам в различные периоды их истории, что не позволяет привести дополнительные независимые подтверждения нашего предположения. Е. А. Хелимский так очерчивает основные моменты истории территориальных групп селькупов в период русской колонизации: «Окончательное покорение приобских земель и обложение селькупов данью (ясаком) произошло на рубеже XVI–XVII вв., когда по мере продвижения русских вверх по Оби были последовательно построены Нарымский острог (1596), Кетский острог (1602) и основан город Томск (1604). <...> К концу XIX в. численность селькупов на территории современной Томской области, несмотря на ассимиляционные и миграционные потери, составляла около 4 тыс. чел. Следует, однако, принять во внимание то обстоятельство, что селькупы бассейна Средней Оби были давно крещены и постепенно сливались с русским (к тому времени уже старожильческим) крестьянским населением этих мест. Значительная часть из них, продолжая именоваться «остяками», фактически превратились в одну из этнографических групп русского населения Средней Оби. В течение XX в. этот ассимиляционный процесс усилился (в частности, по причине насильственных переселений нарымских селькупов, оказавшихся в сфере господства ГУЛАГа). В последние десятилетия он полностью охватил даже наиболее удаленные местности в бассейнах рек Тыма и Кети» [Хелимский 1996 / 2000: 36]. В этой же работе он упоминает известный факт активного ухода в XVII–XVIII вв. селькупов с Тыма от русской колонизации на удаленные от русских северные территории (бассейн Таза и Турухана) и дает такую оценку ситуации у северных селькупов в интересующий нас период: «Северных селькупов в конце XIX в. насчитывалось около 800 чел., к настоящему времени их численность возросла примерно вдвое, причем уровень владения родным языком остается относительно высоким. Этому способствует относительная изоляция (в ряде населенных пунктов региона селькупы продолжают составлять большинство населения) и сохранение традиционных промыслов (рыболовство, охота)» [Хелимский 1996 / 2000: 36–37].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADV — суффикс наречий; AOR — аорист; ATTR — суффикс атрибутивных форм; CARIT — каритив; CAUS — каузатив; COLL — собирательная форма; CONN — коннектив-реципрок (маркирует группу людей, связанных симметричными отношениями, напр., ‘братья’); CVB — деепричастие; DIM — диминутив; DU — двойственное число; DUR — дуратив; EL — элатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; HAV — хабитуалис; IMP — императив; INCH — инхоатив; INDEF — неопределенное местоимение; INF — инфинитив; INFER — инферентив; INSTR — инструменталис; INTENS — интенсивно-перфектная совершаемость; ITER — итератив; LAT — латив; LATENT — латентив; LOC — локатив; NARRLATENT — латентив прошедшего времени, употребления которого по преимуществу ограничены нарративными текстами; NEG — отрицание; o — объектное спряжение; OPT — оптатив; PL — множественное число; PN — имя собственное; PRAET — прошедшее время; PRED — предикативная форма имени; PROL — пролатив; RPPRAET — причастие прошедшего времени; RES — результатив; s — субъектное спряжение; VDN — суффикс отыменного глагола.

Литература

Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В, Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Часть 2. Томск: Томский государственный педагогический институт, 1995. 283 с.

Григорьевский Н. П. Азбука сюсогой гүлани. Казань: Типография Императорского Университета, 1879. 49 с.

Дульзон А. П. Селькупские сказки // Языки и топонимия Сибири. Вып. 1. Томск: Изд-во Томского университета, 1966а. С. 96–158.

Дульзон А. П. Кетские сказки. Томск: Изд-во Томского университета, 1966б. 166 с.

Казакевич О. А. Изменение структуры языка с ограниченной сферой употребления // Малые языки и традиции: существование на грани / ред. М. А. Даниэль, В. В. Иванов, Т. К. Церетели, Д. И. Эдельман. Москва: «Новое издательство», 2005. С. 122–134.

Ким А. А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 1997. 219 с.

Кузнецова А. И. Вариативность как один из факторов расшатывания языковой системы в процессе языкового сдвига (на материале селькупского языка) // Языковые изменения в условиях языкового сдвига / отв. ред. Н. Б. Вахтин. Санкт-Петербург: Нестор, 2007. С. 139–161.

Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. Москва: МГУ, 1993. 196 с.

Кузьмина, рук. — неопубликованные селькупские тексты, записанные А. И. Кузьминой, представлены в селькупском корпусе проекта INEL (Brykina, Maria; Orlova, Svetlana; Wagner-Nagy, Beáta. 2021. “INEL Selkup Corpus.” Version 2.0. Publication

date 2021-12-31. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F4D9-1>. Archived at Universität Hamburg. In: The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>; дата обращения 17.09.2024).

Малые языки Сибири: наше культурное наследие — <https://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru> (дата обращения 15.11.2024).

Морев Ю. А. Сказки (Нельмач) // Сказки народов Сибирского Севера. Томск: Изд-во Томского университета, 1981. С. 122–130.

Прокофьев Г. Н. Селькупская (остяко-самоедская грамматика). Л.: Изд-во института народов Севера ЦИК СССР, 1935. 132 с.

Прокофьев, рук. — Неопубликованные селькупские тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым и обработанные О. А. Казакевич; оригиналы текстов хранятся в Архиве МАЭ РАН, компьютерная версия копий этих текстов, сделанных в 1940–1941 гг. Л. А. Варковицкой, входит в Селькупский компьютерный архив ЛАЛС НИВЦ МГУ.

Урманчиева А. Ю. Модели функциональной адаптации заимствованного из русского языка союза и в селькупских диалектах // Rhema. Рема. 2023. № 1. С. 31–57.

Фёдоров А. И. (ред.). Словарь русских говоров Сибири. Т. 1: А — Г. Новосибирск: Наука, 1999. 304 с.

Хелимский Е. А. К исторической диалектологии селькупского языка // Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 68–79 (впервые опубликовано в Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул: Издательство Барнаульского государственного педагогического института, 1985. С. 42–58.)

Хелимский Е. А. Очерк истории самодийских народов // Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. 640 с. С. 68–79. (впервые опубликовано в Финно-угорский мир (Справочник по истории, культуре и языку). Будапешт; Москва: Б. и., 1996. С. 101–115.)

Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004. 464 p.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. Evolution of grammar. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 420 p.

Castrén M. A., Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia. 122). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1960. 462 p.

Do. Ms. — Неопубликованные селькупские тексты, записанные в начале XX века К. Доннером и проанализированные Я. Алатало

Helimski E. The Language of the First Selkup Books. Szeged: Szeged University, 1983. 268 p.

Thomason S. G., Kaufman T. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley: University of California Press, 1988. 428 p.

Wagner-Nagy B. On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia 262). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004. 336 p.

A. Yu. Urmanchieva
Institute for Linguistic Studies RAS
(Russia, St. Petersburg)
urmanna@yandex.ru

BORROWING OF THE RUSSIAN PRONOUN *VES* 'ALL' AND CONJUNCTIONS *ILI*, *ALI* 'OR' INTO SELKUP DIALECTS

This article addresses the following question: can differences in the functionality of a borrowed unit in the recipient language reflect differences in the parameters of the contact situation? Does a model of functional adaptation of a borrowed unit reflect the degree of vitality of the recipient language in a situation of bilingualism?

Three models of functional adaptation of a borrowed unit can be distinguished:

- 1) the set of meanings of a borrowed unit in the recipient language does not repeat the polysemy of the borrowed unit in the donor language, but corresponds exactly to the polysemy of some original element;
- 2) the complete set of meanings of the borrowed unit in the donor language is replicated into the recipient language;
- 3) only the most frequent meanings of the borrowed unit in the donor language are transferred to the recipient language.

I assume that these three models correspond to three contact situations different in terms of the vitality of Selkup.

For the first model, it is possible to reconstruct a situation in which at least some speakers of a dialect were proficient in Russian, but the Selkup language remained functionally dominant.

For the second model, it is possible to reconstruct the situation of Russian-Selkup bilingualism, characterized by a fairly complete proficiency in both languages and the absence of a threat to the vitality of Selkup.

For the third model, it is possible to reconstruct the situation of functional dominance of the Russian language.

Keywords: Selkup language, Russian language, language contacts, borrowing conjunctions, borrowing pronouns

References

Alatalo J. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo* (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004. 464 p.

Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Il'yashenko I. A. *Morfologiya sel'kupskogo yazyka*. [Morphology of the Selkup language] Pt. 2. Tomsk, Tomsk State Pedagogical Institute, 1995. 283 p. (In Russ.).

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *Evolution of grammar*. Chicago, University of Chicago Press, 1994. 420 p.

Castrén M. A., Lehtisalo T. *Samojedische Sprachmaterialien* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. 122). Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1960. 462 p.

Do. Ms. — Unpublished Selkup texts recorded at the beginning of the 20th century by K. Donner and analyzed by J. Alatalo.

Dulzon A. P. [Selkup fairy tails]. *Yazyki i toponimiya Sibiri* [Languages and toponymy of Siberia]. Vol. 1. Tomsk, Tomsk University Press, 1966a, pp. 96–158. (In Russ.)

Dulzon A. P. *Ketskiye skazki* [Ket fairy tails]. Tomsk, Tomsk University Press, 1966b. 166 p. (In Russ.)

Fedorov A. I. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian dialects of Siberia]. Vol. 1: A — G. Novosibirsk, Nauka, 1999. 304 p. (In Russ.)

Grigorovskiy N. P. *Azbuka syüssogoy gúlani* [The Alphabet for Selkups]. Kazan, Printing house of the Imperial University, 1879. 49 p. (In Russ.)

Helimski E. *The Language of the First Selkup Books*. Szeged, Szeged University, 1983. 268 p.

Helimski E. A. [On the historical dialectology of the Selkup language]. E. A. Helimski. *Komparativistika, uralistika. Lekcii i stat'i*. [Comparative studies, Uralistics. Lectures and articles] Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 2000, pp. 68–79 (first publication in *Leksika i grammatika yazykov Sibiri* [Lexis and grammar of the languages of Siberia]. Barnaul, Publishing house of Barnaul State Pedagogical Institute, 1985, pp. 42–58.) (In Russ.)

Helimski E. A. [An outline of the history of the Samoyedic peoples]. E. A. Helimski. *Komparativistika, uralistika. Lekcii i stat'i*. [Comparative studies, Uralistics. Lectures and articles] Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 2000, pp. 68–79 (first publication in *Finno-ugorskiy mir (Spravochnik po istorii, kul'ture i yazyku)* [Finno-Ugric World (Handbook of History, Culture and Language)]. Budapest; Moscow, S.n., 1996, pp. 101–115). (In Russ.)

Kazakevich O. A. [Changing the structure of a language with a limited scope of use]. *Malye yazyki i tradicii: sushchestvovanie na grani* [Minor languages and traditions: existence on the verge]. M. A. Daniel', V. V. Ivanov, T. K. Cereteli, D. I. Edel'man (Eds). Moscow, «Novoe izdatel'stvo», 2005, pp. 122–134. (In Russ.)

Kim A. A. *Ocherki po sel'kupskoj kul'tovoj leksike* [Essays on Selkup cult vocabulary]. Tomsk, Publishing house of scientific and technical literature, 1997. 219 p. (In Russ.)

Kuzmina, ruk. — Unpublished Selkup texts recorded by A. I. Kuzmina, presented in INEL Selkup Corpus (Brykina, Maria; Orlova, Svetlana; Wagner-Nagy, Beáta. 2021. “INEL Selkup Corpus.” Version 2.0. Publication date 2021-12-31. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F4D9-1>. Archived at Universität Hamburg. In: The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1> (accessed on 17.09.2024).

Kuznecova A. I. [Variability as one of the factors of weakening the language system in the process of language shift (on the material of the Selkup language)]. *Yazykovye izmeneniya v usloviyakh yazykovogo sdviga* [Language changes under conditions of language shift]. N. B. Vakhtin (Ed.). St. Petersburg, Nestor, 2007, pp. 139–161. (In Russ.)

Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Yu., Khelimsky E. A. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Vol. 2. Moscow, Moscow University Press, 1993. 196 p. (In Russ.)

Malye yazyki Sibiri: nashe kul'turnoye naslediye [Minor languages of Siberia: our cultural heritage]. URL: <https://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru> (accessed on 15.11.2024).

Morev Yu. A. [Fairy tails (Nel'mach)]. *Skazki narodov Sibirskogo Severa* [Fairy tales of the peoples of the Siberian North]. Tomsk, Tomsk University Press, 1981, pp. 122–130. (In Russ.)

Prokofyev G. N. *Selkupskaya (ostyako-samoyedskaya grammatika)* [Selkup (Ostyak-Samoyed) Grammar]. Leningrad, Publishing House of the Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR, 1935. 132 p. (In Russ.)

Prokofyev, ruk. — Unpublished Selkup texts recorded by G. N. Prokofyev and processed by O. A. Kazakevich; the original texts are stored in the Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS, a computer version of copies of these texts made in 1940–1941 by L. A. Varkovitskaya is part of the Selkup Computer Archive of the Laboratory of Automated Lexicographic Systems of Research Computing Center of Moscow State University.

Thomason S. G., Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley, University of California Press, 1988. 428 p.

Urmanchieva A. Yu. [Functional adaptation models of loaned from the Russian conjunction *i* ('and') in Selkup dialects]. *Rhema. Rema*. 2023, no. 1, pp. 31–57. (In Russ.)

Wagner-Nagy B. *On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 262). Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004. 336 p.

И. А. Хомченкова
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
irina.khomchenkova@yandex.ru

НЕСТАНДАРТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРЕДЛОЖНЫХ ГРУПП В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ СЕВЕРНО-САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ¹

В статье рассматривается нестандартное употребление предложных групп в русской речи носителей северно-самодийских языков (нганасанского, лесного энецкого, тундрового энецкого и тундрового ненецкого) на материале Корпуса русской речи носителей языков Севера Сибири и Дальнего Востока. Описываются собственно нестандартное употребление предложных групп (предложная группа на месте именной; нестандартный предлог) и нестандартная реализация предложных групп (именная группа на месте предложной; нестандартное маркирование существительного в предложной группе; опущение предлогов). Обсуждается, какие из рассмотренных примеров могут быть обусловлены влиянием самодийских моделей управления, контаминацией с русскими моделями управления или общим неполным усвоением. Также на материале примеров с (не)опущенным предлогом *в* был проведен статистический анализ. Он показывает, что на опущение этого предлога влияет семантика существительного: *в* чаще всего опускается во временных выражениях, а также в сочетаниях с существительными, обозначающими «типичные» места (названия населенных пунктов, топографических объектов и т. д.). Такие факторы, как фонетический контекст (перед гласным vs. перед согласным) и падеж существительного (предложный vs. винительный), оказываются незначимы. Из социолингвистических факторов значимым оказывается уровень образования: носители с начальным и средним образованием более склонны к опущению предлогов, чем носители с высшим образованием.

Ключевые слова: предлоги, предложная группа, именная группа, модели управления, языковые контакты, грамматическая интерференция, корпусная лингвистика, русский язык, самодийские языки

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 24-18-00199, выполняемый в Институте языкознания РАН).

1. Введение

В статье описывается нестандартное употребление предложных групп в русской речи носителей северно-самодийских языков: нганасанского, лесного энецкого, тундрового энецкого и тундрового ненецкого. Нестандартное оформление предложной группы ожидаемо в русской речи носителей этих языков, поскольку самодийские языки — это языки с левым ветвлением, в которых используются послелоги, а не предлоги; падежный инвентарь этих языков отличается от русского и содержит в том числе локативные падежи; русский и самодийские языки имеют различные модели управления.

Рассматриваемое нами явление отмечалось и в других разновидностях русской речи билингвов. Так, в русской речи жителей Дагестана зафиксировано опущение предлогов (например, *жить этом доме* вместо *жить в этом доме*) и мена модели управления (например, *завидовать на дедушку* вместо *завидовать дедушке*) [Daniel et al. 2010: 74–78]. Оба феномена распространены в русской речи носителей эрзянского языка [Shagal 2016: 370–374], а также в речи учащихся-чувашей [Бычков 2015]. Нестандартная реализация предложных конструкций обсуждается на материале вариантов русского языка, используемых носителями коми и татарского [Боронникова 2014].

Мы подробно опишем и классифицируем случаи нестандартного употребления предложных групп на материале Корпуса русской речи носителей языков Севера Сибири и Дальнего Востока.

Работа построена следующим образом. В разделе 2 приводится описание использованного корпуса. В разделе 3 обсуждается собственно нестандартное употребление предложных групп, а в разделе 4 — нестандартная реализация предложных групп: смена модели управления (4.1), маркирование внутри предложной группы (4.2) и опущение предлогов (4.3). Поскольку из всех перечисленных явлений опущение предлогов оказывается самым частотным, мы составили отдельную выборку примеров с выраженными и опущенными предлогами и провели статистический анализ, который представлен в разделе 5. В шестом, заключительном, разделе подводятся итоги.

2. Корпус

Исследование проведено на материале Корпуса русской речи носителей языков Севера Сибири и Дальнего Востока [Khomchenkova et al. 2019]. На данный момент он включает 518 спонтанных устных текстов (262 159 словоупотреблений), в основном коротких нарративов (фольклор, биографии и т. д.) и этнографических описаний, а также небольшое количество записей бытовых разговоров с лингвистами.

349 текстов (180 105 словоупотреблений) снабжены ручной разметкой «отклонений» от русской речи монолингвов, которая проводилась по пяти уровням: фонетика, лексика, морфология, синтаксис, дискурс (на этом же уровне помечались нестандартные явления в полипредикации и просодии). Отдельно размечены

нестандартные явления, предположительно не связанные с языковыми контактами (например, диалектизмы или регионализмы). Информация о разметке представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Разметка корпуса²

Уровень	Кол-во помет	Примеры
Фонетика	19	<i>стриный</i> (reduction — редукция)
Лексика	3	<i>Лодка у него скорлуна от дерева</i> (nonstand_lex — нестандартная лексема)
Морфология	10	<i>ужасная глупая</i> (categ_change — изменение части речи)
Синтаксис	23	<i>раньше русский имя не было</i> (agr_adj_gender, neg — согласование прилагательного по роду, отрицательная конструкция)
Дискурс, полипредикация, просодия	12	<i>так не оставить чтобы</i> (subord_adv — подчинительный адвербиальный союз)
Неконтанктные явления	6	<i>с города</i> (synt — синтаксис), <i>да что да</i> (lex — лексика)

Размеченный подкорпус русской речи носителей северно-самодийских языков, послуживший базой для этого исследования, включает 236 текстов (113 272 словопотреблений), записанных от 28 носителей нганасанского, тундрового энецкого, лесного энецкого и тундрового ненецкого (далее ненецкого) языков.

Для описания нестандартной реализации и употребления предложных групп в рассматриваемом варианте русского языка был произведен поиск по нескольким синтаксическим пометам: *pp* (нестандартное оформление предложной группы), *pppr_drop* (опущение предлогов), *gov* (нестандартное глагольное управление), *gov_caseless* (употребление именительного падежа вместо ожидаемой формы косвенного падежа).

Отметим, что не все словоформы с пометами *gov* и *gov_caseless* затрагивают предложные группы. Нестандартные модели управления могут возникать не только на месте предложных групп, ср. *Он же их помогает зимой* (*sut*, ненецкий³), вместо *им*, где используется аккузативная форма вместо дативной. Обсуждение таких примеров выходит за рамки текущего исследования.

3. Нестандартное употребление предложных групп

К нестандартному употреблению предложной группы мы отнесли, во-первых, использование предложной группы вместо ожидаемой именной группы (3.1), во-вторых — нестандартный выбор предлога (3.2).

² Полный список помет с кратким описанием и примерами доступен по ссылке: <http://web-corpora.net/ruscontact/corpus.html>.

³ Здесь и далее у примера в скобках указывается код носителя и его родной язык.

3.1. Употребление предложной группы вместо именной

Употребление предложной группы вместо ожидаемой именной иллюстрируется примерами (1), в которых глагол *испугаться* управляет группой с предлогом *от* (а не родительным падежом, как в русской речи монолингвов). Выбор предложной группы с *от* можно объяснить влиянием самодийских моделей управления: глаголы типа ‘бояться’ управляют аблативом, см., например, ненецкие данные в [Терещенко 1947: 87–88], а также пример (2) из лесного энецкого.

- (1) а. **От меня испугались.** (tmp, ненецкий)
 б. **От тебя я испугался.** (nsp, лесной энецкий)
 в. **Испугается от оленей... От животных.** (nsp, лесной энецкий)

- (2) ЛЕСНОЙ ЭНЕЦКИЙ
пэзипи? luti-e-z?
 я.ABL испугаться(PFV)-М-3PL.M
 ‘они меня испугались’
[\[https://siberianlanguages.surrey.ac.uk/audio/being-on-duty/\]](https://siberianlanguages.surrey.ac.uk/audio/being-on-duty/)

Предлог *от* употребляется в сравнительных конструкциях ⁴ вместо родительного падежа (3). Аблативное маркирование стандарта сравнения типично для северно-самодийских языков, см., например, [Wagner-Nagy 2018: 200] о нганасанском.

- (3) а. **Никакой бог от меня выше нету.** (kvb, нганасанский)
 б. Я даже **от шайтанов выше.** (kvb, нганасанский)

Зафиксированы также нестандартные употребления предложной группы с *на*. Так, в примере (4) из текста от носителя нганасанского языка глагол речи управляет не дативной именной группой, а предложной группой «*на* + аккузатив», а в (5) — предложной группой «*на* + датив». В нганасанском языке адресат при глаголе речи оформляется аллативным послелогом, который выражает движение к цели, а также имеет дативные употребления [Wagner-Nagy 2018: 157].

- (4) **Потом он тогда говорит на нее.** (kvb, нганасанский)
 (5) а. **Ну однажды Танк говорит на жене: «Жена!»** (mv1, нганасанский)
 б. **И говорит этому на хозяину.** (kvb, нганасанский)

Аналогичные примеры зафиксированы в речи носителя лесного энецкого языка (6), в котором адресат при глаголах речи требует лативно-дативного падежа [Siegl 2013: 160].

- (6) а. **Он там поди сидит, на меня говорит.** (ld, лесной энецкий)
 б. **Он говорит, на сестре.** (nsp, лесной энецкий)

⁴ Такие примеры помечаются в корпусе как comp.

Предлог *на* используется нестандартно не только с глаголами речи, но и с глаголами передачи (7). Можно было бы предположить, что предлог *на* использован в этом случае из-за влияния лативно-дативного падежа, поскольку в нганасанском глаголы передачи обычно сочетаются с лативно-дативными именными группами [Wagner-Nagy 2018: 396]. Однако отметим, что в (7) глагол ‘дать’ употребляется метафорически. В нганасанском указание на адресата в таком случае может выражаться показателем дестинатива на существительном (8). Таким образом, прямой параллели для предлога *на* не находится.

(7) *Какой он на меня совет даст.* (kvb, нганасанский)

(8) НГНАСАНСКИЙ

kurəd'i səbiatə-tə-mə tətə-lī

какой совет-DST1-ACC.SG.1SG дать-DUB1[3SG.S]

‘Какой он мне даст совет.’

[INEL Nganasan Corpus 1.0: Grandfather Uku and Dyuhodo (kvb)]

На месте дативных именных групп зафиксированы и группы с предлогом *к* (9), (10), что также можно объяснить лативно-дативной полисемией в северно-самодийских языках. Таким образом, с некоторыми предикатами влияние этой полисемии проявляется в конструкциях с предлогом *на* (см. выше *говорить на кого-то*), а с некоторыми — в конструкциях с предлогом *к*.

Вместе с тем пример (9) семантически близок конструкциям, в которых предлог *к* использован в пространственном значении (ср. *нести к кому-то домой*). Употребление предлога *к* в (10) может быть обусловлено возможной контаминацией с глаголами *привыкать, приучаться* (*к чему-то*).

(9) *Понесет подарку к ней.* (jsm, нганасанский)

(10) *Это надо постепенно к этому учиться.* (nk, лесной энецкий)

Наконец, встретились примеры, где вместо дативных именных групп использованы группы с предлогом *у* (11). В этом случае можно предположить контаминацию со стратегией выражения внешнего посессора типа *У меня сегодня день рождения*. Отметим, что следующее предложение с аналогичной конструкцией содержит ожидаемую дативную именную группу *тебе*.

(11) *У меня сегодня пятьдесят шесть. Вот... А тебе сорок с лишним.* (ip, тундровый энецкий)

3.2. Употребление нестандартного предлога

Вторая группа примеров включает употребление нестандартного предлога вместо стандартного.

Например, предлог *от* может использоваться вместо предлога *из* (12)–(13). Также предлог *от* встречается вместо предлога *с* (14). Все эти предлоги в данном контексте семантически близки и относятся к аблативной зоне и выражаются

аблативным падежом (см., например, [Терещенко 1979: 89] о нганасанском и [Siegl 2013: 162–163]), см. обсуждение нестандартного выражения аблативных значений в русской речи носителей казахского языка в [Казкенова, Рахилина 2021].

- (12) Ну, большое такое озеро. Вот... **от неё** речка вытекает... (ld, лесной энецкий)
- (13) И они уже бросили последнюю, то, что взяли **от матери́ных вещей**, грешок матери. (chnd, нганасанский)
- (14) Костюм **от девичества** (ld, лесной энецкий)

Также предлог *от* встретился в (15) и (16). В обоих примерах в стандартном русском ожидался бы предлог *с*, а не *от*: *с деревьев отрубили ветки* в (15), *кора с дерева* в (16) (хотя в стандартном русском более употребительна генитивная группа: *кора дерева*).

- (15) **От деревьев** ветки все поотрубили. (vnb, лесной энецкий)
- (16) Лодка у него скорлупа **от дерева**. (ksm, нганасанский)

К этой же группе примыкает пример (17). Можно предположить, что в данном случае предлог *от* использован вместо предлога *по* (*бабушка по отцу, сестра по отцу*). Однако в стандартном русском также возможно употребление предлога *от* в похожих контекстах, ср. *У него еще сестра от отца* (<https://pravoved.ru/question/3713593/>).

- (17) а. (— А кто же вас воспитывал, если мать умерла рано?) — Бабушка, **от отца**. (— Отца мать?) (sut, ненецкий)
- б. Потом от этого... **от отца** сестра нас воспитывала. (sut, ненецкий)

Встретились случаи нестандартного употребления предлога *на*. В (18) ожидаемые предложные группы *с отцом* и *с дедом* заменены на предложные группы *на отцу* и *на деду*.⁵

- (18) Ну это... Как будто бы он наверно соревновался. Это-то **на отцу**. Э... **на деду моего**. (kvb, нганасанский)

Такое употребление русского *на* можно объяснить копированием модели управления нганасанского глагола *somd'airs'a* 'соперничать, состязаться', который управляет аллативным послелогом, см. (19).

⁵ Словоформа *деду* может иметь двоякую интерпретацию. Во-первых, предложную группу *на деду моему* можно анализировать как содержащую рассогласование по падежу: лексема *дед* в дативе, а местоимение *мой* — в аккузативе. Без рассогласования по падежу эта предложная группа могла бы выглядеть как *на деду моему* («на + датив») и *на деда моего* («на + аккузатив»). Во-вторых, можно предположить, что в предложной группе *на деду моего* рассогласования по падежу нет, а *деду* — нестандартная форма аккузатива (ср. ном — *дед[ушк]а*, дат — *дед[ушк]е*, асс — *дед[ушк]у*).

(19) НГАНАСАНСКИЙ

n'üə-ti *d'a somd'əir-a*

ребенок-GEN.PL.3SG ALL соревноваться-INF

‘[Он тоже,] не отставая от детей (букв. ‘соревнуясь к детям’), [по несколько бревен поднимает на плечи].’

[INEL Nganasan Corpus 1.0: Iron head: part 2(3) (ktd)]

Также предлог *на* встретился на месте предлога *про* (20) и предлога *по* (21), однако эти примеры не находят прямых параллелей в энецком и нганасанском. Так, в энецком в контекстах типа (20) используется переходная конструкция (22). В нганасанском, согласно [Терещенко 1979: 91], для обозначения «протяженности в пространстве, по которому или через которое распространяется то или другое действие, характеризующее преимущественно движение, перемещение без указания его границ (конечного или начального пункта)» используется пролативный («продольный») падеж.

(20) *И они мне говорят: «Вот ты чисто говоришь», а на эту... на Х-овну⁶, гврит: «она не чисто говорит».* (za, тундровый энецкий)

(21) *А там... На реке плывет... на ветке старуха.* (chnd, нганасанский)

(22) ТУНДРОВЫЙ ЭНЕЦКИЙ

N'itodu? čikiči šuzeə kituzu?a-zu?

PRO.3PL.NOM все черт[OBL.SG] пересказать(PFV)-3PL.SG.O

‘Они все про черта рассказали.’

[INEL Enets Corpus 1.0: Two brothers (sns)]

Наконец, были зафиксированы нестандартные употребления предлогов *среди* (23) и *около* (24). В (23) предлог *среди* использован вместо сходного по значению предлога *между*. В (24) предложная группа с *около* употребляется вместо комитативной предложной группы (*с энцами*). В языках мира маркеры апудэссива (‘около’) часто выступают в комитативном значении [Архипов 2009: 252].

(23) *Девушка сидит среди... папой и мамой.* (jsm, нганасанский)

(24) *А там олени жили ведь, домашние которые вот, около энцев.* (lp, тундровый энецкий)

4. Нестандартная реализация предложных групп

Примеры нестандартной реализации предложных групп можно разбить на три типа: изменение модели управления глагола, т. е. использование именной группы вместо предложной (4.1), нестандартное падежное маркирование существительного внутри предложной группы (4.2), опущение предлогов (4.3).

⁶ Имя анонимизировано.

4.1. Использование именной группы вместо предложной

В примерах первого типа вместо предложной группы используется именная группа. Они противопоставлены примерам, обсуждавшимся в разделе 3.1, в которых, наоборот, вместо именной группы употреблена предложная.

В некоторых случаях существительные выступают в именительном падеже. Например, в (25)–(26) форма именительного падежа заменяет группу с предлогом *на* (*на звероферме* и *на берегу* соответственно).

(25) *Звероферма* работаю. (tmp, ненецкий)

(26) *Шамановский костюм только валяется там берег*. (tkf, нганасанский/тундровый энецкий)

В примерах (27)–(29) форма именительного падежа употребляется вместо групп с предлогами *к* (*к Оксане*), *по* (*по тундре*) и *на* (*на свежем воздухе*). Отметим, что речь носителей под кодом tkf (26) и mdn (28) значительно отличается от речи других носителей, поскольку они говорят на мезолекте говорки (Таймырского пиджина). Описывая говорку, их речь анализировали А. Ю. Урманчиева и Д. Штерн [Urmanchieva 2010; Stern 2012]. Таким образом, словоформу *берег* в (26) с высокой долей уверенности можно анализировать как номинативную, а не аккузативную: использование немаркированных («голых») форм распространено в говорке [Хелимский 2000: 384]. Однако то же самое нельзя сказать про пример (29), поскольку носитель под кодом ip не владеет говоркой: нельзя исключать, что в этом случае перед нами не немаркированная номинативная форма, а форма аккузатива.

(27) *Оксана-то все равно зайдешь?* {— *К Оксане, да.*} (jsm, нганасанский)

(28) *Тундра* аргишил. (mdn, нганасанский)

(29) *И там... остаешься свежий воздух... И... И не потеешь*. (ip, тундровый энецкий)

Представлены и примеры с другими падежными формами. Так, в (30) ожидаемая конструкция с предлогом *на* (*на коровьем молоке*) заменена именной группой в творительном падеже в значении ‘с помощью X-а’. Данное употребление можно объяснить тем, что в лесном энецком инструментально-локативный падеж имеет похожие функции [Стойнова, Шлуинский 2010: 164]. (Ср., впрочем, выражение *Не хлебом единым жив человек*, где глагол *жить* также употребляется с инструментальным падежом.)

(30) *Вот коровьим молоком* она выросла. (nk, лесной энецкий)

Родной язык говорящего также мог повлиять на употребление винительного падежа *меня* вместо предложной группы *на меня* в (31): в нганасанском языке в этом контексте был бы употреблен переходный глагол *ɣətə-* ‘видеть, смотреть’ (32).

(31) *Только меня* смотри. (kvb, нганасанский)

(32) нГНАСАНСКИЙ

təndə-mi̯ ɲətə-u-sa.

ЭТОТ-ACC.POSS.3SG видеть-REC-INF

‘Он посмотрел на нее.’ [Wagner-Nagy 2018: 433]

Аналогичный случай представлен в (33): беспредложная форма винительного падежа заменяет сочетание *в* + ACC под влиянием переходного [Wagner-Nagy 2018: 340] нганасанского глагола *ditud'a* ‘попасть (в цель)’ [Костеркина и др. 2001: 320]⁷.

(33) а. *Они вообще не могут попасть нганасан.* (chnd, нганасанский)б. *Попробуйте его попасть стрелой.* (chnd, нганасанский)в. *Прыгал-прыгал, и ненцы его никак не могли попасть.* (chnd, нганасанский)

В (34) вместо предложной группы *на трех языках* (используемой, впрочем, в следующем предложении) также выбирается форма винительного падежа (*говорить три языка*). В (35) представлена похожая конструкция *говорить нганасанский* вместо *говорить по-нганасански* или *говорить на нганасанском*. В этих случаях возможна контаминация с переходным глаголом *знать* (ср. *знать нганасанский*).

(34) *Три языка они там говорят. На трёх языках говорят.* (ld, лесной энецкий)(35) *Нганасанский тоже говорил.* (za, тундровый энецкий)

В (36) и (37) представлено нестандартное употребление реципрокального выражения: вместо ожидаемой конструкции *друг с другом* употреблена форма винительного падежа (*друг друга*) и дательного (*друг другу*), соответственно. (Отметим, впрочем, что конструкция *царапаться друг с другом* также не типична для речи монолингвов.)

(36) *Да они друг друга по-русски разговаривали.* (za, тундровый энецкий)(37) *Они все время на улице гуляют. Все время царапаются друг другу, царапаются, все время дерутся ли или что-то там.* (mvl, нганасанский)

4.2. Падежное маркирование внутри предложной группы

Ко второму типу мы отнесли примеры с нестандартным падежным маркированием существительного внутри предложной группы. Так, в (38) существительное при предлоге *навстречу* стоит в родительном падеже, а не в дательном. Это можно было бы объяснить интерференцией с нганасанским, в котором послелоги управ-

⁷ Эти случаи можно было бы анализировать как содержащие опущение предлога (см. следующий раздел), ср. *попасть в нганасан* (33а). Однако в примерах (33б–в) используется местоимение *его*, а не *него*, хотя именно последнее и ожидалось бы при опущении предлога.

ляют генитивом [Wagner-Nagy 2018: 152]. Альтернативное объяснение — контаминация с русской конструкцией N + GEN *встреча отца* и *встреча ветра*.

- (38) а. *Вот навстречу говорят бегут отца.* (kvb, нганасанский)
 б. *Идет-идет навстречу ветра.* (kvb, нганасанский)

Неоднозначен и пример (39). Выбор винительного, а не предложного падежа при предлоге *в* можно рассматривать как копирование нганасанской модели: в нганасанском языке глагол *утонуть* может сочетаться с лативной именной группой (40). С другой стороны, нестандартная реализация предложной группы может быть обусловлена контаминацией, например, с глаголом *упасть* (ср. *упал в воду*).

- (39) *И эти слова кончил, повернулся и утонул в воду.* (kvb, нганасанский)

- (40) НГНАСАНСКИЙ

bið-ə d'a, kəndə-səbtə bi-tə siə-ru-ra-i-ðə.

вода-GEN ALL санки-SOC вода-LAT тонуть-CAUS-PASS-AOR.RFL-3SG.RFL

‘Вместе с санями его утопили (букв. «В воду, с санками в воду его утопили»).' [Wagner-Nagy 2018: 330]

Примеры (41)–(45) демонстрируют использование именительного падежа при предлогах.

- (41) *Добрый погода за... За добрый погода иди.* (kvb, нганасанский)
 (42) *Поэтому он поехал за брат.* (gx, ненецкий/тундровый энецкий)
 (43) *И я не знаю из-за что. Может из-за женичины, может быть. Может быть, из-за какой-то обиды.* (anp, тундровый энецкий)
 (44) *Это уже советский власть, при советский власть.* (nsp, лесной энецкий)
 (45) *Некоторые-то через река ушли оказывается.* (tkf, нганасанский/тундровый энецкий)

Словоформу *интерес* в (46) естественнее интерпретировать как форму винительного, а не именительного падежа: предлог *для* ведет себя в этом примере, видимо, по аналогии с предлогами *за* или *на*, которые могут управлять винительным падежом.

- (46) *Так... для свой интерес.* (ld, лесной энецкий)

В (47) предлог *за* управляет не творительным падежом, а винительным. Такое употребление можно объяснить контаминацией конструкций *быть замужем за* + INS и *выйти замуж за* + ACC.

- (47) *Она была замужем за этого старика, ясновидящего.* (ld, лесной энецкий)

В (48) предлог *около* управляет не родительным падежом, а творительным, видимо, по аналогии с сочетанием *рядом с* (+ INS).

- (48) *Около саними тут волк стоит.* (tmp, ненецкий)

4.3. Опускание предлогов

В отдельную группу мы выделили случаи опущения предлогов, как, например, в (49). Предлог, взятый в угловые скобки, отсутствует, а существительное выступает в той падежной форме, которая ожидалась бы при наличии предлога. Помимо предлога *в*, опускаются также предлоги *к* (50) и *с* (51).

(49) *Я жила <в> Яковлевке.* (за, тундровый энецкий)

(50) *Потом нас пересоединили вон <к> Левинским пескам.* (gx, ненецкий/тундровый энецкий)

(51) *Они же вот <с> матерью общались же.* (за, тундровый энецкий)

С формальной точки зрения к данной категории можно было бы также отнести пример *Только меня смотри*, обсуждавшийся выше, в котором отсутствует предлог *на*. Однако других случаев, которые можно было бы трактовать как примеры с пропуском предлога *на*, в корпусе не обнаружено, в связи с чем мы анализируем такое беспредложное употребление как нестандартное управление глагола.

Отдельную проблему при анализе примеров с опущением предлогов представляют идиолекты тех носителей, русская речь которых наиболее нестандартна. В нашей выборке это носители tkf и mdn, в речи которых можно встретить характерные черты говорки (таймырского пиджина). С одной стороны, такие говорящие часто используют немаркированные формы (формы именительного падежа) вместо ожидаемых предложных групп (в примере (52) *качалка* вместо *в качалке*). С другой стороны, в их речи все же встречаются предлоги (53). Поэтому анализ примеров типа (54) с омонимичной формой именительного / винительного падежа затруднителен. Не очевидно, считать ли *тазик* формой именительного падежа, которая заменяет целую предложную группу *в* + ACC, или формой винительного падежа, наследуемой от опущенного предлога *в*.

(52) *Один ребенок... Это... Качалка сидит, качалка... не ходит.* (tkf, нганасанский/тундровый энецкий)

(53) *Дикий весь в крови, грязный такой.* (tkf, нганасанский/тундровый энецкий)

(54) *Потом <в?> какой-то тазик им это положил это, мозг.* (tkf, нганасанский/тундровый энецкий)

Мы провели статистический анализ опущения предлогов, поскольку оно довольно частотно (в отличие от случаев, рассмотренных в разделах 3 и 4.1, 4.2, которые представлены спорадическими примерами).

5. Статистический анализ опущения предлогов

Мы отобрали все предложные группы с предлогами *в*, *к* и *с* и случаи опущения этих предлогов из отдельной подвыборки текстов, в которую не включили тексты от наиболее стандартных говорящих и, наоборот, от наиболее нестандартных. Эта подвыборка состояла из 95 текстов (47 тыс. словоупотреблений) от девяти

говорящих. Трое из них — носители лесного энецкого, двое — носители тундрового энецкого, двое — свободно говорящие на тундровом энецком, но в качестве первого языка использующие ненецкий, двое — носители нганасанского.

Результаты представлены в Таблице 2: предлог *в* опускается значительно чаще других предлогов. Также отметим, что предлог *с* может выражать как комитативную, так и элативную семантику. В первом случае он употребляется с инструменталисом (*с мамой*), а во втором — с генитивом (*с Сибири*). Для комитативного *с* было зафиксировано 4,81% опущений (8 опущено, 158 не опущено), а для элативного — 1% (1 опущен, 99 не опущено). Несмотря на то что эта разница не значима, кажется важным, что семантика предлога (и соответствующая падежная форма) могут влиять на процент примеров с опущением предлога.

Таблица 2. Опущение предлогов в самодийском русском

Предлог	Процент опущений	Предлог опущен	Предлог выражен
в	22,76%	127	431
к	13,27%	13	85
с	3,38%	9	257

Как было отмечено во введении, опущение предлогов характерно для русской речи билингвов. В ее разных вариантах на опущение предлогов могут влиять различные факторы, представленные в Таблице 3.

Таблица 3. Факторы, которые могут влиять на опущение предлогов

Фактор	Описание	Где предлагалось
Фонетика	(для предлога <i>в</i>) отсутствие звука [в] в родном языке	русская речь жителей Дагестана [Daniel et al. 2010]; русская речь носителей шорского языка [Резанова, Дыбо 2019: 201, 206]
Грамматика	опущение предлога, соответствующего падежу, а не послелогу контактного языка	русская речь носителей эрзянского языка [Shagal 2016: 370–375]; русская речь жителей Дагестана [Даниэль, Добрушина 2009: 149]
	предлоги «недоусвоенны» и опускаются, потому что в родном языке падежи/послелог	русская речь жителей Дагестана [Panova, Philippova 2021]
	(для предлога <i>в</i>) опущение предлога чаще встречается перед предложным падежом, так как он избыточен ⁸	русская речь носителей эрзянского языка [Shagal 2016: 370]
Семантика	опущение предлога в семантически немаркированных контекстах	русская речь носителей эрзянского языка [Пуссинен 2010: 119]; русская речь жителей Дагестана [Даниэль, Добрушина 2009: 149; Panova, Philippova 2021]

⁸ В стандартном русском предложный падеж без предлогов не употребляется.

Обсудим, как эти факторы могут влиять на опущение предлогов в самодийском русском.

Фонетические факторы. В самодийских языках отсутствует глухой фриктивный звук [ф]. Ближайший коррелят для русского звука [в] — билабиальный сонорный [β], который, впрочем, редок, см. о лесном энецком в [Терещенко 1966: 441], о лесном и тундровом энецком в [Khanina, Shluinsky 2023], о нганасанском в [Терещенко 1979: 26] и [Wagner-Nagy 2019: 35–36]. Более того, в самодийских языках нет кластеров согласных в начале слова (лесной и тундровый энецкий [Khanina, Shluinsky 2023], нганасанский [Wagner-Nagy 2019: 35–37]). Таким образом, мы ожидаем большего количества опущений предлогов перед согласными, а также что предлог *в* будет опускаться чаще, чем предлоги *с* и *к*.

Грамматические факторы. В самодийских языках употребляются падежные или послеложные формы, предлогов нет. Таким образом, опущение предлогов можно объяснить неполным усвоением предложной системы русского языка. Кроме того, в самодийских языках представлена дативно-лативная полисемия (см., например, о нганасанском [Wagner-Nagy 2019: 196–197; 326]). Поэтому можно было бы ожидать большого количества опущений предлога *к*, управляющего дативом, так как дативная форма могла бы переинтерпретироваться в имеющую лативное значение. Однако предлог *к* опускается значительно реже, чем предлог *в*.

Семантические факторы. Опущение предлогов засвидетельствовано не только в речи билингвов, что заставляет предполагать, что оно может регулироваться факторами, не связанными с языковым контактом. В речи монолингвов оно встречается в некоторых диалектах английского [Bailey 2018], итальянского [Cattaneo 2009: 286–290], в греческом языке [Gehrke, Lekakou 2012] и др. В процитированных работах отмечалось, что предлоги опускаются чаще при топонимах, названиях организаций и под. Это наблюдение вписывается в ряд более общих асимметрий, связанных с кодированием пространственных ролей: при выражении места, конечного и исходного пункта движения названия типичных мест чаще оформляются в языках мира более редуцированным способом, чем другие существительные [Haspelmath 2019: 315]. Таким образом, можно ожидать, что опущение предлогов в самодийском русском происходит чаще при названиях типичных мест.

Поскольку предлог *в* опускается значительно чаще, чем предлоги *к* и *с*, мы провели статистический анализ только для предложных групп с *в*, разметив примеры по следующим параметрам:

- правый фонетический контекст: согласный (<в> *тундру*); гласный (<в> *Авамскую тундру*);
- падеж существительного: предложный (<в> *коридоре*); винительный (<в> *коридор*);
- семантика существительного:
 - «типичное место»: населенные пункты (*поселок*), топографические объекты (*тундра*), топонимы, здания и их части (*чум*, *комната*), организации

(*колхоз, школа*), реляционные имена (*центр, середина*), имена с обобщенным пространственным значением (*место, район*);

- «время» (*год, час, апрель*);
- остальное.

В качестве метода была использована логистическая регрессия со смешанными эффектами [Gries 2013: 333–336; Levshina 2015: 192–196]. Мы использовали функцию `glmer()` из пакета `lme4` [Bates et al. 2015] на языке программирования R. Аналогичный метод использовался для анализа опущения предлогов в русской речи жителей Дагестана в [Panova, Philippova 2021]. Три перечисленных выше параметра (фонетический контекст, падеж существительного и семантика существительного) вошли в регрессию в качестве фиксированных эффектов (независимых переменных). Процент опущения предлогов значительно различается в речи разных носителей (см. Рисунок 1), поэтому мы дополнительно включили в регрессию параметр «говорящий» в качестве смешанного эффекта.

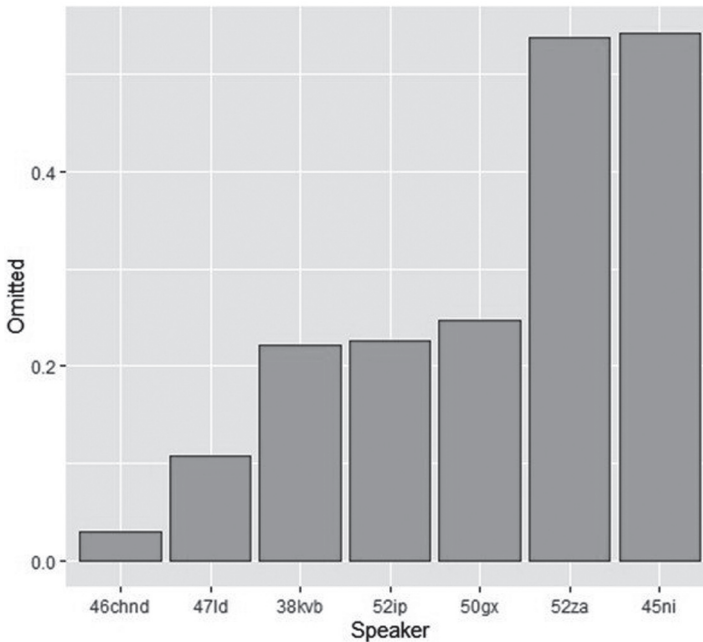

Рисунок 1. Процент опущений предлога *в* в речи разных носителей

Помимо лингвистических факторов, мы учли некоторые социолингвистические характеристики рассказчиков: год рождения, уровень образования, а также то, насколько для речи конкретного носителя характерны синтаксические особенности контактной природы. Для оценки этого параметра на основе корпусной разметки (см. раздел 3) мы вычислили для каждого носителя количество синтаксических явлений контактной природы на тысячу словоупотреблений.

Результаты регрессии представлены в Таблице 4 и на Рисунке 2. Мы приводим лишь те факторы, которые оказались значимы. В Таблице 4 в столбце «Estimate» для соответствующего значения независимой переменной указывается логарифм отношения шансов встретить одно из двух значений зависимой переменной (в данном случае шансов, что предлог опущен vs. выражен). В следующем столбце приведены значения стандартной ошибки («Std. Error»). Положительное значение в столбце «Estimate» означает, что зависимая переменная (опущение предлога) и соответствующая независимая переменная скоррелированы положительно (в данном случае — что данное значение независимой переменной располагает к опущению предлога). В строке «Intercept» даны логарифмы отношения шансов для случая, когда все независимые переменные взяты в своих референсных значениях (в данном случае значениях, предположительно не располагающих к опущению предлога). Для каждого значения независимой переменной в пятом столбце показан уровень значимости («p-value»), он вычисляется с помощью теста Вальда («z-value», четвертый столбец). Символы в шестом столбце представляют уровень значимости в упрощенном виде (p-value: 0 «***», 0.001 «**», 0.05 «*», чем меньше значение, тем больше уровень значимости).

Таблица 4. Коэффициенты логистической регрессии

	Estimate	Std. Error	z-value	Pr(> z)	Уровень значимости
(Intercept)	−3.9623	1.1221	−3.531	0.000414	***
place	0.5322	0.3178	1.674	0.094054	.
time	1.1425	0.3544	3.224	0.001264	**
secondary	2.3097	1.1662	1.980	0.047648	*
primary	3.5839	1.3033	2.750	0.005961	**

На Рисунке 2 точками показано, как каждый из факторов влияет на опущение предлога: чем выше точка на вертикальной оси, тем вероятнее его опущение. Вертикальной линией у каждой точки показаны значения стандартной ошибки.

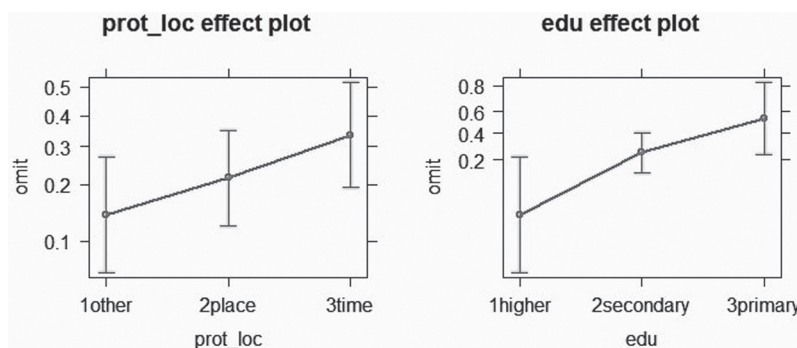

Рисунок 2. Графики фиксированных эффектов модели

Таким образом, опущение предлога *в* наиболее характерно для временных выражений («time»). Он также легче опускается в сочетаниях с существительными — обозначениями типичных мест («place prot_loc»). Ни фонетический контекст, ни падеж существительного статистически значимого влияния на выражение / опущение предлога не оказывают. Помимо семантики существительного, на частотность опущения предлогов влияет экстралингвистический фактор — уровень образования носителей. Наиболее склонны к опущению предлогов носители с начальным («primary») и средним («secondary») образованием.

6. Заключение

В русской речи носителей северно-самодийских языков (нганасанского, лесного энецкого, тундрового энецкого и ненецкого), для которых характерны не предлоги, а послелог, расширенный падежный инвентарь (включающий локативные падежи) и отличные от русских модели управления, частотно нестандартное употребление предложных групп. Главной задачей работы была инвентаризация и классификация таких случаев.

К собственно нестандартному употреблению предложных групп мы отнесли, во-первых, употребление предложной группы вместо именной (*бояться от меня* вместо *бояться меня*), а во-вторых, употребление нестандартного предлога вместо ожидаемого (*он соревновался на отцу* вместо *с отцом*).

К нестандартной реализации предложных групп относятся: 1. использование именной группы вместо предложной, которая может выступать в виде номинативной формы (*звероферма работаю* вместо *на звероферме*), либо другого падежа (*меня смотри* вместо *на меня смотри*); 2. нестандартное падежное маркирование существительного внутри предложной группы, а именно использование либо номинативной формы (*через река* вместо *через реку*), либо другого падежа (*около санями* вместо *около саней*); 3. опущение предлогов (*жить тундре* вместо *жить в тундре*).

Чаше других в рассмотренном нами варианте русского языка опускается предлог *в*, зафиксированы также опущения предлогов *к* и *с*. Статистический анализ для предлога *в* показывает, что на его опущение влияет семантика существительного: он чаще всего опускается во временных выражениях, а также в сочетаниях с существительными, обозначающими «типичные» места (названия населенных пунктов, топографических объектов и т. д.). Такие факторы, как фонетический контекст (перед гласным vs. перед согласным) и падеж существительного (предложный vs. винительный), оказываются незначимыми. Из социолингвистических факторов значимым оказывается уровень образования: носители с начальным и средним образованием чаще опускают предлоги, чем носители с высшим образованием.

Нестандартное употребление и реализация предложных групп могут объясняться как влиянием самодийских моделей управления, так и контаминацией с русскими моделями управления или неполным усвоением русского языка. Информация о возможных причинах рассмотренных отклонений от стандарта суммирована в Таблицах 5–6.

Таблица 5. Нестандартное употребление предложных групп: возможные причины

Тип	Примеры	Возможные причины
употребление предложной группы вместо ожидаемой именной группы	<i>бояться от меня</i>	калькирование (самодийский аблатив → предлог <i>от</i>)
	<i>говорить на нее; нести к ней</i>	контаминация с моделью управления самодийских глаголов (дативно-лативные контексты → предлог <i>на</i> (адресат, бенефициар), предлог <i>к</i> (пространственные употребления))
употребление нестандартного предлога вместо ожидаемого	<i>взять от вещей, вытекать от реки, отрубить от деревьев; соревноваться на отцу</i>	калькирование
	<i>сидеть среди мамой и папой</i>	контаминация с русскими моделями управления

Таблица 6. Нестандартная реализация предложных групп: возможные причины

Тип	Примеры	Возможные причины
использование именной группы вместо ожидаемой предложной	<i>звероферма работаю они друг друга по-русски разговаривали</i>	недоусвоенность
	<i>выросла коровьим молоком, смотри меня</i>	калькирование
нестандартное маркирование внутри предложной группы	<i>из-за что</i>	недоусвоенность
	<i>около санями, она замужем за этого старика</i>	контаминация с русскими моделями управления
	<i>утонуть в воду</i>	калькирование / контаминация с русскими моделями управления
опущение предлогов	<i>жить Яковлевке</i>	недоусвоенность

В заключение отметим, что сущностно нестандартное употребление и реализация предложных групп неразрывно связаны с более общей темой нестандартного выбора модели управления. Так, пример, упоминавшийся в разделе 2, *Он же их помогает зимой* (sut, ненецкий), точно так же демонстрирует использование другой модели управления, как и пример *Они вообще не могут попасть нганасан* (kvb, нганасанский): аккузативная именная группа используется вместо дативной и вместо группы с предлогом *в* соответственно. Однако описание всех случаев нестандартных моделей управления в речи носителей северно-самодийских языков выходит за рамки настоящей работы и может являться предметом дальнейших исследований.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо, ABL — аблатив, ACC — аккузатив, ALL — аллатив, AOR — аорист, CAUS — каузатив, DST1 — дестинатив, DUB1 — дубитатив; GEN — генитив, INF — инфинитив, LAT — латив, M — медий (средний залог), NOM — номинатив, OBL —

косвенный падеж, PASS — пассивный залог, PFV — перфектив, PL — множественное число, POSS — посессивность, PRO — местоимение, REC — реципрок, RFL — рефлексив, S — субъект, SG — единственное число, SOC — социатив.

Литература

- Архипов А. В. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009. 296 с.
- Боронникова Н. В. Об интерференции в падежной системе (на материале русских спонтанных текстов татар и коми-пермяков) // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. № 2. С. 115–120.
- Бычков В. И. Типичные ошибки учащихся-чувашей в употреблении предложных конструкций русского языка // В мире научных открытий. 2015. № 2. С. 434–440.
- Даниэль М. А., Добрушина Н. Р. Новые русские // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее / Ред. М. Л. Ремнева, С. В. Князев. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 141–158.
- Казкенова А. К., Рахилина Е. В. Предлоги от, из и с в русской речи казахобилингов // Языки России в контакте с русским языком II. 11–13 февраля 2021 г. Тезисы конференции. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт языкознания РАН, 2021. С. 52–53.
- Корпус русской речи носителей языков Севера Сибири и Дальнего Востока / И. А. Хомченкова, П. С. Плешак, Н. М. Стойнова [Электронный ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/wsgi3/ruscontact/search> (дата обращения: 10.03.2025).
- Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. Около 7000 слов. СПб.: Филиал издательства «Просвещение», 2001. 415 с.
- Пуссинен О. Особенности языковой ситуации и русского языка в Мордовии // Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian / Ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: Helsinki University Press, 2010. P. 111–133.
- Резанова З. И., Дыбо А. В. Языковое взаимодействие в речи шорско-русских билингов // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 195–211.
- Стойнова Н. М., Шлуинский А. Б. Русская речь лесных энцев: зарисовки исследователей вымирающего языка // Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian / Ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: Helsinki University Press, 2010. P. 153–165.
- Тереженко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. 271 с.
- Тереженко Н. М. Энецкий язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 438–457.
- Тереженко Н. М. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979. 324 с.
- Урманчиева А. Ю. Говорка: пример структурно смешанного языка // Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian / Ed. by

A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: Helsinki University Press, 2010. P. 179–198.

Хелимский Е. А. «Говорка» — таймырский пиджин на русской лексической основе // Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи / Ред. Е. А. Хелимский. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 378–395.

Bailey L. Some characteristics of Southeast English preposition dropping // *Iberia: An International Journal of Theoretical Linguistics*. 2018. Vol. 10. P. 48–70.

Bates D., Mächler M., Bolker B., Walker S. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // *Journal of Statistical Software*. 2015. Vol. 67, No. 1. P. 1–48.

Cattaneo A. It is all about clitics: The case of a Northern Italian dialect like Bellinzonese. PhD dissertation. New York University, 2009. 467 p.

Daniel M., Dobrushina N., Kniazev S. Highlander's Russian: Case Study in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan // *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian* / Ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: University of Helsinki, 2010. P. 65–93.

Gehrke B., Lekakou M. How to miss your preposition // *Studies in Greek Linguistics*. 2013. Vol. 33. P. 92–106.

Gries S. Statistics for linguistics with R: A practical introduction. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2013. 374 p.

Haspelmath M. Differential place marking and differential object marking // *STUF — Language Typology and Universals*. 2019. Vol. 72. No. 3. P. 313–334.

INEL Enets Corpus 1.0 / A. Shluinsky, O. Khanina, B. Wagner-Nagy [Electronic resource]. URL: <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/EnetsCorpus/search> (accessed on: 04.06.2025).

INEL Nganasan Corpus 1.0. / M. Brykina, V. Gusev, S. Szeverényi, B. Wagner-Nagy [Electronic resource]. URL: <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/NganasanCorpus/search> (accessed on: 04.06.2025).

Khanina O., Shluinsky A. Forest and Tundra Enets // *Uralic Languages* / Ed. by D. Abondolo, R. Valijarvi. London: Routledge, 2023. P. 793–852.

Khomchenkova I., Pleshak P., Stoyanova N. The Corpus of Contact-Influenced Russian of Northern Siberia and the Russian far East // *Papers from the Annual International Conference “Dialogue”*. M.: RSUH. 2019. P. 253–264.

Levshina N. How to do linguistics with R: Data exploration and statistical analysis. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2015. 443 p.

Panova A., Philippova T. When a cross-linguistic tendency marries incomplete acquisition: preposition drop in Russian spoken in Daghestan // *International Journal of Bilingualism*. 2021. Vol. 25, No. 3. P. 640–667

Shagal K. Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya Speakers // *Mordvin languages in the field* / Ed. by K. Shagal, H. Arjava. Helsinki: Helsinki University Press, 2016. P. 363–377.

Stern D. Tajmyr-Pidgin-Russisch. Kolonialer Sprachkontakt in Nordsibirien. München: Verlag Otto Sagner, 2012. 662 p.

Wagner-Nagy B. A grammar of Nganasan. Leiden: Brill, 2018. 583 p.

I. A. Khomchenkova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

irina.khomchenkova@yandex.ru

NON-STANDARD USE OF PREPOSITIONAL PHRASES IN THE RUSSIAN SPEECH OF NORTHERN SAMOYEDIC SPEAKERS

The paper deals with the non-standard use of prepositional phrases in the Russian speech of Northern Samoyedic speakers (Nganasan, Forest Enets, Tundra Enets and Tundra Nenets) based on the corpus of contact-influenced Russian of Northern Siberia and the Russian Far East (<http://web-corpora.net/wsgi3/ruscontact/search>). Prepositional phrases are likely to be used in a non-standard way, since Samoyedic languages are left-branching and have postpositions. Non-standard uses of prepositional phrases include the use of a prepositional phrase instead of the expected noun phrase and the use of a non-standard preposition. I also discuss non-standard realizations of prepositional phrases, which include the use of a noun phrase instead of the expected prepositional phrase, non-standard marking within a prepositional phrase, and preposition drop. The aim of this study is twofold. First, I conduct a qualitative analysis and provide several reasons for the described non-standard use and realization of prepositional phrases: they can be accounted for by the influence of the Samoyedic grammatical rules and by contamination with Russian or by general underacquisition. Second, I conduct a quantitative analysis of preposition drop, in particular the statistical analysis of the most frequently omitted preposition *ν* 'in'. This preposition is most often dropped with expressions denoting prototypical localization (mostly with temporal expressions, but also with "typical" locations, such as settlements, topographic objects, place names, etc.). Speakers with primary or secondary education are much more likely to omit prepositions than those with higher education.

Keywords: prepositions, language contact, grammatical interference, corpus linguistics, Russian, Samoyedic languages

References

- Arkhipov A. V. *Tipologiya komitativnykh konstruksiy* [Typology of comitative constructions]. Moscow, Znack, 2009. 296 p.
- Bailey L. Some characteristics of Southeast English preposition dropping. *Iberia: An International Journal of Theoretical Linguistics*, 2018, no. 10, pp. 48–70.
- Bates D., Mächler M., Bolker B., Walker S. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4. *Journal of Statistical Software*, 2015, no. 67(1), pp. 1–48.
- Boronnikova N. V. [On the interference in the case system (on the data of Russian spontaneous texts of Tatar and Komi-Permyak speakers)]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistics studies], 2014, no. 2, pp. 115–120. (In Russ.)

Bychkov V. I. [Typical mistakes of Chuvash students in the use of Russian prepositional constructions]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the world of scientific discoveries], 2015, no. 2, pp. 434–440. (In Russ.)

Cattaneo A. It is all about clitics: The case of a Northern Italian dialect like Bellinzonese. PhD dissertation. New York University, 2009. 467 p.

Daniel M. A., Dobrushina N. R. [New Russians]. *Voprosy russkogo yazykoznaniiya. Vyp. III. Fonetika i grammatika: nastoyashchee, proshedshee, budushchee* [Questions of Russian linguistics. Issue XIII. Phonetics and grammar: present, past, future]. M. L. Remneva, S. V. Kniazev (Eds.). Moscow, Lomonosov MSU Press, 2009, pp. 141–158. (In Russ.)

Daniel M., Dobrushina N., Kniazev S. Highlander's Russian: Case Study in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian*. A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (Eds.). Helsinki, University of Helsinki, 2010, pp. 65–93.

Gehrke B., Lekakou M. How to miss your preposition. *Studies in Greek Linguistics*, 2013, no. 33, pp. 92–106.

Gries S. Statistics for linguistics with R: A practical introduction. Berlin/Boston, Walter de Gruyter, 2013. 374 p.

Haspelmath M. Differential place marking and differential object marking. *STUF — Language Typology and Universals*, 2019, no. 72(3), pp. 313–334.

INEL Enets Corpus 1.0 / A. Shluinsky, O. Khanina, B. Wagner-Nagy [Electronic resource]. URL: <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/EnetsCorpus/search> (accessed on: 04.06.2025).

INEL Nganasan Corpus 1.0. / M. Brykina, V. Gusev, S. Szeverényi, B. Wagner-Nagy [Electronic resource]. URL: <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/NganasanCorpus/search> (accessed on: 04.06.2025).

Kazkenova A. K., Rakhilina E. V. [Prepositions ot, iz and s in the Russian speech of Kazakh bilinguals]. *Indigenous languages of Russia in contact with Russian II. 11–13 February, 2021: Book of abstracts*. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute of RAS, Institute of Linguistics of RAS, 2021, pp. 52–53. (In Russ.)

Khanina O., Shluinsky A. Forest and Tundra Enets. *Uralic Languages*. D. Abondolo, R. Valijarvi (Eds.). London, Routledge, 2023, pp. 793–852.

Khelimskii E. A. [“Govorka” — Taimyr pidgin on the Russian lexical basis]. *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i* [Comparative studies, Ural studies. Lectures and articles]. E. A. Khelimskii (Ed.). Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000, pp. 378–395. (In Russ.)

Khomchenkova I., Pleshak P., Stoyanova N. The Corpus of Contact-Influenced Russian of Northern Siberia and the Russian far East. *Papers from the Annual International Conference “Dialogue”*. M., RSUH, 2019, pp. 253–264. (In Russ.)

Korpus russkoy rechi nositeley yazykov Severa Sibiri i Dalnego Vostoka [The corpus of contact-influenced Russian of Northern Siberia and The Russian Far East] [Electronic resource]. I. Khomchenkova, P. Pleshak, N. Stoyanova (Eds.). URL: <http://web-corpora.net/wsgi3/ruscontact/search> (accessed on: 10.03.2025).

Kosterkina N. T., Momde A. Ch., Zhdanova T. Ju. *Slovar nganasansko-russkiy i russko-nganasanskiy. Okolo 7000 slov* [Nganasan-Russian and Russian-Nganasan dictionary. About 7000 words]. Saint-Petersburg, Prosveshcheniye, 2001. 415 p. (In Russ.)

Levshina N. *How to do linguistics with R: Data exploration and statistical analysis*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2015. 443 p.

Panova A., Philippova T. When a cross-linguistic tendency marries incomplete acquisition: preposition drop in Russian spoken in Daghestan. *International Journal of Bilingualism*, 2021, no. 25 (3), pp. 640–667.

Pussinen O. [Features of the language situation and the Russian language in Mordovia]. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (Eds.). Helsinki, Helsinki University Press, 2010, pp. 111–133. (In Russ.)

Rezanova Z. I., Dybo A. V. [Language interaction in the speech of Shor-Russian bilinguals]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2019, no. 21 (2), 195–211. (In Russ.)

Shagal K. Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya Speakers. *Mordvin languages in the field*. K. Shagal, H. Arjava (Eds.). Helsinki, Helsinki University Press, 2016, pp. 363–377.

Stern D. *Tajmyr-Pidgin-Russisch. Kolonialer Sprachkontakt in Nordsibirien*. München, Verlag Otto Sagner, 2012. 662 p.

Stoynova N. M., Shluinsky A. B. [Russian speech of Forest Enets speakers: sketches of researchers of a moribund language]. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (Eds.). Helsinki, Helsinki University Press, 2010, pp. 153–165. (In Russ.)

Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Nenets (Yurako-Samoyed) language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947. 271 p. (In Russ.)

Tereshchenko N. M. [Enets]. *Yazyki narodov SSSR. T. III. Finno-ugorskie i samoedyskie yazyki* [Languages of peoples of USSR. Vol. III. Finno-Ugric and Samoyedic languages]. Moscow, Nauka, 1966, pp. 438–457.

Tereshchenko N. M. *Nganasanskiy yazyk* [Nganasan]. Leningrad, Nauka, 1979. 324 p. (In Russ.)

Urmanchieva A. Iu. [Govorka: an example of a structurally mixed language]. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (Eds.). Helsinki, Helsinki University Press, 2010, pp. 179–198. (In Russ.)

Wagner-Nagy B. *A grammar of Nganasan*. Leiden, Brill, 2018. 583 p.

А. В. Яковлева
 НИУ ВШЭ
 (Россия, Москва)
 yaknastak@gmail.com

ОПУЩЕНИЕ ПРЕДЛОГОВ В РУССКОЙ РЕЧИ МАРИЙСКИХ И БЕСЕРМЯНСКИХ БИЛИНГВОВ: ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ УСТНЫХ КОРПУСОВ¹

В данной статье представлен анализ выпадения предлога *в* в русской речи бесермянских и луговых марийских билингвов в сравнении с носителями-монолингвами. На материале трех устных корпусов была создана база данных с контекстами, содержащими предложную группу с *в* (или предполагающими наличие этого предлога). Данные были размечены по признакам наличия/отсутствия предлога, первого звука словоформы после предлога и семантике именной группы; также в анализе учитывался возраст и уровень образования информантов. Паттерны опущения предлогов в речи билингвов и монолингвов заметно различаются: у монолингвов предлог опускается практически исключительно в одном случае — в лексикализованном вводном выражении *в общем*, в то время как речь билингвов демонстрирует выпадение предлогов в самых разных контекстах. В работе предполагается, что вероятность выпадения предлога в речи бесермянских и марийских билингвов может быть частично обусловлена интерференцией с фонетическими системами родных языков. Помимо этого, в речи билингвов наблюдается большая вариативность среди носителей; факторы старшего возраста и начального уровня образования предположительно повышают вероятность выпадения предлогов, однако наших данных недостаточно для того, чтобы подтвердить или опровергнуть эти предположения статистическими методами.

Ключевые слова: опущение предлогов, билингвизм, финно-угорские языки, бесермянский язык, марийский язык, языковые контакты

1. Введение

Опущение предлогов (preposition drop) часто наблюдается в русскоязычной речи носителей-билингвов (см. [Shagal 2016] об этом явлении в эрзянском русском; [Даниэль, Добрушина 2013; Panova, Philipova 2021] — в дагестанском русском,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01097, <https://rscf.ru/project/24-28-01097/>.

[Khomchenkova et al. 2019] — в энецком и нанайском русском; [Stoynova 2019] — в нанайском и ульчском русском).

Это явление часто объясняется влиянием родного языка, причем речь может идти как о фонетической, так и о морфосинтаксической интерференции. К примеру, в нанайском, ульчском, нганасанском языках есть ограничения на начальные кластеры согласных, поэтому предлог *в* может выпадать в результате фонетического упрощения начального кластера под влиянием родного языка [Stoynova 2019: 21; Khomchenkova 2020: 24]. Помимо этого, в фонетической системе родного языка могут отсутствовать некоторые звуки: например, в шорском языке изначально не было губно-зубного звука [в], а в заимствованных словах он заменялся билабиальным [w]. Эти фонетические особенности могут порождать интерференцию и влиять на опущение предлога *в* в устной русской речи шорцев [Степаненко 2020: 54].

С другой стороны, может иметь место и морфосинтаксическая интерференция: например, если в родном языке носителей нет предлогов, а пространственные или, к примеру, посессивные значения выражаются падежными показателями, билингвы могут опускать предлог в русском языке под влиянием родного морфосинтаксиса (см. [Shagal 2016: 370–371] о контактах русского и эрзянского языков).

Однако далеко не всегда опущение предлога можно объяснить контактным влиянием: это явление встречается даже в стандартных языках в речи монолингвов, например, в новогреческом (см. пример (1) из [Gehrke, Lekakou, 2013: 92]).

- (1) *Pame* *[stin]* *paralia?*
идти-1PL [в ART:ACC.SG] пляж-ACC
‘Пойдем на пляж?’

В данном случае опущен предлог и артикль в предложной группе с пространственной семантикой: местное значение выражается просто существительным без предлога.

Выпадение предлога в таких случаях может объясняться семантикой именной группы (так называемые «стереотипные», привычные для говорящих локализации демонстрируют тенденцию употребляться без предлога, см. [Gehrke, Lekakou 2013]). Помимо этого, опущение предлога часто рассматривается на примере английских предлогов *at* и *to*, выражающих семантику положения в пространстве и цели соответственно. Предлоги с подобной «базовой» и нейтральной пространственной семантикой опускаются чаще других [Gehrke, Lekakou 2013: 102]. Нулевое маркирование цели и статического положения в пространстве может объясняться также особой синтаксической структурой подобных именных групп (см. подробнее в [Panova, Philippova 2021: 642–645]).

Таким образом, опущение предлогов представляет собой многогранное явление; несмотря на то что оно часто встречается именно в контактных вариантах языка и в речи билингвов, далеко не всегда его можно объяснить интерференцией.

Опущение предлогов в русской речи носителей финно-угорских языков отмечалось и ранее, однако, насколько нам известно, не было предметом количественного

исследования и подробного анализа. При этом такие контактные варианты русского языка очень интересны для исследования выпадения предлогов: в большинстве финно-угорских языков невозможны сочетания согласных в начале слова [Майтинская 1993: 22], что может стать фонетической мотивацией для опущения консонантных предлогов в русской речи. Кроме того, предпосылки для опущения предлогов в русской речи билингвов создает морфологический строй финно-угорских языков: многие пространственные значения выражаются падежными показателями [Там же: 25], и это может спровоцировать опущение пространственных предлогов в ряде контекстов.

Мы выбрали для исследования корпуса русской речи носителей двух финно-угорских идиомов — бесермянского и лугового марийского, поскольку заметили в этих данных довольно высокую вариативность в плане наличия/отсутствия предлога, а также потому что данные корпуса сопоставимы по объему текстов, количеству информантов и похожи по структуре (они представляют собой поток спонтанной устной речи информантов с редкими вопросами и уточнениями интервьюеров). Бесермянский обычно классифицируется как один из диалектов удмуртского языка, однако его носители четко отличают его как от стандартного удмуртского языка, так и от удмуртских диалектов; кроме того, язык является одним из основных отличительных признаков идентичности бесермян как отдельного этноса [Usacheva, Brykina 2024: 255–256].

Мы исследовали опущение предлога *в* на основе билингвальных корпусов бесермянского русского [Архангельский 2020] и марийского русского [Волкова 2023]. В качестве основы для сравнения использовался корпус монолингвальной русской речи города Звенигорода [Panova 2021].

Предлог *в* был выбран в качестве объекта исследования после предварительного анализа текстов: было выявлено, что информанты опускают именно неслоговые консонантные предлоги, такие как *в*, *с*, *к*. Предлог *в* является наиболее частотным в билингвальных корпусах, поэтому было решено начать работу с него. Именные группы, в которых происходят опущения, обычно имеют пространственную или темпоральную семантику (см. примеры (2)–(3)), однако мы не ограничились выборку этими значениями.

(2) *Восемь лет Казахстане жила* [марийско-русский билингв]

(3) *Прошлом году я выхожу, коробку взяла* [бесермянско-русский билингв]

Основная цель данной работы — описать на основе устных корпусов речи марийских и бесермянских билингвов основные паттерны опущения предлога *в*, выявить факторы, которые могут влиять на опущение, и предложить возможные объяснения этому явлению.

Во втором разделе статьи представлена информация о корпусах, а также о методах сбора, разметки и анализа данных. Раздел 3 содержит результаты анализа данных и включает три части: подраздел 3.1. посвящен фонетическим факторам и интерференции с родными языками, 3.2 — вопросам о наличии связи между

опущением предлога и семантикой именной группы, к которой он присоединяется, 3.3. — анализу социолингвистических факторов (возраста и образования). Наконец, в разделе 4 представлено обобщение и возможные интерпретации результатов опущения предлога в наших данных, обсуждаются ограничения данной работы и такого рода исследований в целом, а также рассматриваются перспективы дальнейшего изучения опущения предлогов в речи билингвов.

2. Методы и данные

В этом разделе будут описаны источники данных, принципы отбора контекстов и их дальнейшей разметки.

2.1. Корпуса и носители

Для исследования мы использовали устные корпуса русской речи бесермян и марийцев, а также корпус русской речи монолингвов (собран в г. Звенигород, Московская область). Бесермяне — малый народ России; их численность, согласно переписи за 2020 год, составляет 2036 человек [Всероссийская перепись населения 2020]. В основном они проживают на севере Удмуртии, расселены среди удмуртских, татарских и русских поселений. Родным языком для большинства бесермян старшего и среднего поколения является бесермянский диалект удмуртского языка (уральская семья, пермская группа). Бесермянский корпус содержит русскую речь 11 бесермян 1930–1970 годов рождения, проживающих в деревне Шамардан (Удмуртия). Все информанты, речь которых содержится в корпусе, научились русскому языку в детстве, но не в семье (в большинстве случаев в начальной школе). Большинство информантов чаще говорят на бесермянском, однако регулярно используют русский при общении с родственниками небесермянами, при поездках и работе в других населенных пунктах. Спонтанные устные тексты были записаны в 2009–2019 гг., объем корпуса — примерно 77 000 словоупотреблений (речь носителей без речи интервьюеров). К сожалению, в метаданных есть некоторые лакуны: неизвестна точная дата рождения трех женщин и уровень образования одной женщины. Однако их высказывания занимают 8% всей бесермянской части базы данных, поэтому это не повлияло существенно на результаты анализа социолингвистических факторов.

Марийцы — народ в России, проживающий в основном в Республике Марий Эл и насчитывающий 424 000 человек [Всероссийская перепись населения 2020]. Помимо Республики Марий Эл, марийцы, в частности, проживают в Башкортостане, Кировской и Нижегородской области. Марийский язык относится к уральской языковой семье, находится в тесном контакте с русским языком и некоторыми тюркскими языками (чувашским, татарским, башкирским; см. [Коведяева 1993: 150; Исанбаев 1993]). Использованный нами корпус содержит русскую речь 9 носителей лугового марийского языка 1930–1970 годов рождения, проживающих в деревнях Старый Торъял и Ушемнур (Марий Эл); размер корпуса составляет 69 000 словоупотреблений. Все марийско-русские билингвы освоили русский язык

в детстве, но не в семье. В марийских метаданных также есть одна лакуна: у одного носителя не указаны данные об образовании; ее высказывания также составляют около 4% данных.

Устный корпус русской речи, собранный в Звенигороде, содержит записи 9 носителей русского языка, рожденных в 1940–1970-х гг. Объем корпуса — около 68 000 словоупотреблений.

Все три корпуса содержат рассказы на бытовые темы, а носители принадлежат к разным поколениям и имеют разный уровень образования. Метаданные носителей каждого из корпусов представлены на Рис. 1.

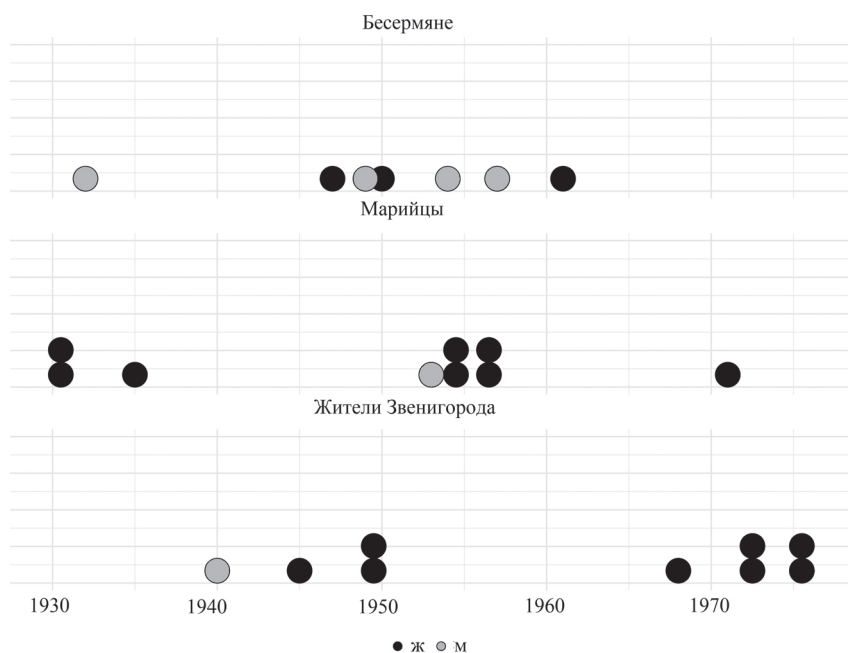

Рис. 1. Состав корпусов, используемых в исследовании (каждая точка соответствует одному носителю)

К сожалению, в марийском и звенигородском корпусе практически не представлена речь мужчин, и это делает нашу выборку несбалансированной; однако количество носителей, объем словоупотреблений и тематика текстов в трех корпусах примерно одинаковые, поэтому основания для сравнения полученных данных всё же есть.

2.2. Принципы разметки

Чтобы извлечь из корпусов необходимые контексты, мы использовали парсер UDPipe (Universal Dependencies, модель syntagrus, см. подробнее [Straka, Straková 2020]). На первом этапе были извлечены не только контексты с предлогом *в*, но

и все употребления винительного и предложного падежа, поскольку во многих случаях опущение предлога билингвами было настолько явным, что расшифровщики аудиофайлов не записывали предлог в транскрипции.

Затем из всех контекстов были отобраны только релевантные примеры, содержащие предложные группы с выраженным или опущенным предлогом *в*. Вручную были просмотрены все тексты, чтобы не упустить релевантные контексты с опущением предлога, не попавшие в базу из-за ошибок парсера. После этого все отобранные контексты были прослушаны двумя разметчиками и размечены по признаку присутствия или опущения предлога.

В том случае, если принять однозначное решение было невозможно из-за дефектов аудио или невнятной речи, мы удаляли пример из выборки. Если, несмотря на качественный звук, возникали сомнения, то мы просили послушать контекст коллег-лингвистов, носителей русского языка: при отсутствии разногласий контекст оставался в выборке, если же сделать выбор было невозможно, то контекст удалялся.

В итоге была сформирована выборка из 3496 контекстов (984 из бесермянского корпуса, 1245 из марийского, 1267 — из звенигородского), размеченных по признаку наличия/опущения предлога *в*, первого звука словоформы, перед которой стоит предлог, а также семантику существительного, которым предлог управляет.

3. Результаты

В результате анализа наших данных было выявлено, что во всех трех корпусах в большей части контекстов предлог сохраняется, однако выпадения все же происходят, причем они засвидетельствованы и в корпусе стандартного разговорного русского. В бесермянском корпусе *в* выпадает в 24% контекстов, в марийском — в 18% контекстов, в звенигородском — в 4% контекстов. Вариант *во* не выпадает. Распределение контекстов с выпадением и без графически представлено на Рис. 2.

В данном разделе будут рассмотрены факторы, потенциально влияющие на вероятность опущения предлога. В разделе 3.1 представлен анализ фонетических факторов, в 3.2 — возможность влияния морфосинтаксиса и семантики предложных групп, а в 3.3 — анализ корреляции выпадения предлога с социолингвистическими параметрами (возрастом и уровнем образования).

3.1. Фонетические факторы и интерференция

На Рис. 2 виден некоторый процент выпадений в речи носителей-монолингвов из Звенигорода. Поскольку в случае монолингвов мы не можем предполагать влияние интерференции, мы решили обратить внимание на первый звук словоформы после предлога. Предполагалось, что разметчики слышат опущения у монолингвов перед губными согласными в результате ассимиляции, однако результаты получились неожиданными: большинство выпадений в Звенигородском корпусе засвидетельствованы перед гласным [о], см. Рис. 3.

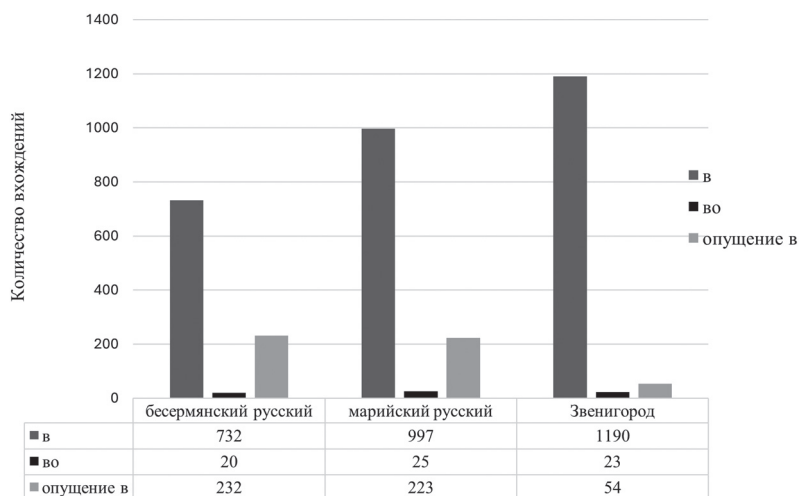

Рис. 2. Использование предлога *в* в звенигородском, бесермянском и марийском корпусах («опущение в» означает отсутствие предлога в контексте, где он предполагается)

На Рис. 3 видно, что в звенигородском корпусе есть 31 опущение *в* перед словами, начинающимися на [o], и единичные случаи опущения перед другими согласными (главным образом губными, и это вполне ожидаемо по фонетическим причинам). При этом все случаи опущения предлога перед [o] представляют собой одну вводную конструкцию *в общем*. Можно предположить, что опущения предлога в этом контексте являются результатом лексикализации (предложная группа начинает восприниматься как единая лексическая единица). Для русской спонтанной речи давно отмечена тенденция звуков [v] и [v'] к выпадению перед гласными и в интервокальной позиции, причем именно в частотных словах, таких как *вообще, ничего* и т. п. [Бондарко и др. 1988: 72].

В билингвальных корпусах (Рис. 4 и 5) мы видим иную картину: предлог *в* опускается перед согласными, чаще всего губными:

По Рис. 4 видно, что в речи бесермян предлог *в* чаще всего опускается перед согласными, главным образом перед губными [p] и [b], и это может быть связано с фонетической интерференцией. Дело в том, что в бесермянском языке есть серьезные ограничения на кластеры согласных с [v]: этот звук встречается в начале слова только перед гласными, в середине слова только в заимствованиях (как в составе кластера согласных, так и в интервокальной позиции) [Тепляшина 1970: 116]. В заимствованных словах [v] обычно выпадает перед согласными (например, *dova* ‘вдова’, *zamen* ‘взамен’) или заменяется на другой звук (*mənik* ‘внук’); более того, даже в исконных словах представители старшего поколения практикуют замену начального [v] на [w] или [b]. Звук [f] используется в заимствованиях во всех позициях, однако в старых освоенных заимствованиях и в некоторых спонтанных заимствованиях в речи старшего поколения может заменяться на [p] или [k]; выпадает

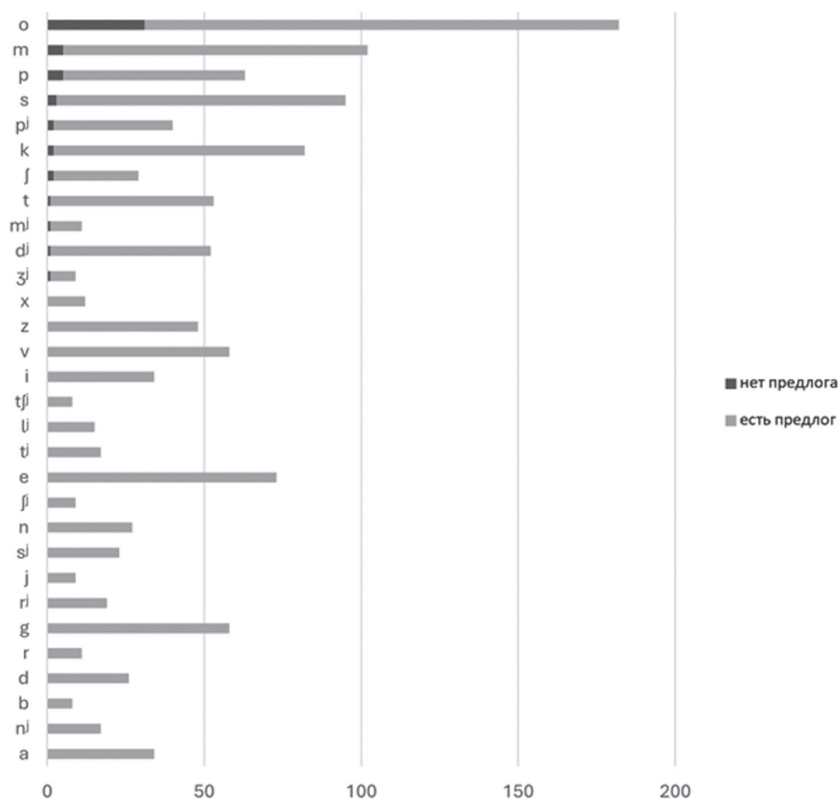

Рис. 3. Первый звук словоформы после предлога *в* в звенигородском корпусе

также в освоенных заимствованиях перед глухими согласными (*poln'e* ‘вполне’, *s'akoj* ‘всякий’, *tulka* ‘втулка’) [Тепляшина 1970: 116–117].

В корпусе марийского русского предлог *в* также опускается перед согласными с разной артикуляцией, что проиллюстрировано на Рис. 5; в целом картина похожа на выпадение у бесермян, однако чаще всего выпадения происходят перед заднеязычным согласным [k]. В марийском языке [v] не может находиться перед согласным [Грузов 1964: 194], и в целом слово не может начинаться с кластера согласных [Саваткова 1969: 50]. Таким образом, в заимствованных словах начальный [v] перед согласным может выпадать (*toroj* ‘второй’) или «разбавляться» последующим кратким гласным [ы] (*вырач* ‘врач’) [Саваткова 1969: 50]; также в любой позиции, в том числе перед гласными и в середине слова, [v] и [v'] могут заменяться в заимствованиях на [m] [Саваткова 1969: 29]. Что касается [f], эта фонема является заимствованной, но очень хорошо усвоенной в марийском языке; в некоторых старых заимствованиях [f] преобразовывается в [p] (*фонарь* ‘фонарь’); в случае стыка согласных, также может добавляться [ы] (*пыл'ага* ‘фляга’) [Грузов 1964: 214; Саваткова 1969: 50].

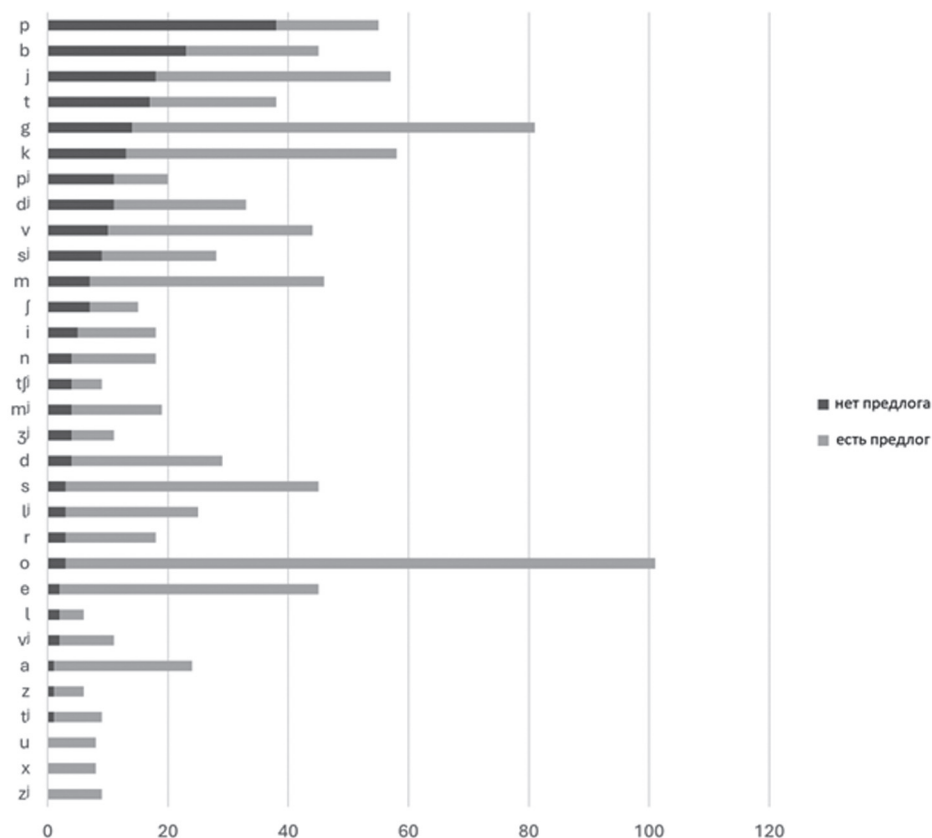

Рис. 4. Первый звук словоформы после предлога *в* в бесермянском корпусе

Приведенные выше ограничения на кластеры согласных в заимствованиях были описаны в середине XX в. На синхронном уровне, в современной бесермянской и марийской речи, они оказываются не настолько строгими. В бесермянском и марийском устных корпусах [Usacheva et al. 2003–2021; Волкова и др. 2021] нередко можно встретить такие слова, как *vrednoj*, *ftoraj*, *fkl'uč'it'*, где носители могут весьма четко произносить начальные [v] и [f]. Можно предположить, что в случаях с нетипичной фонотактикой мы имеем дело не с заимствованием, а так называемым «смешением кодов» (code-mixing), когда говорящий может использовать лексические, грамматические, фонетические признаки двух и более языков в одном высказывании [Muysken 2000: 1; Usacheva, Biryuk 2016: 125]. В речи бесермян смешение кодов описано весьма подробно: носители действительно могут произносить некоторые слова с нетипичной для бесермянского фонотактикой (например, произносить в потоке бесермянской речи русское *petux* вместо адаптированного заимствования *petuk* и осмыслять произношение с [x] как вставку русского слова, а с [k] — как бесермянское слово) [Usacheva, Biryuk 2016: 128].

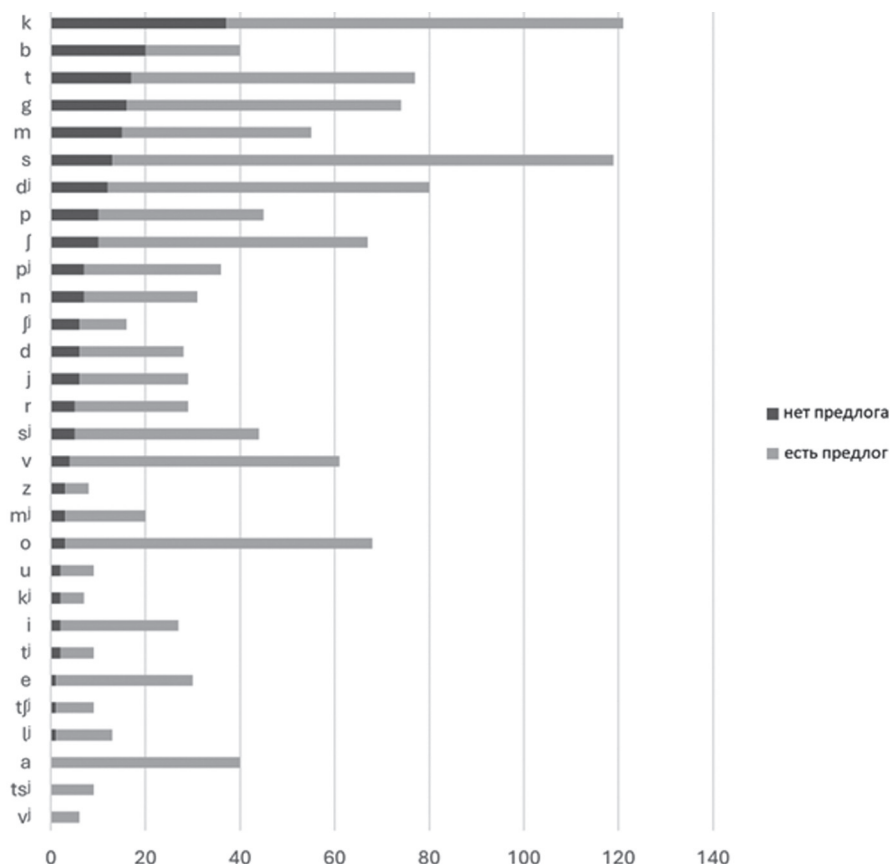

Рис. 5. Первый звук словоформы после предлога *в* в марийском корпусе

Однако есть данные о тенденции к выпадению предлога *в* в позиции между согласными и в спонтанной русской речи без всякого контактного влияния [Насырова 2022: 80], поэтому сложно объяснить выпадение предлога *в* у марийцев и бесермян только фонетической интерференцией.

С другой стороны, количество выпадений предлога (особенно перед согласными) в Звенигороде не сравнимо с тем, что мы слышим в речи билингвов — носителей уральских языков, имеющих ограничения на начальные кластеры согласных, и несмотря на то, что наличие/выпадение *в* бывает сложно расслышать и бывают расхождения между двумя разметчиками, это не очень повлияло на результат в случае монолингвов.

Что касается влияния морфологической интерференции, грамматики марийского и бесермянского языков дают основания ее предполагать, ведь в этих языках пространственные и временные значения обычно выражаются падежными формами или послелогами (см. [Тепляшина 1970: 170; Усачёва 2012: 124–193] о бесермянском;

[Кондратьева 2011: 146–151] об удмуртской системе; [Тужаров 1987: 98–105] о марийском).

В случае влияния морфологической интерференции можно ожидать выпадения не только консонантных предлогов (таких как *в*, *с*, *к*), но также «слоговых», например, предлогов *на* (некоторые контексты с этим предлогом могут соответствовать марийскому местному и направительному падежам [Тужаров 1987: 99, 103]) или *из* (в бесермянском это значение выражается показателем элатива [Усачева 2012: 125]). Такие опущения нередко встречаются, к примеру, в русской речи билингвов Дагестана [Ранова, Philippova 2021: 648]. Однако в используемых нами корпусах бесермянского и марийского русского удалось найти лишь единичные случаи, которые вполне могут быть оговорками (например, в марийском корпусе обнаружен всего один такой случай: *живёт четвертый этаже квартира*). Таким образом, наши данные не могут подтвердить влияние морфосинтаксических структур родных языков билингвов на опущение предлогов в русской речи.

3.2. Семантика предложной группы и выпадение предлога

В некоторых исследованиях выдвигается предположение, что предлоги имеют тенденцию опускаться при существительных, обозначающих привычное, стереотипное местоположение, со значением ‘дом’, ‘школа’, ‘пляж’ [Gehrke, Lekakou 2013: 102; Cattaneo 2009: 288]. Упомянутые исследования выполнены на материале новогреческого языка и итальянского диалекта Беллинцони, и в них не рассматривалось контактное влияние.

Для того чтобы примерно оценить, в каких предложных группах может опускаться *в*, мы провели семантическую разметку. Были выделены географические названия (имена собственные), места — открытые пространства (*лес*, *поле*, *сад* и т. д.), указания на время (например, *в апреле*, *в прошлом году*), помещения (*дом*, *здание*), вместилща (*корзинка*, *сумка*), населенные пункты (несобственные имена, например, *город*, *деревня*, *страна*), организации (*колхоз*, *школа*), вещества, устойчивые выражения (например, *иметь в виду*), части тела, одежда и обувь. Разметка включала еще несколько мелких категорий, но для удобства визуализации из диаграмм убраны категории, содержащие меньше 10 наблюдений; некоторые из них будут прокомментированы в дальнейшем.

На Рис. 6 представлены данные об опущении и наличии предлога в речи бесермян.

Больше всего предлог опускается перед именными группами с темпоральной семантикой: в 52% таких контекстов именная группа используется без предлога (например, *декабре*, *прошлом году*). В удмуртском языке эти значения могут маркироваться пространственными падежами инессивом и иллативом [Кондратьева 2011: 158–159], однако непосредственно пространственные именные группы не демонстрируют такой тенденции к опущению предлога. Теперь рассмотрим подробнее пространственные контексты с опущениями и без.

С географическими названиями предлог опускается в 29% случаев; здесь можно предположить влияние стереотипной, привычной локализации, однако опущения

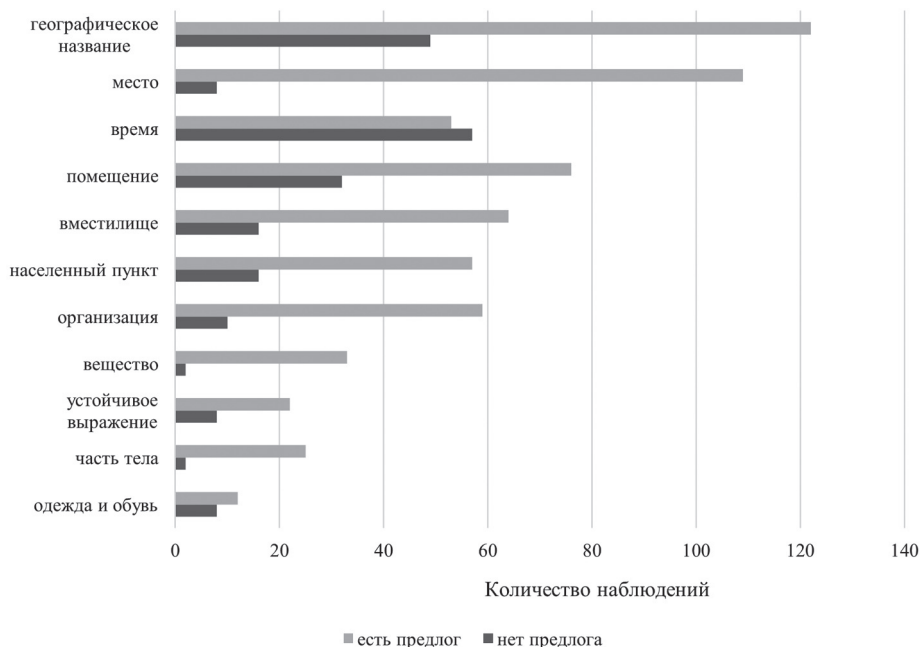

Рис. 6. Наличие и опущение предлога *в* с разными типами существительных в русской речи бесермян

бывают не только с привычными для местных жителей топонимами, но и с названиями других стран (Германия, Китай); однако нужно учитывать, что эти локализации могут быть привычными для конкретных говорящих в силу их индивидуального опыта. Перед именными группами с семантикой помещений опущения происходят в 30% случаев, однако существительные, перед которыми происходит выпадение предлога, сложно классифицировать как стереотипные локации. Много случаев опущения перед словами *баня* и *больница*, однако ни одного перед существительными *дом*, *клуб*, *амбар*. Примерно такая же ситуация с остальными типами ориентиров — не очень много выпадений перед существительными *город*, *деревня*, *место*, открытыми пространствами, организациями, вместилищами; при этом лексемный состав словоформ с выпадением и без *в* в каждой группе практически не отличается: большинство ориентиров встречаются как с опущениями, так и без них.

Также некоторый интерес представляют выражения с существительными *класс* и *раз*; они не были включены в диаграмму, поскольку в данных слишком мало наблюдений (17 для *класс* и 12 для *раз*, хотя последнее в некоторых контекстах используется без предлога и в разговорном русском). Однако опущения в этих контекстах происходят в 60% случаев в речи разных носителей, и, возможно, на такие контексты стоит обратить внимание в дальнейших исследованиях на более обширном материале.

На Рис. 7 представлена подобная диаграмма на материале речи марийцев, где картина несколько отличается.

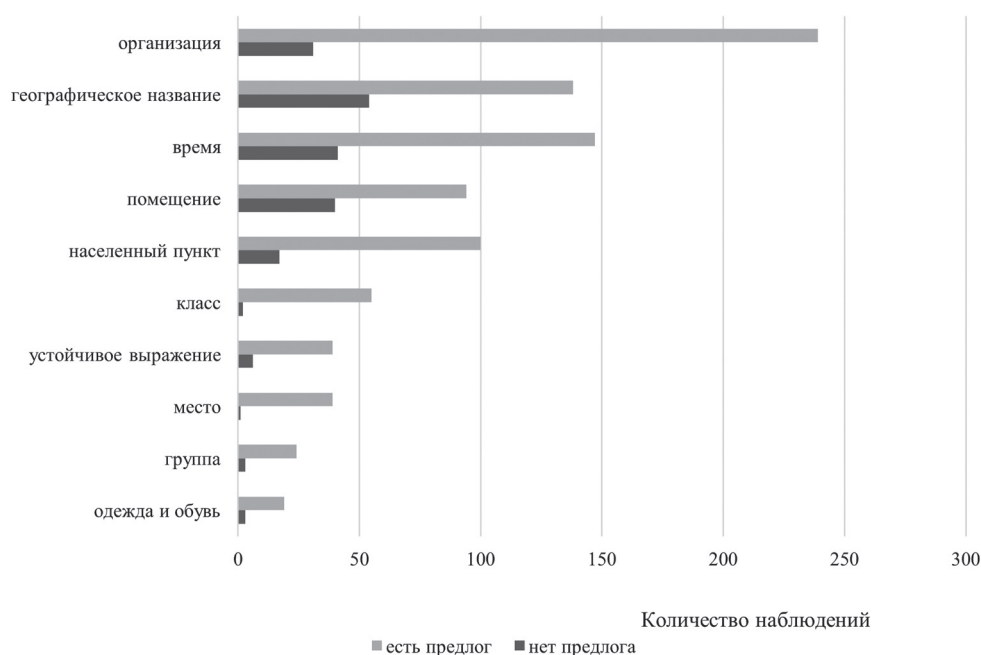

Рис. 7. Наличие и опущение предлога *в* с разными типами существительных в русской речи марийцев

Если в пространственных контекстах доля опущений предлога очень похожа на то, что мы видим у бесермян, то в темпоральных контекстах опущений не так много, всего лишь 22%. И пространственные, и временные контексты, которые нас интересуют, могут выражаться падежными показателями в родном языке информантов [Тужаров 1987: 79–109], однако наши данные не дают достаточных оснований усматривать в данном случае влияние морфосинтаксической интерференции на опущение предлога. Предположение, что опущения будут чаще происходить при обозначении стереотипных локализаций, также не подтверждается на марийских данных: разные типы ориентиров, как стереотипные и частотные, так и очень редкие, встречаются в речи марийских билингвов как с предлогами, так и без них.

В речи монолингвов выделяется одно вводное выражение *в общем*, в котором предлог опускается в 25% случаев, в речи же билингвов картина устроена сложнее. Была замечена тенденция опускать предлог в темпоральных контекстах среди бесермянских билингвов.

Таким образом, нет оснований полагать, что семантика существительного в предложной группе значительно влияет на вероятность опущения предлога в русской речи бесермян и марийцев.

3.3. Социолингвистические факторы: возраст и уровень образования

В данном разделе будет рассмотрено предположение о влиянии социолингвистических факторов на вероятность опущения предлога. На Рис. 8 представлена точечная диаграмма, которая показывает процент выпадения предлогов у информантов разного возраста:

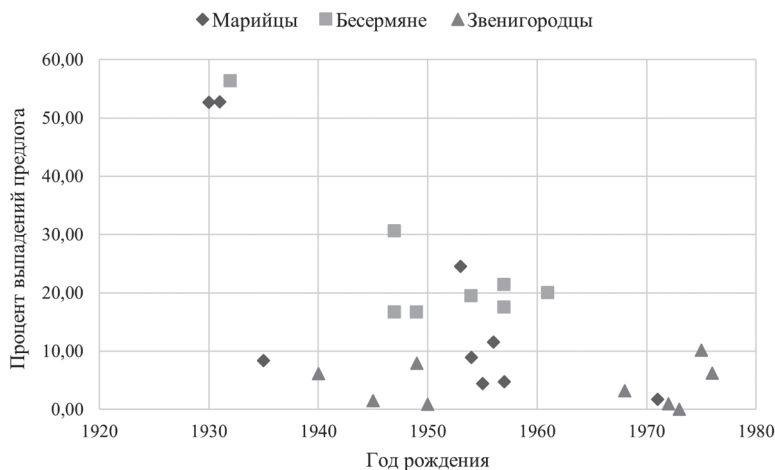

Рис. 8. Вероятность опущения предлога в зависимости от возраста и родного языка

По оси x отложена дата рождения, а по оси y — доля выпадения предлога в речи информанта. Каждая точка соответствует одному человеку. На диаграмме отчетливо видно, что самый высокий процент опущений предлога представлен в речи старшего поколения — билингвов, родившихся в 1930-х гг. Однако есть марийский билингв 1935 года рождения, который опускает предлог менее чем в 10% случаев; здесь мы предполагаем влияние фактора образования, о котором пойдет речь ниже.

Помимо этого, мы видим, что бесермяне любого возраста опускают предлоги чаще большинства марийцев и монолингвов, однако большинство марийцев практически не делают этого и в 90% случаев проговаривают предлог. У монолингвов же опущение никак не связано с возрастом информанта и в целом не превышает 10%.

Рассмотрим другой потенциально значимый фактор — уровень образования. На Рис. 9 представлена диаграмма вероятности выпадения предлогов у информантов разного уровня образования.

По оси x отложено количество лет, в течение которых информант получал образование, а по оси y — доля выпадений предлога в его речи. Каждая точка соответствует одному человеку.

На Рис. 9 отчетливо видно, что люди, получившие лишь начальное образование, опускают предлог чаще других; однако один бесермянский билингв со

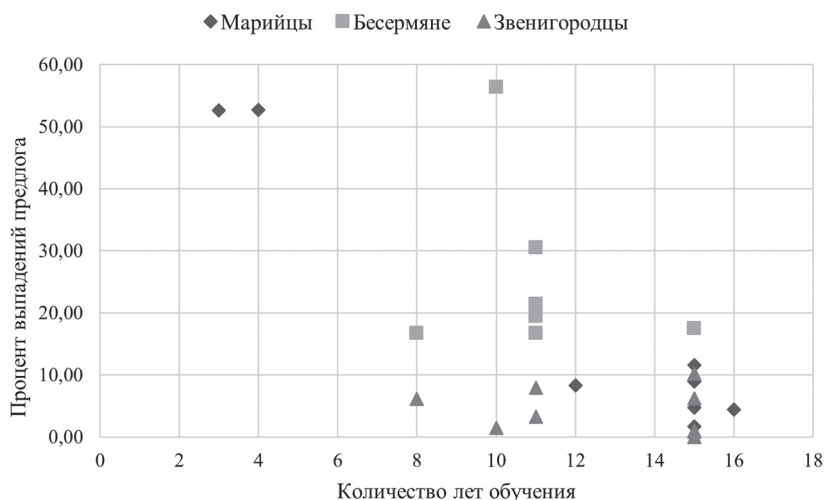

Рис. 9. Вероятность опущения предлога *в* в зависимости от уровня образования и родного языка

средним образованием опускает предлоги так же часто — более чем в половине случаев. Этот человек родился в 1930-х гг, и мы могли бы предполагать влияние фактора возраста, однако его мари́йская ровесница со средним специальным образованием опускает предлоги лишь в 8% случаев. В ее случае мы можем предполагать влияние иных факторов, таких как возможное проживание в русскоязычном окружении, регулярный просмотр медиа на русском языке и т. д., однако мы не располагаем точными данными.

В целом видно, что бесермя́нские билингвы опускают предлоги чаще, чем мари́йские, и большинство бесермян имеет среднее или среднее специальное образование, в то время как большинство мари́йцев в нашей выборке получили высшее образование, и их речь по изучаемому признаку более стандартна.

Таким образом, анализ социолингвистических факторов позволяет выявить основные тенденции: люди с начальным образованием, не изучавшие русский язык системно и усвоившие главным образом его устную форму, опускают предлоги намного чаще большинства тех, кто получил среднее и высшее образование. Несколько пожилых билингвов также демонстрируют больший процент опущений, чем их молодые соседи, однако данных недостаточно для того, чтобы сделать уверенные выводы о том, что это связано именно с возрастом и образованием, а не с другими дополнительными факторами.

Стоит также отметить, что бесермя́не в целом демонстрируют тенденцию опускать предлоги чаще мари́йцев, и это может быть связано с несбалансированностью наших данных по признаку образования (большинство мари́йских информантов имеют высшее образование, а большинство бесермян в нашей выборке — среднее).

4. Обсуждение результатов

В работе было подробно рассмотрено выпадение предлога *в* в русской речи луговомарийских и бесермянских билингвов и русскоязычных монолингвов. Это явление не ограничивается билингвальной речью: монолингвы также демонстрируют небольшой процент опущений предлога, происходящих редко и в довольно специфических контекстах. В речи монолингвов предлог опускается преимущественно во вводном словосочетании *в общем*, которое, по-видимому, лексикализировано и может восприниматься носителями не как предложная группа, а как единое слово. Интересно, что билингвы вообще не опускают предлоги в этой единице, но в целом демонстрируют выпадение предлогов намного чаще в разнообразных контекстах, главным образом перед согласными и кластерами согласных.

Таким образом, наши данные в целом подтверждают предположение о том, что фонетические ограничения марийского и бесермянского языков могут влиять на выпадение предлога *в* в русской речи билингвов, но это требует дальнейшего изучения, поскольку тексты в используемых корпусах записаны от малого числа носителей для статистического анализа.

Что касается морфосинтаксической интерференции, наши данные не дают оснований считать, что она может влиять на выпадение предлогов в русской речи марийцев и бесермян. Это связано с тем, что в рассматриваемых корпусах не наблюдается опущений слоговых предлогов (таких как *на* или *из*), а выпадают только неслоговые консонантные предлоги. При этом и *в*, и *из* используются в локативных контекстах, многие из которых в родных языках информантов выражаются падежными показателями, поэтому в случае морфосинтаксической интерференции демонстрировали бы похожие паттерны, однако этого не происходит.

Гипотеза о влиянии семантики именной группы на частотность выпадения предлога подтвердилась лишь частично. Предполагалось, что предлоги в большей степени будут опускаться перед существительными, обозначающими стереотипные частотные локации (дом, школа, местные топонимы), однако четкой корреляции выявлено не было. При этом в наших данных бесермянские билингвы чаще всего опускают предлоги перед именными группами с темпоральной семантикой. На ограниченном объеме контекстов сложно сказать, насколько это значимый результат, однако в дальнейших исследованиях опущения предлогов в русской речи бесермян на темпоральные контексты стоит обратить внимание, как и на предложные группы, содержащие существительные *раз* и *класс*. Возможно, в данном случае мы имеем дело не со стереотипными локализациями, но с конвенционализированными темпоральными и иными обстоятельственными выражениями, которые функционируют похожим образом.

Наши данные также демонстрируют высокую вариативность носителей с точки зрения опущения или наличия предлога. Мы предполагаем, что количество опущений может быть связано с социолингвистическими факторами, такими как возраст и уровень образования. В данных прослеживается ожидаемая тенденция: пожилые билингвы, окончившие только начальную школу, пропускают предлоги чаще,

чем более молодые билингвы, получившие высшее образование и, соответственно, имеющие больший опыт формального обучения русскому языку, чтения и письма на русском языке. Однако эти результаты можно считать предварительными, поскольку каждый корпус содержит данные менее 10 носителей, и совсем немногие из них относятся к старшему поколению.

Небольшое количество носителей-билингвов, особенно старшего возраста, является основным ограничением исследования. Однако полученные результаты могут стать основой для дизайна экспериментального исследования опущения предлогов в русской речи носителей языков, контактирующих с русским.

Помимо этого, исследования выпадения консонантных предлогов сталкиваются с методологическими сложностями: предлог бывает сложно услышать, и возможны разногласия среди разметчиков. Мы постарались сделать наше исследование менее предвзятым, используя речь монолингвов для сравнения и прибегнув к помощи дополнительных разметчиков в спорных случаях.

В целом фонетическая интерференция, вероятно, увеличивает вероятность пропуска предлогов в русской речи марийских и бесермянских билингвов, но результаты данного исследования не свидетельствуют о систематическом копировании фонетических ограничений родного языка, поскольку все носители могут как опускать предлоги, так и использовать их в одном и том же фонетическом окружении. Кроме того, этот параметр также сильно варьирует от информанта к информанту. Для того чтобы подтвердить и опровергнуть выдвинутые в работе предположения, необходимы дальнейшие исследования, основанные на речи большего количества информантов (как билингвов, так и монолингвов).

Список сокращений

ACC — аккузатив; ART — артикль; PL — множественное число; SG — единственное число.

Литература

Архангельский Т. А. Корпус русской речи бесермян. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/BesermanRus/> (дата обращения 15.05.2024).

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р., Гейльман И. И., Светозарова Н. Д., Штерн А. С., Александров Л. Г., Богданова Н. В., Варжавитина Е. А., Вольская Н. Б., Гусева С. И., Зыкова М. А., Кукольщикова Л. Е., Овчаренко Е. Б., Ошуйко Е. И., Павлова А. В., Шитова Л. Ф. Фонетика спонтанной речи. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1988. 247 с.

Волкова А. А. Корпус марийского русского. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/MariRus> (дата обращения 15.05.2024).

Волкова А. А., Закирова А. Н., Воронов М. К., Долгодворова М. А., Ключева З. В., Кокорева С. П., Макачук И. В., Хомченкова И. А., Архангельский Т. А., Сокур Е. О. Устный корпус лугового марийского языка с. Старый Торъял Новоторъяльского

района Республики Марий Эл. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://lingconlab.ru/spoken_meadow_mari/ (дата обращения 28.03.2025).

Всероссийская перепись населения 2020 года. Электронный ресурс. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения 10.02.2025).

Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1964. 245 с.

Даниэль М. А., Добрушина Н. Р. Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Выпуск 12 / Под ред. В. П. Селегея. М.: РГГУ, 2013. С. 186–199.

Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Дисс. ... доктора филол. наук. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 1993. 173 с.

Коведяева Е. И. Марийский язык // Языки мира: Уральские языки / Под. ред. Ю. С. Елисеева. М: Наука, 1993. С. 148–164.

Кондратьева Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 257 с.

Майтинская К. Е. Финно-угорские языки // Языки мира: Уральские языки / Под. ред. Ю. С. Елисеева. М: Наука, 1993. С. 20–31.

Насырова Е. В. Редукция предлога «в» в русской устной речи // Фонетический лицей. Вып. 7: сб. статей / Под ред. Т. В. Качковской, А. А. Портновой. СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 78–82.

Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1969. 131 с.

Степаненко Е. Б. Отклонения от речевого стандарта в русской устной речи шорско-русских билингвов: к проблеме интерферентных влияний. ВКР магистра. Томск: НИ ТГУ, 2020. 95 с.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

Тужаров Г. М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1987. 144 с.

Усачёва М. Н. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках. Дисс. ... кандидата филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. 295 с.

Cattaneo A. It is all about clitics: The case of a Northern Italian dialect like Bellinzonese. (Unpublished doctoral dissertation). New York University. 2009. Available at: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=b0ceea5e829b896bcfc794d2bcc439eaa23f0c9> (accessed on 12.04.2025).

Gehrke B., Lekakou M. How to miss your preposition // Studies in Greek Linguistics. 2013. Vol. 33. P. 92–106.

Khomchenkova I., Pleshak P., Stoyanova N. Non-standard expression of spatial semantics in the contact influenced Russian Speech of Russian Far East and Northern Siberia // Language Contact in the Circumpolar World Conference, Moscow, Russia, 2017, October.

Khomchenkova I. Contact-induced features in the Russian speech of Nganasans // Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. 2020. № 2 (11). P. 13–37.

Muysken P. Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p.

Panova A. Corpus of Russian spoken in Zvenigorod, Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, 2021. Available at: <http://lingconlab.ru/zvenigorod/> (accessed on 15.05.2024).

Panova A., Philippova T. When a cross-linguistic tendency marries incomplete acquisition: Preposition drop in Russian spoken in Daghestan // International Journal of Bilingualism. 2021. № 3 (25). P. 640–667.

Shagal K. Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya Speakers // Mordvin languages in the field / ed. by K. Shagal, H. Arjava. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 363–377.

Stoyanova N. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East // Slavica Helsingiensia, 2019. Vol. 52. P. 9–36.

Straka M., Straková J. UDPipe at EvaLatin 2020: Contextualized Embeddings and Treebank Embeddings. In: ArXiv.org Computing Research Repository, 2020. Available at: <https://arxiv.org/abs/2006.03687> (accessed on 20.03.2025).

Usacheva M., Arkhangelskiy T., Biryuk O., Idrisov R., Ivanov V. Corpus of Beserman usage examples. 2003-2021. Available at: https://linghub.ru/beserman_examples_corpus/search (accessed on 20.03.2025).

Usacheva M., Biryuk O. Russian in Beserman oral discourse: Code-mixing and borrowing // Dialectologia: revista electrònica. 2016. Vol. 17. P. 123–150.

Usacheva, M., Brykina, M. Syntactic properties and information structure of constructions with plural-marked adjectives in Beserman // Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. 2024. № 1 (15). P. 255–296.

A. V. Yakovleva

NRU Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

yaknastak@gmail.com

PREPOSITION DROP IN MARI AND BESERMAN RUSSIAN BILINGUALS: A CORPUS-BASED STUDY

The paper is devoted to the preposition drop in Russian spoken by Beserman Udmurt and Meadow Mari bilingual speakers in comparison with monolingual Russian speakers. Based on the three oral corpora, I created and annotated a database of contexts containing a prepositional phrase with the preposition *ν* ('in'). The patterns of preposition drop

in the speech of bilinguals and monolinguals differ significantly: monolinguals omit the preposition almost exclusively in one lexicalized introductory phrase, whereas the speech of bilinguals shows the omission of prepositions in a wide variety of contexts. This paper suggests that the probability of preposition drop in the speech of Beserman and Mari bilinguals may be due to interference with the phonetic systems of their native languages. In addition, there is a large variability among bilingual speakers; senior age and low level of education presumably increase the probability of preposition drop, but our data are insufficient to confirm or refute these assumptions statistically.

Keywords: preposition drop, bilingualism, Russian, Beserman, Mari, language contact

References

Arkhangel'skii T. A. *Korpus russkoi rechi besermyan* [Corpus of Russian spoken by Besermans]. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, 2020. Available online at URL: <https://lingconlab.ru/BesermanRus/>, accessed on 15.05.2024.

Bondarko L. V., Verbitskaya I. A., Zinder L. R., Geil'man I. I., Svetozarova N. D., Shtern A. S., Aleksandrov L. G., Bogdanova N. V., Varzhavitina E. A., Vol'skaya N. B., Guseva S. I., Zykova M. A., Kukol'shchikova L. E., Ovcharenko E. B., Oshuiko E. I., Pavlova A. V., Shitova L. F. *Fonetika spontannoi rechi*. [The phonetic of spontaneous speech]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1988. 247 p. (In Russ.)

Cattaneo A. *It is all about clitics: The case of a Northern Italian dialect like Bellinzonese*. (Unpublished doctoral dissertation). New York University, 2009. Available online at URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.457.2086&rep=rep1&type=pdf> accessed on 12.04.2025.

Daniehl' M. A., Dobrushina N. R. [Russian language in Daghestan: the problems of linguistic interference]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. [Proceedings of the International Conference “Dialog” on computational linguistics and intellectual technologies]. V. P. Selegey (Ed.). Vol. 12, Moscow: RGGU, 2013, pp. 186–199. (In Russ.)

Gehrke B., Lekakou M. How to miss your preposition. *Studies in Greek Linguistics*, 2013, vol. 33, pp. 92–106.

Gruzov L. P. *Fonetika dialektov mariiskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii*. [Phonetics of the Mari language dialects in historical perspective]. Ioshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izd-vo, 1964. 245 p. (In Russ.)

Isanbaev N. I. *Mariisko-tyurkskie yazykovye kontakty*. [Mari-Turkic language contacts] Doct. diss. in Philology, Ioshkar-Ola, Mari State University, 1993. 173 p. (In Russ.)

Khomchenkova I. Contact-induced features in the Russian speech of Nganasans. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 13–37.

Khomchenkova I., Pleshak P., Stoyanova N. Non-standard expression of spatial semantics in the contact influenced Russian Speech of Russian Far East and Northern Siberia. *Language Contact in the Circumpolar World Conference*, Moscow, Russia, 2017, October.

Kondrat'eva N. V. *Kategoriya padezha imeni sushchestvitel'nogo v udmurtskom yazyke*. [The Category of Nominal Case in Udmurt] Izhevsk, Udmurtskii universitet, 2011. 257 p. (In Russ.)

Kovedyaeva E. I. [Mari language]. *Yazyki mira: Ural'skie yazyki* [Languages of the world: Uralic]. Yu. S. Eliseev (Ed.). Moscow, Nauka, 1993, pp. 148–164. (In Russ.)

Maitinskaya K. E. [Finno-Ugric languages]. *Yazyki mira: Ural'skie yazyki* [Languages of the World: Uralic]. Yu. S. Eliseev (Ed.). Moscow, Nauka, 1993, pp. 20–31. (In Russ.)

Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 306 p.

Nasyrova E. V. [The reduction of the preposition v" in ussian oral speech]. *Foneticheskii litsei. vol. 7*. T. V. Kachkovskaya, A. A. Portnova (Eds.). Saint Petersburg, Skifiya-print, 2022, pp. 78–82. (In Russ.)

Panova A. Corpus of Russian spoken in Zvenigorod, Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, 2021 (Available online at URL: <http://lingconlab.ru/zvenigorod/>, accessed on 15.05.2024).

Panova A., Philippova T. When a cross-linguistic tendency marries incomplete acquisition: Preposition drop in Russian spoken in Daghestan. *International Journal of Bilingualism*, 2021, vol. 25, no. 3, pp. 640–667.

Savatkova A. A. *Russkie zaimstvovaniya v mariiskom yazyke* [Russian loanwords in Mari language] Ioshkar-Ola, Marknigoizdat, 1969. 131 p. (In Russ.)

Shagal K. Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya Speakers. *Mordvin languages in the field*. K. Shagal, H. Arjava (Eds.). Helsinki, University of Helsinki, 2016, pp. 363–377.

Stepanenko E. B. *Otkloneniya ot rechevogo standarta v russkoi ustnoi rechi shorskoruskikh bilingvov: k probleme interferentnykh vliyaniy*. [Deviations from the Speech Standard in the oral Russian speech of Shor-Russian bilinguals: towards the problem of interference] MA Thesis. Tomsk, NI TGU, 2020. 95 p. (In Russ.)

Stoynova N. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East. *Slavica Helsinkiensis*, 2019, vol. 52, pp. 9–36.

Straka M., Straková J. UDPipe at EvaLatin 2020: Contextualized Embeddings and Treebank Embeddings. In: ArXiv.org Computing Research Repository, 2020. Available online at URL: <https://arxiv.org/abs/2006.03687>, accessed on 20.03.2025).

Teptyashina T. I. *Yazyk besermyan*. [The language of Besermans] Moscow, Nauka, 1970. 288 p. (In Russ.)

Tuzharov G. M. *Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitel'nogo v mariiskom yazyke*. [The grammatical categories of nouns in Mari Language]. Ioshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izd-vo, 1987. 144 p. (In Russ.)

Usacheva M. N. *Lokativnye padezhi v sostave grupp s prostranstvennym znacheniem v permskikh yazykakh*. [Locative cases in groups with spatial meaning in Permic languages] Cand. diss. in Philology. Moscow, Moscow State University, 2012. 295 p. (In Russ.)

Usacheva M., Arkhangelskiy T., Biryuk O., Idrisov R., Ivanov V. Corpus of Beserman usage examples. 2003–2021. Available online at URL: https://linghub.ru/beserman_examples_corpus/search, accessed on 20.03.2025).

Usacheva M., Biryuk O. Russian in Beserman oral discourse: Code-mixing and borrowing. *Dialectologia: revista electrònica*, 2016, vol. 17, pp. 123–150.

Usacheva M., Brykina M. Syntactic properties and information structure of constructions with plural-marked adjectives in Beserman. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 255–296.

Volkova A. A. *Korpus mariiskogo russkogo* [Corpus of Russian spoken by Mari]. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, 2023. Available online at URL: <http://lingconlab.ru/MariRus>, accessed on 15.05.2024.

Volkova A. A., Zakirova A. N., Voronov M. K., Dolgodvorova M. A., Klyucheva Z. V., Kokoreva S. P., Makarchuk I. V., Khomchenkova I. A., Arkhangel'skii T. A., Sokur E. O. *Ustnyi korpus lugovogo mariiskogo yazyka s. Staryi Tor'yal Novotor'yal'skogo raiona Respubliki Marii Ehl* [Spoken corpus of Meadow Mari (as spoken in the village of Staryj Toryal, Novyj Torjal district, Mari El Republic, Russia)]. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, 2021. Available online at URL: https://lingconlab.ru/spoken_meadow_mari/, accessed on 10.02.2025.

Donna Fenton
Carleton University
(Ottawa, Canada)
donna.fenton@cmail.carleton.ca

SUFFIXATION OF RECENT BORROWINGS IN SAKHA: AN INVESTIGATION OF VOWEL HARMONY¹

While processes of loanword adaptation in Sakha (Yakut) have been well-studied, contemporary speakers tend to use the original Russian pronunciations, and little attention has been paid to the interaction of these unadapted loanwords with native morphology. This study investigates vowel harmony processes in spoken Sakha, with a focus on suffixation patterns in borrowed words. The data was obtained from interviews conducted with six native speakers of Sakha who completed an elicitation task and a Likert-scale task in which they were asked to produce and rate plural and possessive forms of native and borrowed words. In native and fully adapted loanwords, speakers consistently produced and rated most highly the expected suffix variants based on the stem-final vowel. For unadapted loanwords, there were also consistent patterns, but the preferred suffix was less likely to harmonize with the stem-final vowel. Several factors influenced the choice of suffix, including whether the word was harmonic; the height of the suffix vowel; and the written form. For non-native words, vowel harmony violations were more likely to involve front or round triggers, and the preferred suffixes were the back unrounded variants.

Keywords: Sakha language, Yakut language, vowel harmony, loanword phonology, language contact

1. Introduction

Languages are always in contact with other languages, with sociolinguistic circumstances ranging from borrowing isolated foreign words to widespread bilingualism up to language shift. It is in the interest of linguists to document and study the full range of linguistic behavior in multilingual contexts. For example, the analysis of the incorporation of loanwords into a phonological system provides insights into both the borrowing lan-

¹ I would like to express my gratitude to Iya Danilova, Vilena G. Dyachkovskaya, Vladimir A. Ivanov, Sofya V. Kholmogorova, Gavriil S. Pavlov, and Maxim V. Pavlov, whose participation and valuable insights made this research possible; to Lev Blumenfeld for his guidance and support; and to the anonymous reviewers for their helpful suggestions.

guage and universal processes [Kang 2011]. This has been the case for our understanding of vowel harmony systems, where studies of how disharmonic loanwords are handled have added to our knowledge of vowel harmony in languages such as Turkish [Kabak 2011] and have been key in testing and extending phonological theory.

The native system of vowel harmony in Sakha (Yakut) is well-documented [Dyachkovskiy 1971; Krueger 1962], as are the processes of loanword adaptation [Vasilyeva 2017], but little has been written about the interaction of borrowed words and native morphology, in particular, how suffixation applies to borrowed words. Furthermore, most research on Sakha has been based on the written language, which is influenced by normative rules and does not always reflect actual pronunciation. In the past, borrowed words were adapted to conform to Sakha phonology, but now that almost all speakers are bilingual, loanwords are often pronounced as they are in Russian [Ferguson 2016]. While there are conventions for the application of suffix harmony in the written language, the extent to which these reflect the spoken variety has not been studied, and variation between speakers in the choice of suffix forms for borrowed words can be observed.

This study investigates how vowel harmony applies to the realization of suffix allomorphs in borrowed words in spoken Sakha, and which factors influence the choice. The results, based on targeted elicitation and rating tasks completed by six Sakha speakers, show clear patterns. All participants adhered to the rules of Sakha vowel harmony for suffixation of native words and adapted borrowings. Violations that occurred with unadapted words showed the following patterns: for words that violated backness harmony or contained non-native vowels, there was a preference for back, unrounded suffix vowels, especially in low-vowel suffixes. Overall, there was an avoidance of low rounded vowels in suffixes for unadapted loanwords.

2. Sakha

Sakha is a North Siberian Turkic language spoken mainly in the Republic of Sakha (Yakutia), where it has official status alongside Russian. Based on the 2020 Russian census, Ethnologue [Eberhard et al. 2023] gives a figure of 378,000 Sakha speakers out of an ethnic population of about 474,000, a reduction in both number and proportion of speakers from the 2010 census, which reported 450,000 speakers out of an ethnic population of 500,000 [Eberhard et al. 2021]. Because of geographical isolation and contact with Mongolic and Tungusic languages, Sakha has diverged considerably from other Turkic languages [Comrie 1981; Menz, Monastirev 2022].

Sakha is written using the Russian alphabet; phonemes not occurring in Russian are represented with the additional seven letters or letter combination shown in Table 1 along with their IPA equivalents. Long vowels and geminate consonants are written with double letters, as in *aam* /ɑ:t/ ‘name’. Geminate /ɲ/ is written *һһ*.

Table 1. Additional letters in the Sakha alphabet

Sakha	ө	ү	һ	һһ	ҕ	һ	дь
IPA	ø	y	ɲ	ɲɲ	ʕ, ʁ	h	dʒ, ʃ

Sakha has a symmetrical eight vowel system typical of Turkic languages, plus four diphthongs. The monophthongs have phonemic short and long variants. The vowel inventory is given in Table 2, with vowels that occur only in loanwords shown in parentheses. Comrie [1981] notes that in Turkic languages which have an asymmetrical nine-vowel system with a contrast between /e/ and /ɛ/, for vowel harmony purposes these two vowels “behave alike, and most languages that have both phonemes allow only one of them in suffixes”. In Sakha, only /ɛ/ occurs in suffixes, never /e/.

Table 2. Sakha vowel inventory

	Front		Back	
	Unrounded	Rounded	Unrounded	Rounded
High	<i>u, uu</i> /i/, /i:/	Y, YY /y/, /y:/	Ы, ЫЫ /i/, /i:/	Y, YY /u/, /u:/
Mid	(e)	Ө, ӨӨ /ø/, /ø:/	(Λ), (ə)	О, ОО /o/, /o:/
(Mid-) Low	э, ээ /ɛ/, /ɛ:/		а, аа /a/, /a:/	
Diphthongs	иэ /iɛ/	үө /yø/	ыа /ia/	yo /uo/

The native consonant inventory comprises the stops *n, ɓ, m, ɗ, ƙ, ɛ*; fricatives *c, ʃ, x, ɲ*; affricates *ɟ, ɗʃ*; nasals *ɱ, ɲ, ɱʙ, ɱʃ*, the glide *ʝ* and liquids *p, ɭ*. Segments that occur only in borrowed words include *ɸ, ʋ, ʒ, ʍ, ʒ, ʉ, ɰ*, and *ɰ*. There are several restrictions on initial and final consonants in native words: *n, p, ɛ, ʝ* and *ɱ* do not occur word-initially and initial *ɭ* and *ɲ* are rare [Dyachkovskiy 1977]; initial *ɟ* and *ɗʃ* are only found in loanwords, including older borrowings from Mongolic and other Turkic languages [Krueger 1962]. There are no initial consonant clusters in native words, and the only final clusters are *pm, ɱm, ɱɱ*, and *ɱɱ* [Krueger 1962]. Like in Russian, word-final stops are always voiceless.

Like almost all Turkic languages, Sakha has palatal (front / back) vowel harmony. Its system of labial (rounding) harmony is one of the most developed of the Turkic family as it also applies to low target vowels. Sakha has no transparent vowels or invariant suffixes, so vowel harmony, which applies left to right, has no apparent exceptions in native words. All diphthongs are falling. In harmony, they pattern according to their initial high element. Suffixes have front and back variants, further subdivided into rounded and unrounded allomorphs. Native words have either front or back vowels, not both.

Within the front and back sets, rounding harmony applies, albeit asymmetrically. If the first vowel of a word is unrounded, all subsequent vowels will be unrounded, as in *иллээхтин* 'married' (front) and *сааһынан* 'older' (back). The pattern for rounded vowels is more complicated. If the first vowel is *o*, the next can be *o*, *y*, or *yo*; and a syllable with *ø* can be followed by one containing *ø*, *γ* or *γø*. However, the high round vowels

γ and y can only be followed by another γ or y , the low unrounded monophthong in their set (ə or a), or a rounded diphthong ($\gamma\text{ə}$ or γo); they do not precede the low round monophthongs o or ə . As a result, the distribution of o and ə is restricted. Examples of words with rounded vowels are as follows:

(1) Front rounded:

$\gamma\text{лэхит}$ ‘hard-working’, күүстэх ‘strong’, төрөөбүтүм ‘I was born’, $\gamma\text{түө}$ ‘good’

(2) Back rounded:

тууу ‘building’, олонхо ‘epic poem’, куртах ‘stomach’, суолга ‘on the road’.

Suffixes in Sakha provide a choice between four vowels. In the plural /-LAr/, L is a coronal consonant and A represents a non-high vowel which can surface as a , ə , o , or ə . Examples of plural forms are given in Table 3; with the various types of consonant assimilation there are sixteen allomorphs in total. Despite the availability of the allomorphs /-Lor/ and /-Lər/, roots with high rounded vowels take suffixes with low unrounded vowels.

Table 3. Plural suffix -LAr

Stem-final /l/ or vowel		Stem-final voiceless consonant	
-lar	кыыл-лар ‘wild animals’	-tar	тарбах-тар ‘fingers’
-lor	оҕо-лор ‘children’	-tor	ом-тор ‘grasses’
-ler	күөл-лэр ‘lakes’	-ter	өҥүс-тэр ‘rivers’
-lør	бөрө-лөр ‘wolves’	-tør	бөлөх-төр ‘groups’
Stem-final voiced consonants (/j/, /d/, /r/)		Stem-final nasal consonant	
-dar	убай-дар ‘elder brothers’	-nar	ойун-нар ‘shamans’
-dor	хомой-дор ‘eagles’	-nor	олом-нор ‘fords’
-der	кээмэй-дэр ‘measurements’	-ner	тиин-нэр ‘squirrels’
-dør	көтөр-дөр ‘birds’	-nør	бөдөн-нөр ‘strong ones’

In contrast, when a suffix requires a high vowel, rounding harmony is maintained for all vowels, as illustrated in Table 4 by the first-person singular possessive /-(I)m/, where I is a high vowel which is omitted with vowel-final stems.

Table 4. First person possessive suffix -Im

-um	кыыл-ым ‘my wild animal’ чыычаабым ‘my bird’ ($< \text{чыычаах}$ ‘bird’)	-im	тиин-им ‘my squirrel’ сирэй-им ‘my face’
-um	доҕор-ум ‘my friend’ ойуу-ум ‘my forest’	-um	күөл-үм ‘my lake’ өрүһ-үм ‘my river’ ($< \text{өҥүс}$ ‘river’)

For most suffixes, the initial consonant is specified for place of articulation only, and the voicing and manner of articulation are determined by the stem-final consonant. The stem-final consonant sometimes undergoes assimilation, as in *орон* ‘bed’ > *оронно* ‘on the bed’ and *ам* ‘horse’ > *акка* ‘to the horse’.

3. Sakha in contact with Russian

This section begins with a brief overview of the aspects of Russian phonology that are relevant to this study. The main factors impacting the pronunciation of vowels in Russian are stress and palatalization of the surrounding consonants. Russian has five vowel phonemes that are associated with stressed vowels, /a, e, i, o, u/, represented orthographically *a e u o y*. Some linguists count the high central vowel /i/ (written *ы*) as a sixth vowel phoneme, while others consider it an allophone of /i/ occurring after non-palatalized consonants [Yanushevskaya, Bunčić 2015]. Two degrees of reduction are identified for unstressed vowels (see e.g. [Timberlake 2004]), with word-initial vowels and those in the pretonic syllable being less reduced than those further away or following the stressed syllable. For example, a pretonic /a/ or /o/ is reduced to /ʌ/; the further-reduced form is /ə/.

Palatalization is phonemic in Russian, and consonants come in palatalized (“soft”) and non-palatalized (“hard”) pairs, except for invariably hard /ts/, /ʃ/, /ʒ/ and always soft /tʃ/ and /ʒj/.² The pronunciation of stressed vowels is affected by the palatalization or lack thereof in adjacent consonants, resulting in additional allophones. Vowels with preceding or following palatal consonants are fronted; even more so between two palatalized segments, as in the pronunciation of /a/ as /æ/ [Yanushevskaya, Bunčić 2015]. The Russian vowel inventory is shown in Table 5, with allophones in parentheses.

Table 5. Russian vowel inventory (IPA)

	Front	Central	Back
High	i (ɪ)	(ɨ) (ʉ)	u
Mid (-close)	e	(ə) (ʊ) (ɵ)	o
Mid (-open)	(ɛ)	(ɐ)	(ʌ)
Low	(æ)	a	(ɑ)

Russian words borrowed into Sakha prior to and during the early Soviet period conform to Sakha phonotactic restrictions, while more recent borrowings often retain their Russian pronunciation. Norms for written Sakha have changed over time. A 1977 policy for languages of the USSR requiring words of Russian origin to retain their original spelling [Anderson 1995] is reflected in a 1987 Sakha textbook, which instructs learners how to pronounce words written in Russian: “При этом гласный, являющийся в русском произношении подударным, произносится как долгий гласный, а подударные *о* и *е*

² The fricatives /ʃ/ and /ʒ/ can also be realized as the retroflexes variants /ʂ/ and /ʐ/ [Yanushevskaya, Bunčić 2015].

произносятся как дифтонги *uo* и *ie*. Таким образом, слово *трактор* читается *траактор*, *коммунист* — *коммуниист*, *почта* — *пуочта*, *ферма* — *физэрма*, *вагон* — *вагуон*, *комитет* — *комитиэт* и т. д.”³ [Kharitonov 1987: 13].

Conversely, recent standards call for loanwords to be spelled according to their Sakha pronunciation. Government-approved orthography rules introduced in 2015 aim “to reduce the number of Russicisms in the written language” [Menz, Monastriyev 2022: 917]. However, both adapted and unadapted variants of the same word can be found within a text; for example, *бэнидиэнньик* and *понеделньик* ‘Monday’ [Kolodeznikov 2016]; *дириэктэр* and *директор* ‘director’ [Dyachkovskiy et al. 2013].

Vasilyeva [2017] provides an overview of correspondences between vowels in Russian words and Sakha adaptations. Stressed vowels are adapted as either long vowels or diphthongs, as in *масыына* ‘car’ (R: *машина*, [mɐˈʂinə]⁴) and *оскуола* ‘school’ (R: *школа*, [ˈʂkɔɫə]). A palatalized consonant may influence the backness quality of the following vowel, as in *бүрүүкэ* ‘trousers’ (R: *брюки*, [ˈbrʲukʲɪ]), thus furthering the process of fronting of such vowels in Russian. Vasilyeva [2017] attributes the tendency to adapt *o* as the diphthong *yo* to the Sakha *o* being lower than the Russian one. Illicit initial consonants and clusters are repaired via epenthesis or with a prothetic vowel when adapted, and for final clusters the final segment is usually dropped [Menz, Monastriyev 2022].

Sociolinguistic factors that may influence the choice of variant include age, rural versus urban residency, and proficiency in Russian and/or Sakha. An additional factor is speakers’ attitudes towards the language and the degree to which they may (or may not) wish to project a Sakha identity. Ferguson [2016] explores how language ideologies influence the choices of “more Russian” versus “more Sakha” variants. While some speakers strive to maintain a “pure” Sakha language, she reports that some urban speakers find nativized versions of words in academic or professional domains (such as *кэмпириэнсийэ* ‘conference’ (R: *конференция*, [kənfʲɪˈrɛnsʲijə])) to be markers of either rural backwardness or an excessive show of the speaker’s “Sakhaness”. In the present study, consultants reported using the Russian form of certain words themselves but were aware of adapted forms used by journalists, academics, and language activists. Two consultants gave the example of *унстуут* for ‘institute’ (R: *институт*, [ɪnstʲɪˈtut]), which both said that “no one” would use in everyday speech. Consultant VI felt that words like *сыырка* ‘circus’ (R: *цирк*, [t͡sʲɪrk]) and *мусуойа* ‘museum’ (R: *музей*, [mʊˈzɛj]) were being promoted in official contexts but not likely to catch on.

³ English translation: “In this case, the vowel that is stressed in Russian pronunciation is pronounced as a long vowel, and the stressed *o* and *e* are pronounced as the diphthongs *uo* and *ie*. Thus, the word ‘tractor’ is read as *traaktor*, ‘communist’ as *kommuniist*, ‘post office’ as *puochta*, ‘farm’ as *fierma*, ‘wagon’ as *vaguon*, ‘committee’ as *komitiet*, etc.”

⁴ The singular nominative form of the Russian source word and IPA transcription (where relevant) are provided in parentheses (indicated by R) following the first mention of each loanword. Where the orthographic forms do not differ only the phonetic transcription is given. The Russian IPA transcriptions in this paper are from <https://ru.wiktionary.org>.

The backness and roundness features of the suffix vowel are generally determined by the stem-final vowel of a disharmonic loanword in Turkic languages [Comrie 1981], but this is often not the case in Sakha. Rather, as Johanson [2022] states regarding Turkic, properties of the root as a whole determine the selection of suffix allomorph. This can be seen in comparisons between unadapted and adapted suffix forms, such as the unadapted dative form *понеделник-ка* and the nativized variant *бэнидиэнньик-кэ* /benidiɛɲ:ik-kɛ/ ‘on Monday’ (R: *понеделник*, [pənɪˈdɛɫˈnʲɪk]), which take different suffix allomorphs despite having similar final vowels. Although the reference materials I have consulted do not give explicit spelling rules for suffixes attached to borrowed words, the following patterns can be observed in written Sakha:

- With stem-final back unrounded vowels and *y*, harmony applies as expected, regardless of the properties of previous vowels: *вебинар-дар* ‘webinars’ [kyum.ru]; *автобуһ-унан* ‘by bus’ (R: *автобус*) [Kolodeznikov 2016].
- Stem-final *o* is followed by *a* in low suffixes and *y* in high suffixes (consistent with the pronunciation of *o* as the diphthong *yo*) as in *колхоз-тар* ‘collective farms’, *завод-тар* ‘factories’ [Krueger 1962]; *телефон-ун* ‘your telephone’, *телефоннар* ‘telephones’ [kyum.ru].
- If the stem is harmonic and contains only front unrounded vowels, vowel harmony is maintained: *инженер-дэр* ‘engineers’; *фейк-тэр* ‘fakes’ [kyum.ru]; *лиссиэй-ин* ‘your lyceum’ (R: *лицей*) [kyum.ru].
- If the stem is disharmonic and ends in a front unrounded vowel, back suffix vowels are used: *инородец-тар* ‘foreigners’, *университек-ка* ‘at the university’ (R: *университет*), *понеделник-ка* ‘on Monday’, *учебник-тан* ‘from the textbook’ [Kolodeznikov 2016].

This study focuses on vowel harmony, but speaker variation can also be observed in the application of consonant assimilation. For example, the dative form of *университет* ‘university’ can be expressed as *университет-ка*, *университек-ка*, or *университек-ке*.

4. Research questions

This study set out to gain a more complete understanding of the system of vowel harmony in Sakha by focusing on the suffixation of non-native vocabulary; that is, the combination of Russian lexical items with Sakha morphology. Because little research has been done on the spoken language, an unknown factor at the outset was which forms of lexical items are commonly used. Therefore, in addition to the core research questions described below, the study was designed to gather preliminary data about usage patterns and sociolinguistic variation which can inform subsequent investigations.

In general terms, the purpose of the study was to investigate how vowel harmony applies to the choice of suffix allomorph in native, adapted, and unadapted borrowed words, and to identify the factors that influence the choice. Several specific sub-questions informed the research design. First, it was necessary to verify that the participants applied vowel harmony consistently to native words, in keeping with the results reported in

Vasilyeva [2017]. A related question is whether the likelihood of harmony correlates with nativeness, categorized into three levels: native, adapted, and unadapted. For non-native words, the main factors tested were (a) if stem harmony (or lack thereof) affects suffix choice; (b) whether different trigger vowels behave differently with respect to harmony, and (c) which suffix vowels tend to be used in disharmonic outputs. It is important to note that in this study, I define “harmonic” as conforming to the rules of vowel harmony that apply to native Sakha words. Recall that the native patterns of rounding harmony are asymmetrical, resulting in forms where a rounded vowel is followed by an unrounded one, as in *күрүтэ* /kurtax/ ‘stomach’. Although the roundness features of the vowels do not match, the word is “harmonic” for the present purposes because the sequence of vowels is permitted in (and dictated by) the native Sakha system. The final question was the extent to which orthography influences patterns of vowel harmony; both Sakha and Russian writing conventions were considered as possible factors.

5. Methodology

The data was obtained through two interview tasks, which were completed by six Sakha-speaking participants over the course of two sessions each conducted between February and April 2023. The recruitment of participants and research design were approved by Carleton University Research Ethics Board — A (Project ID #118313).

All six participants in this study are native speakers of Sakha and have at least an intermediate level of proficiency in English in addition to fluency in Russian. There were three men and three women, with ages ranging from 25 to 52; at the time of the study three lived in Yakutsk and three in North America. Five of them spent at least part of their childhoods in rural villages, but all had lived in Yakutsk as adults. All studied Sakha as a subject at school, and all but one studied additional subjects in Sakha. One participant was interviewed in-person, and the other interviews were conducted online via Zoom. None of the participants requested anonymity; in this paper I refer to them by their initials.

A word list was created with the objectives of the study in mind. Native, adapted, and recently borrowed nouns (and a few adjectives) were chosen from reference books [Krueger 1962; Kolodeznikov 2016] and online sources [sakhatyla.ru, Kym.ru] to represent the full range of harmonic and disharmonic vowel sequences. The categories for harmonic sequences, with native and borrowed examples, are back unrounded (*тарбах* ‘finger’, *балыына* ‘hospital’ (R: *больница*, [bɐlʲɪˈnʲɪsə])), front unrounded (*тиис* ‘tooth’, *семестр* ‘semester’), back rounded (*дойду* ‘world’, *бонтуруос* ‘question’ (R: *вопрос*, [vɐˈpros])), and front rounded (*көтөр* ‘bird’, *сүбүөкүлэ* ‘beet’ (R: *свекла*, [ˈsvʲɵktə])). The disharmonic words fell into seven categories defined by sequence type, for example, backness harmony violations where a front vowel is followed by a back one (I/E...A, *интернат* ‘boarding school’), as well as the opposite (A...I/E, *балет* ‘ballet’). The remaining sequences are O/U...I/E (*коммунист* ‘communist’), I/E...O/U (*телефон* ‘telephone’), A...O/U (*завод* ‘factory’), O...A (*площадь* ‘town square’), and U...O (*инструктор* ‘instructor’). Words were chosen based on both spelling and pronunciation

to test for any effect of Russian orthography. Thus, both *профессор* [R: prɐˈfʲesər] ‘professor’ and *телефон* [R: ʲɪlʲɪˈfɒn] ‘telephone’ were initially categorized as having a disharmonic I/E...O sequence, but after the first round of interviews it was clear that Russian spelling was not a factor in determining harmony. Words such as ‘professor’ with stem-final unstressed *o* pronounced as /ə/ were recategorized, with back unrounded suffixes considered harmonic as well as plural suffixes pronounced with a reduced vowel (as in [sɪmˈɛstrɨɖɨr] ‘semesters’). The adjectives, such as *корпоративный* ‘corporate’ (R: *корпоративный*, [kərpərəˈtʲivnɨj]) take a Russian-derived suffix used for borrowed adjectives with the three allomorphs /-ej/, /-aj/ and /-oj/.

The first task was a targeted elicitation session in which the interviewee was shown prompts consisting of a photograph and English word, as shown in Figure 1. Written words facilitated the elicitation of a wider range of vocabulary, and English was used to minimize any influence of Russian orthography. Participants were asked to produce the Sakha word they would normally use for the pictured item, followed by its plural (/LAr/) and first-person singular possessive (/-(I)m/) forms. The target words included 15 native Sakha nouns and 33 loanwords. The native words served both as distractors and to verify that the consultants applied vowel harmony as expected. Many of the targeted loanwords have unadapted and nativized variants, and this task provided insight into which forms are in common use. Each consultant was interviewed individually over two sessions; the interviews were recorded, and all tokens and comments transcribed. Of the 792 tokens recorded, 470 included suffixes with vowels subject to harmony. Tokens were rated for vowel harmony (overall, backness, and rounding) and nativeness; and coded for stem-final and suffix vowels.

Figure 1. Sample slide from picture task presentation.
Targeted word: /tuua/

In the second task, participants were asked to rate harmonic and disharmonic suffixed forms, thus providing grammaticality judgments on all the possible suffix variants for a given word. The Likert scale rating task was presented onscreen via a Google Form

ЭКОНОМИСТ : economist
Which form would you use for the possessive - 'my economist'? Rate the forms.

	1	2	3	4
экономииһум	☐	☐	☐	☐
экономииһим	☐	☐	☐	☐
экономииһум	☐	☐	☐	☐
экономииһым	☐	☐	☐	☐

Figure 2. Prompt from rating task

during the recorded interviews. Each prompt consisted of the four possible variants of a root + suffix combination (three variants for adjectives), focusing only on suffix vowels and putting aside any variation in consonant assimilation or spelling. An example of a prompt is given in Figure 2. For each variant, participants gave a rating between “1” (terrible / nobody would say it) and “5” (excellent / preferred choice). It was possible to give a “5” (or any score) to more than one variant of a word. The prompts and the answer choices were randomized, and participants were free to discuss their ratings. There were 237 forms total per participant, with 20 prompts based on native Sakha words and 40 on loanwords. All but three of the loanwords were written in the standard, unadapted Russian form.

6. Results

The results showed consistent patterns in the application of vowel harmony across speakers. In both tasks, all six speakers exhibited strict adherence to vowel harmony for native Sakha words. This decreased slightly in the suffix choices for adapted borrowings, and more dramatically for unadapted loanwords. When a disharmonic suffix was chosen, there was a clear preference for back unrounded vowels, and an avoidance of low unrounded vowels in borrowed words.

6.1. Elicitation task results

Although there was some variation among speakers in terms of the forms produced in the picture task, the application of harmony was consistent. For the 133 native tokens, both types of harmony were observed almost 100 percent of the time. Of the 106 adapted tokens, 101 (95%) adhered to backness harmony and all to rounding harmony. For the 232 unadapted tokens, the adherence to backness harmony drops to 66%, and for rounding harmony, 92%.

The latter figure appears to indicate that rounding harmony is rarely violated, but the high number is due to the asymmetry in the Sakha vowel harmony system making rounded suffixes somewhat infrequent. Considering only the 38 forms in which a rounded vowel would be expected, the compliance for unadapted words drops to 55%. For the low-vowel suffix /-LAr/, a rounded vowel is expected when the final stem vowel is *o* or *ə*.⁵ In all 13 tokens with *o*, the suffix with *a* was given. Most of the words with *o* triggers also had harmonic adapted variants, but none that would result in an *o* suffix. The non-native plurals with *o* triggers and their variants are given in Table 6. Adherence to vowel harmony was much more robust with the high vowel suffix /-Im/, where a rounded vowel is expected following a stem-final *o*, *ə*, *y* or *ɣ* as in *телефонум* ‘my telephone’, and *тордум* ‘my cake’. In this category, 21 out of the 25 tokens were harmonic.

Table 6. Elicited forms (picture task) of borrowed plurals with stem-final /o/

Prompt	Russian word	Elicited forms (# of tokens)
airplane	<i>самолет</i> [səmɐ'fɐt]	/samalʔot:ar/ (3), /səmɐlɐtər/ (1), /səmɐlyɐdər/ (1)
cake	<i>торт</i> [tort]	/tort:ar/ (3), /tuort:ar/ (1), /tʷort:ar/ (1), /tuordar/ (1)
contract	<i>договор</i> ['dogəvər] or [dəgə'vor]	/dəgəvordar/ (2), /duogabardar/ (1), /dogobʷorder/ (1) ⁶
question	<i>вопрос</i> [vɐ'pros]	/bopuruostar/ (2), /bapurostar/ (1), /vɐprostar/ (1)
telephone	<i>телефон</i> [tʲɪl'fɒn]	/telefon:ar/ (3), /tɐlɐpyɐn:ɐr/ (2), /tɐlɐpyn:ɐr/ (1)

With forms for which a disharmonic suffix is chosen, backness harmony violations occur much more often with front triggers and rounding harmony violations almost always involve round triggers. Thus, the back unrounded vowels are the most common choices for disharmonic suffixes. Table 7 provides a breakdown of violations by suffix vowel for each type of harmony violation; the number of times each suffix vowel appeared, and its percentage of the total are given.

Table 7. Harmony violations by suffix vowel and type of violation (picture task)

Suffix Vowel	BH violations	RH violations	Examples
ɑ	45 (52%)	15 (75%)	/kɑmunist:ar/ ‘communists’ (R: [kəmu'n'ist]), /tort:ar/ ‘cakes’
u/i	37 (43 %)	4 (20%)	/ponidɛlnigim/ ‘my Monday’; /studenim/ ‘my student’ (R: [stu'dɛnt])
ɛ, i, u, i	4	1	/dogobʷorder/ ‘contracts’, /ploʃɛdim/ ‘my square’ (R: <i>площадь</i> , [pʲlɔʃ:ɪʲ]), /maməntum/ ‘my mammoth’ (R: <i>мамонт</i> , [ˈmamənt])
Total	86	20	

⁵ I have not found an unadapted loanword with a stem-final /ə/.

⁶ An anonymous reviewer points out that the source for the adapted pronunciation /duogabardar/ was most likely the colloquial Russian form with the initial stressed /o/.

An analysis based on root-final vowels confirms that front vowel triggers are much more likely to result in backness harmony violations. Apart from the marginal exceptions seen in Table 7, there were no violations with stem final *a*, *ɨ*, or non-native sounds /ə/, /a/, /ɐ/ or /ʌ/.⁷ The front vowels *ə* and *u* trigger harmony in approximately half of the tokens, 50 out of 91 for *ə* and 17 of 37 for *u*. The harmony of the stem usually predicts the suffix choice, but there are several exceptions, as can be seen in the following examples of front vowel triggers. Recall that in this study, a harmonic suffix is defined as one that emerges according to the native Sakha patterns based only on the stem-final vowel.

- Harmonic stem and suffix: /døkymen:ɛr/ ‘documents’ (R: *документ*, [døkuˈmʲent]), /dirəkterim/ ‘my director’ (R: *ди́ректор*, [dʲɪˈrʲektər]), /gibrit:ɛr/ ‘hybrids’ (R: *ги́брид*, [gʲɪˈbrʲit])
- Disharmonic stem and suffix: /bilasipetɨm/ ‘my bicycle’ (R: *велосипед*, [vʲɪˈləsʲɪˈpʲet]), /universitet:ar/ ‘universities’ (R: [unʲɪˈvʲɪrsʲɪˈtʲet]), /ponidelniktər/ ‘Mondays’
- Disharmonic stem, harmonic suffix: /bilasipet:ɛr/ ‘bicycles’, /minutɛlər/ ‘minutes’ (R: *минута*, [mʲɪˈnutə]), /dokumenɨm/ ‘my document’
- Harmonic stem, disharmonic suffix: /biədɛlər/ ‘buckets’ (R: *ведра*, [vʲɪˈdrə]), /belesipetɨm/ ‘my bicycle’, /gibridim/ ‘my hybrid’

The non-native vowel *e* was paired with back unrounded suffixes in all but two forms out of 20, both of which are harmonic: /trenerim/ ‘my trainer’ (R: *тренер*, [ˈtrʲenʲɪr]) and /direkterim/ ‘my director’. (Except for /trenerdar/ ‘trainers’, the remaining forms had disharmonic stems, as in /bɛlʲet:ar/ ‘ballets’). When transcribing forms with high unrounded suffixes, I noted a range of pronunciations with front-trigger words and considered /i/ and /ɪ/ to be harmonic, while /i/ and /u/ were rated as disharmonic.

Overall, participants displayed similar patterns to those observed in written Sakha for borrowed words, with exceptions seen with front unrounded vowels. The low rounded vowel *o* is avoided in suffixes; words with stem-final stressed *o* instead pattern like those with the diphthong *yo*. These patterns result in the back unrounded vowels being by far the most frequently occurring in suffixes; these are almost always the vowels found in disharmonic contexts.

6.2. Rating task results

In the rating task, participants also maintained harmony in Sakha words; the harmonic suffix variant was always rated highest, and forms violating Sakha vowel harmony rules were given low ratings. The overall average ratings for harmonic and disharmonic forms, broken down by nativeness, are given in Table 8. The harmonic and disharmonic suffix categories identify whether the suffix given in the prompt harmonizes with the last syllable of the stem.

⁷ I classified these vowels as back unrounded. In some cases, stem-final /ə/ was followed by /ə/ in the suffix, which I considered harmonic.

Table 8. Average ratings for harmonic and disharmonic forms, by nativeness

Nativeness	Harmonic #	Avg. Rating	Disharmonic #	Avg. Rating
2 -native	118	4.99	354	1.28
1 — adapted	17	4.88	47	1.79
0 — unadapted	216	3.75	635	2.19

Of the disharmonic forms, 131 tokens were given the highest rating “5”. Of the 93 backness violations rated “5”, 90 had front triggers and back suffix vowels, the exceptions being *интернат-тэр* ‘boarding schools’ and *профессор-дэр* ‘professors’. All participants gave a “5” to *магнит-тар* ‘magnets’, *магнит-ым* ‘my magnet’, *музей-дар* ‘museums’, and *музей-ым* ‘my museum’.⁸ All 35 highly rated rounding harmony violations involve a stem-final *o*. For example, consultants unanimously gave “5” ratings to *звонок-тар* ‘calls/rings’ and *кислород-тар* ‘oxygenes’, while the corresponding forms with *o* suffixes were given low ratings (mostly “1”). While disharmonic possessives such as *звонок-ым* ‘my call’ and *водород-ым* ‘my hydrogen’ received a “5” rating from some speakers, they unanimously rated the harmonic variants *звонок-ум* and *водород-ум* “5”, confirming that the root-final *o* in borrowed words does trigger vowel harmony in high suffixes. The only borrowed word that was rated “5” with a low rounded suffix was the adjective *курсовой* ‘course’, which corresponds to a form of the adjective in Russian and is (nearly) harmonic.

As in the picture task, the worst triggers in terms of adherence to vowel harmony are *e*, *u* and *o*.⁹ When *e* was the trigger, the disharmonic suffixes that were rated “5” were all *a* for the plural and *ы* for the possessive. There were several examples with stem-final *e* where participants gave equally high ratings for harmonic and disharmonic variants. For example, five out of the six participants gave “5” ratings to both *университет-тар* and *университет-тэр* ‘universities’. Forms with stem-final *u* patterned similarly to *e*, with *a* and *ы* being the preferred choices for highly rated disharmonic forms and considerable variation in the ratings for harmonic forms. This variation extended to the harmonic root words *инженер* ‘engineer’, *интернет* ‘internet’, and *лицей* ‘lyceum’; the harmonic forms had slightly higher average ratings, but some participants preferred the disharmonic ones.

Orthography was expected to have some effect on the rating task; however, the influence often came from segments other than the final vowel. While the choice of suffix allomorph was determined by pronunciation of the final vowel rather than its written representation, the spelling of a word can play a role in the perception of nativeness which then influences harmony. For example, two participants commented on the adjectival form ‘technical’ presented in the task as *тэхиниичэск*-¹⁰ (R: *технический*, [tɕiˈxɲiʈɕiskʲɪ]).

⁸ The harmonic form *музейдэр* received the ratings ‘1’, ‘2’, ‘4’ (2), and ‘5’ (2).

⁹ There was only one borrowed word with stem-final /ɛ/, *интернет*, which happens to be harmonic.

¹⁰ This spelling was taken from the Sakha-language Kyym newspaper.

They both said that given this very ‘Yakut’ spelling, they would choose the harmonic /-ej/ ending, but they would normally pronounce the stem in the Russian manner, *техническ-*, in which case they would choose the /-qj/ variant. Both VI and GP noted that words can be spelled in Russian but pronounced in a Sakha manner. For example, VI said he would pronounce some final vowels as diphthongs as in /zavuod/ ‘factory’ and /interniet/ but write the words in Russian. Because speakers are aware of both adapted and unadapted forms, the choice of suffix for the former might influence the latter even if the word is spelled in standard Russian.

6.3. Usage patterns

Patterns emerged in speakers’ choices regarding native, adapted, or unadapted variants. Participants produced the native words targeted in the elicitation task with only rare exceptions. Native words were occasionally offered as alternatives for targeted loanwords; for example, four speakers gave the word *ыйытык* in addition to adapted forms of *вопрос* for ‘question’. Participants described making different choices depending on context. For example, when VI worked as a presenter on a Sakha-language radio show, he would opt for native words like *ыйытыы* for ‘question’ or *түһүмэх* (meaning ‘period of time’) for ‘semester’. However, now he considers the latter “too traditional”, and uses the Russian form *семестр*.

Speakers clearly have access to a range of options for the pronunciation of loanwords, and they are aware of how the use of “more Yakut” or “more Russian” forms projects certain identities. VD described a shift she has made towards pronouncing words “in the Sakha manner”. She initially gave the adapted pronunciations /benidelnik/ ‘Monday’ and /tələpyøn/ ‘telephone’ as alternate forms used by “elderly people, and those who are interested in the language itself — journalists and so on” but said that she now finds herself using such forms herself. VI mentioned using more “Yakut” forms such as /halaat/ ‘salad’ (R: *салат* [səˈlat])¹¹ when speaking with relatives compared with what he uses with friends. On the other hand, nobody gave adapted forms for words in the academic sphere, such as ‘program’, ‘university’ and ‘institute’. Although adapted forms do exist, the Russian form is less marked.

For words such as ‘hospital’, ‘bicycle’, and ‘bucket’, all participants gave nativized variants, indicating that these are viewed as established borrowings. However, their pronunciation varied, showing that speakers are not using standardized forms. For other words, such as ‘airplane’ and ‘communist’, responses were divided between Russian and adapted variants. Examples of adapted word forms are given in Table 9.

Newer or less common words such as ‘hybrid’ and ‘career’ (R: *карьер*, [kəˈrʲerə]) were pronounced as in Russian. However, when using otherwise unadapted Russian pronunciations, speakers regularly simplified final consonant clusters, especially in suffixed forms. For example, all participants pronounced *доцент* ‘docent’ (R: [dɐˈt͡sɛnt]) with the

¹¹ Word-initial /s/ is often pronounced /h/; this can be seen as a marker of Sakha identity [Ferguson 2016]

Table 9. Variation in adapted singular forms (picture task)

Prompt	Russian	Transcribed forms (# of tokens if >1)
bakery	пекарня [pʲɪ'karnʲə]	/beke:rne/ (2), /beke:rɲe/, /beke:rne/ (2), <i>хлебница</i>
beetroot	свекла [svʲɪ'klə], [ʲsvʲɵktə]	/svʲoklʲə/, /svɛklə/, /səbəkyle/, /həbəkøle/, /sybyøkyle/, /həbyøkyle/
bicycle	велосипед [vʲɪtəsʲɪ'pʲet]	/bilasipet/, /belesəpʲet/, /belehipet/, /belesipet/, /belehibed/, /belesiped/
bucket	ведро [vʲɪ'dro]	/biɛdre/ (2), /biɛɖere/ (2) (also: native <i>солуур</i>)
communist	коммунист [kəmu'nʲist]	/kʌmunist/, /komunist/, /xomunus/, /homuɲus/ (2), /homunus/
document	документ [dəku'mʲent]	/dəkument/, /dokumen/, /dokument/, /dokumuon/ (2), /dəkymyøn/ (2)
hospital	больница [bəlʲnʲɪ'fʲsə]	/baliha/, /baluwa/ (3), /balu:ha/, /baluwa/
plate	тарелка [tʲɛ'ɛtkə]	/tarelka/, /terelke/, /terek:ɛ/ (2), /terɛ:ke/, /terek:ɛ/
town square	площадь [ˈplʲoɕ:ɪʲ]	/ploʃət/ (2), /bolosat/ (2), /bolo:sat/ (2)

final /t/, but all but one omitted it in the suffixed forms, as in /dɛtsen:ar/. With the more common word ‘student’, half of the speakers omitted the /t/ in the singular, but all did in the plural (/studɛn:ar/) and possessive (/studɛnum/) forms.

7. Discussion

This small-scale study had the goal of providing a more complete description of the Sakha vowel harmony system that includes the incorporation of non-native items into the grammar, and accounting for the patterns that emerged. The main factors considered were nativeness, harmony, and the vowels present in the stem. It was found that suffix harmony does correlate strongly with nativeness, and somewhat less strongly with harmony of the stem. Overall, the preferred suffix vowels for disharmonic outputs are the back unrounded vowels, and the least preferred are the low rounded vowels. In this section I will discuss some of the factors that influence whether vowel harmony applies to a given form; these emerged from both analysis of the data and from discussions with the participants.

As discussed above, *o* is often adapted as *yo* or *yø* [Vasilyeva 2017] and thus followed by an unrounded low vowel, making the suffix vowel *o* rare and increasing the prevalence of *a*. Although nobody remembered being explicitly taught spelling rules for suffixes on loanwords, MP and ED thought that there was “some kind of rule” proscribing low rounded suffixes. While the *o..y* pattern was usually maintained with high-vowel suffixes, for several words the unrounded allomorph with *ы* was also rated highly. In addition, this back suffix was sometimes preferred with front-vowel words such as *инженер* ‘engineer’. ED again referenced prescriptive norms, explaining that she would naturally say *экономийым* (R: *экономист*, [ɛkənɐ'mʲist]) for ‘my economist’, but that using the suffix *-ым* would be appropriate “if you’re going to write this word or speak with educated people”. Whether the prescriptive rules are taught or only perceived, combined with

the effects of frequency and/or markedness there may be a trend towards the emergence of a default pattern.

As predicted by the observed conventions for written Sakha, the choice of suffix is influenced by the harmony of the stem. In words with stem-final back unrounded vowels, there is no effect; the suffix vowel is always *a* or *ɤ* regardless of the other vowels in the word. Similarly, a stem-final *o* patterns like *yo* regardless of the previous vowels, and often (but not always) triggers rounding harmony in high suffixes. (Because unstressed *o* is reduced in Russian, it is difficult to find truly harmonic multisyllabic words to compare.) Therefore, the effect of stem harmony can only be seen with front unrounded vowels. One example is the pair *лицей* ‘lyceum’ and *музей* ‘museum’. Participants rated the harmonic suffixed forms of ‘lyceum’ more highly than the disharmonic ones, while the opposite was true for ‘museum’. While there was a preference for harmonic plural forms for *инженер* ‘engineer’ and *интернет* ‘internet’, the ratings for the harmonic possessive forms were lower, showing a preference for *-ым* over *-ум*. In the production task, harmonic stems were more likely to take harmonic front vowel suffixes, but there was a tendency towards a more ‘back’ pronunciation of the high vowel possessive as in /gibridim/ ‘my hybrid’ and /belehipetim/ ‘my bicycle’. This may be attributable to the influence of Russian phonology; in Russian *u* appears after palatalized consonants, and *ɤ* follows unpalatalized segments.

The increasing tendency to pronounce Russian words in an unadapted form and the observed effects of Russian phonological processes on suffixed forms raises the question of boundaries between the two languages. Conventional analyses distinguish between borrowed lexical items that have become part of a language and the code-switching of bilinguals who know the source language [Muysken 2000; Myers-Scotton 2006]. However, in Sakha the classification of a borrowed word as adapted or unadapted is not straightforward, as there is often a continuum of variants that can be used depending on the speaker or context. For example, responses to the prompt “bus” in the picture elicitation task ranged from the unadapted [ɛftobus] or minimally adapted [aftobus] to the adapted [qptobus] to the nativized [optobus]. Ferguson [2016: 144], who characterizes the speech of Sakha-Russian bilinguals as code-mixing, writes that speakers associate certain features with “differing degrees of Russian-ness or Sakha-ness”, and forms in the middle of this spectrum can be bivalent and thus belong to either language. Code-switching and code-mixing are often distinguished by the domains in which they apply (inter- versus intrasentential) [Ferguson 2016], but code-switching also implies a separation of languages so that only one is “online” at any given moment. Employing frameworks such as translanguaging, recent work on multilingualism tends to view language as a practice in which speakers can access and use all their available linguistic resources to accomplish their communicative goals [May 2014; Wei 2018]. These goals include both conveying the content of the utterance and constructing an identity (urban or rural, modern or traditional, etc.) within a particular context. Thus, if a speaker chooses a form like [dɛku'mɛnt] ‘document’ which is closer to the Russian [dɔku'mɛnt] than to the adapted [dɔky'myɔn], it is more of a stylistic choice appropriate for a younger and/or urban speaker, than a switch into Russian.

This study has provided a clearer picture of the main patterns of vowel harmony in unadapted loanwords in Sakha, while raising additional questions that will be useful in guiding future research. Larger-scale studies with participants of different ages along with corpus studies would help to identify any ongoing shifts and provide useful insights for those working to maintain the language.

References

- Anderson G. D. Historical aspects of Yakut (Saxa) phonology. *Turkic Languages*, 1998, no. 2 (2), pp. 1–32.
- Comrie B. *The Languages of the Soviet Union*. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1981. 317 p.
- Dyachkovskiy N. D. *Zvukovoi Stroi Yakutskogo Yazyka, Chast' 1* [The Sound System of the Yakut Language, Part 1]. Yakutsk, Jakutskoe knižnoe izdatel'stvo, 1971. 192 p.
- Dyachkovskiy N. D. *Zvukovoi Stroi Yakutskogo Yazyka, Chast' 2* [The Sound System of the Yakut Language, Part 2]. Yakutsk, Jakutskoe knižnoe izdatel'stvo, 1977. 255 p.
- Dyachkovskiy N. D., Sleptsov P. A., Fedorov K. F., Cherosov M. A., Kolodeznikov S. K. 2013. *Pogovorim po-jakutski: samouchitel' iazyka sakha*. [Let's speak Yakut: Self-instruction manual of the Sakha language]. Yakutsk, SakhaKnigaTorg, 2013. 190 p.
- Eberhard D. M., Simons G. F., Fennig C. D. (Eds.). *Ethnologue: Languages of the World*. 24th edition. SIL International, 2021. Available at: <http://www.ethnologue.com> (accessed 19.03.2023).
- Eberhard D. M., Simons G. F., Fennig C. D. (Eds.). *Ethnologue: Languages of the World*. 26th edition. SIL International, 2023. Available at: <http://www.ethnologue.com> (accessed 08.04.2024).
- Ferguson J. Code-Mixing among Sakha–Russian Bilinguals in Yakutsk: A Spectrum of Features and Shifting Indexical Fields. *Journal of Linguistic Anthropology*, 2016, no. 26 (2), pp. 141–161.
- Johanson L. The Structure of Turkic. *The Turkic Languages*. L. Johanson, E. Csató (Eds.). New York, Routledge, 2022, pp. 26–59.
- Kabak B. Turkish Vowel Harmony. *The Blackwell Companion to Phonology*. M. Oostendorp, C. J. Ewen, E. Hume, K. Rice (Eds.). Malden, Wiley-Blackwell, 2011, pp. 2831–2854.
- Kang Y. Loanword phonology. In *Blackwell Companion to Phonology*. M. Oostendorp, C. J. Ewen, E. Hume, K. Rice (Eds.). Malden, Wiley-Blackwell, 2011, pp. 2258–2282.
- Kharitonov L. N. *Samouchitel' iakutskogo iazyka* [Self-instruction manual of the Yakut language]. Yakutsk, Jakutskoe knižnoe izdatel'stvo, 1987. 230p.
- Kolodeznikov S. *Yakut Language: Textbook for Students of the Sakha Language*. Yakutsk, North-Eastern Federal University, 2016. 297 p.
- Krueger J. R. *Yakut Manual*. Bloomington, Indiana University Publications, 1962. 389 p.
- Kyym — *Informatsonnoe agentsvo*. 2022. Available at: <https://kyym.ru/> (accessed 19.03.2023).

May S. *The multilingual turn: implications for SLA, TESOL and bilingual education* (1st ed.). New York, Routledge, 2014, 240 p.

Menz A., Monastreyev V. Yakut. *The Turkic Languages*. L. Johanson, E. Csató (Eds.). New York, Routledge, 2022, pp. 912–939.

Muysken P. *Bilingual Speech: A Typology of Code Mixing*. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2000. 322 p.

Myers-Scotton C. *Multiple Voices: an Introduction to Bilingualism*. Malden, Blackwell, 2006. 480 p.

Russian Wiktionary. n.d. Available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (accessed 08.04.2024).

SakhaTyla.ru. 2022. Available at: <https://sakhatyla.ru/>. (accessed 19.03.2023).

Timberlake A. *A Reference Grammar of Russian*. 1st ed. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2004. 503 p.

Vasilyeva L. *Production and Perception of vowel harmony: Phonological predictors of ratings and on-line adaptations of Russian vowels in Yakut*. University of Alberta dissertation, 2017. 258 p.

Wei L. Translanguaging as a Practical Theory of Language. *Applied Linguistics*, 2018, no. 39 (1), pp. 9–30.

Yanushevskaya I., Bunčić D. Russian. *Journal of the International Phonetic Association*, 2015, no. 45 (2), pp. 221–228.

Lenore A. Grenoble

The University of Chicago (USA, Chicago)

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk)

CONTACT, SHIFT & THE LIFE OF A LANGUAGE¹

This paper investigates the kinds of linguistic changes that occur during language shift, arguing that these changes are not random and chaotic, as predicted by many who study obsolescence, but show systematicity. At the same time, there is no evidence to support a theory that linguistic changes that occur during rapid shift spread as there is little indication that shifting speakers comprise a speaker community; that is, these changes do not appear to diffuse across speakers. This suggests that the overall systematicity is indicative of underlying tendencies in the direction of change. Moreover, while the catalyst for change is language shift, the actual changes documented here suggest the adaptation of language-internal resources (such as paradigmatic leveling, loss of a marginal paradigm and extension of a pre-existing one) rather than the imposition of structure from the dominant majority language, which is associated with bilingual speakers who are not shifting to Russian in this case study. These claims are illustrated on the basis of data from language shift from Even (a Tungusic language) to Russian as spoken in the village Berezovka in the Sakha Republic (Yakutia). The study of Berezovka Even allows us to examine the speech of a single dialect group with speakers of varying levels of proficiency.

Keywords: variation, simplification, language shift, change, obsolescence, case marking, clause combining, word order

1. Introduction: The Life of a Language

In this paper I am concerned with what I call the life of a language, how a language changes over time from being vital, robustly spoken, learned and used across generations, to decreasing vitality and shift, and then to ultimate obsolescence. To be clear, this path is

¹ Research on this project was funded by Megagrant # 2020-220-08-6030, Preservation of Linguistic & Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic & Subarctic of the Russian Federation. This article was written with support from RNF # 25-78-30006, “Languages and Cultures of the Peoples of the North and the Arctic of the Russian Federation: Comprehensive socio-humanitarian research (on the basis of big data)”. I am grateful to Elena V. Nesterova and Boris Osipov for their considerable help in collecting and analyzing the Even data, and to Lyarido Ignatenko for the Evenki data. Any errors are my sole responsibility.

not deterministic: many languages do not go through these stages of diminishing vitality, but rather continue to be used across generations, despite of — or in some cases because of — both social and linguistic change. Nonetheless, it is a widespread phenomenon, and merits investigation both sociolinguistically and linguistically. A central question is whether there are differences in linguistic change between language contact without shift on the one hand, and contact with shift and resulting language loss, or what Sasse [1992b: 59] has called *normal language contact* and *language decay*, defining *decay* as “the serious linguistic disintegration which is typical for the speech of so-called semi-speakers, i. e. that speaker generation which results from the interruption of language transmission” [Sasse 1992a: 15]. In the early stages of language shift it can be difficult to determine differences between the two types of change, but as shift progresses, the differences become more apparent [Childs 2009].

The Russian Federation provides a fertile testing ground for studying the effects of language contact, due to a combination of linguistic diversity and the predominance of Russian. While some parts of Russia are populated by a high density of monolingual Russian speakers, other areas exhibit high levels of multilingualism. Speakers of a wide range of languages are shifting to Russian, so we can investigate the impact of typological structure on the outcome of contact and shift. In addition, there are speakers in a variety of stages of shift, which provides the opportunity to study the life of a language, as it changes across speakers. This enables us to pose a number of questions related to the linguistic effects of language shift. These include:

- what linguistic changes occur in language shift?
- how systematic are linguistic changes in shift, for individual speakers, and for speech communities?
- if we have rapid shift, do any of these changes have time to spread?

In order to begin to answer these questions, we need to consider the dynamics of language shift, including the nature of the language ecologies when shift takes place. In what follows I discuss the kinds of changes found in language shift, focusing on a community of Even speakers in the village of Berezovka as a case study. Berezovka is an Even-dominant village in the Republic of Sakha (Yakutia), Srednekolymsk Region, with a population of approximately 280 [All-Russia Census 2021]. It is one of two villages in the Russian Federation where Even is still actively learned by children, the other being Sebyan-Kyuyol. Berezovka Even is close to the standard variety of Even, which was created on the basis of the Ol dialect and has been relatively well described [Burykin, Sharina 2021; Robbek 1989] so it is possible to use these descriptions as a baseline. Although speakers are shifting to Russian, Even is still spoken across many families in Berezovka and so in this respect it is a living language that can be heard in the homes, on the streets, and in social gatherings. Thus it would be theoretically possible for shifting speakers to use it as a language of communication among themselves, it is still actively used at the community level. This is in contrast to the use of Even in urban centers, such as Yakutsk, where the language is largely limited to the home.

The remainder of the paper is structured as follows. Section 2 presents a picture of research into the linguistic aspects of language shift. Section 3 gives an overview of the dynamics of contact in the Republic of Sakha (Yakutia), where Berezovka Even is spoken. Methods are discussed in Section 4, and Section 5 turns to an analysis of the changes seen in Berezovka Even across generations, focusing on loss of domains (5.1), changes in case marking (5.2) and finite verbs (5.3). The paper concludes with a discussion of the impact of the findings.

2. The dynamics of language shift

Language shift occurs when speakers of one language cease using their language in favor of another. There is considerable research on the *causes* of language shift [D. Bradley, M. Bradley 2002; Fishman 1991; Grenoble, Whaley 1998; Nettle, Romaine 2000], issues which are not addressed here. In the present article the focus is on the linguistic changes that occur in such shift scenarios. The characteristic pattern of language shift is that the primary, first language of the community is replaced by another language, one which is generally politically, socially and/or economically dominant. That is, what is historically the L1 of the community becomes, at best, an L2, and what was formerly an L2 now becomes L1. To avoid confusion, in this article the first is referred to as the *ancestral language*, and the second, the *dominant language*. Other labels are possible and are found in the literature on language endangerment (such as minority or heritage language for the original L1); ancestral is used here to reflect the fact that for many communities, that language is viewed as an integral part of cultural heritage. In the examples discussed here, the ethnic population continues to view that language as their own; there are strong ties between language and identity even when people no longer use — or even know — the ancestral language.

Early work on language shift posited specific changes that are likely to occur as a result of language loss. Specifically, Campbell and Muntzel [1989] predict a number of changes, which they categorize as likely and those of uncertain predictability. The likely changes are characterized by reduction or loss of some kind (1)–(2), while the uncertain ones (3)–(4) have to do with the development of variation:

Likely changes:

- (1) *Loss or reduction of phonological features* in the ancestral language; in particular, those features not found in the dominant language are likely to disappear. Those features with a high functional load are likely to be maintained longer [Campbell, Muntzel 1989: 186]. Similarly, *morphological reduction*, including loss of allomorphy and paradigmatic leveling, is common, as is syntactic reduction.
- (2) *Shrinkage in domains of usage*. As shift progresses, the ancestral language is used in fewer and fewer domains, generally being maintained in the home for the longest period and being replaced by the dominant language in more public spheres [Campbell, Muntzel 1989: 186].

Uncertain predictability:

- (3) *Overgeneralization of unmarked features*: marked features tend to be replaced by unmarked features, resulting in paradigmatic leveling [Campbell, Muntzel 1989: 187].
- (4) *Development of variability*, in the sense that obligatory rules become optional [Campbell, Muntzel 1989: 189].

Critically, Campbell and Muntzel [1989: 189–190] note that the changes in (1)–(4) are language internal. They come about as a result of language shift itself, rather than interference from, or imperfect learning of, the dominant language. Other changes, however, may be due to the influence of the dominant language, or what they call “acts of reception”.

The list of changes in language shift has been expanded by subsequent researchers, with mixed results. Negative borrowing, the loss of a category in the ancestral language that is not found in the dominant language, is deemed a common phenomenon by Sasse [2001: 1671], citing Hill [1973] on Nahuatl. But a focused study of purported negative borrowing in Scottish Gaelic by Dorian [2006] finds no conclusive evidence. Dorian’s study looks only at one language, but systematically investigates the question, and finds evidence that shows both negative borrowing and the lack thereof. This suggests the need for more systematic testing across multiple languages.

Simplification presents an even more complicated picture. It is frequently claimed that language shift leads to structural simplification [Aikhenvald 2012; Drescher 2000; Sasse 1992b, among others], while at the same time it is recognized that simplification in one part of the linguistic system may lead to complexification in another [Campbell, Muntzel 1989: 189; Sasse 2001: 1672]. Kantarovich et al. [2021] show, for example, that shift from Chukchi and Even to Russian results in complexity trade-offs; while morphological simplification occurs in parts of the grammar due to shift, these changes are matched by other structural changes that can be interpreted as complexification. Simplification is by no means straightforward.

Clearly, what is needed is more data on the linguistic outcomes of shift and obsolescence, and data from a range of languages. This is where the language ecologies in the Russian Federation can be particularly informative, because speakers of a range of languages, which differ genealogically and typologically, are shifting to Russian. Much of the shift and loss has been studied in the context of shift to English. With such research focusing on one language, we have relatively scarce information about how the typology of the majority language does (or does not) affect the outcomes of shift. But Russian differs significantly from English in terms of more extensive inflectional and derivational morphology, and because Russian word order is not rigid but subject in large part to scrambling. In contrast to English, where word order is used to signal syntactic relations, the inflectional morphology of Russian means that word order can be (and is) freed up to signal information structure. This simply introduces another variable into the possibilities of contact-induced change and, as shown in Section 5.3, word order in Russian does appear to be a source of change for speakers of other languages shifting to Russian.

Another change that is frequently posited is the reduction of complex syntactic structures. Campbell and Muntzel [1989: 192–193] point to the case of Pipil (also known as Nawat, iso 639-3 ppl), an Uto-Aztecan language spoken in Central America whose speakers are shifting to Spanish. Historically Pipil had a productive passive construction (with the morphemes *-lu*, *-lw*, and *-ua*). As a result of ongoing shift and loss, this passive construction has been lost and these morphemes are no longer used productively, occurring only in frozen forms. Instead, Pipil uses the 3rd person plural form of verbs (suffix *-t*), as illustrated in (5), glosses as in the original text:

- (5) *nech-ilwih-ke-t ka nu-siwa:-w bru:hah*
 me-tell-PRET-PL that my-wife-POSS witch
 ‘They told me that my wife [was a] witch.’ = [Campbell, Muntzel 1989: 193]
 ‘I was told my wife is a witch.’

Campbell and Muntzel interpret this use of an agentless 3rd person plural as a functional passive that has replaced the previous passive construction.

In Nahuatl, an Uto-Aztecan language spoken in Central Mexico, a new kind of relativization has appeared under contact with Spanish. Historically, Nahuatl used a strategy in which “relativizing elements were simply adjoined to main arguments without any morphological modification of the tensed relative-clause verbs, with no deletion under identity of arguments [...] and without relative pronouns” [Hill 1989: 154]. More recently, Nahuatl has adopted a Spanish model with the innovation of a set of relative pronouns. Hill points out that this change cannot obviously be considered simplification, as the reduction in use of the inherited relativization strategy is matched by increasing complexity in the syntactic marking of relatives. (6) presents an example with both strategies in one sentence (with glosses provided as in the original text):

- (6) *Pues, catch persónahtin āquin cmatih*
 well there.are person-PL WHO-PROX 3SG OBJ-know-PL
tlahtōzqueh, persōnas cpiah ocachi edād
 speak-IRR-FUT person-PL 3SG OBJ-have-PL more age
 ‘Well, there are people who know how to speak, people who are older.’ [Hill 1989: 154]

The indefinite noun *āquin* ‘someone’ is used as a relative pronoun in the first clause, on the Spanish model, as a pattern borrowing from Spanish *que*. The second clause uses the inherited structure without a relative pronoun, and the verb (*cpiah*) is inflected as it would be in a main clause [Hill 1989: 154–155]. We see that both strategies are used in this one sentence, and it is difficult to say that one is more simplified than another. The variation here suggests a change in progress, the Spanish construction has not fully replaced the Nahuatl one but is used alongside it.

Shift rarely, if ever, proceeds evenly across an entire speech community. That is, even in the case of rapid shift, it generally does not occur in one fell swoop, with all speakers simultaneously and instantaneously abandoning their language for another. Instead, it

proceeds across communities at different rates, resulting in speakers of the ancestral language with varying levels of proficiency, and those speakers who use both languages (ancestral and dominant) have varying levels of proficiency and varying patterns of usage of each language in their daily lives. That is, shift is not homogeneous while in process, but rather shows variation in terms of the speaker proficiency and, likewise, in terms of their linguistic output. Thus, it is important to have some measure of proficiency and some manner of tracking variation. An open question is whether such variation can be used to study language change in apparent time. I consider this is an open question because it is not yet clear whether the changes in the linguistic systems of shifting speakers are indicative of changes that lead toward acquisition of the dominant system, or whether they are rather symptomatic of language loss, whether they spread across a speech community or are idiosyncratic and limited to individual speakers. In other words, do these changes lead to a restructuring of the ancestral language, ultimately resulting in convergence with the dominant language, or do they indicate that the ancestral language is being replaced by the dominant language? Is there a kind of evolution taking place in the ancestral language, or is it just being lost? The evidence presented here shows that shifting speakers use similar or even identical innovations in their speech, but to date we have no evidence that such changes spread through the community. More specifically, we do not have evidence that shows that the shifting speakers use the target language among themselves; rather, it seems that they speak Russian among themselves and use the target language, if at all, with older family members who are less proficient in Russian. Even here the evidence is not clear, as these shifting speakers may be passive bilinguals, with high levels of comprehension and low levels of production, speaking to elders in Russian even when those elders speak an ancestral language with them.

3. Contact and Shift in the Republic of Sakha (Yakutia)

The Republic of Sakha (Yakutia) is a large territory of 3,103,200 km² and is the largest subnational entity in the world. As part of the Russian Federation, Russian is the official language, but the Sakha language (or Yakut) has regional status as an official language of the Republic of Sakha (Yakutia). The autochthonous minority languages of the Republic (Chukchi, Dolgan, Even, Evenki and Yukaghir) are recognized as having official status in those areas where the ethnic population lives in dense settlements. By law, speakers are guaranteed certain rights in the use and development of these languages in those regions with a dense ethnic population (*в местах компактного проживания*). In addition, a number of other languages are spoken by immigrants to the Sakha Republic, and the speakers of these immigrant languages often outnumber those of the autochthonous languages. For example, although Evenki and Even rank as the 3rd and 4th largest ethnic groups in the Republic, respectively, after Sakha and Russian, there are few speakers of each language than of Kyrgyz, the 5th largest ethnic group. According to the most recent All-Russia Census, the total number of Kyrgyz speakers is 9907; Evenki is 3722; Even is 3810 [All-Russia Census 2021]. Moreover, Even and Evenki are more likely to live in villages; in the capital city Yakutsk, Kyrgyz comprise 2.28% of the population, but Evenki only 1.29% and Even 0.4%. (See also [Arutyunova 2021] and [Grenoble 2020])

for discussion.) Both groups, however, are in contact with Russian as the national language and Sakha as the regionally dominant language, and shift to Sakha as the primary, day-to-day language is common, in particular outside of the capital Yakutsk.

The language ecology of the Sakha Republic differs from many other parts of the Russian Federation. First of all, the Republic as a whole is sparsely populated, with a total population is just over 1,000,000, the average population density is 0.32/km² [Population data 2024]. But this figure is misleading, as approximately one-third of the population (367,667) lives in the capital city of Yakutsk, so that the population density there is significantly higher (3013.66/ km²). More to the point, approximately two-thirds of the Republic is urban, and increasingly so. Predictions are that the overall rural population will decline from 34.4% in 2018 to 32.4% by 2032 [Center of strategic research 2020] in keeping with global trends. Thus, a significant part of the population is urban where interactions differ from in rural areas.

Second, the autochthonous minority languages have their own micro-ecologies, specifically in those places where the population is dense, where the minority language may be used on a daily basis in the home, in the community, and in domains where the traditional way of living is maintained (such as hunting or herding), while education and administrative services are conducted in Russian. The result is bilingualism or diglossia with bilingualism in the sense of Fishman [1967]. And in some places (such as the Lower Kolyma region), speakers of multiple languages live in contact with one another [Matić, Nikolaeva 2024; Pupynina, Aralova 2021], resulting in a kind of small-scale multilingualism often associated with Africa today [Lüpke 2016; Pakendorf et al. 2021]. These micro-ecologies are currently undergoing shift, but these communities have been slower to shift than others, in part due to isolation and in part due to different attitudes toward multilingualism in some regions.

Third, the language ecology in Yakutia differs in the presence and use of the Sakha language as a strong regional language, alongside Russian as the national and dominant language. The use of Sakha in many domains affects the contact ecology significantly. Speakers of some minority languages have shifted to Sakha as the language of everyday communication. This is true, for example, of ethnic Even and Evenki in many northern parts of Yakutia, in areas where Sakha is the language of daily communication and Russian. According to the most recent All-Russia Census, 17,472 people living in the Republic of Sakha self-declared their ethnicity as Evenki and their native (maternal) language as Sakha, and 7907 self-declared themselves to be Sakha-speaking ethnic Even [All-Russia Census 2021].

4. Methods

The research presented here draws from a larger dataset collected across the Republic of Sakha (Yakutia) to examine changes in languages undergoing contact and shift. The analysis here uses data collected in Berezovka through mixed methods, bringing a rich dataset to the analysis from a total of 34 respondents (see Table 1 in Section 4.1). Qualitative data come from sociolinguistic interviews by linguists who are bilingual in Even and Russian. The interviewers conducted the interview in Even unless the consultant did

not understand, then they switched to Russian. The interviews involved both a structured sociolinguistic questionnaire and open-ended questions in Even as long as consultants were able to respond in that language, switching to Russian as necessary.

Quantitative data were gathered using a picture-based experimental task: consultants were provided with a set of pictures and a matching set of lexical items, in citation form, presented in a column to the right of the picture, beginning with the verb. Consultants were asked to form a sentence matching what they saw in the picture using the lexical items provided. The task comprises a total of 27 pictures with accompany stimuli, thus we refer to it as the 27PPE (Picture Production Experiment). This production task was designed to elicit the same sentences from all consultants (with some variation in the tense-aspect forms of the verb). In cases of lexical dialect variation, consultants were free to substitute a comparable lexical item from their preferred variety. For example, in the Even experiment we provided the target word *agdy* for ‘thunder’; this is the form used in Berezovka Even. Even speakers in some villages (Chersky and Sebyan-Kyuyol) did not recognize the word, rejected it, and substituted the form *aβdy*. Such changes did not affect the morphosyntax. Nonetheless, to eliminate the possibility of any regional variation and to ensure that the sociolinguistic situation was as even as possible across all participants, the results here are based only on Berezovka Even. (For more details on this production task, see Grenoble and Osipov [2023]; Boltokova et al. [2022] discuss the socio-anthropological dynamics of lexical recall and assessment on the basis of these experiments².)

Consultants also provided narratives based on the viewing of a short cartoon (*The Bridge*³), first in Even and then in Russian and were asked to give their view of the meaning of the video. The length of the interviews and the narratives vary considerably, with some speakers providing brief answers and short narratives; less proficient speakers often responded in Russian to interview questions and gave incomplete narratives in Even (as seen in examples (19)–(21), narratives produced by younger, less proficient speakers).

4.1. Participants

Speakers in Berezovka were interviewed at three different times over the course of the study, in 2019, 2021 and 2023. In 2019 we conducted a pilot study to test the methodology in this setting using a shorter version of the PPE and brief, unstructured sociolinguistic interviews. The experiment was adapted and expanded, and in 2021 and 2023,

² A small group of respondents ($n = 4$) completed an acceptability judgment task in PsychoPy where they were asked to rank the acceptability of differing word orders in Even. The pool is too small to draw conclusions. A larger group ($n = 30$) completed the task in Sakha, which is also agglutinating and left-branching. The most significant result of this task (statistically) was that verb-initial order was strongly disfavored or rated infelicitous. More informative is a widespread acceptability of certain elements, such as oblique arguments, post-verbally [Kantarovich 2024]. Because this is a different language, it is difficult to know if a larger sample would produce similar results for Even. But the Sakha results show a tension between acceptability and actual production, a tension which may be fostered by prescriptive norms for v-final word orders that are taught in the schools.

³ The Bridge is a cartoon produced by Disney, publicly available on YouTube at https://www.youtube.com/watch?v=_X_AfRk9F9w&t=1s (accessed 20.07.2024). The cartoon has no speech, only music, and runs approximately 2.5 minutes.

researchers conducted the tests and interviews over a total of several weeks, for a total of 43 different trials with 34 respondents (see Table 1). Some respondents participated twice, in 2021 and 2023. Only their first trials are used here, and only speakers who could produce some sort of narrative for the Bridge Story are included. Thus the present analysis is based on the responses of 25 participants (from the total of 34), all of whom were born and raised in Berezovka. Seven of the total recorded in 2021 were temporarily living in Srednekolymsk, the closest municipal center, with a population of just over 3100. Berezovka Even living in other parts of the Sakha Republic were excluded from this study. Of the 25 participants discussed here, seven were male and 18 female. Both gender and age are unevenly distributed in this sample. The age distribution at the time of recording is given in Table 2.

Table 1. Total number of respondents in Berezovka

	27PPE	Bridge Story
2021	19	18
2023	15	10
total	34	28

Table 2. Age at time of recording

Age	Number
60-	1
50-59	2
40-49	12
30-39	4
20-29	2
15-19	4
total	25

The least proficient speakers found the PPE easier because the lexicon was supplied. Some of the more proficient speakers found it initially challenging to understand what to do with the 27PPE, but once they understood the task they had no problems creating sentences that corresponded to the pictures. That said, the reindeer herders in this pool balked at the artificiality of the task, and often provided additional text to create a kind of narration about what was happening in the pictures.

4.2. Counting

A quantitative analysis requires counting of forms which is not always a straightforward task. In this study, false starts (incomplete word forms) are not counted. If a speaker repeated a word in different forms, the last utterance was counted. In some cases, this means that a speaker produces an incorrect form and then concludes with a correct form,

as in (7); in others the opposite, as in (8). In (7) the speaker first produces the nominative form of ‘ball’, and then corrects to the accusative.

- (7) *Hurken-Ø* *parikan-du* *teßenken-Ø* *teßenke-m* *ule-d-de-n*.
 boy-NOM youth-DAT ball-NOM ball-ACC throw-IPFV-NFUT-3SG
 ‘The boy threw the ball, the ball, to the youth.’

In (8), the speaker initially produces a correct form, and then self-corrects to the nominative, producing an ungrammatical sentence:

- (8) *Hupkuti-l-Ø* *hupkuti-l-Ø* *aʒaß-ra-n* *hupkučimje-j* *hupkučimje-Ø*
 pupil-PL-NOM pupil-PL-NOM love-NFUT-3SG teacher-ACC teacher-NOM
 ‘The pupils... pupils... loves the teacher, teacher.’

The first utterance of the word *hupkučimje-j* ‘teacher’ is in the accusative impersonal possessive form (безличный in the Russian terminology). Even has a complicated system that distinguishes personal possessive and impersonal possession; the personal possessive forms signal agreement with the grammatical subject as possessor, while the impersonal forms do not; Burykin and Sharina see the difference between the two as syntactic [2021: 232]. In (8), after first using the impersonal accusative, the speaker then repeats it in the nominative case. This was coded as zero marking (nominative) instead of accusative. The lack of subject-verb agreement and the repetition of the subject are further indicative of the speaker’s hesitancy in producing this sentence.

5. Variation, change and the life of a language

Variation is inherent to language and is found in all parts of the linguistic system — in the phonology, the lexicon, morphology, syntax, semantics and pragmatics. This variation stems from language change, and several different kinds of variation can be distinguished: geographic, generational, contact-based, proficiency-based, and social [Grenoble and Osipov 2023: 9–10]. The Berezovka speakers in this study are all bilingual in Even and Russian, and exhibit both generational and proficiency-based variation. As a general overview, older speakers are more likely to have higher proficiency in Even and younger speakers in Russian. There is also a correlation with family language usage and profession. Children living in reindeer herding families tend to use Even as a home language and tend to be more proficient than others, even though Berezovka is an Even-dominant village. There is change across generations within single families. Speaker proficiency is comparable across the dimensions of age and experience, with older speakers living a more traditional lifestyle (engaged in reindeer herding and hunting practices) tending to be more dominant in Even than in Russian, while younger speakers, in particular school-age children, showing higher proficiency in spoken Russian than Even, and being more passive Even speakers than older generations. This is not surprising and in line with reported patterns of shift cross-linguistically [Fishman 1991; Grenoble, Whaley 1998, 2006].

5.1. Diminishing domains and proficiency

One of the well-studied aspects of language shift is the reduction in domains in which a language is used. In the case of Berezovka Even, the school is one domain where Russian is dominant. Instruction is in Russian; Even is offered as a language but not as the medium of instruction. This fact alone means that children are in a Russian-speaking environment for five days a week during the school year. In my own time visiting the school in 2019, I heard the children speaking among themselves in Russian, not Even. At the time, teachers reported that about only about half of the children were highly proficient in Even; the other half strongly preferred Russian. This is not a surprising outcome, and is strongly indicative of ongoing shift.

Proficiency for each speaker represented in Table 2 is not easily measurable using quantifiable metrics but is readily observed in their linguistic behaviors in the interviews and in task-based elicitation. Using a repertoire-based approach to assess proficiency, the speakers can be divided into five basic categories: high, mid-high, mid, low and low-low proficiency. The repertoire approach sees the languages that a speaker knows as potential resources that are used in communication. Matras [2022: 594] argues that language contact is “a constant negotiation of the selection and deployment of repertoire components.” The repertoire approach recognizes that bi- or multi-lingual speakers, when in conversation with other speakers who have access to the same inventory of languages, have access to multiple linguistic codes at the same time and can use them for a variety of communicative and social purposes. This moves the focus in multilingual discourse away from code-switching, a concept which presupposes that the linguistic systems are delineated in speakers’ brains, and that speakers switch from one language to another as some sort of deviation from a norm. This is a monolingual view of communication. Instead, a repertoire-based approach views the integration of elements from different languages as the norm, and the lines between different languages are blurred, not clearly demarcated as for monolingual speakers.

The proficiency levels are based on speakers’ linguistic performance in the interactional setting of the interviews and tasks. The levels are characterized as in Table 3, where “errors” are provisionally understood to be deviations from the expected norms, a point discussed in Section 6.

This range of proficiency accounts for the varying levels of speaker production and further considers how speakers manage their linguistic repertoires based on the setting. A speaker who is equally proficient in both Even and Russian can switch between the two languages and accommodates the interlocutor. All the Berezovka speakers understood the interviewer’s speech in Even, but the less proficient speakers posed questions to themselves (when searching for a word or trying to remember something) in Russian. The weakest speakers in our pool spoke to the interviewer in Russian, even when she spoke in Even. The most proficient speakers in this pool are classified as *traditional speakers*, a term used in the study of language shift ecologies to refer to highly proficient, L1 speakers of the target language who use it actively in accordance with pre-shift norms [Grenoble, Osipov 2023: 2]. Traditional speakers can be contrasted to shifting speakers,

Table 3. Proficiency levels

High:	full fluency, Even-dominant, with no or limited errors in production, understands interviewer and responds in Even, speaks to self in Even, limited Russian, exhibits difficulties in retelling Bridge Story in Russian
Mid-high:	some use of verbal prompt instead of finite form and in converb construction; false starts and self-corrections; some mistakes in case
Mid:	switches to Russian, makes some mistakes, more VO order, narrates Bridge Story but cannot provide an interpretation of its deeper meaning in Even
Low:	Russian dominant; understands Even, speaks some, makes a lot of mistakes, lots of code-switching; provides Bridge Story in Even but with limited lexicon and grammar; Russian version of Bridge Story is richer
Low-low:	Russian dominant; more a passive bilingual than active user of Even—understands Even but responds in Russian

who do not have L1 proficiency of the target language. Our data here show that such speakers exhibit a range of proficiency and usage patterns.

There are significant differences in production between the most proficient and the least proficient speakers. There is also significant intraspeaker variation across the least proficient speakers, and even more variation across the entire group of speakers. Although patterns do emerge, there is no evidence that a transitional code is emerging across less proficient speakers. Instead, they use Russian to communicate with one another and with Even-dominant speakers.

5.2. Changes in case

Standard Even based on the Ola dialect has 15 cases: nominative, accusative, dative, instrumental, comitative, ablative, allative, elative, locative, prolativ, allative-locative, allative-prolative, destinative, comparative and a second comitative [Burykin, Sharina 2021: 228–230]. The system is further complicated by the existence of non-possessed and possessed paradigms; in the possessed forms, a possessive suffix occurs after the case suffix (e.g. *oran* ‘reindeer’, *oran-u* ‘reindeer-1SG’/‘my reindeer’, *oran-du* ‘reindeer-DAT’ and *oran-du-β* ‘reindeer-DAT-1SG’). Most forms are transparent although there are some morphophonemic changes that complicate the picture. The word *oran* forms the accusative singular *ormu* instead of patterning with other n-stem nouns like *asatkan*, *asatka-m* ‘girl-ACC’ (Section 5.2.1). Most cases do not occur in our database and many of the spatial cases are in general infrequently used. In the 27PPE, based on the prompts we expect to find the nominative, accusative, dative, instrumental and locative; one proficient speaker also used the ablative. The Bridge Story narratives show a wider range of case usage by proficient speakers. In both, there is a marked difference between the most proficient and the least proficient speakers in terms of case usage. Even is a nominative-accusative language and accordingly, direct objects are marked in the accusative case. Even does not exhibit differential object marking (DOM) [Malchukov, Nedjalkov 2015] but in modern Even there is considerable variation

in accusative marking. In particular younger speakers may omit it entirely, or use non-standard forms, exhibiting paradigmatic leveling and reduction in allomorphy in the accusative case. The accusative in Standard Even and Berezovka Even is described as having the allomorphs in (9), in the unpossessed forms [Burykin, Sharina 2021: 377; Tsintsius 1947: 88–89].

(9) Accusative case allomorphs

stem type	accusative	singular	plural	gloss
vowel	-β	<i>momi-β</i>	<i>momi-l-bu</i>	‘boat’
consonant	-u	<i>okat-u</i>	<i>okat-a-l-bu</i>	‘river’
n-stem	-m	<i>higla-m</i>	<i>higla-r-bu</i>	‘ice hole’
plural (-l)	-bu			

The distribution of these allomorphs is relatively straightforward, with the bilabial fricative -β after a vowel, -m for stems ending in a nasal alveolar consonant (-n), replacing that nasal, -bu after the plural suffix -l, and -u used after other consonants. The expected accusative form of the noun *asatkan* ‘girl’ is *asatkam*.

The data exhibit variation in accusative marking. The accusative case marks a core relation and so we might anticipate that it would be maintained in language shift even when more peripheral cases (such as some of the spatial cases) are lost. Yet the data do show variation in the marking of direct objects. The group of speakers we tested shows accusative marking that differs from what is expected in both the standard language and in the Berezovka dialect. In particular, younger shifting speakers do not follow expected norms, but there is evidence of language-internal change as exhibited by highly proficient speakers. This can be illustrated with one sample sentence from the 27PPE. People were asked to form a sentence corresponding to the action illustrated by the picture in (10), with prompts provided in citation form (the nominative for nouns, and the impersonal purpose converb for verbs):

(10)

Even

hupkuttej
asi
asatkan
irittej

English

‘teach’
‘woman’
‘girl’
‘cook’

The expected response is:

(11)

Asi
Asi-Ø
woman-NOM

asatkam
asatka-m
girl-ACC

iritten
irit-te-n
cook-CVB.PURP-3SG

hupkuten
hupku-t-te-n
teach-IPFV-NFUT-3SG

‘The woman teaches the girl to cook.’

Of the 25 speakers questioned, 17 used the form *asatkam* and one the possessive reflexive *asatkami*. Four of the remaining speakers did not change the ending at all but produced *asatkan* (the nominative form). A fifth first produced *asatkam* but self-corrected to the incorrect form *asatkanu*. This self-correction can be interpreted as hesitation about the correct form: she began with the expected form for nasal stems but changed it to the correct form for consonant stems. One speaker uses both the nasal accusative in *-m* with the suffix *-u* (*asatkamu*). In sum, six of 25 total respondents (or 24%) produce an unexpected form for the word *asatkan* ‘girl’, a frequent, commonly used word in Even.

Moreover, all six of speakers who used the wrong form made mistakes in other parts of the grammar and had difficulty telling a Bridge Story. Four are among the youngest speakers tested and self-reported a preference for speaking Russian, and the fifth is a speaker who has been living in Yakutsk for many years and reported that she no longer uses Even on a regular basis. Thus, all of these six speakers have lower, more L2-like proficiency in Even, and L1 proficiency in Russian. We can interpret their responses as a sign of language shift. From the standpoint of Campbell and Muntzel’s [1989] predictions, this could be interpreted as a loss of allomorphy and reduction in paradigmatic differences (see Section 2).

Alternatively, these changes could be interpreted as the result of contact with Russian and/or Sakha. Both languages exhibit differential object marking. In Sakha, if the direct object is specific (definite, or a specific indefinite), it is marked with an overt accusative ending; if non-specific, it receives zero marking [Vinokurova 2005: 322]. In Russian, there is case syncretism for nominative/accusative with masculine inanimate and neuter nouns in the singular and across all genders in the plural, and genitive/accusative syncretism for masculine animate nouns in the singular and all animates in the plural. Thus, animacy is relevant for DOM in Russian. In addition, the genitive can mark direct objects to signal partitive meaning.

Sakha does not seem a likely source for changes in object marking in Berezovka Even. Although Berezovka is located in a region where Sakha is spoken and indeed dominant, the village is remote with limited accessibility and Sakha is not spoken in the village. Sakha-speaking officials who visit Berezovka from the municipal center, Srednekolymsk, speak to the villagers in Russian. Thus Russian, not Sakha, is a more likely source for any contact-induced changes inasmuch as the villagers are bilingual. But changes in Even accusative marking do not pattern along Russian lines. There is no evidence that animacy plays a role. Another possibility would be that accusative case could be reinterpreted according to stem type. In Russian, most feminine nouns end in *-a*, neuters in *-o/-e* and most masculine nouns in a consonant. Therefore, we could interpret a lack of accusative marking for C-stem nouns in Even as a reinterpretation of these nouns as patterning like Russian masculine inanimate nouns that also happen to end in a consonant in the nominative singular.

But this is not the end of the story. The 27PPE contains a limited number of lexical items that are predicted to occur as direct objects, with a mix of vowel- and consonant-stems, and six prompts with nasal stems, ending in the consonant *-n*. These prompts are given in Table 4.

Table 4. Nouns-direct objects in 27PPE

V-stem		Nasal N-stem		C-stem		Plural	
<i>kuja</i>	‘child’	<i>asatkan</i>	‘girl’	<i>kileb</i>	‘bread’	<i>teftel</i>	‘berries’
<i>dzu</i>	‘house’	<i>aʃun</i>	‘hat’	<i>toŋer</i>	‘lake’	<i>munrukar</i>	‘hares’
<i>olra</i>	‘fish’	<i>dukun</i>	‘letter’	<i>morž</i>	‘walrus’	<i>degil</i>	‘birds’
<i>hjakita</i>	‘tree’	<i>kačikan</i>	‘puppy’			<i>tögečir</i>	‘clouds’
<i>gja</i>	‘friend’	<i>hurken</i>	‘boy’				
<i>hupkučimje</i>	‘teacher’	<i>teßenken</i>	‘ball’				
<i>mašina</i>	‘car’						

The majority of respondents use the expected, traditional and standard suffix regardless of stem type. But a handful do not, and here we see, primarily, use of the nominative (zero morpheme) instead of the accusative.

Moreover, there are more mistakes with nominal stems ending in *-n*, and the highest number are with the noun *teßenken* ‘ball’, a word which many speakers did not recognize, using instead a Russian borrowing (*mjačik*). The target sentence is given in (12):

(12) Accusative forms for *teßenken* ‘ball’

Hurken-Ø *parikan-du* *teßenke-m* *ule-Ø-n*
 boy-NOM young.boy-DAT ball-ACC throw-NFUT-3SG
 ‘The boy threw the ball to the younger boy.’

The distribution of endings is striking, seen in Table 5:

Table 5. Accusative forms for *teßenken*, 25 respondents

case	word form	respondents
accusative, nasal	<i>teßenkem</i>	9
accusative, C-stem	<i>teßenkenu</i>	1
nominative	<i>teßenken</i>	8
instrumental	<i>teßenketf</i>	2
	omitted	5

Less than half of the respondents (9 out of 25) produce the expected form. Five speakers reworked the sentence and simply omitted the direct object. Many speakers noted that they did not know this word. Even highly proficient speakers with a stated preference for speaking Even over Russian (including reindeer herders) used an incorrect form or avoided the word altogether. The high rate of errors suggests that the morphophonemic rule (that n-stems form an accusative with *-m*) has been lost or is in the process of being lost. A likely hypothesis is that there are two kinds of changes going on at the same time. On the one hand, there is some language-internal change with some loss of allomorphy in the accusative case, whereby high frequency words (‘girl’, ‘hat’) retain the inherited form. On the other hand, it may be that the rule is no longer productive for all

speakers and novel forms pose difficulties. (To be clear, *teŋenken* is not a new term, but it was largely replaced by the borrowed Russian word, and so it is unfamiliar to many speakers. Other speakers recognized it and used it, preferring it over the Russian borrowing.) If this analysis is correct, then the L2 and shifting speakers are picking up an existing change in the system and spreading it. Generational variation and proficiency variation come together, and the loss of this particular word by many speakers represents contact-based variation.

The lack of accusative marking for the noun *asatkan* ‘girl’ is harder to explain. A possible explanation is the descent into chaotic morphology predicted by Campbell and Muntzel [1989] or Sasse [1992a], but the situation is probably more nuanced. First, there is a pre-existing model for zero-accusative marking in Even, namely, the use of the possessive reflexive which was correctly produced by one speaker. Lack of overt accusative marking is the norm when the possessive reflexive is used [Malchukov 1995: 19]. But a possessive suffix is used, so the possessed accusative form differs from the nominative prompt that is given. Use of the nominative instead of the accusative may be the result of Russian influence, since masculine and neuter inanimate nouns take a zero morpheme in the accusative singular in Russian, and all inanimates take a zero morpheme in the accusative plural.

5.3. Syntactic simplification

Next, consider the prediction that syntactic simplification occurs in language shift. The basic claim is that there is reduction in syntactic complexity, with complex constructions replaced by analytic ones [Campbell, Muntzel 1989] and general reduction in syntactic subordination [Tsitsipis 1984; Hill 1989, Mougeon, Beniak 1989]. Simplification is itself a complicated topic, and the balance in complexity trade-offs is not straightforward. Simplification in one part of the system often results in complexification in another; moreover, defining and measuring complexity is by no means straightforward [Kantarovich et al. 2021].

A full discussion of syntactic simplification is beyond the scope of the present paper; here I focus on clause combining and subordination and ask a simpler question, namely, whether clause combining strategies are changing in the conditions of language shift. Historically Even had a number of different strategies for clause combining: parataxis, coordination, and subordination with nonfinite verb forms. Malchukov [2008] provides a thorough discussion; see also [Malchukov 1995: 20–21] for a brief overview. Traditional Even uses a complex set of nonfinite verb forms; all indications are that they are being lost due to language shift and contact with Russian. More to the point, clause-combining strategies appear to be changing along two dimensions. First, there is a general loss of nonfinite verb forms. Less proficient (generally younger) speakers generally use parataxis and coordination in the Bridge Story narratives and appear to be unable to use converbs for subordination — at least they do not produce them and fail to make them in the PPE. Section 6 provides concrete data for three young shifting speakers.

Actual production of these forms is tested in the PPE, with the stimuli given in (6). Here speakers were expected to produce a purposive converb (*iritten*) which should

precede the finite verb as in (7). Eight of the 25 respondents repeated the prompt (*irritej*). In addition, eight of the respondents uttered the converb form after the finite verb; this figure includes seven respondents who produced the correct converb (*iritten*) but placed it after the verb. In other words, one-third of the respondents produced the wrong form and one-third the wrong order, but it was not the same group of people. This distribution gives some support for the hypothesis that word order might be memorized as a rule by less proficient speakers, while more proficient speakers are laxer about this rule, a claim taken up in Section 5.4.

Second, some speakers use finite subordinate clauses on a Russian model. This is not a new phenomenon and was discussed previously by Malchukov [2003] but has become increasingly widespread due to language shift. An example is provided in (13), with the Even interrogative *ok* ‘when’ used as a subordinating conjunction, analogous to the use of Russian *kogda* ‘when’. (Glosses here follow Malchukov’s text.)

- (13) *etikən ok-ka mutfu-n asi-tki-j gön-ni*
 old.man **when**-PTL return-AOR.3SG wife-DIR-REFL say-AOR.3SG
 ‘The old man, when he returned, said to his wife...’ [Malchukov 2003: 238]

This kind of syntactic restructuring is not found in the Berezovka Even corpus used here. It does occur, although infrequently, in data collected with speakers of other Even dialects and in data collected in Evenki, a closely related Tungusic language. Rather, across proficient speakers of Berezovka Even there is a predominance of coordination and parataxis in the Bridge Stories. Speakers use Even adverbs as conjunctions (*nan* ‘again, and’, *taduk* ‘then, and’) and Russian conjunctions, especially *i* ‘and’, together with Russian particles and adverbials (*vot* ‘so, here’, *potom* ‘then’, *voobščē* and *v obščem* ‘in general’) as discourse markers, keeping the narrative flowing. Even conservative, traditional speakers use these strategies, with limited use of nonfinite verb forms and a predominance of parataxis. For example, a reindeer herder telling the Bridge Story in Even used a total of 26 finite verb forms and one converb, found in line (14c):

- (14) a. *amarda-duk-un dzulle ŋi-βut-te em-ri-n,*
 behind-ABL-3SG at.first someone come-PST-3SG
 ‘At first someone came from behind him’
 b. *taβur ŋi-de gerbe-βe-n hegep bi-de-n*
 that.one who-ever name-ACC-3SG sable be-IMP-3SG
 ‘that one, whatever it’s called, let it be a sable’
 c. *tarak-damar nakat ga-didzi ule-ri-n*
 that-PTL bear take-CVB.ANT throw-PST-3SG
 ‘Having taken [the sable], threw [him away]’

In (14b) the speaker steps out of the narrative to muse over what to call the raccoon character and decides to call it a sable. Having introduced the referent in (14b), he drops the argument in (14c), using a brief clause chain of a converb followed by a finite verb

form in the past tense to signal the sequence of events. The converb *gadidži* in (14c) is the only converb in the entire narrative. The remainder of the text relies heavily on parataxis, with one finite verb per clause, as in (15a–b), two sequential lines in the narrative:

- (15) a. *egdžete nakat-juŋ girka-ri-tan*
 moose bear-COM walk-PST-3PL
 ‘A moose and a bear were walking.’
 b. *bakalda-ri-tan*
 meet-PST-3PL
 ‘They met.’

The highly proficient speakers in the corpus are able to produce both finite and non-finite verb forms, and do in the course of their interviews, in the Bridge Story, and in response to the prompts in (10) of the 27PPE where a converb form is required. But the use of finite forms and parataxis or conjoined clauses dominates. Whether this indicates a change in clause combining strategies or is a reflex of conversational structure is an open question, as we have scant information about conversation pre-shift.

5.4. Word order changes

Linguists conducting fieldwork in Russian repeatedly note that word order in other languages is changing under the influence of Russian. The experiments were designed to determine whether word order is changing under the influence of Russian. Even is agglutinating and has basic SOV word order, in contrast to Russian, where word order is largely determined by information structure. The PPE task was designed to elicit word order without context, elicited narratives and the sociolinguistic interviews were used to check word order in more spontaneous speech. Several speakers used only V-final word order in the PPE, including some of the least proficient speakers who could not complete the Bridge Story. This may reflect a knowledge of the rules, as even some of the most proficient speakers did not strictly adhere to V-final order. In particular spatial phrases (signaling location or goal) and adverbs occur post-verbally across most speakers. Moreover, in some cases in the PPE, speakers produced a sentence and then corrected it to adhere to expected word order, as in (16):

- (16) a. *Asi Asatka-m hupkuči-d-de-n irit-te-n. eh...*
 woman girl-ACC teach-IPFV-NFUT-3SG cook-CVB.PURP-3SG
 b. *Asi Asatka-m irit-te-n hupkuči-d-de-n*
 woman girl-ACC cook-CVB.PURP-3SG teach-IPFV-NFUT-3SG
 ‘The woman teaches the girl to cook.’

In (16a), the converb follows the finite verb; the speaker pauses (*eh...*), and then self-corrects, repeating the entire sentence with the converb before the verb in (16b).

The narratives test word order with regard to information structure. One clear change emerged across narratives: the use of what is often called presentational word order, com-

monly found in Russian at the beginning of a story, when all information is new. It is also used to introduce new protagonists in a narrative. In Russian presentational word order the verb typically precedes the subject. For example, in (17a), the subject *enot* ‘raccoon’ is the last element in the sentence, as this sentence introduces this character into the story. This order is often found in the Even Bridge Stories, in the first line of the narrative and when new protagonists are introduced into the storyline, see, for example, (17b).

- (17) a. Russian presentational word order: *navstreču bežal enot.*

navstreču bežal enot.
to.meet ran.PST.SG.M raccoon.NOM
‘A raccoon ran up to meet [them].’

- b. *džepki tuttín enot*

džepki tuttín enot.
to.meet ran-PST-3SG raccoon.NOM

Speakers were asked to tell the story in Even and then in Russian. We find presentational word order in the first line of both versions, as seen in (18a) and (18b):

- (18) a. Russian presentational word order

Na mostu vstretilis’ los’ i medved’.

na most-u vstreti-l-i-s’ los’ i medved’
on bridge-LOC meet-PST-PL-REFL moose.NOM and bear.NOM

- b. Even

Nendde mosta ojlin egdzete tadék nakat.

ņene-d-de mosta oj-li-n egdzete tadék nakat
go-IPFV-NFUT.3PL bridge on-LOC-3SG moose.NOM and bear.NOM

In (17) and (18), the verb precedes the subject which is in final position in both the Even and Russian versions. There is good reason to think that this is not the native Even pattern. A comparison of the first line of Even narratives (folklore and magical stories) from Berezovka [Robbek 2005] with their Russian translations shows the (Locative)-Verb-Subject order occurs in the Russian version, but the Even version is consistently verb-final, as expected. A representative example is provided in (19) from a story recorded by V. A. Robbek in Berezovka in 1977:

- (19) *Ömneken, okat hōli-le-n huličan-Ø egdete-β bakalda-Ø-n*
once lake shore-LOC-3SG fox-NOM moose-ACC meet-NFUT-3SG
‘Once a fox met a moose along the lake shore.’ [Robbek 2005: 196]

The first lines of the many stories in this collection are consistently V-final, often beginning with a location or an opening adverbial such as *ömneken*, the discourse equivalent of English ‘once upon a time’ as in (19). It is not unusual to have the sentence beginning with a spatial adverbial or locative phrase, such as *okat hōlilen* here. In a few cases, the name of a protagonist introduced in the main clause follows the verb. But we do not

find Russian V-S presentational word order in these older stories and it is not consistently used in the texts in this corpus.

This section has presented a brief discussion of word order changes. The present study relies on two sets of data to make this determination, the 27PPE and the corpus of Bridge Story texts. The 27PPE results are more directly comparable across speakers. The stimuli are divided into intransitive verbs that take 1 argument (7 sentences); transitive verbs with 2 arguments (8 sentences; and verbs that take 3 arguments (ditransitives with subject/direct object/indirect object) or verbs that take a direct object and some sort of locative object (12). Even across the first group of intransitive verbs, some speakers used VS order for some sentences. There is greater variation across the stimuli with 3-argument verbs, in large part because there are more words in each sentence. Here nearly one-third of the sentences have at least one argument post-verbally. The Bridge Story corpus is more uneven. Not all speakers could complete the task. Some produced very brief narratives, such as (21), while others produced longer texts, ranging from 90 to 320 words. Many of the narratives, including those from more traditional speakers, show code-mixing with Russian. We also find some code-mixing in the sociolinguistic interviews, which are not included in the data analyzed here. The code-mixing itself is indicative of the fact that this community lives in a bilingual society, one that uses both Even and Russian, to varying degrees. The use of Russian by highly proficient speakers in a conversation that is primarily in Even shows their use of a bilingual repertoire.

Taken together, the corpus indicates that word order is in fact changing away from strict verb-final order, as documented in folklore and narrative texts that were recorded during the 1950s, warranting a deeper investigation. It is an open question as to whether these changes are the result of contact with Russian and shift, or just contact with Russian, or simply part of a natural process of language change that does not involve contact or shift. This section highlights Russian presentational word order, which would seem to be a sufficiently Russian presentational word order type that it is likely to have served as the model for the pattern borrowing, or replication, of this order as found in (15b) and (16b). It is a probable model, given its frequency in Russian texts, which Even speakers would be exposed to in school, in media, and in conversation.

6. The life of a language: younger speakers

In order to understand linguistic change over the course of language shift, it is useful to look at the younger speakers in the pool. This section examines data from three of the youngest and least proficient speakers in the pool: Marina, born in 2008; Lara, born in 2007; and Anna, born in 2006. All three show passive knowledge of Even with good comprehension but limited production. All three have grammars that deviate from expected norms, with some similarities and some significant differences. Based on their responses to the interviews and the two tasks, we can see that although there are shared changes, there is no evidence of an emerging innovative grammatical system.

Changes in the grammatical systems of these speakers become apparent in the 27PPE task. This production task is tightly constrained, and we would anticipate that the only

variation across speakers would be in the verbal form: some proficient speakers use a past tense form, others use a non-past (present). All three of these younger speakers exhibit changes in case marking and the verbal system.

Changes in accusative marking across speakers appear to be ongoing (Section 5.2). The three younger speakers exhibit considerable case leveling. In many cases the accusative case is unmarked, corresponding to the nominative. Other cases are affected as well: dative marking for indirect objects is uneven; the instrumental is frequently dropped, and locative case marking is also dropped. With ditransitive verbs, the subject is indicated (in the nominative case), but these less proficient speakers often drop one or both of the other arguments. Results from the 27PPE are generalized in Table 6, where zero indicates the nominative form (zero case morphology is used); *correct* used for the expected case form as described for Berezovka Even [Burykin, Sharina 2021], *incorrect* for overt but unexpected forms, and *zero* for the absence of overt morphological marking.

Table 6. Case forms of low-proficiency speakers

SPEAKER	ACCUSATIVE	DATIVE	INSTRUMENTAL	LOCATIVE
TOTAL EXPECTED	21	4	3	1
<i>Marina</i>				
correct	4	2		
incorrect	1 (asatakan-u)	1 (accusative)		
zero	15	1	4	1
<i>Lara</i>				
correct	6	3		
incorrect	2			1
zero	14	1	4	1
<i>Anna</i>				
correct	4			
incorrect	1			
zero	16	4	4	1

The data indicate a loss of case marking: each speaker exhibits multiple instances of zero case. None of the speakers use an instrumental case suffix. One instance of the locative is anticipated in *bōkes-le* ‘ice-LOC’; this is the only argument that we would expect to be in the locative. None of the speakers produced it. Lara produced the locative form *imanra-la* ‘snow-LOC’, but it is unclear what she was aiming for. The proficient speakers did not use a locative form to describe what they saw in the picture, but rather a nominative, as in (20), which was provided by Lara’s mother:

- (20) *Imanra-Ø* *mašina-β* *das-sa-n*.
 snow-NOM car-ACC cover-NFUT-3SG
 ‘Snow covers the car.’

Example (20) is representative of how other proficient speakers produced this sentence. Lara did not use accusative marking on *mašina* 'car', so perhaps she intended to say that the car was in the snow, but she produces so few instances of overt accusative marking that it is impossible to tell. The verb does not provide any clues as she failed to produce a finite form.

Marina and Lara do produce correct dative forms, but Marina uses an accusative form in one instance of an expected dative, and both omit dative marking for one argument. Lara uses no dative. The majority of oblique arguments in the 27PPE should be in the accusative case, with an expected 24 accusative objects out of a total of 29 oblique arguments. All three speakers use accusative marking correctly in a few instances, that is, only for a small percentage of direct objects. All three speakers also produce incorrect forms, and here the changes identified (in Section 5.2) for accusative marking of n-stem nouns hold: Marina uses the form *asatkan-u*, Lara *asatka-mu* for *asatka-m* 'girl-ACC'; Lara and Anna both use the form *kačika-mu* for expected *kačika-m* 'puppy-ACC'. All three speakers have high numbers of zero accusative marking: over 70% of all direct objects in their responses lack an accusative suffix.

Thus, a clear pattern of loss of case marking is found. It might be argued that the lack of accusative is due to Russian influence, because Russian has no overt marking in neuter and masculine inanimate nouns, and the Even speakers could be copying this pattern. But this explanation does not account for the lack of dative, instrumental and locative case marking, and these are all cases found in Russian. There is also no correlation between accusative case marking and animacy for these three speakers. Moreover, the incorrect forms produced by these three younger speakers are in line with the forms produced by highly proficient speakers. At best it is plausible that Russian supports the changes in accusative case marking, but there is no evidence that Russian is the source of the change. A more likely explanation involves two changes. One is that there is some language-internal change prompting paradigmatic leveling across all speakers with n-stem nouns, and the less proficient speakers have already adopted that change. And concomitant with it, they are not using case morphology. The lack of morphology here is best interpreted as a factor of language shift. It is hard to argue that it is due to Russian influence, given Russian inflectional morphology. To that point, these speakers correctly produce Russian case morphology.

Verbs pose particular challenges. All three speakers have difficulties in the 27PPE task in producing finite verb forms. Because the lexical verbs are provided, they are able to say something, but as seen in Table 4, all speakers simply repeat the prompt for some sentences. (Lara repeats the prompt 44% of the time.) Use of the prompt is distinguished from other incorrect forms in Table 7. The difference is potentially significant because in the other forms, it appears that the speaker tries to create the finite verb but fails, but does not even try when simply repeating the prompt. The incorrect forms exceed the correct forms for each speaker.

There are two trends in their production. One is the simplification of geminate consonants to singlets, a change shared by these three speakers and rejected by highly proficient speakers. This is a phonological change which may affect morphology, and

Table 7. Finite verb forms in 27PPE (n = 27)

	Anna	Lara	Marina
correct finite form	13	10	9
incorrect finite form	5	5	11
repeats prompt	9	12	6
no verb			1
total incorrect	14	17	18

it frequently shows up in the finite verb forms of these younger speakers. Second is the use of the past tense morpheme *-ri-*. Marina produces a variant (*-nri-*) that is idiosyncratic; she uses this in eight of the incorrect forms in the 27PPE. This could be an overgeneralization of the 2nd person indicative ending *-nri*, but she uses it as a tense morpheme, occurring before the 3rd person suffix. This is unique to her speech (in our corpus) and not a change found with other speakers. The data from the 27PPE give no indication of shared innovation across these three speakers. Rather, there is a general loss of Even that is replaced by Russian.

All three speakers have some functional knowledge of Even and can be classified as passive speakers with low proficiency. All three are raised in Even-speaking families and exhibit good passive comprehension. Since the interviews are conducted in Even, with instructions and clarification in Even, it is clear that each of these speakers understands what the interviewer says or asks. But they respond in Russian. This distinguishes them from Even youth tested in Yakutsk who could not understand the interviewer in Even, and who did not attempt to produce a Bridge Story. Anna, Lara and Marina all attempted it, with varying degrees of success.

Differences in proficiency across these three become clearer in examining their Bridge Story narratives. The task is potentially more challenging than the 27PPE as none of the lexicon is supplied. On this measure, Anna is the least proficient of this group of speakers. Her *Bridge Story* consists of just several words, as seen in (21). The interviewer's speech is represented by her initials (NEV). The narratives of two of the low proficiency speakers, given in (21) and (22), present challenges in glossing and comprehension because the speakers produce nonce forms that are not words in Even. In some cases, as with *čiktej* in line 2 and *čik* in line 3 of (21), we can reconstruct what the speaker was trying to say based on her acceptance of the interviewer's correction, but these forms do not make sense outside of this context.

(21) Anna (born 2006, Berezovka, recorded 2021)

1 *mm mm nakat jan oran*
 mm mm bear and reindeer
 'mm, mm, a bear and a reindeer'

NEV *ja-ri-tan nakat jan oran*
 what.do-PST-3PL bear and reindeer
 'What did the bear and the reindeer do?'

- 2 *mm mm nakat jan oran čiktej*
 *mm mm bear and reindeer *fell(?)*
 ‘mm mm the bear and the reindeer [fell]’
- NEV *tik-ri-ten-y*
 fall-PST-3.PL-right?
 ‘They fell, right?’
- 3 *čik čik tikriten-y*
 čik čik they.fell-right?
 ‘čik čik they fell, right’

This is a very short text, presented in its entirety here, using only three lexical items (four if we include the nonce word *čiktej* in line 2). In line 1, after some hesitation, she produces two nouns signaling the main characters, referring to the moose as a reindeer. In line 2 she repeats these nouns and tries to create a verb form to describe what happened, that they fell, but fails. Instead, she produces a non-existent form (*čiktej*) that looks like the citation form for Even verbs, not a finite form. Lena supplies the verb with a tag particle that is used to invite agreement from the interlocutor. Note that Anna continues to search for the verb in line 3 with two false starts (*čik* has no meaning), and ultimately repeats, exactly, the form that Lena supplied, including the tag particle. At this point Lena suggests that she continue in Russian if she can’t say it in Even, and Anna switches to Russian.

The text that Anna produces fails as a narrative: she uses only three lexical items (*jan* ‘and’, *oran* ‘reindeer’ and *nakat* ‘bear’), and the one verb form that she copies from Lena. The narration task is too challenging, and she simply stops trying. Anna does appear to have reasonably good comprehension, understanding the initial directions to tell the story that she has just seen in the video and then the final directions given here, to just tell it in Russian. But production is minimal.

Lara produces a text that is longer and richer, using a richer lexicon and tells a story:

(22) Lara (born 2007, Berezovka, recorded in 2001)

- 1 *ta-la bi-si-n nakat jan oran*
 there-LOC be-PST-3SG bear and reindeer
 ‘A bear and a reindeer were there’
- 2 *jan eee nojarty- nojarty- kusiket-ti-ten*
 and uh the(y) the(y) fight-PST-3PL
 ‘and, uh, they, they fought’
- 3 *jan jan em-ri-n munrukan eee eee*
 and and come-PST-3SG hare uh uh
 ‘and, and a hare came uh, uh’
- NEV *bejdzi on dzokatfi-nri*
 self how remember-NFUT.2SG
 ‘Just tell it the way you remember it’

- 4 *jan* *jan* *enot*
 and and raccoon
 ‘and...and a racoon’
- NEV *ɲi?*
 who
 ‘Who?’
- 5 *enot*
 raccoon
 ‘a raccoon’
- NEV *enot* *jan?*
 raccoon and
 ‘a raccoon and...?’
- 6 *munrukan* *jan* *enot* *haju-ri-tan* mm *most* *most*
 hare and raccoon break-PST-3.PL mm bridge bridge
 ‘The hare and the raccoon broke mm the bridge, the bridge’
- 7 *jan* *jan* *oran* *jan*
 and and reindeer and
 ‘and and the reindeer and’
- 8 *oran* *jan* *nakat* *tik-ri-ten*
 reindeer and bear fall-PST-3PL
 ‘the reindeer and the bear fell’
- 9 *Aa* *munrukan* *jan* *enot* *hör-ri-ten*
 aa hare and raccoon go-PST-3PL
 ‘aa, the hare and the raccoon left’
- 10 *Tek*
 All
 ‘That’s it’

This text differs markedly from Anna’s. Although still brief, it is a narrative with sequential finite verb clauses, a beginning and conclusion of sorts. Lara uses five different lexical verbs, all in the past tense. She makes a number of mistakes, including the 3rd person plural pronoun (line 2), producing (twice) *noɲarty* rather than the expected, traditional form *noɲartyn* ‘they’. Word order is not rigidly v-final: in lines 1 and 3 the subject follows the verb, and in line 6 the object *most* ‘bridge’ follows the verb. Like Anna’s text, there are a considerable number of hesitation markers and the repeated use of *jan* ‘and’ in the beginning of lines 3, 4, and 7 while Lara searches for what to say.

Marina’s Bridge Story text presents a different strategy. She uses a total of five Even lexical items, but rather than completely breaking down, she switches to Russian (indicated in boldface):

(23) Marina (born 2008, Berezovka, recorded 2021)

- 1 *egdžete* *jan* *nakat*
 moose and bear
- 2 *egdžete* *munruka-m* *kusi-ri-n* *i*
 moose hare-ACC beat-PST-3SG **and**
- NEV *egdžen-etf* *egdženetf* *töre-li*
 loud-INS loud-INS speak-IMP
- 3 *enot* *ja* *ne* *pomn-ju* *kak* *nazyva-et-sja*
 raccoon I NEG remember-PRS-1SG how call-PRS-3SG.REFL
- NEV *ničego* *strašnogo*
 nothing alarming
 ‘no worries’
- 4 *kusi-ri-n* *jan* *vybroši-l-i*
 beat-PST-3SG and threw.away-PST-PL
 ‘[he] beat [him] and [they] threw [him] off’
- 5 *munrukan* *umnyj* *okaza-l-sja*
 hare smart turn.out-PST-REFL
 ‘the hare turned out to be smart’
- NEV On *nek-če-l?*
 how do-PST-3PL
- 6 *mm* *vrode* *most* *razvjaza-l-I*,
 mm sorta bridge untie-PST-PL
- 7 *jan* *egdžete* *i* *nakat* *upa-l-i*
 and moose and bear fall-PST-PL
- 8 *vot* *I* *oni* *smogli* *perejti* *dorogu*
 so and they could cross path
- 9 *munrukan* *i* *enot*
 hare and raccoon
- 10 *Koroče* *vs’o* *bylo* *kruto*
 in.brief everything was great
- 1 A moose and a bear.
- 2 The moose beat the hare **and**
- NEV Speak up
- 3 **I don’t remember how to say “raccoon”.**
- NEV No worries
- 4 (He beat him) and **they threw him away.**
- 5 The hare **turned out to be smart**
- 6 **hmm, they untied the bridge, bridge**

- 7 and the moose **and** the bear fell
 8 **and so they could cross on the path,**
 9 the hare **and the raccoon,**
 10 **and everything was great!**

Example (23) shows that Marina uses a limited lexicon in Even, with a total of only five words: *jan* ‘and’, *munrukan* ‘hare’, *nakat* ‘bear’, *egdžete* ‘moose’ and the single verb (*kusurin* ‘beat’). This is only two more lexical items than Anna, but Marina uses a different strategy in telling this story: she simply switches to Russian. (Line 3 is an aside to Lena, who is speaking almost exclusively in Even, and responds to this aside in Even. In fact, there is no Even word for raccoon, which more proficient speakers know, and less proficient speakers tend to think that they have simply forgotten the Even word, as Marina states here.)

Here we see that Marina uses the resources of her linguistic repertoire, simply switching between the two languages to tell the story. The insertion of a Russian conjunction (*i* ‘and’) in line 2 is a minor switch, and conjunctions are known to easily borrowed [Matras 2007: 54]. But beginning with her aside in line 3, she speaks a considerable amount of Russian, inserting the Even nouns she knows into what is otherwise Russian discourse (such as the use of *munrukan* ‘hare’ in lines 5 and 9). She is thus able to index Even without actually speaking much of it. This use of the lexicon from the ancestral language is known to signal in-group identity across other languages [Matras 2022: 602].

Based on these two stories, it is not clear that Marina is necessarily more proficient than Anna — the linguistic differences between the Even parts of their texts are Marina’s use of two additional animal terms and a single finite verb form (*kusurin* ‘beat’ in lines 2 and 4) that she formed independently (without assistance from Lena). But the key distinction is that Anna simply abandons the task, while Marina draws on her Russian repertoire to produce a coherent narrative.

The responses from these three speakers to all tasks — the sociolinguistic interview, the 27PPE, and the Bridge Story — show that they have high comprehension of Even but limited production. There is no evidence for a shared grammar across these (or any) of the younger shifting speakers. To that point, these speakers use Even only passively, and this is itself a sign of language shift.

7. Conclusion

The one systematic change across all speakers is the ongoing normalization of the accusative ending for n-stems. This is a change that appears to be spreading in the speech community. The fact that an Even-dominant reindeer herder drops accusative marking for the noun *teβeken* ‘ball’ suggests that the change is ongoing. Perhaps the n-stem accusatives in *-m* have been reanalyzed by fluent speakers as exceptions, a question which requires further study.

All the speakers in the present study are bilingual with varying degrees of proficiency in Even and Russian. A general pattern, observed in many other languages as well, is that language shift is more pronounced across younger speakers; the older speakers are more

likely to be Even-dominant and use Even as a preferred means of communication. The shifting speakers use Russian, and there is no evidence that a shifted variety of Even is used by this group. Rather, they communicate with one another in Russian, and with Even-dominant speakers in Russian as well, even when those speakers address them in Even. This is a kind of linguistic behavior common to heritage speakers, and the question of whether shifting speakers of endangered languages should be considered heritage speakers remains an open one; see Polinsky [2018: 329–345] for her views on this question.

A major difference in the production of high-proficiency Even speakers on the one hand, and low-proficiency speakers on the other, is the use of Russian. High-proficiency speakers show a strong preference for speaking Even but Russian phrases are inserted into their speech. For example, Lara's father, a reindeer herder and hunter, repeatedly says *v obščem* 'in general' in Russian in his Bridge Story text that is otherwise in Even. A full analysis is beyond the scope of this paper, but these insertions differ structurally and substantively from the switches we see in Marina's speech as in (23). Marina produces entire sentences in Russian. Although she begins speaking Even, the Russian conjunction *i* 'and' is a pivot at the end of line 2 and she switches to Russian. Marina uses Even when she can, presumably because she was instructed to speak in Even. Since Anna and Lara adhere to the instructions more closely these differences in Even-Russian mixing suggest both differences in proficiency and in repertoire management.

Ongoing language shift presents opportunities to study language change in process, and to study the linguistic impact of the dominant language on structural changes as speakers shift from their ancestral language to that dominant language. The research presented here has illustrated the need for understanding variation and change in the context of this language shift. Variation is multi-faceted and complex; understanding variation is central to understanding basic problems of change and the diffusion of change. The present article provides a sketch of some of the changes seen in Even as speakers shift to Russian, examining three areas where change has been claimed to frequently occur in shift scenarios: morphological case marking, word order and clause combining. Using accusative case marking as an exemplar, we see considerable variation in morphology, suggestive of both language-internal change and leveling and loss due to shift. The variation across speakers across contexts is itself indicative that two different processes are at work, language-internal change and variation and change that is the result of shift and loss.

Returning to the questions that were posed in the opening of the paper (Section 1), as to the nature of language change in shifting communities. The data at this point are inconclusive, but several patterns do emerge. Based on the analysis here, it seems likely that changes that have started in the speech community as a whole may be accelerated across shifting speakers, with the accusative case the key example here. The speakers with the lowest proficiency in the Berezovka group also have a tendency to drop case morphology in some instances, seen in some of the results of the 27PPE (not presented here). In the narratives in (21) and (22), only the nominative case is used. This is not surprising, given that in each case the speaker simply names the protagonists, there is no complex syntax

in these texts. They each do use some case forms in the 27PPE, so they do have some grammar, but morphological case is not consistently used. Lara, for example, in one sentence uses both the accusative and the dative, but then drops them in another sentence. This kind of behavior suggests some support for claims that the changes are not fully systematic, not even across a single speaker. It is probably more accurate to consider these variants to be indicative of overarching trends rather than absolute changes, but at a higher level, certain general patterns do emerge, such as a tendency toward loss of case marking.

Rather critically, there is no evidence at this point to suggest that a shifted variety of Even is emerging or is used by shifting speakers. Instead, the shifters, these low proficient speakers, use Russian amongst themselves and some mixture of Russian and Even in speaking to highly proficient, traditional speakers. This is possible because the traditional speakers are themselves bilingual, and the difference in linguistic repertoires between traditional and shifting speakers has to do with relative proficiency in each language: the traditional speakers are dominant in Even and the shifting speakers in Russian, but both groups have functional knowledge of the other language. These claims need to be tested more deeply with Berezovka Even, with other Even, and with other language groups, including those shifting to Russian and those shifting to other languages. The data presented here are ambiguous about the impact of shift specifically to Russian: the loss of accusative marking is surprising given robust Russian case morphology, unless this shows a generalization of the unmarked accusative in Russian (inanimate masculine singular/neuter singular and inanimate plural nouns), while at the same time word order changes do seem to mirror word order in Russian. But language-internal change cannot be ruled out here, with Russian supporting a change that began independent of contact. Further research into these questions is needed; this paper presents a simple, initial step toward answering them.

Abbreviations

ABL — ablative, ACC — accusative, ANT — anteriority, AOR — aorist, COM — comitative, CVB — converb, DAT — dative, DIR — directive, DOM — differential object marking, FUT — future, LOC — locative, IMP — imperative, IRR — irrealis, NEG — negation, NFUT — non-future, NOM — nominative, OBJ — object, PL — plural, POSS — possessive, PPE — Picture Production Experiment, PRET — preterit, PROX — proximal, PST — past, PTL — particle, PURP — purposive, REFL — reflexive, SG — singular.

References

Aikhenvald A. Y. Language contact in language obsolescence. *Dynamics of contact-induced language change*. C. Chamoreau, I. Léglise (Eds.). Berlin, De Gruyter Mouton, 2012, pp. 77–110.

All-Russia Census. 2021. All-Russia census of the year 2020. Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed 01.04.2025). (In Russ.)

Arutyunova E. M. [The linguistic integration of migrants: Specifics and challenges in the context of the Republics (the case of Sakha (Yakutia)] *Rossiya reformiruyushchayasya*, 2021, no. 19, pp. 426–444. (In Russ.)

Boltokova D., Grenoble L. A., Kantarovich J., Pupynina M. Knowing and remembering: assessing proficiency in endangered language communities. *Language Documentation & Conservation*, 2022, no. 16, pp. 137–159.

Bradley D., Bradley M. *Language endangerment and language maintenance: An active approach*. Abingdon, Oxfordshire, Routledge, 2002. 384 p.

Bulatova N. Ya. *Yazyk sakhalinskikh evenkov*. [The language of the Sakhalin Evenki]. St. Petersburg, Beskonfliktnyj sever, 1999. 115 p. (In Russ.)

Burykin A. A., Sharina S. I. *Èveny. Èvenskiy yazyk. Fonetika, grafika i orfografiya, morfologiya*. [Even. Even language. Phonetics, graphics and orthography, morphology] Novosibirsk, Nauka, 2021. 402 p. (In Russ.)

Campbell L., Muntzel M. C. The structural consequences of language death. *Investigating obsolescence: Studies in language contraction and death*. N. C. Dorian (Ed.). Cambridge, Cambridge University Press, 1989, pp. 181–196.

Center of strategic research. CSI has projected the population up to 2032. 29 January 2020. Available at: <https://www.src-sakha.ru/index.php/content/humancapital/populate> (accessed 01.04.2025). (In Russ.)

Dorian N. C. Negative borrowing in an Indigenous language shift to the dominant national language. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2006, no. 9, pp. 557–577.

Dresher B. E. Analogical levelling of vowel length in West Germanic. *Analogy, levelling, markedness*. A. Lahiri (Ed.). Berlin, Mouton De Gruyter, 2000, pp. 47–70.

Fishman J. A. *Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. Bristol, Multilingual Matters, 1991. 448 p.

Fishman J. A. Bilingualism with and without diglossia; diglossia with and without bilingualism. *Journal of Social Issues*, 1967, no. 23 (2), pp. 29–38.

Grenoble L. A. Urbanization, language vitality and well-being in Russian Eurasia. *Russia in Asia: Interactions, imaginations, and realities*. M. Romaniello, J. Hacking, J. Hardy (Eds.). Oxford, Routledge, 2020, pp. 183–202.

Grenoble L. A., Osipov B. Understanding language shift. *Linguistic Approaches to Bilingualism*, 2023, no. 13 (1), pp. 122–132.

Grenoble L. A., Whaley L. J. (Eds.) *Endangered languages: Current issues and future prospects*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 361 p.

Grenoble L. A., Whaley L. J. *Saving languages*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 244 p.

Gulida V. B., Vakhtin N. B. [St. Petersburg sociolinguistics: 15 years of development]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues in Linguistics], 2010, no. 2, pp. 106–119. (In Russ.)

Hill J. H. Subordinate clause density and language function. *You take the high node and I'll take the low node*. C. Corum (Ed.). Chicago, Chicago Linguistic Society, 1973, pp. 33–52.

Hill J. H. The social functions of relativization in obsolescent and non-obsolescent languages. *Investigating obsolescence: Studies in language contraction and death*. N. C. Dorian (Ed.). Cambridge, Cambridge University Press, 1989, pp. 149–164.

Kantarovich J. Changes in the degree of word order flexibility: An experimental investigation of Sakha. Paper presented at the 57th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, Helsinki, 23 August 2024.

Kantarovich J., Grenoble L. A., Vinokurova A. A., Nesterova E. V. Complexity and simplification in language shift. *Frontiers in Communication*, 2021, no. 6. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/communication/articles/10.3389/fcomm.2021.638118/full> (accessed 01.04.2025).

Lüpke F. Uncovering small-scale multilingualism. *Critical Multilingualism Studies*, 2016, no. 4 (2), pp. 35–74.

Mal'chukov A. L. *Sintaksis évenskogo yazyka. Strukturnye, semanticheskie, kommunikativnye aspekty*. [The syntax of Even. Structural, semantic and communicative aspects] St. Petersburg, Nauka, 2008. 425 p. (In Russ.)

Malchukov A. L. *Even*. Munich, Lincom, 1995.

Malchukov A. L. Russian interference in Tungusic languages in an areal-typological perspective. *Convergence and divergence of European languages. Studies in Eurolinguistics*, vol. 1. P. Sture Lindstrom (Ed.). Berlin, Logos Verlag, 2003, pp. 235–251.

Matić D., Nikolaeva I. Recent contact-induced morphosyntactic changes in the Lower Kolyma region. *Journal of Language Contact*, 2024, no. 17 (1), pp. 11–69.

Matras Y. The borrowability of structural categories. *Empirical approaches to language typology: Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Y. Matras, J. Sakel (Eds.). Berlin, Mouton de Gruyter, 2007, pp. 31–73.

Matras Y. Structural outcomes of language contact. *The Cambridge handbook of language contact. Volume 2: Multilingualism in population structure*. S. Mufwene, A. M. Escobar (Eds.). Cambridge, Cambridge University Press, 2022, pp. 593–617.

Mougeon R., Beniak E. *Linguistic consequences of language contact and restriction: The case of French in Ontario, Canada*. Oxford, Oxford University Press, 1991. 254 p.

Nettle D., Romaine S. *Vanishing voices: The extinction of the world's languages*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 256 p.

Novikova K. A. *Ocherki dialektov évenskogo yazyka: Ol'skij govor* [Profiles of the dialects of Even: Ol' dialect], Part 1. Moscow/Leningrad, Nauka, 1960. 263 p. (In Russ.)

Novikova K. A. *Ocherki dialektov évenskogo yazyka: Ol'skij govor* [Profiles of the dialects of Even: Ol' dialect], Part 2. Moscow/Leningrad, Nauka, 1980. 244 p. (In Russ.)

Pakendorf B., Dobrushina N., Khanina O. A typology of small-scale multilingualism. *International Journal of Bilingualism*, 2021, no. 24 (5), pp. 835–859.

Polinsky M. *Heritage languages and their speakers*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 434 p.

Polinsky M., Scontras G. Understanding heritage languages. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2020, no. 23 (1), pp. 4–20.

Population of the Russian Federation by municipalities as of 1 January 2024. Federal Civil Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (accessed 25.06.2024).

Pupynina M., Aralova N. Lower Kolyma multilingualism: Historical setting and sociolinguistic trends. *International Journal of Bilingualism*, 2021, no. 25 (4), pp. 1081–1101.

Robbek V. A. *Yazyk èvenov Berezovki* [The language of Berezovka Even]. Leningrad, Nauka, 1989. 206 p. (In Russ.)

Robbek V. A. *Fol'klor èvenov Berezovki = Xoen èvèsèl'ni almantan: obrazy šedevrov* [Folklore of the Berezovka Even; images of masterpieces]. E. K. Tarabukina (Ed.). Yakutsk, Departament po delam narodov i Federativnym otnošeniyam, 2005. 360 p. (In Russ. and Even)

Sasse H.-J. Theory of language death. *Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*. M. Brenzinger (Ed.). Berlin, De Gruyter Mouton, 1992a, pp. 7–30.

Sasse H.-J. Language decay and contact-induced change: Similarities and differences. *Language death: Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa*. M. Brenzinger (Ed.). Cambridge, Cambridge University Press, 1992b, pp. 59–80.

Sasse H.-J. Typological changes in language obsolescence. *Language typology and language universals: An international handbook*. M. Haspelmath (Ed.). Berlin, Mouton de Gruyter, 2001, pp. 1668–1677.

Tsintsius V. I. *Ocherk grammatiki èvenskogo (lamutskogo) yazyka* [An essay on the grammar of the Even (Lamut) language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947. 170 p. (In Russ.)

Tsitsipis L. D. Functional restriction and grammatical reduction in Albanian language in Greece. *Zeitschrift für Balkanologie*, 1984, no. 20, pp. 122–131.

Vinkurova N. *Lexical categories and argument structure. A study with reference to Sakha*. Utrecht, LOT, 2005. 460 p.

Wolfram W. Language death and dying. *The handbook of language variation and change*. K. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes (Eds.). Oxford, Blackwell, 2002, pp. 764–787.

Научный журнал

**Труды Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

2025 г., № 4 (46)

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура ZRCola. Формат 70×100/16

Бумага офсетная. Печать цифровая

Печ. л. 21,0

Тираж 300 экз. Заказ №